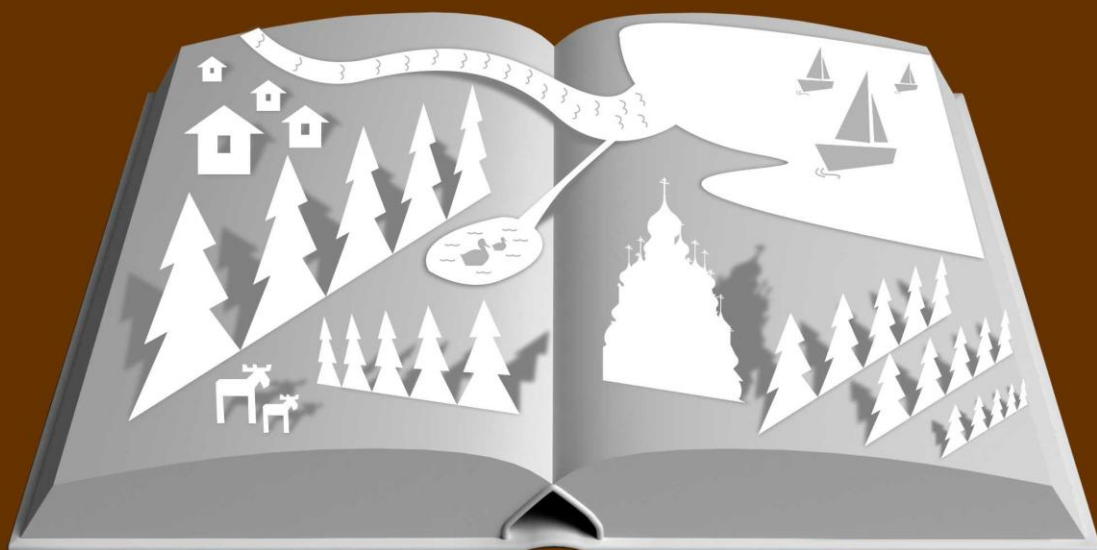

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы VIII научной конференции
(13–14 февраля 2014 г.)

Содержание

Предисловие	4
Раздел 1. Пленарные доклады	5
<i>Ициксон Е. Е.</i> Дом Пименовых в Петрозаводске – памятник истории и архитектуры	5
<i>Илгунова Е. А., Михайлова Л. П.</i> Ценностные характеристики материалов конкурса «Край родной – родное слово»	14
<i>Шафранская К. В.</i> «Золотое десятилетие» краеведения в Карелии как феномен гражданской культуры (1923–1933 гг.)	22
Раздел 2. Секция «История»	27
<i>Федосов А. В.</i> Героическая оборона карельского Поморья и Заонежья в 1609–1614 годах: забытый 400-летний юбилей краевой истории	27
<i>Понуровский А. В.</i> К 365-летию основания г. Олонца. Общая характеристика хронологического аспекта и исторического некрополя г. Олонца	47
<i>Ершов В.</i> Деревня Красная Сельга в лицах и фотографиях	52
<i>Литвин Ю. В.</i> Источниковедческие проблемы изучения материнства в карельской деревне (вторая половина XIX – начало XX веков)	87
<i>Калинина Е. А.</i> 210 лет учительской династии Копосовых	94
<i>Лебедева Л. В.</i> Колхоз «Труженик» Кемского района в 1930–1940-е годы	99
<i>Титов С. М.</i> Финский флаг на Онежском озере 1941–1944 гг.	113
<i>Копанев В. Н.</i> Учреждения народного образования Карелии в годы эвакуации (1941–1944 гг.)	136
<i>Кондратьев В. Г.</i> Воспоминания об экспедиции на Беломорско-Балтийский канал в 1990 г. ..	144
<i>Карпеченко С. В.</i> История паспортной службы в предметах коллекции Музея истории культурного центра МВД по Республике Карелия	148
<i>Киселев А. А.</i> Создание и деятельность чрезвычайной экономической комиссии по стабилизации потребительского и товарного рынков Карельской АССР	157
<i>Джиошвили Э. А., Жукова Д. С., Пройдаков А. А., Стукалов В. Д.</i> Каталогизация экспонатов этно-литературного музея карельского писателя Ортё Степанова	165
Раздел 3. Секция «Культура. Библиотечное дело»	174
<i>Данилова К. А.</i> Краеведческие общества Русского Севера и библиотечное дело	174
<i>Уткина Д. Н.</i> Вклад Степана Андреевича Макарьева в развитие Карельского государственного музея в 1928–1931 гг.	180
<i>Змеевская М. А.</i> Деятельность Центрального архива АКССР по собиранию и хранению книжных богатств республики в довоенный период	184
<i>Шорохова И. В.</i> Изменение образа Великой Отечественной войны и военного времени в произведениях писателей Карелии и на сценах театров республики во второй половине 1940-х – начале 1960-х гг.	192
<i>Королева Д. В.</i> Общая характеристика творчества Тайсто Сумманена	198

<i>Маркова Е. И.</i> Первая в Карелии газета для детей на русском языке («Юные ленинцы» 1950–1959 гг.)	201
<i>Красковская Т. В.</i> Национальная идея в музыке композиторов Карелии (по материалам «Летописи печати Республики Карелия» 1980–1993 гг.)	213
<i>Николаева А. А.</i> Формирование краеведческих информационных ресурсов в вузовской библиотеке: инновационный и традиционный подход	218
<i>Липатенкова О. В.</i> Деятельность музея-заповедника «Кижы» по сохранению и пропаганде традиционной календарно-обрядовой культуры народов Карелии (2006–2011 гг.)	223
<i>Калаберда А. В.</i> Изучение традиционной инструментальной культуры Карелии на кафедре музыки финно-угорских народов ПГК им. А. К. Глазунова	230
<i>Кориунова О. М.</i> Юрьев день сойкинских ижор и его музыкальное наполнение: к вопросу о реконструкции	236
<i>Евлампиева Ю.</i> О современном состоянии традиционной культуры северных карел (на примере п. Калевала)	241
<i>Зайцева М. С.</i> Традиционные инструменты детского звукотворчества финно-угорских народов: история и современность	245
<i>Фомина Е. В.</i> О традиционной инструментальной культуре Сямозерья (к открытию отделения «Музыкальный фольклор» в эссойльском филиале Пряжинской школы искусств)	250
<i>Мирошниченко М. В.</i> Роль побратимских связей городов в культурной жизни Карелии (1965–1985 гг.)	255
<i>Чикина Н. В.</i> Праздники современного города (на примере Петрозаводска и Олонца)	262
Раздел 4. Секция «Лингвистическое краеведение»	268
<i>Муллонен И. И.</i> «Лопарские» топонимы в южной Карелии	268
<i>Бауэр Т. В.</i> Образ Куганаволока глазами местных жителей: аксиология местности и местная топонимика (по материалам Пудожских фольклорных экспедиций КГПА)	273
<i>Афанасьева А. А.</i> Топонимия с. Вишкелица в начале XX века (по архивным материалам)	280
<i>Росликова А. В.</i> Заонежская лексика в творчестве В. И. Росликовой	285
<i>Печерина Ю. А.</i> Родословная как ономастический и лингво-исторический источник	289
<i>Новоселова В. А.</i> Образы растительного мира в русских народных сравнениях	295

Предисловие

13–14 февраля 2014 года состоялась VIII научная конференция «Краеведческие чтения», посвященная объявленному в России году культуры.

Организаторами конференции, как и в предыдущие годы, выступили Национальная библиотека РК, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. На протяжении восьми лет конференция собирает вместе всех, кто заинтересован в развитии краеведческого движения в республике и краеведческой исследовательской деятельности.

Сборник материалов по итогам конференции публикуется в авторской редакции. Тематика докладов и сообщений конференции – краеведческие исследования по истории, культуре, образованию, филологии, краеведению, музейному и библиотечному делу. В соответствии с программой конференции статьи объединены в разделы: «Пленарные доклады», «Культура. Библиотечное дело. Литература», «Лингвистическое краеведение», «История».

Публикации адресованы краоведам, учителям, студентам и всем, кто интересуется историей края.

Раздел 1. Пленарные доклады

Е. Е. Ициксон, архитектор

Дом Пименовых в Петрозаводске – памятник истории и архитектуры

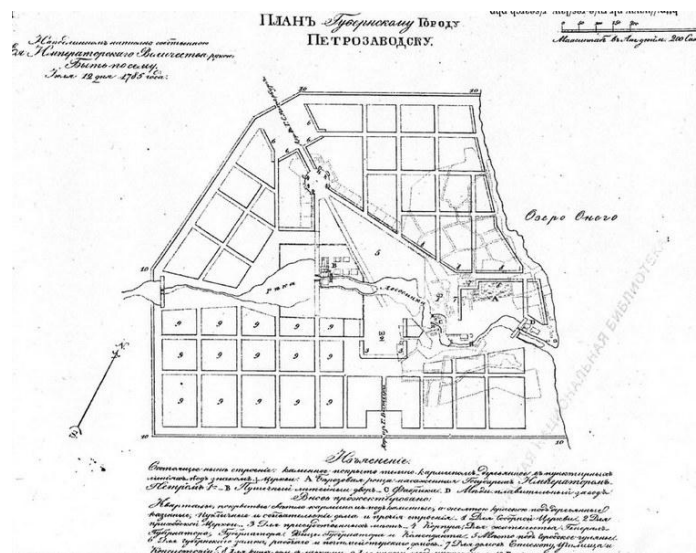

Бывший дом купцов Пименовых, 2010 г.

Здание дома купцов Пименовых, известное сегодня как гинекологическое отделение родильного дома № 1, располагается в историческом центре Петрозаводска, у пересечения улицы Луначарского (б. Пробная, Протасьевская) и наб. Гюллинга (б. Лососинская наб.).

История освоения территории, на которой расположен дом, связана со строительством чугунолитейного и оружейного Петровских заводов в 1703 г. и возникновением слободы при этих заводах. Здесь, на правом берегу Лососинки, на Зареке, находились кузнечные цеха, а также дорога на редуты, где проводились «пробы» пушек. Название улицы Пробной (совр. Луначарского), по которой везли пушки на артиллерийские испытания, зафиксировало одну из функций Петровских заводов с привязкой к конкретной местности города.

После строительства в 1772–1775 гг. нового пушечного завода – Александровского, когда промышленная площадка градообразующего предприятия оказалась на полторы версты выше по реке, территория правого берега Лососинки, в соответствии с подтвержденным в 1785 г. планом Петрозаводска, была разбита на жилые кварталы, которые начали постепенно застраиваться.

План Петрозаводска в 1785 г.

В 1844–1859 годах Марк Пименов¹ (1799–1865), один из богатейших купцов Петрозаводска, приобрел несколько участков в квартале 22, ограниченном улицами Пробной, Александровской (совр. А. Невского), Вознесенской (совр. Коммунистов) и Лососинской наб. (совр. Гюллинга)². Для строительства главного жилого дома Пименовым был выбран угловой участок, купленный у Николая Фирсова в феврале 1844 г., где он «срыл по ветхости» старый дом, находящийся там, судя по его определению как «ветхий», построенный задолго до этого. В результате объединения нескольких «плановых мест» участок дома Пименова вырос до размеров в 700 кв. сажен (3175 кв. метров), на которых, кроме дома, служб и огорода, находился сад. Дом Пименовых, в котором проживало три поколения известной фамилии, с перестройками сохранился до наших дней.

Бывший дом Пименовых с открытки начала XX в.

История здания насчитывает **три основных строительных периода**.

¹ Кораблев Н. А. ПИМЕНОВ Марк Пименович // Энциклопедия «Карелия», Петрозаводск, 2009; т. 2. С. 386.

² Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 372, оп. 1, д. 3/46.

Первым строительным периодом является собственно возведение дома, который был построен в течение **1844–1846 гг.** Изображений дома в его начальном виде пока не обнаружено, равно как и чертежей. Но некоторую информацию о здании дают сохранившиеся капитальные конструкции дома, архитектурное решение фасадов, которое соответствует классицистическому стилю, господствовавшему в то время в России, а также объявления в «Олонецких губернских ведомостях»³ о нахождении дома Пименова «в залоге».

Уже 21-м января 1847 г. датируется Свидетельство Олонецкой Палаты Гражданского и Уголовного суда «по удостоверению о **каменном двухэтажном с мезонином доме** под железной крышей... петрозаводского 1 гильдии купца Марка Пименова сына Пименова, собственно выстроенном им на доставшемся ему месте по купчей крепости», которое было получено Марком Пименовым для внесения нового дома в залог при строительных подрядах в Кронштадте. Дом оценивался в 22934 рубля⁴.

Марк Пименов был крупнейшим в России своего времени строительным подрядчиком: он вел значительные подрядные операции по строительству в Петербурге каменных домов, мостов, набережных⁵. Он возвел Аничков мост в Петербурге (1848), фортификационные объекты в Кронштадте – комплекс «Князь Меншиков», форт «Павел Первый» (Рисбанский), доки канала Петра Первого, батареи форта Кроншлот. Большой дом Пименова в г. Петрозаводске и его 10 лавок в Гостином дворе часто находились в залоге при этих подрядах, что нашло отражение в архивных материалах и газетных публикациях своего времени.

Двухэтажный каменный с мезонином дом Пименова на Зарецкой стороне был выстроен с 9 окнами по каждому фасаду. Для такого большого дома, тем более расположенного на угловом участке, характерным является взаимно перпендикулярное расположение двух мезонинов, которые возводились, как правило, по центру фасада, над тремя центральными окнами. Скорей всего, мезонинов было 4, по каждому фасаду (что называется еще крестообразным мезонином), так как дом возвышался над окружающей деревянной застройкой и был виден издали со всех сторон. То есть у него практически не было задних фасадов.

Кроме того, мезонины, или верхние полуэтажи, сооружались не только для украшения фасадов, особенно протяженных, но, кроме дополнительных помещений, еще и для возможности иметь изнутри разные виды на город и его окрестности. Это было распространено в архитектуре жилых особняков первой половины XIX века: иметь мезонин для удовольствия созерцать красивые панорамы⁶. А в Петрозаводске виды из мезонина дома Марка Пименова были самые замечательные! На Соборную площадь и Общественный сад, возле которого он уже начинал строить детский приют, а также мост к нему через Лососинку, на Александровскую заводскую церковь и старую Троицкую

³ «Олонецкие губернские ведомости», 1847, №№ 13, 16; 1848, № 2; 1850, № 7; 1853, №№ 14, 37.

⁴ Российский государственный архив ВМФ, ф. 84, оп. 1, д. 4330.

⁵ Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Купец Марк Пименов – предприниматель и благотворитель // Православие в вепском крае. Сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 450-летию основания Благовещенского Иконо-Яшезерского мужского монастыря. Петрозаводск. 26–27 сентября 2012 года. Петрозаводск, 2013. С. 92–104.

⁶ Л. В. Тыман. Изба, дом, дворец. Москва, 2000. С. 90–93, 99–103.

церковь на Зарецком кладбище, где через несколько лет его стараниями будет возведена Крестовоздвиженская церковь, и, конечно, на озеро.

Возможно, как это часто бывало в таких типах зданий, с одной или нескольких сторон из мезонинов были выходы на балконы. Также не исключено наличие светового барабана над перекрестьем мезонинов, под которым должна была размещаться внутренняя лестница, соединяющая два нижних этажа дома и уровень мезонина, располагающегося практически на третьем этаже.

Дом Марка Пименова был самым большим частным домом⁷ в г. Петрозаводске как при его постройке в 1846 году, так и на протяжении всего XIX века.

Кто был архитектором здания, пока не установлено. Однако с большой долей уверенности можно отнести авторство этого объекта губернскому архитектору В. В. Тухтарову (1805–1861), стоявшему в своем творчестве на классицистических позициях. В. Тухтаров много лет постоянно сотрудничал с М. Пименовым практически во всех строительных начинаниях известного благотворителя⁸. Их совместными работами являются Покровская церковь в с. Шокша (1842), мост через Лососинку в створе ул. Пробной (1848), Николаевский детский приют (1849), Крестовоздвиженская церковь (1853) и богадельня (1854) в г. Петрозаводске, Преображенская церковь (1851–1857) в Ионояшезерском монастыре и др.

Аналогом композиции здания с взаимно перпендикулярным расположением мезонинов в Петрозаводске может служить дом купца Антонова на Петропавловской (Соборной, совр. К. Маркса) улице, построенный в конце XVIII в. (перестроен в к. XX в.).

Дом Антонова на пр. К. Маркса, 1. Фото из архива

⁷ НА РК, ф. 1, оп. 2, д. 4/17. По представлению Олонецкого губернатора Министру финансов о благотворительной деятельности потомственного почетного гражданина петрозаводского купца 1-й гильдии М. П. Пименова. 1850.

⁸ Е. Е. Ициксон. Василий Тухтаров – Олонецкий губернский архитектор. Формулярный список 1860 года о службе В. В. Тухтарова с комментариями // Краеведческие чтения. Материалы II научной конференции (16 мая 2008 г.). Петрозаводск, 2009. С. 14–29.

В 1874–1884 гг. вдова Ефима Пименова сдавала почти весь 1-й этаж дома под размещение канцелярии и присутствия Олонецкой губернской Контрольной Палаты⁹, которой «по неимению удобного для нее помещения в казенных зданиях с согласия Начальника губернии» с 1869 года разрешалось арендовать частные «обширные и приличные помещения». Дом Пименовых отвечал этим условиям. Ефим Григорьевич Пименов (1828–1873) был племянником Марка Пименова, усыновленным им, являвшимся наследником и продолжателем его бизнеса и благотворительной деятельности¹⁰.

В 1900 г. наследники купца М. П. Пименова продали Олонецкой Епархии участок на углу ул. Пробной и Лососинской набережной вместе с каменным домом, дворовыми флигелями, службами и садом для устройства Епархиального женского училища. Дом с участком был уступлен за 50 тыс. руб. с рассрочкой платежа на несколько лет, что было «очень важно ввиду бедности Олонецкого духовенства». Перестройка и приспособление дома для новой функции стали **вторым строительным периодом объекта**¹¹.

Проект реконструкции главного здания был составлен гражданским инженером, младшим архитектором строительного отделения Олонецкого губернского правления И. Я. Капустиным (1852–1901). Чертежи проекта надстройки пока не обнаружены, но, в случае наличия мезонинов, достройка третьего этажа заключалась, как правило, в достройке 3-го уровня здания до карниза мезонина в границах несущих наружных стен, что и было выполнено, судя по результату. Кроме того, в центральной части здания, над помещением проектируемой домово́й церкви, был устроен высокий световой барабан с куполом.

Епархиальное женское училище. С открытки начала XX в.

Классицистическая основа дома Пименовых была сохранена – положение и декоративная обработка окон, пояски и карнизы, их профилировка, соответствующие времени постройки здания. В

⁹ НА РК, ф. 13, оп. 1, д. 10/185. О найме дома у купеческой вдовы Пименовой... 1874–1883.

¹⁰ Кораблев Н. А. ПИМЕНОВ Ефим Григорьевич // Энциклопедия «Карелия», Петрозаводск, 2009; т. 2. С. 385–386.

¹¹ НА РК, ф. 2, оп. 50, д. 52/58. По отношению Совета Олонецкого Епархиального женского училища об утверждении проекта надстройки 3-го этажа на приобретенном училищем у наследников Пименовых каменном двухэтажном здании. 1900.

уровне кровли реконструированного здания, в виде слуховых окон, похоже, сохранялись верхние части бывших мезонинов.

В 1900 г. надстройка 3-го этажа была закончена вчерне. Домовую церковь во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы обустроил повенецкий 2-й гильдии купец Иван Васильевич Распутин на свои средства. Строительные работы вместе с отделкой здания и обустройством флигелей для интерната учениц и жилья наставниц были завершены в 1902 г., когда Епархиальное женское училище въехало в обновленное здание¹².

Судя по довоенным фотографиям здания, к нему со стороны ул. Пробной именно во время реконструкции по проекту И. Капустина был пристроен тамбур с готическими окнами для организации главного входа в учебное заведение.

Тамбур главного входа в здание б

В феврале 1918 г. здание епархиального женского училища было передано в ведение женской учительской семинарии¹³, или Учительской советской семинарии № 2. По акту осмотра и приема здания, при бывшем епархиальном женском училище находилось:

- 1) каменное, 3-этажное, имеющее 21 комнату здание;
- 2) деревянное, 2-этажное, имеющее в каждом этаже по 4 комнаты здание для помещения образцовой одноклассной школы и квартиры эконома училища;

¹² Кораблев Н. А. Епархиальное женское училище // Энциклопедия «Карелия», Петрозаводск, 2009; т. 2. С. 318–319.

¹³ НА РК, ф. 80, оп. 1, д. 4/73. Дело Петрозаводской женской учительской семинарии...

3) деревянное, 2-этажное, имеющее в каждом этаже по 6 комнат здание для интерната воспитанниц;

4) службы: баня, прачечная, больница при училище, хлебопекарня, ледник, конюшня и каретник.

Деревянное здание интерната ранее было сдано Олонецкой епархией Управлению Мурманской железной дороги в аренду для размещения Службы движения (конторские и жилые помещения).

В каменном учебном здании располагались 6 классных помещений, рекреационный зал, домовая церковь, библиотека с читальной комнатой, музыкальный зал, столовая с умывальной при ней, продовольственная кладовая, кухня, раздевальная и 2 комнаты, занимаемые начальницей училища. В соответствии с Декретом Совнаркома «О свободе совести и церковных и религиозных обществах», а также Постановлением наркома просвещения А. В. Луначарского «О светской школе», домовая церковь в здании училища была упразднена, и в ней разместился Олонецкий губернский церковно-исторический музей¹⁴.

С лета 1918 г. здание Учительской семинарии (б. епархиального женского училища) занимали военные части – сначала это был Ораниенбаумский батальон, затем 5-й Олонецкий полк, потом – военные моряки Онежской флотилии.

К началу 1920-х гг. здание было освобождено от постоя военных и возвращено наркомату народного просвещения. В 1923 г. в б. епархиальном училище располагался Педтехникум с опытной школой при нем. Впоследствии менялись названия учреждений, но всегда это были учебные заведения.

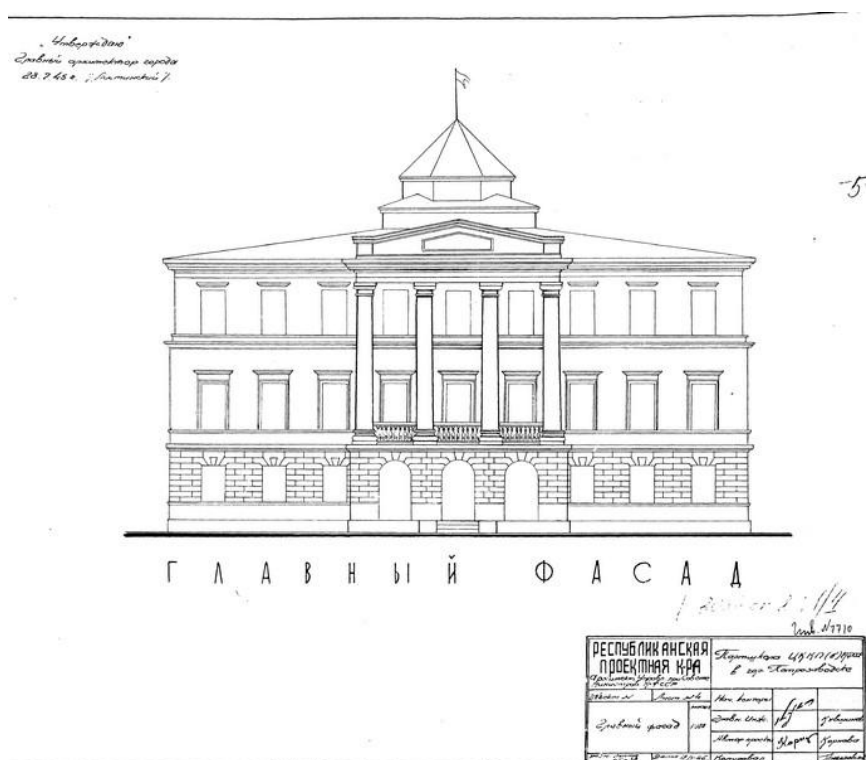

Здание Педтехникума с открытки 1930-х гг.

¹⁴ НА РК, ф. Р-28, оп. 1, д. 3/12. Протоколы заседаний ГУБОНО... 1918.

Третий строительный период бывшего дома купцов Пименовых относится к 1945–1946 гг., когда оно было перестроено с размещением в нем Партшколы ЦК КП(б) Карело-Финской ССР¹⁵. Проект наружной отделки и внутренней реконструкции выполнила архитектор Н. И. Корнева (1917–1991)¹⁶.

Автор, стоящая в своем творчестве на классицистических позициях, довольно малыми средствами, что было крайне важно в послевоенных условиях, создала облик здания, отличающийся от прежнего. Маленький тамбур входа, решенный в готическом стиле, со стороны улицы Луначарского заменила 4-колонным, хороших пропорций портиком, покоящимся на рустованной аркаде 1-го этажа, широким треугольным аттиком увенчала композицию – все это придало зданию значительность и даже некоторую помпезность, что было вполне уместно и даже необходимо для новой функции старинного дома. Обработка рустом первого этажа, сохранение прежней отделки окон здания наличниками и сандриками – это те приемы классической архитектуры, которые вместе с портиком тосканского ордера преобразовали тяжеловатых пропорций дом в достойный архитектурный памятник классицизма и неоклассицизма в Петрозаводске. Восьмигранный барабан был уменьшен по высоте и получил восьмигранное шатровое завершение; в соответствии с проектом Н. Корневой, световой барабан предполагалось сделать со стеклянной крышей, чтобы осветить актовый (лекционный) зал, располагающийся под ним, но это не было осуществлено.

Проект партшколы. Архитектор Н. И. Корнева. 1945–1946 гг.

¹⁵ НА РК, ф. Р-3084, оп. 2-НТД, д. 1/4. Реконструкция б. дошкольного техникума под партшколу ЦК КП(б) КФССР по ул. Луначарского в г. Петрозаводске. 1945–1946.

¹⁶ Е. Ициксон. Восемь проектов Нины Корневой // Лицей, №№ 8–9, 2007.

В 1960 г. здание было передано Петрозаводскому горздравотделу¹⁷ для размещения в нем родильного дома № 2. В связи с приспособлением здания к больничной функции была сделана реконструкция, которая состояла, в основном, только в перепланировке помещений (с добавлением к боковому фасаду 3-этажной пристройки) и устройстве лифтов; наружная отделка и архитектурный стиль фасадов здания изменены не были.

Бывший дом купцов Пименовых дошел до нашего времени в удовлетворительном состоянии, с полностью сохранившимися историческими капитальными конструкциями. Перестройки и перепланировки здания сохранили стиль фасадов, что дает возможность и все основания считать его редким образцом классицистической архитектуры г. Петрозаводска.

С момента строительства здание, изначально построенное в качестве жилого дома, изменило свою функцию на общественную: сначала – учебного назначения, затем – лечебного (больничного).

Территория бывшего дома Пименовых, а затем – епархиального женского училища и больницы (родильного дома), сохранилась практически в своих исторических границах, т. е. бывшего владельческого участка Пименова, и прослеживается на многих планах г. Петрозаводска практически без изменения, за исключением постепенного сноса всех служб и утраты первоначальных насаждений сада.

Двухэтажное с мезонином каменное здание (ул. Луначарского, д. 2), построенное в 1844–1846 гг. предположительно по проекту губернского архитектора В. В. Тухтарова (1805–1861) потомственным почетным гражданином и купцом М. П. Пименовым в качестве жилого дома для своей семьи, надстроенного до трехэтажного в 1900–1902 гг. по проекту арх. И. Я. Капустина (1852–1901) в связи с изменением функции и реконструированного в 1946 г. по проекту арх. Н. И. Корневой (1917–1991), представляет собой образец сохранившегося в максимальной степени объекта середины XIX в., построенного в стиле классицизма, редкого как для г. Петрозаводска, так и для бывшей Олонецкой губернии, и сохранившего свои стилевые характеристики.

Здание, построенное в 1846 г. купцом и крупнейшим строительным подрядчиком своего времени, городским головой Петрозаводска (1853–1854) и благотворителем М. П. Пименовым для своей семьи, стало домом для нескольких поколений Пименовых. Приемный сын и внук¹⁸ М. П. Пименова были достойными продолжателями деловых и благотворительных семейных традиций и городскими головами¹⁹ Петрозаводска, а их дом является памятником выдающейся династии общественных деятелей и благотворителей Петрозаводска и Олонецкой губернии.

¹⁷ Архив РГЦ «Недвижимость», д. 61. Партшкола ЦК КП(б) КФССР. Родильный дом № 2. Родильный дом № 1, гинекологический стационар. Ул. Луначарского, 2.

¹⁸ Мошина Т. А. ПИМЕНОВ Георгий Ефимович // Энциклопедия «Карелия», Петрозаводск, 2009, т. 2. С. 385.

¹⁹ Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Городские головы Петрозаводска. 1778–1918 гг. Биографический справочник. Петрозаводск, 2008. С. 32–35, 39–42, 58–63.

Ценностные характеристики материалов конкурса

«Край родной – родное слово»

В 2009 г. Лаборатория лингвистического краеведения и языковой экологии, действовавшая в Карельской государственной педагогической академии при поддержке ректора С. П. Гриппы, провела первый республиканский конкурс «Край родной – родное слово». Данный конкурс, как и второй, проведенный уже в 2012 г., явился своего рода продолжением конкурсов по карельской и вепсской топонимии, которые проводились ранее Институтом языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (см., например, сборник РСИ). Основываясь на разработанных в ИЯЛИ КарНЦ РАН условиях конкурса, организаторы нового конкурса – Е. Р. Гусева, Е. А. Илгунова (Пюльзю), Л. П. Михайлова, А. В. Приображенский – расширили проблематику конкурса, привлекли к участию всех, кто интересуется историей, природой, бытом, поверьями, устно-поэтическим творчеством, местным говором, народным словом, микротопонимией, региональными и индивидуальными прозвищами, кличками животных и т. п. – словом, всем тем, что находит отражение в языке местных жителей Карелии (диалектах вепсского, карельского, русского языков).

Основные номинации конкурса:

- Чем интересно место, где я родился и живу.
- География в названиях.
- Ономастическое пространство.
- Обычаи, народная культура.
- Исторические события.
- Народное творчество.
- Родное слово.

В конкурсе приняли участие многие жители Карелии. Особенно активными были школьники, учителя. В 2013 г. вышел сборник материалов конференции, проведенной по итогам первого конкурса (КРПС).

Ономастика.

Значительное место в сборнике отводится работам, в которых описывается ономастическое пространство какой-либо конкретной местности, включающее местную топонимию, гидронимию, антропонимию, клички животных. Конечно, чаще всего дается описание какой-либо части этого про-

странства. В зоне внимания начинающих исследователей оказались Пудож, Ихала, Сямозеро, Заозерье, Юргелица, Плотина, Эссойла и др. Следует подчеркнуть стремление собирателей зафиксировать наиболее полно, насколько это возможно, сведения о том или ином объекте, происхождении названия его. В этой связи отметим, например, работу ученика 10 кл. Олега Емельянова, в которой представлены шесть версий происхождения названия села Вешкелица Суоярвского района (Емельянов: 58–59). А. Петров, десятиклассник Ведлозерской средней школы, из трех существующих гипотез происхождения названия деревни Юргелица попытался научно обосновать правильность одной из них, а именно связь с именем основателя поселения, выходца из Новгорода Юрия (Егора, Георгия), которому на карельском языке соответствовал антропоним Jurgi (Петров: 53). Интересны и прозвища в д. Юргелица, сгруппированные автором по мотивационному признаку (Петров: 55). Поражает полнота микротопонимического материала, присланного Игорем Плечкиным, насчитывающего 370 единиц по Сямозерью (Плечкин).

По данным, зафиксированным Игорем Плечкиным, учеником 10 кл., в его родном поселке Эссойла Пряжинского района обитает 280 домашних животных, преимущественно собаки и кошки. Среди них: *Шишка* кошка, *Стюарт* крыса, *Люси* курица, *Котя* попугай, *Крепыш* лошадь, *Барин* и *Балто* собаки (Плечкин а). К сожалению, автор ограничился фиксацией данных, связанных только с частными домовладениями.

История.

Сборник материалов Республиканского конкурса «Край родной – родное слово» содержит не только богатые лексические, топонимические данные, но и глубоко проникающие в душу истории непростой жизни пожилых жителей Карелии, их предков.

Юлия Викторовна Ефимова, учитель русского языка и литературы Вешкельской СОШ Суоярвского района, в статье «Сколько вокруг интересных людей: из воспоминаний о Великой Отечественной войне» пишет о трудной судьбе жителей села Вешкелица. Рассказы о страшном периоде эвакуации не оставляют равнодушным читателя: «Когда началась война, Анне было 11 лет. Началась эвакуация. Сначала в Чуралахту, где они пробыли четыре недели, затем в Шелтозеро. Шли с коровами и лошадьми до Вознесения. В дома пускали не всегда, поэтому часто приходилось ночевать под телегами...» (Ефимова: 66); «Когда их семью стали эвакуировать, маленькая Татьяна от радости закричала: «Ура! Мы куда-то поедem!» Ей, семилетней девчужке, были непонятны слова: «война» и «эвакуация». Но очень скоро она почувствовала, что это такое. А произошло это в Спасской Губе. Именно там устроили пункт сдачи скота. Стояли огромные очереди. И вдруг ... показались самолеты. Началась бомбёжка. Сколько тогда погибло людей и скотины! Везде валялись руки, ноги, внутренности. Много раненых, визг, плач, стоны... А они, дети, долго искали маму» (Ефимова: 67). Подобных историй немало. Несмотря на все сложности, жительницы Вешкелицы остаются веселыми, активными, гостеприимными.

Этнография. Фольклор.

Как отмечают авторы статей сборника, каждый уголок Карелии хранит какие-то тайны, связанные с прошлым, отражающие особенности трудовой деятельности народа, его отношение к животному и растительному миру, мифологическое сознание.

Учащиеся 5–6, 9–11 кл. Энгозерской СОШ Лоухского района в работе «Деревенька моя...» приводят интересные сведения об острове Домашний: «До сих пор в уже нежилой деревне на острове Домашнем остались легко различимые межевые знаки, сделанные 100–200 лет назад прадедами нынешних жителей п. Энгозеро. Они представляют собой тёсы на стволах деревьев, указывающих места, где хорошо клюет рыба, где располагаются урочища ягод» (Энгозеро: 14). «По воспоминаниям Иванова Анатолия Алексеевича, кошки в деревне были в каждом дворе... Если животные позволяли себе залезать на стол, их наказывали так: отвозили летом на о. Домашний, где им самим приходилось добывать себе пищу, а зимой по льду они возвращались домой. Поведение их при этом резко менялось – приходилось соблюдать хорошие манеры» (Энгозеро: 14).

В статье Филиппа Каличенко, ученика 6 кл. Плотинской СОШ Лоухского района, «Беседа с Клавдией Тимофеевной Виноградовой» представлена история Могильного острова: «У карелов был обычай: чтобы похоронить умершего, надо его перевезти через воду, в «Страну Мертвых», поэтому у острова такое название. Могил сейчас не сохранилось, одни ушли под воду, а другие разорили» (Каличенко: 9).

Как пишет Яна Гагарина, ученица 10 кл. Ведлозерской СОШ Пряжинского района, Карелия – республика фольклора. Ведлозерский фольклор богат пословицами, отражающими качества человека, его поведение, нравственные принципы, семейные ценности, вопросы морали и народной педагогики:

Vanhattuu askel lyhenov, matku pitkenov ~ в старости шаг короче, а путь длинней;

Vierahal mual kesägi on vilu ~ в чужом краю и летом холодно;

Huväh sanah leppy länbyu, pahan paivu katkieu ~ от хорошего слова и ольха гнется, а от плохого и ива ломается;

Oma mua mansikka, vieras mua- mustikka ~ родная земля — земляника, а чужая земля — черника;

Opasta lastu, kuni on poikki laucas ~ воспитывай ребенка, пока он поперек лавки лежит;

Huvän akankel i sieglal vetty kannat ~ с хорошей женой и ситом воды наносишь.

Собиратель отмечает мелодичность колыбельных песен, их незатейливое содержание:

Tule, unoi, uksen tuakse, Приходи, сон, за дверь,

Pienen lapsen pieluksih, Приходи в подушки

Pienen lapsen pieluksih, Маленьких детей,

Suuren lapsen suuruksih. В пищу больших детей,

Tule, unoi, uinota, Приходи, сон, усыпи,

<i>Anheline, azeta,</i>	Ангелочек, останови.
<i>Anheline, azeta,</i>	Ангелочек, останови.
<i>Meijän lastu magaita,</i>	Усыпи нашего ребенка,
<i>Meijän lastu magaita</i>	Усыпи нашего ребенка

Особое внимание автор статьи обращает на заговоры и заклинания, связанные с древними народными верованиями: от сглаза, лечебные заговоры, для защиты домашних животных. Приведем пример заговора от сглаза (для защиты маленьких детей): «Ребенка «измеряют»: его кладут на животик, затем к одной ножке прикладывают один локоток, к другой ножке – другой и в это время произносят слова:

<i>Vierahat virkokset</i>	Чужие разговоры,
<i>Omat duumat ajatukset,</i>	Свои думы — занозы,
<i>Kuspäi tulitto — mustuverihizis,</i>	Откуда пришли —
<i>valgeiverihizis,</i>	от злых или добрых —
<i>Kuspäi tulitto — sinnegi mengiättö,</i>	Туда и идите,
<i>Oigies henges ristikanzas</i>	От невинного человека
<i>Mengiä jiäres, amin!</i>	Уходите вон, аминь!

(Гагарина: 74–75).

Удивительны по содержанию частушки, записанные Ю. В. Ефимовой от А. М. Чайкиной и Г. Е. Шведкиной, жительниц с. Вешкелица Суоярвского района. Одни из них отражают признаки прошлого:

Если хочешь познакомиться –
Приди на бугорок.
Принеси буханку хлеба
И картошки котелок;

другие – особенности современного мышления:

Раньше мясо клали в щи,
Были мы – товарищи.
А как кончилась еда,
Все мы стали господа! (Ефимова а: 156).

В честь Филиппа назвала
Маленького борова.
А теперь вот жалко резать
Своего Киркорова! (Ефимова а: 163).

Фольклорный и этнографический материал, собранный участниками республиканского конкурса, является ценным источником для изучения истории родного края, народного мировосприятия.

Ценность слова.

Все работы, поступившие на конкурс, содержат интересную местную лексику, употребляемую карелами, русскими. Особенно ценными, на наш взгляд, являются работы, в которых представлены карельские слова, выражения, пословицы, поговорки. Мы остановимся на некоторых лексемах, представленных в статье Е. В. Зиновьевой «Бабушкины слова». О чем говорят эти слова? Какие факты можно выяснить с их помощью, которые были бы существенны в исследовании некоторых вопросов русской лексикологии?

1. Уточнение ареала.

Вагу́ла ‘растение таволга (лабазник)’ Малые Кривцы Пуд. (Зиновьева: 17). В известных словарях, описывающих лексику русских говоров Карелии (СРГК) и русских говоров в целом (СРНГ), слово *вагу́ла* отсутствует. Однако оно зафиксировано участниками экспедиции Уральского госуниверситета: *вагу́ла* ‘травянистое растение (таволга?)’ Карг., Он. Арх.; Вож. Волог. (СРГС 2: 6), что свидетельствует о бытовании слова в каргопольских, онежских говорах Архангельской области и вожегодских говорах Вологодской области. Данные Е.В. Зиновьевой дают возможность уточнить ареал слова, включающий и пудожские говоры, близкие к каргопольским.

2. Сдвиги в семантике слова.

Бажо́ный ‘любимый’: «*Бажоный ты мой, весь горячий, огнём горишь*»; иногда неодобр. ‘заласканный’: «*Экой ты бажоный стал!*» Малые Кривцы Пуд. (Зиновьева: 17). Отмечены и образования: *бажо́нить*, *забажо́нить*. Ср.: **Бажё́ный** 1. ‘нежный, ласковый’ Медв., Пуд., Белом., 2. ‘любимый’ Медв., 3. ‘теплый, солнечный’ Пуд., 4. ‘о больных, несчастных, страдающих’ Белоз., Тер. (СРГК 1: 29). Наблюдается развитие неодобрительного эмоционально-экспрессивного компонента в пудожских говорах.

3. Загадки словообразования и семантики.

Зауси́ть – неодобр. *заусило* ‘очень сильно захотелось’: «*Заусило выпить, так бегом в посёлок побежал*» Малые Кривцы Пуд. (Зиновьева: 19). Ср. 1. *зау́сить* ‘выпить (вина)’: «*Пойдёмте-ка зау́сим, братцы!*» Пуд. (СРГК 2: 228); *у́ситься* ‘быть недовольным, упрячиться’: «*Все у́сится на тебя, незнамо за что*» Карг. (СРГК 6: 635); 2. *зауси́ть* ‘захмелеть’ Сиб., Иркут., Амур., Забайк. (СРНГ 11: 135), *зауси́ться* ‘закрутить ус’ Колым. Якут. (Там же).

4. Этноязыковые контакты.

По происхождению слово *вагу́ла* является так называемым экстенциальным вариантом исходного слова *багу́ла* ‘растение таволга’ Вель., Вин., В.-Т., Карг., К.-Б., Пин., Уст., Холм. Арх.; Бабуш., Бел., Влгд., Вож., К.-Г., М.-Реч., Ник., Нюкс., Сок., Сямж., Тот., У.-Куб., Хар., Череп. Волог. (СРГС 1: 37). Последнее, в свою очередь, входит в славянское гнездо с исходным **bagль* ‘болото’ (ЭССЯ 1: 129). Мена звуков **б** ~ **в**, отраженная в паре *вагу́ла* / *багу́ла*, отражает вепское влияние на говоры

русского языка. Следовательно, одновременно лексема *вагу́ла* свидетельствует об этноязыковых контактах.

Естественно, о такого рода контактах говорят и слова с корнями и формантами прибалтийско-финского происхождения, представленные в работе Е. В. Зиновьевой: *ка́бушки* ‘головки клевера’, ‘мычать’, ‘дрожать, трястись’, *ло́бондaть* ‘греметь’, *ка́гачи* ‘связка веток для укрепления верха стога’ и др.

5. Следы славянских миграций.

тра. ‘верхние настилы под крышей сарая, где хранили сено’: «Любили в детстве забираться на пятра» Малые Кривцы Пуд. (Зиновьева: 21). Слово имеет пометы: Подп., Севмор., Медв., Пуд. (СРГК 5: 383), широко распространено в говорах Российского Севера, Сибири, Д. Востока. ‘доски или жерди в избе под потолком, на которых сушат что-л.’ Пск. (СРНГ 33: 235), ‘кровля на столбах, навес’ Сол. Новг. (НОС 2010: 990).

Слово известно древнерусскому и церковно-славянскому языкам в значении ‘крыша’, укр. ‘полка горшечника’, сербохорв. *nèmar* ‘вид крыши’, словен. р *ter* ‘дощатый помост, пол чердака’, чеш. *patro* ‘этаж, ярус’; ‘сеновал’, польск. *piętro* ‘этаж’, соответствующие слова имеют значение в в.-луж. ‘амбар’, н.-луж. ‘сеновал’; полаб. ‘стропила в амбаре’ (Фасмер 3: 425).

Эти данные показывают историческое продвижение общеславянского слова на Север из псковско-новгородской зоны.

Вместо заключения.

Вместо заключения приведем текст письма Александра Сергеевича Герда, доктора филологических наук, профессора Санкт-Петербургского государственного университета, известного диалектолога, инициатора создания ряда словарей русских говоров, в числе которых «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей», главным редактором которого он является. Письмо адресовано одному из авторов данной статьи.

«Что же Вы хотели скрыть от меня *самый замечательный труд* – сборник – Край родной — родное слово? Читал и не мог оторваться. Такие авторы, от 10 до 87! Такая искренняя не формальная и не официально-символическая любовь к своей родной деревне, району, Карелии, и, конечно, прежде всего к языку, к фольклору, к людям вокруг, к своим родственникам. Ничего заказного условно-административного и показного. *Замечательно, что столько материалов на карельском языке и с переводами.* Замечательны, захватывающе интересны простые рассказы о былом, об эвакуации по каналам, да, так оно всё и было. *Бесценны* материалы по топонимике, поражающие своей детальностью. Я уж не говорю о чудесных русских и карельских частушках, которые так и хочется не читать и смеяться, а слушать. Сборник *прекрасно оформлен*. Жаль, внутри мало фотографий. На обложке, как я догадываюсь, Приладожье? Надо было внутри отметить, чья фотография. Мне невыразимо жаль, что я не могу подарить, хотя бы самым активным и самым юным участникам, наш Словарь

(СРГК). Но можете сообщить им, кому интересно, молодым, он есть теперь в интернете. Поздравляю всех, кто содействовал появлению этой книги в свет, а ранее проведению этого замечательного конкурса с уникальным конкурсом и изданием и желаю *новых успехов на этом пути!* Ваш А. Герд». 7 февраля 2014, г. С.-Петербург.

Принятые сокращения

Гагарина – *Гагарина Я.* Ведлозерский фольклор // Край родной – родное слово: материалы I Республиканского конкурса / [сост. Н. Н. Дубинина, Л. П. Михайлова, А. В. Приображенский]. Петрозаводск: Verso, 2013. С. 72–85.

Емельянов – *Емельянов О.* Топонимия Вешкелицы // Край родной – родное слово: материалы I Республиканского конкурса / [сост. Н. Н. Дубинина, Л. П. Михайлова, А. В. Приображенский]. Петрозаводск: Verso, 2013. С. 57–65.

Ефимова – *Ефимова Ю. В.* Сколько вокруг интересных людей: из воспоминаний о Великой Отечественной войне // Край родной – родное слово: материалы I Республиканского конкурса / [сост. Н. Н. Дубинина, Л. П. Михайлова, А. В. Приображенский]. Петрозаводск: Verso, 2013. С. 66–71.

Ефимова а – Фольклорные и диалектные материалы, собранные в с. Вешкелица Суоярвского района // Край родной – родное слово: материалы I Республиканского конкурса / [сост. Н. Н. Дубинина, Л. П. Михайлова, А. В. Приображенский]. Петрозаводск: Verso, 2013. С. 137–164.

Зиновьева – *Зиновьева Е. В.* Бабушкины слова // Край родной – родное слово: материалы I Республиканского конкурса / [сост. Н. Н. Дубинина, Л. П. Михайлова, А. В. Приображенский]. Петрозаводск: Verso, 2013. С. 16–22.

Каличенко – *Каличенко Ф.* Беседа с Клавдией Тимофеевной Виноградовой // Край родной – родное слово: материалы I Республиканского конкурса / [сост. Н. Н. Дубинина, Л. П. Михайлова, А. В. Приображенский]. Петрозаводск: Verso, 2013. С. 7–11.

КРРС – Край родной – родное слово: материалы I Республиканского конкурса / [сост. Н. Н. Дубинина, Л. П. Михайлова, А. В. Приображенский]. Петрозаводск: Verso, 2013. 167 с.

НОС 2010 — Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН, изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. XXXVII, 1435 с.

Петров – *Петров А.* Топонимы и антропонимы д. Юргелица // Край родной – родное слово: материалы I Республиканского конкурса / [сост. Н. Н. Дубинина, Л. П. Михайлова, А. В. Приображенский]. Петрозаводск: Verso, 2013. С. 53–56.

Плечкин – *Плечкин И.* Список топонимов Сямозерья // Край родной – родное слово: материалы I Республиканского конкурса / [сост. Н. Н. Дубинина, Л. П. Михайлова, А. В. Приображенский]. Петрозаводск: Verso, 2013. С. 107–127.

Плечкин а – Плечкин И. Клички домашних животных (пос. Эссойла) // Край родной – родное слово: материалы I Республиканского конкурса / [сост. Н. Н. Дубинина, Л. П. Михайлова, А. В. Приображенный]. Петрозаводск: Verso, 2013. С. 128–135.

РСИ – Родные сердцу имена: сборник материалов республиканского конкурса по карельской топонимии «Родные сердцу имена» / ред.-сост. Н. Н. Мамонтова, С. П. Пасюкова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2006. 240 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб, 1994–2005.

СРГС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Т. 1–5. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2011.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб., 1965–2013. Вып. 1–46.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М, 1964–1973. Т. I–IV.

Энгозеро – Гейнак Е. В., Тимиева Н. В., Редькина Д., Зозон Л., Тимиев С., Тимиев П., Попов П., Подтеробка А., Позднякова В., Минин К., Михайлова Е., Березина Д., Целаков А. Деревенька моя... // Край родной – родное слово: материалы I Республиканского конкурса / [сост. Н. Н. Дубинина, Л. П. Михайлова, А. В. Приображенный]. Петрозаводск: Verso, 2013. С. 12–15.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–2012. Вып. 1–38.

«Золотое десятилетие» краеведения в Карелии как феномен гражданской культуры (1923–1933 гг.)

В отечественной историографии последней четверти XX в. яркий расцвет краеведения, произошедший после революции 1917 г., получил название «золотого десятилетия» краеведения¹. На фоне глобальных политических, социально-экономических и культурных изменений в краеведении проявилась попытка гражданского переосмысления и самоорганизации общества, предшествовавшая началу тоталитарного периода в советском государстве. В 1920-е гг. количество краеведческих организаций в стране постоянно росло. По данным статистики, к сентябрю 1927 г. в России, исключая Москву и Ленинград, было зарегистрировано 1688 краеведческих объединений, что превышало аналогичный показатель от 1917 г. более чем в 10 раз².

Краеведение вступило в фазу активной институализации – создавались руководящие центры, специализированные издания, проводились конференции краеведов. Общее руководство краеведением осуществлялось Центральным бюро краеведения, созданным в 1922 г. при Российской академии наук, а с 1925 по 1937 г. перешедшим в ведение Наркомата просвещения РСФСР.

Краеведческое движение развивалось под руководством видных партийных идеологов в русле социально-культурной, хозяйственно-экономической, национальной политики государства, вместе с тем основу «самого массового вида науки»³ продолжали составлять нормы и ценности крестьянско-христианской морали, выраженные в стремлении «жить на своей земле, трудясь усердно», постигать мироздание, уважительно относиться ко всем творениям Бога. Методы краеведческого исследования, сформулированные в первой половине 1920-х гг. ленинградской исторической школой, основывались на приоритете многоукладности жизни и личностном начале в восприятии окружающего мира⁴.

Краеведение тесно связано с понятием общества и гражданской культуры. Академик Д. С. Лихачев отмечал, что краеведение существует «постольку, поскольку в его создании и его восприятии участвуют широкие массы»⁵. Краеведческая деятельность характеризует степень зрелости

¹ Шмидт С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. 1990. Вып. 1. С. 11–27; Филимонов С. Б. Краеведение и документальные памятники (1917–1929 гг.). М., 1989. 207 с.; Вахромеева О. Б. Историко-регионоведческая библиография. СПб., 2003. С. 74.

² Соболев В. С. Академия Наук и краеведческое движение // Вестник РАН. 2000. Т. 70. № 6. С. 539.

³ Лихачев Д. С. Краеведение как наука и деятельность // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pavlovsk-spb.ru/stati/175-dslixachev-kraevedenie-kak-nauka-i-kak-deyatelnost.html>, Яз. рус. Проверено [03.06.2011].

⁴ Межвузовский научный семинар «Историческое краеведение: теоретико-методологические проблемы» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.roskraeved.ru/old/conferencii/seminar.html>, Яз. рус. Проверено [03.06.2011]

⁵ URL: <http://www.pavlovsk-spb.ru/stati/175-dslixachev-kraevedenie-kak-nauka-i-kak-deyatelnost.html>.

общества, несет в себе образ человека и создает определенный «резервуар влияния», дающий возможность обычному человеку в случае необходимости мобилизоваться в гражданских целях⁶.

В Карелии период динамичного и плодотворного развития краеведения начался, согласно результатам нашего исследования, несколько позднее, чем в целом по стране, и продолжался с 1923 по 1933 гг. Расцвет краеведения в Автономной Карельской Советской Социалистической Республике (далее АКССР) произошел в период складывания основ национальной идентичности Карельской автономии и был обусловлен особенностями социально-экономического, политического, этнического и культурного развития края. В эти годы краеведческая деятельность была широко востребована обществом и властью. Важную роль в развитии краеведения в АКССР сыграла поддержка научно-исследовательской деятельности республиканским правительством, сформированным из среды финляндских революционеров-эмигрантов, возглавляемым Эдвардом Александровичем Гюллингом (1881–1938).

Образование в 1923 г. автономной республики повысило национально-государственный статус края⁷. Стабилизация политической обстановки создала благоприятные условия для оживления интеллигенции, приступившей к созданию краеведческого общества и кабинета краеведения при Губернской библиотеке-читальне. 16 июня 1923 г. состоялось первое заседание «Общества изучения Карелии» (далее ОИК), был принят устав и избрано Правление, состоящее из председателя Л. Г. Гершановича, товарища председателя Б. А. Потапова, секретаря В. И. Крылова и казначея Ф. Е. Поттоева⁸. ОИК стало продолжением Общества изучения Олонецкой губернии, закрытого в 1918 г. По этому поводу В. И. Крылов отмечал, что «долгом современных краеведов является преемственность в работе с прежним Обществом, сохранение опыта и результатов трудов прежней организации»⁹.

С 1923 г. в АКССР началось проведение политики «финнизации» края, основанной на сближении родственных финно-угорских народов и широком использовании финского языка как письменного для карелов¹⁰. «Финнизация» стала важным фактором развития краеведческой деятельности, наметив перспективные направления в лингвистике, фольклористике, истории и этнографии. Начиная с рубежа 1923–1924 гг. в материалах карельской периодической печати возросло количество публикаций краеведческой тематики, а в 1924 г. в республике появилось свое краеведческое издание – журнал «Карело-Мурманский край».

Вторым фактором, способствовавшим развитию краеведения в Карелии, стала индустриализация СССР. В ходе II-й краеведческой конференции состоявшейся в Москве в декабре 1924 г., отмечалась необходимость «тесной связи краеведения не только с научными учреждениями, но и с хозяйствен-

⁶ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/81534>, Яз. рус. Проверено [03.06.2011].

⁷ Бутвило А. И. Новейшая история государственного управления в Карелии. 1917–2007 гг. Петрозаводск, 2008. С. 25.

⁸ Организационное собрание Общества изучения Карелии [объявление] // Карельская коммуна. 1923. 16 июня. № 118. С. 4.

⁹ Крылов В. Общество изучения Карелии и кооперация // Карельская коммуна. 1923. 4 июля. № 132. С. 2.

¹⁰ Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства, 1920–1941 гг. Петрозаводск, 1999. С. 77.

ным, просветительным и партийным строительством¹¹. Происходила переориентация краеведения с «ретроспективных» сюжетов на создание актуального «продукта», отвечавшего задачам хозяйственного освоения территории, колонизационной, ресурсно-разведывательной, просветительской, оборонной деятельности¹².

В этой связи к важнейшим заслугам карельских краеведов 1923–1933 гг. относится становление туристской сферы Карелии, сопровождавшееся развитием инфраструктуры, коммуникаций, созданием рекламно-информационной среды края. Теоретический и методический опыт краеведов, применявшийся в развитии туризма тех лет, сохраняет свою актуальность при планировании современного туризма в Республике Карелия.

Краеведение, как «дело принципов и личных установок», зависит от мировоззрения человека, межличностных контактов и общения по интересам¹³. Важной чертой краеведения в АКССР стало участие в краеведческом движении представителей республиканской власти. Высокообразованные, обладающие широким кругозором управленцы 1920-х гг. (Э. А. Гюллинг, Й. А. Ярвисало, А. Ф. Нуортева Ю. К. Сирола, А. Н. Лесков, Б. А. Потапов, Ф. Е. Поттоев) внесли заметный личный вклад в изучение Карелии, исходя из понимания ценности краеведения как элемента национальной идентичности Карельской автономии.

В середине 1920-х гг. в АКССР начала формироваться система краеведческих центров, осуществлявших свою деятельность в контексте социально-экономической и культурной политики в крае. Ведущая роль в этой системе до начала 1930-х гг. принадлежала двум краеведческим организациям – ОИК и Карельскому музею. Штат Карельского областного музея состоял из трех человек – «заведующего» В. И. Крылова, «помзаведующего» Г. А. Анкудинова и «сторожа-уборщика» Н. А. Устинова. Музей, как следовало из отчетов заведующего, находился в «стадии реорганизации на краеведческих началах», тем не менее, Виктору Ивановичу Крылову удавалось проводить активную экспозиционную, просветительскую и экскурсионную работу, организовывать кружки краеведения при учебных заведениях Петрозаводска, а в 1924 г. кружок краеведения появился при Карельском землячестве в Ленинграде¹⁴.

С 1928 г. директором Карельского музея стал Степан Андреевич Макарьев (1895–1937), под руководством которого при музее было создано научно-исследовательское бюро, занимавшееся при поддержке Мурманской железной дороги разработкой и проведением первых массовых туров по Карело-Мурманскому краю, отличавшихся всесезонностью и широкой тематической направленностью – от производственного до фольклорного туризма¹⁵. Значительно пополнились коллекции музея, а

¹¹ Вторая Всесоюзная конференция по краеведению // Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 3. С. 21.

¹² Крылов В. И. Краеведение в Карелии // Вестник Карело-Мурманского края. 1926. № 21. С. 20–22.

¹³ Коткин С. О краеведении и его методологии // Методология региональных исторических исследований: Материалы международного семинара. Санкт-Петербург, 19–20 июня 2000 года. СПб., 2000. С. 16–22.

¹⁴ Из докладной записки В. И. Крылова «О выполнении производственного плана Карельского музея за 1925–1926 гг.». НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 36/305. Л. 11, 13.

¹⁵ Макарьев С. А. Экскурсионный вопрос в Карелии // Карело-Мурманский край. 1928. № 9. С. 17–18.

главным ядром экспозиции стали изображения Беломорских петроглифов, открытых экспедицией А. М. Линевского в районе реки Выг летом 1926 г.¹⁶

К концу 1920-х гг. краеведческие исследования в Карелии переходили в новую фазу развития, предполагавшую организацию крупной, комплексной научно-исследовательской структуры. Успешное выполнение республикой плана первой пятилетки закрепило дальнейшее развитие принципов плановости в хозяйственной сфере, окончательно скрепив ее с краеведением. В Постановление СНК АКССР № 266 «О мероприятиях по развитию краеведческого дела в Карелии» прямо говорилось, что «вопросы социалистического строительства в Карелии тесно связаны с изучением производительных сил и природных богатств республики и требуют широкого участия краеведческих организаций»¹⁷.

Крупным достижением карельского правительства и краеведов в развитии научно-исследовательской сферы в республике стало создание Карельского научно-исследовательского института (далее КНИИ), целью которого было всестороннее изучение Карелии, содействие развитию промышленности, а также подготовка местных научных кадров. Структура КНИИ отражала принцип комплексности, присущий краеведению, и состояла из пяти секций: естественно-производительных сил, социально-экономической, истории революционного движения, языка, литературы и археологии, этнографии и антропологии. 13 апреля 1932 г. состоялось торжественное открытие первой сессии КНИИ, почетным директором которого стал Э. А. Гюллинг, а его заместителем – С. А. Макарьев¹⁸.

В Институте работали молодые научные кадры, получившие образование в Ленинграде, и опытные краеведы: С. А. Макарьев, Н. В. Хрисанфов, А. М. Линевский, Г. А. Никитин, В. П. Гудков, Н. Н. Виноградов, И. М. Дуров, Э. А. Хаапалайнен и другие. К 1933 г. институт приступил к проведению первых самостоятельных экспедиций по изучению местной истории, этнографии, археологии и фольклора, став ведущим центром краеведения в АКССР.

В период 1930–1935 гг. благодаря совместной работе краеведов и сотрудников этнографо-лингвистической секции КНИИ почти во всех районах АКССР был собран богатый материал по русскому, вепсскому и карельскому фольклору¹⁹. Планировалось начать разработку новых направлений в краеведении – фольклорного туризма и музыкального фольклора. Институт осуществлял активную научно-исследовательскую и издательскую работу, привлекая к сотрудничеству ведущих ученых, в том числе из Финляндии. Неоспоримые успехи в модернизации Карелии, нацеленной на освоение природных ресурсов, строительство крупных индустриальных объектов, развитие культуры, спорта

¹⁶ Отчет по изучению доисторических памятников и палео-этнологической работе в Карелии в 1926, 1927 и 1928 гг. [сделан для этнографо-экскурсионной комиссии географического факультета ЛГУ] (1928 г.). НА РК. Ф. 3262. Оп. 2. Д. 8/164. ЛЛ. 1–23.

¹⁷ Постановление СНК АКССР № 266 «О мероприятиях по развитию краеведческого дела в Карелии» 20.06.1931 / Переписка с Каргосмузеем о развитии краеведческого дела в Карелии. НА РК. Ф. Р-690. Оп. 3. Д. 41/323. Л. 4.

¹⁸ Доклад Э. А. Гюллинга «О социалистическом строительстве и научно-исследовательской работе в Карелии» / Открытие первой сессии КНИИ 13 апреля 1932 г. НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 32. ЛЛ. 8–11.

¹⁹ Постановления, тезисы, переписка по вопросам развития краеведения в Карелии. О собирании фольклора краеведами и материалы к ним. НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 164. Л. 13.

и туризма были продемонстрированы на выставке науки, техники и культуры, состоявшейся летом 1934 г. в Ленинграде²⁰. Важным итогом деятельности краеведов стало проведение в Петрозаводске с 11 по 13 мая 1935 г. Первой всекарельской краеведческой конференции, ставшей, к сожалению, последним крупным событием в истории краеведения довоенной Карелии²¹.

С 1933 г. в республике началась борьба с «местным национализмом», развернулась постепенная подготовка к военным действиям с Финляндией²². В период 1935–1938 гг. уничтожению подвергся практически весь государственный аппарат АКССР во главе с Председателем СНК республики Э. А. Гюллингом, обвиненным в «антипартийной националистической деятельности»²³. Невосполнимые потери испытал КНИИ. В середине 1937 г. органами НКВД Карелии были арестованы директор института В. Я. Никандров, заместитель директора С. А. Макарьев, сотрудники этнографо-лингвистической секции Н. Н. Виноградов, Н. В. Хрисанфов, Э. А. Хаапалайнен, И. М. Дуров, Е. П. Ошевенская. Краеведов обвиняли в организации т. н. «контрреволюционной националистической шпионско-повстанческой группировки», имевшей целью «попытку реставрации капитализма и отторжение Карелии от СССР, с целью присоединения к Финляндии»²⁴.

Посмертная реабилитация репрессированных краеведов и членов карельского правительства началась со второй половины 1950-х гг., все обвинения были полностью сняты ввиду отсутствия состава преступления. В 1930-х гг. на волне тоталитаризма и обострения внешнеполитической ситуации советское государство устранило краеведческое движение, начав с бюрократизации и закрепощения краеведческих организаций, а закончив физической ликвидацией наиболее активных краеведов, кардинальным изменением национальной политики. Краеведение, ставшее в 1920-е гг. синонимом национального самосознания Карелии, превратилось в политически опасное занятие, практически забытое на протяжении последующих периодов советской истории.

Сегодня в научной среде нередко подчеркивается связь краеведения и гражданской культуры. Проблемам краеведения посвящены специализированные научные конференции и семинары. К сожалению, дискуссии современных краеведов практически не выходят за рамки узких научных кругов, а традиция краеведческого мировоззрения не привита в среде молодежи. Вместе с тем краеведение как форма гражданской культуры понимается нами как базовый элемент благополучия современного общества, показатель интеллектуальности и отношения людей к самим себе.

²⁰ Отчет старшего научного сотрудника КНИИ Линева А. М. о работе павильона КАССР на выставке науки, техники и культуры в Ленинграде (август–сентябрь 1934 г.). НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 121. Л. 1–29

²¹ Первая Всекарельская конференция по краеведению // Красная Карелия. 1935. 12 мая. № 108. С. 1.

²² Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства ... С. 145–155.

²³ Чудов М. С. О состоянии работы Карельской партийной организации // Красная Карелия. 1935. 5 октября. № 229. С. 1.

²⁴ По материалам Уголовных дел С. А. Макарьева, Н. Н. Виноградова, Н. В. Хрисанфова, Э. А. Хаапалайнена и др. НА УФСБ РФ по РК. ФУД. ДД. 11643, 11304, 3243, 3119.

Раздел 2. Секция «История»

Федосов Александр Валентинович,

ведущий специалист-эксперт

Культурного центра МВД по Республике Карелия,

член «Общества ревнителей истории правоохранительных

органов Карелии» при КРООРВИК «Стражник»

Героическая оборона карельского Поморья и Заонежья в 1609–1614 годах: забытый 400-летний юбилей краевой истории

Большая работа по научному изучению исторических событий на Русском Севере в начале XVII в. в период «Смутного времени» была проведена русским историком Ардашевым Николаем Николаевичем (1862–1923 гг.)¹ еще в конце XIX века. Его исследования стали основой для выхода ряда тематических публикаций² и вошли в книгу Н. С. Шайжина «Заонежская заточница»³, выпущенную в Олонецкой губернии к 300-летию Дома Романовых.

В советское время в КФССР крупное исследование в этом направлении провел советский историк, доктор исторических наук Шаскольский Игорь Павлович (1918–1995 гг.)⁴, работавший в Петрозаводске в Институте истории, языка и литературы (1949–1953 гг.). Данная работа, не лишенная специфики и идеологических штампов того времени, обладает упорядоченной хронологией, взятой за основу при подготовке нашего доклада.

Уникальным явлением в российской историографии стал выход книги королевского историографа Швеции Юхана Видекинда (1618–1678 гг.) под названием «История десятилетней шведско-московитской войны»⁵, изданной в 1671–1672 гг. в Стокгольме, которую в СССР готовили к изданию в течение 60 лет (1930–1990 гг.).

В современной Карелии изучение этого периода краевой истории успешно продолжает кандидат исторических наук Жуков Алексей Юрьевич, заведующий сектором истории Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН⁶.

¹ Ардашев Николай Николаевич «Из истории XVII века. Очищение русской земли. Поход Черкасс» (1612–1614); «Журнал министерства народного просвещения», 1898, июнь.

² За подписью «В. Д.» вышла статья «Походь козаковъ въ Северную Россію въ начале XVII в.», журнал «Киевская старина», 1900.

³ Шайжин Н.С. «Заонежская заточница Великая Государыня инокиня Марфа Ивановна в мире Боярыня Ксения Ивановна Романова мать царя Михаила Федоровича. К 300-летию юбилею Царственного Дома Романовых». Петрозаводск, 1911 (с перепечаткой в «Памятной книжке Олонецкой губернии на 1912 год». Петрозаводск, 1912. С. 3–34).

⁴ Шаскольский И. П. «Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в.», Петрозаводск, 1950.

⁵ Видекинд Ю. «История десятилетней шведско-московитской войны», М., изд. «Памятники исторической мысли», 2000.

⁶ А. Ю. Жуков «Самоуправление в политике России: Карелия в XII – начале XVII в.», Петрозаводск, ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2013.

15 лет назад в 1999 г. мной также была сделана первая попытка изучения истории этих военных событий при подготовке газетной статьи⁷ «Литовское разорение» Заонежья и Обонежья». В 2000 г. это научное обоснование было принято за отправную точку в датировке при формировании в Музее истории МВД по Республике Карелия концепции базовой экспозиции «История охраны правопорядка в Карелии. 1600–2000-е годы», где данной теме посвящен небольшой раздел.

Более подробное освещение тех событий в канун забытого в Карелии 400-летнего юбилея является долгом нашей памяти и уважения героизма защитников карельского Поморья и Заонежья, а также продолжением начатых исследований для научного обоснования и развития музейного дела как в нашем министерстве, так и в других музеях республики.

После кровавого погрома в 1569–1570 гг. войсками и опричниками Ивана IV Грозного новгородской боярской республики, присоединенной к Московскому царству, а также во время формирования на Севере в конце XVI в. административно-управленческих функций Соловецкого монастыря на территории Карелии еще в XVI – начале XVII вв. исторически образовались четыре района. К этому времени они получили наименования Корельский уезд в составе Водской пятины и Заонежские погосты в составе Обонежской пятины земель Новгорода, а также Лопские погосты и Поморские волости, отошедшие к землям Соловецкого монастыря.

При этом Заонежские погосты, являвшиеся новгородскими «оброчными» землями, разделялись на самоуправляемые станы: Выгозерский (Выгозерская волость, Шуньгский, Толвуйский и Челмужский погосты), Водлозерский (Водлозерский и Андомский погосты), Пудожский (Пудожский и Шальский погосты), Оштинский (Вытегорский, Мегорский, Оштинский, Остроречинский, Важинский и Веницкий погосты). Другие же Заонежские погосты – восточная часть Олонецкого погоста (западная принадлежала новгородскому Дому святой Софии), Шуйский и Кижский находились с 1584–1585 гг. под управлением новгородских филиалов московских дворцовых ведомств и подчинялись присланному из столицы приказчику⁸.

На всем протяжении границы со Швецией от Балтики до Ледовитого океана и присоединенными к ней военным путем еще в XIII–XIV вв. финскими землями, граничили на южном участке Корельский уезд, имевший заложенный еще в XIII в. военный и культурный центр – город-крепость Корелу, а на севере – малозаселенные Лопские погосты.

В XVI веке Швеция, освободившаяся от власти Дании (1521 г.), переживала процесс развития политической самостоятельности и великодержавности, постепенно превращаясь к началу XVII в. в сильнейшее государство Европы. Шведские короли строили внешнюю политику королевства с расчетом на захват приграничных территорий соседних стран, уже имевших исторически обжитые земли, промыслы и водные торговые пути. При этом шведы, ведя войну с Данией за отторжение норвежского берега Ледовитого океана, рассчитывали превратить весь Скандинавский полуостров в

⁷ Газета «Северный курьер» за 11.04.1999.

⁸ А. Ю. Жуков, сс. 218, 259.

свое большое королевство с перспективой присоединения к нему Кольского полуострова и Русского Поморья. Эта идея получила свое развитие при короле Иоанне III⁹ во время войн с Московским царством в 1580–1583 гг. и 1589–1592 гг., шедших практически одновременно с войнами с Польшей и Данией за южное побережье Балтики. Шведы имели целью превратить его в свое собственное внутреннее море¹⁰, однако в Финском заливе для них «костью в горле» оставалась русская Водская пятинна с Корельским уездом. Ранее этот уезд вместе с крепостью Корелой был захвачен ими во время войны в 1580–1581 гг. и возвращен по договору с Московским царством обратно в 1597 г. в полном упадке и разорении.

В условиях такого шведского усиления для защиты Русского Поморья Соловецким монастырем на карельском берегу Белого моря в 1582–1583 гг. была спешно построена 6-ти башенная крепость, получившая название Сумский острожек (Сумской Посад), предназначенная «для осадного времени немецких людей приходу», а в период между 1593–1598 гг. – Кемский городок (Кемь). Обе крепости являлись основными опорными и оборонными узлами на западном побережье Беломорья, имели достаточные гарнизоны из стрельцов, пушкарей и затинщиков¹¹. Территория же Заонежских погостов, покрытая древними лесами, озерами и болотами, была удалена от основных торгово-водных путей и самой шведской границы, вследствие чего до конца XVI века не подвергалась вражескому нападению.

В начале XVII века Московское царство переживало глубокий династический кризис, сопровождавшийся политическим вмешательством и вооруженной интервенцией со стороны соседней Польши, что стало поводом для участия в этих событиях и ее исторического противника – Швеции. Этот драматический период вошел в российскую историю как «Смутное время».

Используя борьбу русских против очередного самозванца – Лжедмитрия II, или «Тушинского вора»¹², поддержанного польским королем Сигизмундом III Вазой, Швеция предложила московскому царю Василию Шуйскому¹³ оказание военной помощи против общего врага. В ходе переговоров, начатых в конце 1608 г., шведы рассчитывали получить от Москвы за поставку войска пригранич-

⁹ Википедия: Иоанн III или Юхан III (1537–1592), король Швеции (1568–1592), сын короля Густава Вазы, начал реализацию идеи полного господства Швеции на Балтийском и Белом морях, в т. ч. за счет русских земель во время войны с Московским царством (1572–1595).

¹⁰ Подобные попытки имелись в истории Османской Турции, пытавшейся сделать внутренним Черное море.

¹¹ Фруменков Г. Г. «Соловецкий монастырь и оборона Беломорья», Северо-Западное книж. изд-во, 1975. <http://www.ivki.ru/kapustin/town/solovki01.htm>.

¹² Лжедмитрий II или «Тушинский вор», новый самозванец (1607–1610), опирался на польскую шляхту и договор с королем Сигизмундом III для возведения на русский престол королевича Владислава, организатор масштабного противодействия царским войскам, убит в Калуге (11.12.1610).

¹³ Василий Иванович Шуйский (1552–1612), русский царь Василий IV Иоаннович (1606–1610), коронован после убийства Лжедмитрия I, организатор восстановления Московского государства и подавления антиправительственного восстания И. Болотникова (1607), борьбы против самозванца Лжедмитрия II (1607–1610) и вторжения польско-литовского короля Сигизмунда III (1610), свергнут из-за непопулярности с престола и пострижен в монахи (27.06.1610), выдан полякам (09.1610), умер в заключении.

ные новгородские Водские земли вместе с Корельским уездом¹⁴, а также Поморские земли Беломорья вместе с Кольским полуостровом в придачу.

Находясь в сложном военно-политическом положении, царь Василий Шуйский вынужден был подписать Выборгский трактат от 28 февраля 1609 г., по которому Швеции передавался только Корельский уезд в обмен на 5000 шведских солдат под командованием Якоба Понтуссона Делагарди¹⁵ (в русских источниках – Яков Пунтусов). При этом сам Корельский уезд как бы «де-факто» отошел от российских земель еще в ноябре 1608 г. ввиду присяги его администрации с «целованием креста» Лжедмитрию II, как это делали многие уезды страны. Швеция могла принять это за угрозу своим границам в случае гипотетического размещения здесь для нападения войск враждебной ей Польши.

Однако фактическая передача Корельского уезда на протяжении 1609–1610 гг. намеренно затягивалась Москвой и Корелой под разными предлогами, в т. ч. и не без ведома самого «одумавшегося» царя В. Шуйского. После его свержения с московского трона шведы вторглись в уезд в сентябре 1610 г. и осадили крепость Корелу, где ее полугодовая героическая оборона закончилась 2 марта 1611 г. передачей цитадели на почетных условиях остатками гарнизона, от которого из 2000 защитников уцелело только около 100 человек. Следующим летом 1611 г. шведы вслед за Корельским уездом, сразу же переименованным в Кексгольмский лён, с помощью измены захватили Новгород и Ладогу, сделав это под предлогом в противовес Польше, захватившей в 1610 г. с помощью марионеточного правительства – «Семибоярщины»¹⁶ – город Москву, а затем и центральные города России. При этом по всей новгородской земле были распределены объединенные шведско-новгородские отряды под командованием шведских офицеров, которые стали совершать походы для подчинения дальних окраин новому новгородскому правительству с обложением их налогами, весьма необходимыми для ведения войны.

Следующим направлением для последовательной шведской агрессии стали Поморские земли и Кольский полуостров с незамерзающим побережьем, входившие в состав земель Соловецкого монастыря. Для этого в ходе новых переговоров в 1610–1611 гг. с администрацией «Семибоярщины» одновременно по поручению короля Карла IX¹⁷ началась и тайная подготовка рейдов шведских войск для их отторжения военным путем.

Первый отряд под командованием полковника Андерса Стюарта направился в январе 1611 г. из Улеборга в северную Карелию через Лопские погосты к Сумскому острожку у Белого моря. Снабжение входивших в него более 1000 человек, в т. ч. 120 конных шведских рейтаров, 300 пеших шведских кнехтов, 200 пеших наемников-ирландцев и 400 набранных по пути финских крестьян-

¹⁴ После войны с Россией (1590–1595) и победы русских по Тязинскому договору Швеция возвратила ранее захваченные крепость Корелу и Корельский уезд.

¹⁵ Яков Понтуссон Делагарди (1583–1652), граф, шведский военный и государственный деятель, активный участник событий Смутного времени, в 1620 – фельдмаршал.

¹⁶ «Семибоярщина» или «седмочисленные бояре», после свержения царя В. Шуйского правительство Московского царства (1610–1612), заключившее договор с Сигизмундом III Вазой о признании русским царем его сына Владислава.

¹⁷ Карл IX (1550–1611), король Швеции (1607–1611), третий сын Густава I Васы, во время династической войны с Польшей за Ливонию (1600–1608) активировал внешнюю политику Швеции против России.

лыжников, предполагалось на русской территории за счет местных ресурсов. Отряд имел задачу захватить Сумской острожек, который предполагалось использовать как шведскую военную базу для продолжения военного расширения владений королевства за счет поморских территорий Русского Севера. В походе шведы разоряли встречавшиеся на их пути села, первым из которых стали Лендеры, затем Ловуш-остров (Лоут-остров), Тюжня (Туженя), Чолка, Реболы, Котвас-озеро (Колвас-озеро), Ровкула, Вонгоры, Кимасозеро, Юшкозеро и Сопасалма, располагавшаяся на реке Кемь. Однако тяжелые климатические и погодные условия, трудное передвижение по глубоким снегам, достигавшим роста лошади, холод и голод стали реальной угрозой для всего похода. Карельское население, спасаясь от шведов, уходило в леса, увозило с собой и прятало продовольствие и фураж, в результате чего шведы вынуждены были повернуть обратно, не выполнив королевской задачи.

Второй отряд под личным командованием губернатора Вестерботнии Бальтазара Бека начал поход 12 февраля 1611 г. в направлении русского побережья Ледовитого океана для захвата Кольского острога. Однако русские стрельцы и карельское население Колы отразили приступ врага 2 марта, нанеся экспедиции достаточный урон. Отступая, шведы выместили свою злобу за поражение на жителях приграничья. При этом крайняя жестокость и тактика «выжженной земли» стали поводом для стихийного ответного похода карельских крестьян, объединившихся в партизанские отряды, которые в течение лета 1611 г. с не меньшей жестокостью разорялись финские села в Эстерботнии в приходах Оулуярви (Оулу), Ий, Кеми и Сало.

Осознавая угрозу, нависшую над Русским Севером, временное правительство из состава Первого ополчения – «Совет всей земли» – начало переговоры со шведской администрацией для установления мира, направив одновременно из Каргополя для защиты Поморья сильный отряд ратных людей под командованием Максима Васильевича Лихарева и стрелецкого головы Елизария Беседного. Прибыв 15 августа 1611 г. с войском в Сумской острог, М. Лихарев тут же занял пост воеводы и известил об этом шведские власти, предлагая установить мир в приграничных землях, а также обменяться пленными. При этом в его полномочия входила защита и северных Заонежских погостов, входивших при этом «де-юре» в состав новгородских земель.

Возвращаясь к захвату шведами Великого Новгорода 16 июля 1611 г., надо отметить, что уже 25 июля новгородские бояре заключили договор о приглашении на русский престол принца Карла Филиппа, герцога Сёдерманландского¹⁸, младшего брата короля Густава II Адольфа¹⁹, который был подписан со шведским главнокомандующим Якобом Делагарди. В этом сепаратном договоре также было указано, что все новгородские земли в составе т.н. «Новгородского государства» теперь считаются владениями шведского королевича.

¹⁸ Карл Филипп (1601–1622), второй сын Карла IX, принц, герцог Сёдерманландский, младший брат Густава II Адольфа, претендент на русский престол во время Смуты со стороны Швеции.

¹⁹ Густав II Адольф (1594–1632), король Швеции (1611–1632), сын Карла IX, имел прозвища «Снежный король» и «Лев Севера».

В этих условиях в конце 1611 г. шведская администрация Новгорода начала тайную подготовку очередного шведско-новгородского отряда для похода в Заонежье для утверждения там власти марионеточной новгородской администрации. Для дипломатического прикрытия этого похода была начата переписка с воеводой М. Лихаревым, которого всячески уговаривали присягнуть шведскому королевичу как реальному претенденту на русский престол.

С наступлением зимы 1611 г. шведско-новгородский отряд под командованием Ганса Мунка (в русских документах он именуется Анцмук)²⁰ и дворянина Богдана Лупандина с переводчиком Гансом Бракилем и подьячим Федором Витовтовым²¹ пришел из Кексгольмского уезда для сбора налогов в Толвуйскую волость. Однако благодаря спешному выступлению из Сумского острога русского отряда воеводы М. Лихарева, узнавшего об этом от толвуйских крестьян, Ганс Мунк вынужден был повернуть обратно. Теперь шведы поняли, что им может противодействовать достаточно мобильный и сильный отряд русских, и этот факт неотвратимого возмездия дал возможность получить тревожное и временное перемирие по всей границе.

Летом следующего 1612 г. в новгородской боярской среде не без активного участия Швеции стала формироваться идея о выходе земель Новгорода и Пскова из состава Московского царства с их присоединением на договорных началах к Швеции. Но к тому времени в России в очередной раз изменилась политическая ситуация благодаря формированию осенью 1611 г. в Нижнем Новгороде Второго ополчения под руководством К. Минина и Д. Пожарского, стоявшего к тому времени в г. Ярославле и ставшего реальной силой в России. По аналогии в его составе было создано новое временное правительство – «Совет всея земли», которое в ходе новых переговоров, теперь уже новгородско-ярославских, летом 1612 г. подписало соглашение со шведской администрацией о перемирии на территории Заонежских погостов. Однако при этом продолжала оставаться спорной территория Водлозерской волости Заонежья, граничившая с Каргополом. Вероятно, поводом для этого было то, что во времена Ивана Грозного в 1568 г. восточная половина Водлозерья вместе с Кенским волоком, соединяющим реку Водла с рекой Онегой, была приписана к Каргопольскому опричному уезду²², который теперь Новгород всячески пытался вернуть обратно.

Тем не менее в 1612–1613 гг. в Заонежских погостах, как новгородских землях, продолжались сборы хлеба и налогов на содержание шведско-новгородских войск. Хоть и выполнялись они новгородскими отрядами под командованием русских дворян, но военное прикрытие их обеспечивал размещенный летом 1612 г. у западной части Заонежских погостов на Ладожском озере, вероятно в Соломенской волости (Салми), достаточно сильный шведский отряд под командованием того же Ганса Мунка.

²⁰ Ганс Мунк или «Anes Munk» (Hans Mickelsson Munk), финский дворянин, ротмистр, затем полковник на шведской службе. См. Замятин Г.А. «Борьба за шведскую кандидатуру на Московский престол в 1613 году».

²¹ Селин А. А. «Новгородцы и каргопольцы в 1612 году», <http://nwae.spbu.ru/?1-302>.

²² А. Ю. Жуков, с. 269.

Так летом 1612 г. сбор налогов в Заонежских погостах был поручен новгородскому отряду под командованием Василия Федоровича Неплюева и Василия Ивановича Змеева. Помимо основных сборов им был предписан сбор дополнительных кормов по случаю приезда в Новгород королевича Карла Филиппа, а также убеждение местного населения в непоколебимости новгородской власти и устранении в России очередного претендента на русский престол – царевича Лжедмитрия III²³.

30 июля 1612 г. с другой стороны Обонежья в Андомский погост для сбора кормов пришел такой же отряд из Каргополя. При этом он находился под военным прикрытием до 8000 ратных людей под командованием воеводы Алексея Зюзина, размещенных в самом Каргополе. Это напугало собиравших налоги для Новгорода в Оштинском стане Заонежских погостов сборщиков Демьяна Апрелева и Павла Ханыкова, отряд которых находился на другой стороне Свири в укрепленном Александро-Свирском монастыре. В августе 1612 г. их сменили Григорий Бешенцов с подьячим Родионом Бабинным, продолжившие кормовые сборы в Обонежье, которых, в свою очередь, также сменили Яков Колокольцев с подьячим Пахомом Бобровским²⁴, вероятно как не справившихся с поставленной задачей.

Оказавшиеся в центре такого территориального спора за Заонежье крестьяне, вынужденные отдавать кормовые платежи как новгородским, так и каргопольским отрядам сборщиков, стали искать понимания такого положения дел и у Новгорода, и у Каргополя, пытаясь решить вопрос об освобождении их от двойных поборов²⁵.

Тем временем летом 1612 г. Второе ополчение осадило Москву и вынудило сдаться засевший в кремле польско-литовский гарнизон. В конце 1612 – начале 1613 гг. в Москве начал развиваться трудный процесс восстановления государственной власти и ее постепенного признания городами и уездами России. В начале 1613 г. избрание на Земском соборе царем Михаила Федоровича Романова, сопровождавшееся ультимативным нажимом на боярство со стороны казаков, дало первые надежды на завершение «Смуты».

При этом вместе с 18-летним польским королевичем Владиславом²⁶, носившим по договору с «Семибоярщиной» титул «Великого князя Московского», получил отставку и шведский претендент – 12-летний королевич Карл Филипп, где Швеция теряла право претендовать на северные русские земли, а присутствие в стране ее войск получало статус такой же интервенции. Но шведское правительство продолжило укрепление своего военного присутствия в новгородских землях, где под командованием Я. Делагарди началась подготовка к осаде Тихвина. Ранее он уже был захвачен шведами в 1611 г., но возвращен в мае 1613 г. в состав городов России восставшим населением, впусившим для своей защиты до 3000 русских казаков. Захват Тихвина давал широкие возможности для

²³ Селин А. А. «Новгородцы и каргопольцы в 1612 году», <http://nwae.spbu.ru/?1-302>.

²⁴ Селин А. А. приводит эти данные из «Челобитной Демьяна Апрелева» (1612), «Грамоты новгородских бояр» (1612) и документа «Память Колокольцову» (1612).

²⁵ Селин А. А. приводит эту выписку из Челобитной крестьян Никольского Шунгского погоста за 1611–12 гг.

²⁶ Владислав IV Ваза (1595–1648), будущий король Польский и Великий князь литовский (1632–1648), принял под осажденными поляками Смоленском присягу в 1610 г. в качестве русского царя или «Великого князя Московского» (1610–1934), на царство венчан не был.

расширения линии шведской обороны вместе с оккупированными Новгородом и Ладогой, а также для превращения Ладожского озера во внутреннее. Этим они могли бы обеспечить себе плацдарм для будущих вторжений на Русский Север и в Центральную Россию.

Накоплению и переброске шведских сил способствовало временное перемирие в войне с Данией, на что русские ответили спешным строительством острожков за пограничной Свирью в Пудожском, Шальском и Андомском погостах Обонежья, близких к Каргополю, и размещением там казачьих гарнизонов. До этого времени русских служивых казаков на Севере не было вообще, а рыскавшие казачьи шайки мало чем отличались от разбойных, добывая пропитание и фураж для себя такими же силовыми методами, убивая и грабя при этом как дворян, так и крестьян и священнослужителей.²⁷

Для привлечения казаков на государственную службу весной 1613 г. после воцарения Михаила Романа был создан «Казачий приказ», или «Казачий разряд», ведавший личным составом «вольных» казаков, их обеспечением, а также распределением приставств, наделением поместьями и денежными окладами. Так началось присоединение вольных казаков к войску нового царя с распределением их для несения службы в укрепленных острогах. Но и это не всегда было гарантией того, что казаки не предадут государственные интересы, переметнувшись на сторону врага, что повсеместно и наблюдалось затем в ходе казацкого восстания 1614–1615 гг.

Для усиления своей группировки в районе Тихвина шведы обратились за помощью к т.н. «черкасам»²⁸, выходцам из Малорусской Украины, или Окраины, входившим под началом гетмана Яна Ходкевича²⁹ до 1612 г. в состав польско-литовского войска короля Сигизмунда III Вазы, являвшегося династическим врагом королей Швеции. Отброшенные от Москвы после неудачной попытки прорваться на помощь польско-литовскому гарнизону в Кремле черкасы вместе с казаками-«тушинцами» и «русскими ворами» двинулись по дороге на Вологду и разбрелись по городам Русского Севера³⁰, в меньшей степени разоренным «Смутой». Своими набегами они сеяли повсюду смерть и разрушения, хитростью сумели захватить Вологду и Сольвычегодск, держали в осаде Тотьму и Каргополь, дошли до самого Архангельска.

Войско черкас из двух отрядов до 2000 человек под командованием большого полковника Барыша Польца (Барышполец) и атамана Сидора Острожского (Сидорка) в первых числах июля 1613 г. пришло к Тихвину, приведя с собой 3 роты «литовских людей» до 500 человек под командованием ротмистров Хайма или Халаима Иванова, Шпиколовского и Яницкого. В составе шведского войска они сразу же включились в осаду Тихвина и штурмы «жестокими приступами», заняв вокруг него

²⁷ Станиславский Александр Лазаревич «Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории», М., изд. «Мысль», 1990.

²⁸ Черкасы – собирательное название казаков, выходцев из малоросских или украинских земель, предположительно из состава запорожцев.

²⁹ Википедия: Ян Кароль Ходкевич (1560–1621), военный и политический деятель Великого княжества Литовского, великий подचाший литовский (1596), генеральный староста жмудский (1599–1616), польный гетман литовский (1600–1605), воевода виленский (1616–1621), гетман великий литовский (1605–1621).

³⁰ Видекинд Ю. указывал, что король польский Сигизмунд III после поражения поляков под Волоком от русских, разослал свои войска по России для ее масштабного разорения, где в северный край было направлено 6000 запорожских (черкасских) казаков. См. Видекинд Ю., с. 269.

остроги и монастыри. При этом объединенное войско шведов и черкас разгромило на подступах к Тихвину посланный ему на помощь русский отряд из 1700 ратных людей под командованием Исаа Самбулова и Ивана Загостскина, но самой осажденной крепости взять так и не смогло.

Военные неудачи и недостаток в войске продовольствия вынудили Я. Делагарди отказаться от дальнейшей осады Тихвина, но именно тогда у него и возник план похода на Русский Север, предполагавший захват слабо защищенных Холмогор и Беломорья, который он предлагал королю выполнить силами 3000 шведских солдат. По его предположению, этот поход мог бы «легко подчинить своей власти и эти места, пока люди не совсем еще враждебны», а также отрезать московское войско от поставок хлеба и вооружения из стран Запада морем через Архангельск. Дальнейшим направлением для нападений должны были стать Сумской острог и крепость Соловецкого монастыря, мимо которого «везут драгоценнейшие английские и голландские товары, сюда они обыкновенно и стекаются». Такой план давал возможность получения больших средств для обеспечения продолжения войн с Москвой и Польшей³¹.

Но, не получив на это королевской санкции от Густава II Адольфа, шведский военачальник попытался в конце 1613 г. реализовать его самостоятельно с помощью конных отрядов черкас, использование которых в этом дерзком рейде в качестве оплаченных шведских наемников до сих пор вызывает споры среди ученых. При этом не отрицается факт поддержания связи командиров черкас со шведами во время этого похода и готовности последних в любой момент принять их вновь к себе на службу.

Простояв до осени под Тихвином, отряды Барышпольца и Сидорка, ввиду недостатка продовольствия в шведском войске, направились на самостоятельное кормление в соседний Белозерский уезд, который захватили и грабили с сентября по октябрь 1613 г., а прибывшие вместе с ними 3 конные роты «литовских людей» ушли вместе со шведами в Новгород. В Белозерском уезде, находившемся по соседству с Заонежскими погостами, черкасы начали строить остроги на Вытегре, Мегре, Палтеге и в других местах для защиты от «московских людей», одновременно готовясь, ожидая ледостава, к рейду по Русскому Северу.

Для защиты Заонежья от «литовских людей» и черкас, а также от шаек русских казаков и «воровских людей» осенью 1613 г. на границу из Подвинья был прислан голова Богдан Иванович Чулков с задачей организовать сбор на месте ратных людей и препятствовать продвижению врага. Однако, прибыв в Пудож 10 ноября 1613 г., он узнал, что «обостроженные», т. е. в выстроенных острогах, черкасы готовятся к военному походу и ждут только полного замерзания рек и озер, являвшихся в те времена в России единственными зимними путями.

Спешно собрав даточных людей из местного населения «по душе от дыма» в Пудожском и Шальском острожках, Б. Чулков с небольшим отрядом (36 человек) поспешил к Андомскому острожку, расположенному на юго-востоке Онежского озера. Там несли службу государевы ратные ка-

³¹ См. Видекинд Ю., с. 271–272.

заки «станции» атамана Томилы Антипьева и его есаула Савки Никитина (118 человек) с приписанными «охочими людьми» (50 человек). При этом Б. Чулков, войдя в Андомский острожек, лично возглавить его оборону в качестве воеводы, приняв в подчинение и отряд атамана Т. Антипьева, чем, возможно, и уберег его от перехода на сторону Барышпольца и Сидорка.

Уже 21 ноября 1613 г. черкасы пришли к Андомскому острогу, который по своему обыкновению сразу же попытались взять приступом «с наскока» с использованием «примёт» (саней с горючими материалами для поджигания стен деревянных укреплений) и деревянных щитов, установленных, вероятно, также на санях, для прикрытия штурмующих от поражения пищалей. Но во время скоротечного боя черкасы были отбиты от стен и, потеряв более 200 человек убитыми, отступая, бросили тяжелые осадные щиты. Сами защитники, имея в гарнизоне чуть больше 200 человек, потеряли убитыми только шестерых казаков и ранеными семь ополченцев. Эти события Чулков описал в «отписке»³² молодому царю, подробно перечислив по именам всех казаков и «охочих людей», вероятно, для занесения их в соответствующий «Казачий разряд», дававший казакам вольности и привилегии. Возможно, этим «посулом» о дальнейшей царской службе он окончательно склонил казаков на свою сторону.

Потерпев первую неудачу, черкасы 23 ноября, т. е. через 2 дня, сняли осаду и двинулись на Каргополь. Следом за ними из Андомского острожка вышли ратные люди Б. Чулкова и казаки Т. Антипьева для сопровождения до границ Заонежья, не вступая при этом в открытое столкновение ввиду явного недостатка сил.

На пути к Каргополю черкасы, потеряв «языка» и перебежчика, поняли невозможность подойти «безвестно», т. е. тайно, к крепости, подготовившейся к обороне. Поэтому другим направлением для похода была выбрана Двинская земля, где по, слухам, а может быть, по подсказке Я. Делагарди, Холмогорский острог с еще недостроенными стенами занимало всего лишь 50 ратных людей, охранявших складированный в большом количестве «заморский узорочный товар». Продвигаясь по замерзшим рекам – древним путям, они вторглись в Двинские земли, свернув от реки Онеги в районе Турчасово на северо-восток и по волоку вышли к Северной Двине³³.

Недалеко от Емецкого острога черкасы подверглись дерзкой вылазке небольшого отряда стрельцов. Но уже 6 декабря они подступили с осадой к Холмогорскому острогу, имевшему к тому времени спешно достроенные и достаточно укрепленные стены, а также усиленный гарнизон с пушками из Архангельска. Начатый 8 декабря первый приступ, он же и последний, был успешно отбит, а полковник Сидорок получил ранение в колено. Получив достойный отпор от осажденных, черкасы двинулись дальше. При этом от перебежчиков и захваченных «языков» удалось узнать, что в их отряде

³² Акты Московского государства. Том 1. Разрядный приказ. Московский стол. 15711634. За 1614 год, № 47, «Отписка Богдана Чулкова о поражении им с козаками и охочими людьми под Андомским острожком в Заонежских погостах Литовских людей и о погоне за ними под Каргопол, с приложением списка казаков и охочих, людей, кои были с ним в Андомском острожке».

³³ Двинская земля (до XV в. – Заволочье) – земли бассейна рек Онеги и Северной Двины, ныне часть современной Архангельской области.

находится до 1200 человек, где только 300 из них вооружены литовскими пищальями, а остальные луками со стрелами и пистолетами. Кроме черкас в войске было много детей-«пахолков»³⁴, которых для придания видимости численного перевеса ставили среди нападавших, а также до 100 человек донских казаков, до 30 человек новгородских татар, 3 человека «немцев» и русских полоняников до 10 человек.

14 декабря черкасы подошли к Архангельску и попытались осадить его, но вылазки гарнизона и устрашающие жерла пушек на стенах отпугнули их. Не имея возможности и обычая вести длительную осаду, Барышполец и Сидорок двинули свои отряды мимо Архангельска к устью Двины и вдоль моря на запад, продолжая грабить береговые селения и монастыри.

Возможно, что после этой неудачи в Двинской земле атаманы Барышполец и Сидорок осознали, что вернуться обратно по старым путям через занятые государевыми людьми и казаками Двинские и Каргопольские земли они уже не смогут. Единственным выходом для них стала перспектива идти в контролируемые шведами Заонежские погосты, входившие в состав новгородских земель, и вновь поступить к ним на службу, а затем через Новгород и Эстляндию вернуться обратно в свою Малороссию. Об этом упоминается в показаниях захваченного «языка» – «чекашенина Илейки»³⁵. При этом часть черкас попыталась с боями вернуться по старой дороге обратно, выслав впереди себя отряд сотника Федка (Федька)³⁶, но, вероятно, вынуждена была повернуть и также идти в Заонежье другой дорогой.

Это направление еще больше определилось у черкас после следующей неудачи под Сумским острогом, к которому основная их часть прошла от Терского берега по льду через Онежский залив. В упорной осаде, где «приступы с пушками были», их немало было перебито сидевшими за крепкими стенами монастырскими стрельцами и местными жителями, а при отступлении «многих немецких и воровских людей» также побили «служки и крестьяне» монастырские.

В источниках не указано, как оба отряда Барышпольца и Сидорка прошли в северное Обонежье и вторглись в Выгозерский стан Заонежских погостов. Отмечено, что они шли сюда двумя дорогами, одна из которых могла пролегать по древним путям через укрепленное «спереди стоячим тыном, а позади в забор» село Сорокское и далее – по системе Выгорецких рек и озер до Онежского озера. При этом, как указано историками, Шуньга, являвшаяся вотчиной Тихвинского Богородицкого монастыря, стала для них первым узлом заонежской обороны. Вторая дорога, о которой уже упоминалось выше, могла пролегать вверх по реке Онеге и далее через волок по реке Водла с выходом со стороны Пудожского берега Онежского озера. Однако это остается предположением, ввиду того, что

³⁴ «Пахолкок» или «пахолик» - малый, парень (словарь Даля), нестроевой, прислуживавший в отряде казакам (Ардашев Н. Н.), насильно уведенный казаками ребенок, содержавшийся в начале XVII в. Казачьем войске на положении слуги - «чура» (Станилавский А. Л.). Обобщая, можно сказать, что это слово обозначает мальчика-подростка, насильно взятого в казачье услужение, рост которого доходил до нижней части холки коня (отсюда параметры роста – по холку), соответствующей примерно 150–160 см или возрасту подростка 14–16 лет (Федосов А. В.).

³⁵ Ардашев Н. Н. «Из истории XVII века. Очищение русской земли. Поход Черкасс» (1612–1614); «Журнал министерства народного просвещения», 1898, июнь.

³⁶ Федка, или Федька, будет захвачен в плен во время «Олонецкого погрома» весной 1614 г.

сведений о разорении как села Сорокского, так и Пудожского и Шальского острогов, до настоящего времени не имеется.

Во время похода атаман Сидорок, следующий, вероятно, в первом направлении, сумел завязать переписку с известным нам Гансом Мунком, командиром шведского отряда, находившегося, как указывают историки, в это самое время на северо-западе от Онежского озера в Лопских погостах³⁷. Присутствие шведов по соседству облегчало черкасам ведение переговоров о приеме их на службу через представителя шведской администрации.

Однако раньше северное Обонежье взял под свою защиту вооруженный отряд из казаков Томилы Антипьева и «охочих людей» под общим командованием воеводы Богдана Чулкова, заняв оборону в Егорьевском Толвуйском погосте. Здесь же был «срублен» 7-ми башенный деревянный острог, бревенчатые стены которого в виде «тарасов» (ящиков) изнутри были засыпаны мелким камнем и землей. Кроме того, по всему периметру острог был огражден стоячим тыном с расположением внутри него 23 осадных дворов и 14 изб крестьянских и монастырских с церковью Георгия Великомученика в центре.

К этому времени от шведской границы пришел с «ратными казаками» атаман Ермолай Поскочин, действовавший там по «государеву указу», которых Б. Чулков зачислил в свой отряд и определил строить Шуньгский острог размером поменьше. Для его строительства и обороны в погосте был проведен сбор «охочих людей», однако командование гарнизоном Б. Чулков поручил другому казачьему атаману Богдану Грязному вместе с «волостным человеком» Власом Котовым.

Оба острога были построены в короткие для условий Севера сроки, но по всем правилам тогдашней фортификации. Об этом, как о своей заслуге, Б. Чулков указывает в письме царю³⁸, а также о привлечении к строительству крестьян Важицкого монастыря и, возможно, монахов Палеостровского и Хутынских монастырей. Однако здесь возникает ряд вопросов, ответы на которые предстоит еще отыскать.

Во-первых, если предположить, что Б. Чулков вышел из Андомского острожка с казаками и ратными людьми вслед за черкасами 23 ноября 1613 г., сопровождая их до границ Заонежских погостов, а затем пошел в северную часть Онежского озера, куда они нагрянули 2 января, то на строительство острогов у него было только 40 дней. Из них надо вычесть время на все переходы войска по снегам и по льду Онеги, а также отметить, что о направлении движения черкас в Заонежье он мог узнать только после их отступления от Архангельска (15 декабря), и то с учетом времени доставки оттуда «отписки» по снежному бездорожью, да и то через Каргополь.

³⁷ В этом случае можно расценивать действия Ганса Мунка как вторжение в Лопские погосты, входившие в состав земель Соловецкого монастыря. Но, вполне вероятно, он проводил кормовые сборы на севере Заонежских погостов без перехода границы. Его неучастие вместе с черкасами в нападении на Шуньгу и Толвую, вероятно, объясняется отсутствием распоряжений от Я. Делагарди, которые поступили после начала событий спустя две недели (Федосов А. В.).

³⁸ Акты Московского государства. Том 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. За 1614 год, № 59-й, «Отписка воеводы Богдана Чулкова об отбитии польских и Литовских людей от Никольского и Шуйского острожков, с приложением расспросных речей «языков» о количестве неприятельского войска».

Кроме того, за такое короткое время, да еще в условиях карельской зимы и смерзшейся земли, заготовить камень, которым были набиты по всему периметру оборонительные «тарасы», также было весьма затруднительно. Однако, справедливости ради, надо указать, что бревна для стен острогов могли быть использованы от разобранных крестьянских изб из близлежащих сел, что ускоряло процесс строительства и не давало возможности черкасам расположиться для осады вблизи острогов в тепле.

Во-вторых, если документы и историки указывают на соединение отряда Б. Чулкова с прибывшими от границы «ратными казаками» Ермолая Поскочина, которому поручено строительство Шуньгского острога, то здесь абсолютно не ясно, откуда тогда взялся в этих местах казачий атаман Богдан Грязной со своими людьми, почему затем ему была поручена оборона Шуньги, а также где были во время обороны Заонежья атаманы Томила Антипьев и Ермолай Поскочин со своими «станциями».

В-третьих, Б. Чулков, так старательно записавший в своей первой «отписке» царю все имена защитников Андомского острога, в следующем послании об обороне Шуньги и Толвуи этот вопрос обходит стороной, упоминая лишь вскользь о казаках, отстоявших «государево дело» в этих местах.

Тем не менее, черкасы появились в Шуньгском погосте 2 января 1614г., осадив острог и направив отряд к Толвуе, откуда Б. Чулков вывел имеющиеся силы и в полевом сражении у деревни Падмозеро (8 января), что в 6 верстах от острога, нанес им серьезное поражение. Потеряв много людей и два бунчука-знамени, черкасы были вынуждены отказаться от дальнейшей осады Толвуи. Но более легкой добычей, ввиду небольшого гарнизона, казался Шуньгский острог, к которому 13 января черкасы «приступили с щитами и примётами жестоким приступом», но защитники из казаков и «волостных людей» отсиделись и «многих черкас под острожком на приступе побили».

Кроме того, мелкие стычки во время вылазок небольших отрядов («посылок») защитников также приносили ощутимый урон врагам, терявшим своих людей убитыми и плененными. Здесь же было освобождено несколько «пахолков», взятых в разное время в плен из Боровичей Новгородского уезда, а также взяты «языки», среди которых были и «русские воры». Если «пахолков» расспрашивали, сопоставляя их показания, то «литвина да чекашенина» допрашивали с особым пристрастием, замучивая до смерти, а все полученные сведения обобщили в «расспросных речах» и направлять той же «отпиской» царю. При этом «языки» показывали, что в отряд Барышпольца состоит из 800 человек, а отряд Сидорка – до 700 человек, что «здесь им стоять в Толвуе и Шуньге под острожками три недели и больше, и к острожкам де им приступить жестокими приступами, и будет они не смогут острожков приступом взять, и им де в острожках людей голодом морить, а не могут голодом выморить острогов, и им де идти под Великий Новгород к Якову Пунтусову»³⁹.

Длительное нахождение черкас в этих местах предполагало создание единого лагеря в теплых домах, огороженного и укрепленного на случай обороны. Сегодня на это место, вероятно, указывает

³⁹ Акты Московского государства. Том 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634 гг. за 1614 год, № 59-й «Отписка воеводы Богдана Чулкова об отбитии польских и Литовских людей от Никольского и Шуйского острожков, с приложением расспросных речей «языков» о количестве неприятельского войска».

деревня Черкасы с характерным не карельским названием, расположенная при этом хоть и в районе боевых действий, но на достаточном удалении от Шуньги и Толвуи. Также в условиях холодной зимы при скоплении большого количества людей и их лошадей неизбежен и большой расход продовольствия и фуража, которые могли свозить к лагерю разъездные отряды, собирая его в немногочисленных и удаленных друг от друга бедных деревнях, местное население которых разбежалось по лесам. И только ожидание решения шведского командования из Новгорода вынуждало их терпеливо прозябать в бескрайних снегах Карелии предполагаемые три недели⁴⁰.

Однако, вероятно, в Новгороде решение приняли несколько раньше и атаман Сидорок выехал для личной аудиенции в лагерь Ганса Мунка для получения предписания. Здесь, правда, не обошлось без курьеза. Шведы, заведя отряд черкас, открыли огонь, думая, что перед ними русские казаки, но потом разобрались, и переговоры состоялись. При этом атаман Сидорок, получив распоряжение от Я. Делагарди, должен был вынести его на «круг» для общего решения и подтверждения всеми черкасами желания идти на шведскую службу. По предписанию черкасы должны были идти на соединение со шведским отрядом в район Олонецкого острога⁴¹, который надлежало вместе и захватить, а оттуда – под Ладугу, осажденную «московскими людьми», и далее в Новгород, находившийся в руках шведов.

Через «две недели и три дня» после начала осады Толвуи и Шуньги, т. е. примерно 17 января, отряды Барышпольца и Сидорка (1500 человек) снялись с лагеря и 29 января 1614 г. поступили под начало Ганса Мунка в районе Олонца. При этом шведский отряд насчитывал до 2000 человек – 400 конных солдат, 1200 пеших солдат и 400 крестьян-лыжников из «корелян», набранных, предположительно, в Кексгольмском лёне. Такое объединенное войско в количестве до 3500 человек стало представлять серьезную угрозу русским силам в районе Приладожья.

Выделенный из его разнонационального состава передовой отряд до 800 человек попытался неожиданным приступом захватить Олонецкий острог, в гарнизоне которого находились казаки «станиц» атаманов Михаила Титова и Михаила Рячина под общим командованием головы Захария Страхова. Их небольшими силами, примерно до 200 человек, «на том бою черкас и немецких людей многих побили и знамена и многих языков взяли», не сдав крепости. Однако удерживать Олонецкий острог защитники не могли ввиду приближения головных сил Ганса Мунка и недостатка продовольствия для длительной осады, потому и отошли на юг к Свири по реке Верге к деревне Неглинской, оставив крепость без боя.

Так Олонецкий острог стал первым укрепленным пунктом, доставшимся черкасам и шведам на карельском театре военных действий. Здесь же в округе они сразу стали устанавливать свои известные порядки, убивая и грабя местное население. В «Дозорной книге Олонецкого погоста 1616–1617

⁴⁰ Вероятно, три недели – это расчетное время, определенное Гансом Мунком, которое должно уйти на доставку корреспонденции с нарочными в Новгород и получения обратно ответа с учетом предполагаемого времени на принятие там решения (Федосов А. В.).

⁴¹ Олонецкий острог мог находиться раньше в руках шведов как их главная база в Приладожье, но отбит русскими казаками, в результате чего его захват должен был стать шведским реваншем.

гг.»⁴² отмечено, что «немецкие и литовские люди и казаки многих крестьян з женами и з детьми побили, и дворы их сожгли, и животы поимали без остатку, а которые крестьяне после войны остались, и те обнищали».

Слух о захвате шведами и черкасами стратегического Олонецкого острога, прикрывавшего границу с теперь уже шведским Кексгольмским лёном, быстро дошел до тихвинского руководства царского войска, осаждавшего Ладогу. Оттуда был специально выделен отряд «ратных людей», служивых татар и казаков из «тихвинских сидельцев» под общим командованием татарского воеводы Барай-мурзы Алеевича Кутумова⁴³ вместе с таким же романовским воеводой – Сююш-мурзой Юсуповым⁴⁴. Этот отряд в количестве 1200 человек расположился в Сермакском и Рождественском погостах у реки Паша, куда 31 января пришли и олонецкие казаки атаманов Михаила Титова и Александра Трусова. С собой они привели пленными 19 «языков», в т.ч. 13 шведов и 6 черкас.

Уже 4 февраля две «станицы» казаков из «тихвинских сидельцев» под командованием атаманов Федора Бронникова и Ермолы Терентьева, посланные под Олонец, «черкас многих побили и языков поимали», где из 15 пленных 6 наиболее тяжело раненных отправили для допросов в Тихвин к воеводе Федору Кирилловичу Плещееву. Полученные «расспросные речи» этот воевода направил царю, а заодно наметнул о поведении на реке Паша Барай-мурзы Кутумова и ушедших под его начало олонецких казачьих атаманов, предполагавших вместе с ним «по прежнему воровать»⁴⁵.

В этих условиях в январе 1614 г. в занятый черкасами с 1613 г. Белозерск из Москвы «с царским жалованным словом к черкасам» выехали войсковые есаулы Герасим Обухов и Важен Борисов с 30 казаками. В их задачу входило привлечение черкас на царскую службу, что, возможно, соответствовало желанию самих украинских казаков. Предполагается, что в феврале в Олонце атаман Сидорок со своим полком находился в ожидании этой царской грамоты, намереваясь дальше «служить государю». Однако, когда царские послы только добрались до Белозерска, правительственные войска под командованием Барай-мурзы Кутумова по указу того же царя Михаила Романова уже громили захвативших Олонецкую крепость черкас.

⁴² Станиславский А. Л. «Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории», М., изд. «Мысль», 1990.

⁴³ Википедия: Барай-Мурза Алеевич Кутумов (ум. ок. 1648), романовский мурза, полковой и городской воевода, один из руководителей романовских служилых татар, наемный участник ополчения К. Минина и князя Д. Пожарского, сын ногайского Али мурзы Кутумова, уехавшего в Россию из Ногайской Орды ок. 1564 г. и получившего Романово от царя И. Грозного. По своему статусу был выше татарских служилых князей, уступая только служилым царевичам и Иль мурзе Юсупову (позднее Сююш мурзе Юсупову).

⁴⁴ Сююш-мурза Юсупов (?– 1654), романовский мурза из потомков хана Едигея, полководца Тамерлана, ходившего походом на Москву в 1408 г., и основателя Крымской Орды. Его дед хан Юсуф (1480-е – 1555), правнук Едигея, был убит своим братом Измаилом, который отправил двух его сыновей – братьев Иль-мурзу и Ибрагим-мурзу заложниками в Москву. Царь Иоанн Грозный принял их на службу и наделил сирот землями в Романовском округе на Волге. Ибрагим-мурза умер, а его отец – Иль – мурза (ум. 1611) оставил пятерых сыновей, в т. ч. Сююш-мурзу Юсупова, который верно служил российскому престолу при царе Михаиле Романове. Его сын Абдул-мурза на службе у царя Алексея Михайловича принял крещение и получил прозвище Юсупов-Княжево, став основателем знаменитого российского рода князей Юсуповых.

⁴⁵ Акты Московского государства. Том 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634 гг. за 1614 год, № 57-й. «Отписка воеводы Федора Плещеева о побеге атамана Михаила Титова со взятыми под Олонцем языками к Барай мурзе».

В начале марта 1614 г. недалеко от Свири на реке Сермаксе произошло последнее большое сражение, получившее название «Олонецкий побой», где объединенные русские отряды из-под Ладоги, из Тихвина и Олонца в составе русских ратников, казаков, татар и «охочих людей» сошлись в жестоким бою с отрядами черкас, истребив их более 1000 человек. При этом отряд атамана Барышпольца был практически полностью уничтожен и его имя навсегда исчезло из русской истории. Однако имя атамана Сидорка, в полку которого после разгрома осталось до 500 человек⁴⁶, еще будет всплывать в нашем исследовании.

Источники не доносят, что стало со шведским отрядом под командованием Ганса Мунка, также направлявшегося в Олонец следом за передовым отрядом, но известно, что из шведского пограничья Кексгольмского лёна в районе Ладоги на помощь черкасам пытался пробиться шведский отряд в составе 100 конных и 200 пеших солдат. Однако он успел подойти к Олонцу, еще занятому тогда поредевшими черкасами, только на следующий день после сражения. Тем не менее, по приказу Я. Делагарди черкасам предписывалось отойти вместе со шведами в пограничный Кексгольмский лён в «Соломенскую волость», а оттуда – в крепость Кексгольм и «в литву» и далее – в Лифляндию, вероятно, чтобы оттуда уйти в Малороссию. Однако ввиду большого снега и действовавших на дорогах карельских партизан сделать этого они не смогли. Атаман Сидорок вынужден был повернуть свой полк на север для захвата Шуйского погоста (Шуя)⁴⁷ на западном берегу Онежского озера.

Туда же шведским командованием из крепости Кексгольм был направлен отряд в 200 солдат под командованием того же Ганса Мунка, который соединился с черкасами 10 марта в районе Тулмозера для совместных действий по захвату Никольского Шуйского погоста. Весной общими силами их объединенный отряд должен был совершить рейд в район Белоозера и Каргополя. Об этом 17 марта и доносил в Каргополь Б. Чулков, имевший к тому времени ответное предписание царя идти с отрядом под Ладогу и далее на Новгород для соединения с главными силами русских против шведов и новгородцев.

Однако сил для выполнения этого дерзкого плана Я. Делагарди указанным отрядом общим числом до 700 человек шведов и черкас явно не хватало. После «Олонецкого побоя» черкасы были деморализованы, и атаман Сидорок, выйдя из подчинения Ганса Мунка, не дожидаясь начала весеннего похода, увел свой полк в Новгород к Я. Делагарди, где затем выполнял вспомогательные задачи в составе шведско-новгородских войск. Здесь также, вероятно, произошло разделение черкас, часть которых ушла в «обостроженный» ими ранее Белозерский уезд, используемый для «кормления».

О первой части этого отряда черкас упоминает и историк Видекинд Ю.⁴⁸, указывая, что в 1614 г. еще приставшие в Заонежских погостах или «в Онеге» (Agnega) к Гансу Мунку 600 запорожских ка-

⁴⁶ 500 человек — обычная численность полка украинских казаков со времен Стефана Батория.

⁴⁷ В «Отписке воеводы Богдана Чулкова об отбитии польских и Литовских людей от Никольского и Шуйского острожков, с приложением расспросных речей «языков» о количестве неприятельского войска» от 2 марта 1614 г. и ответе на нее царя упомянутый Шуйский острожек историки принимают за Шуньгский. См. Акты Московского государства, т. I, Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634, за 1614 год, № 59.

⁴⁸ Видекинд Ю. Указ. соч. с. 319.

заков, которые «верно служили год назад под Тихвином, а потом бродили по всей России», обратились с просьбой о принятии их на королевскую службу. Правда, его атамана он именует полковником Корнилием, которому Я. Делагарди до распоряжения короля приказал отправиться в Новгород. Позже этот отряд казаков был послан под Новгород к Бронницам⁴⁹ на помощь шведскому полковнику Коброну, где «200 польских казаков служили верно», а вскоре «напали на одно укрепление и уничтожили там русских 20 июня».

Ю. Видекинд также упоминал и о второй части отряда черкас, указывая, что «в Тихвин пришли 1200 казаков и 400 стрельцов, после того как оттуда ушли в Кексгольмскую область 2 тысячи поляков (черкас), бывших там вместе с нашими людьми. Оттуда они намеревались отправиться к Хансу Мунку, расположившемуся на другой стороне Олонца (Agnisma); некоторое время они пробыли там, а затем пошли в Белозерск. К ним присоединились также 500 русских казаков из бывших в Тихвине, после чего ими послан был гонец к Заруцкому сообщить, что все захваченное они будут удерживать за ним»⁵⁰.

Однако уже 23 апреля 1614 г., далеко на восток от Карелии, угличский воевода И. Головин сообщал царю о разгроме на Мологе отряда украинских казаков, пробиравшихся из Заонежских погостов в Астрахань к атаману Заруцкому⁵¹ вместе с 500 русскими казаками – недавними «тихвинскими сидельцами», с которыми они сражались друг против друга. При этом русские казаки, посчитав себя освобожденными от государственной службы, вместе с черкасами «учали пуще прежнего воровать».

Так бесславно закончился кровавый поход черкас и «воровских казаков» по землям Русского Севера, где боевые действия с ними и их шведскими хозяевами в восточной и северной Карелии в целом закончились к середине 1614 г. Но еще долго на этих землях продолжали бродить мелкие шайки черкас, занимавшиеся грабежами и насилием. Память о них, как о нашествии «панов» и «литовцев», дошла до нас помимо исторических документов еще и в многочисленных преданиях, сказках и легендах, повествующих о крайней степени абсолютного зла и жестокости черкас по отношению к такому же православному мирному населению.

Однако к этому времени в возрождающейся после падения Московского царства новой Великой России, истерзанной восстаниями и бунтами, иностранной интервенцией и оккупацией, разворачивалось очередное кровавое казачье восстание 1614–1615 гг. против правительства Романовых. Во

⁴⁹ Николай Шефов «Битвы России. Военно-историческая библиотека». М., 2002. Сражение под Бронницами на реке Мста (30 км от Новгорода) произошло 16 июля 1614 г. между русским войском Д. Т. Трубецкого и шведским войском Я. Делагарди. Отсутствие дисциплины у русских, грабивших окрестные деревни, помогла Делагарди действовать наступательно, нанести серьезное поражение и блокировать их лагерь, в котором начался голод. При прорыве к Торжку русские понесли большие потери. Это позволило шведам активизировать военные действия и овладеть в сентябре 1614 г. крепостью Гдов, прикрывавшей с севера дорогу на Псков.

⁵⁰ Видекинд Ю. Указ. с. 309–310. Здесь историк указал на начало и конец похода черкас, пропустив их продвижение к Белому морю и по Заонежским погостам. При этом он указывает на отделившуюся от них часть, которая вернулась в Белозерский уезд.

⁵¹ Заруцкий Иван Мартынович (?-1614), предводитель казачьих отрядов в России во времена «Смуты», воевал в войске И. Болотникова (до 1607), служил Лжедмитрию II (1607–1610), а затем польскому королю Сигизмунду III (1610), женился на жене самозванца Марии Мнишек, примкнул к Первому ополчению П. Ляпунова (1611), выступил против Второго ополчения (1612), занял Астрахань (1612–1614), откуда бежал в уральские степи, выдан казаками правительству (1614) и казнен вместе с женой в Москве (БСЭ, 1969–1978).

время него все население центральных, северных и южных уездов страны «от казаков и от черкас посечены и от казачья разоренья разошлись в мир безвестно». Последствием восстания стал страшный голод, наиболее затронувший северные районы Русского государства. После его подавления в 1615 г. некоторые казачьи «воровские» отряды скрылись на оккупированной шведами территории, вместе с которыми продолжили кровавые бесчинства на линии боевых действий между Новгородом и Москвой.

Возвращаясь к нашим «героям», прославившимся своими «подвигами» в Карелии – атаману Сидорку и шведскому командиру Гансу Мунку, можно указать на следующие события, связанные с их именами.

Так, летом 1614 г. Ганс Мунк со своим отрядом «кнехтов из Большого и Малого Саволакса» двинулся вновь в Заонежские погосты, «намереваясь подчинить эту область его величеству», выйдя к границе 27 июля из Крикийохи (Куркийоки). Здесь же он получил известие, что из Сумского острога «пришли два полковника с 400 стрельцами из лопских погостов (Lapzpatin), а также 200 казаков из северной части Кексгольмской области и 100 крестьян, в том числе с 50 поляками, которых они увлекли силой». Шведский командир быстро выдвинул свой отряд им навстречу, настигнул «у деревни Уганьской (Uganenni)» и разгромил этот русский отряд в бою, однако и сам там же был тяжело ранен⁵².

Испытав всю горечь своего поражения у деревни Угоньями на озере Пюхьяярви в Кексгольмском лёне, «отряд русских собрался в Олонце, намереваясь отплатить Хансу Мунку за тот урон, который он причинил». Из Новгорода на помощь шведам в направлении Тихвина было выслано несколько сот человек «отбивать вторжения неприятеля из Олонца в Кексгольмскую и Выборгскую области»⁵³.

Далее, зимой 1614–1615 гг. в Кексгольмский лён вторглись 700 русских «ратных казаков» и стали теснить отряд Ганса Мунка, который был к тому времени комендантом крепости Кексгольм при наместнике Хансе Стольхандсе⁵⁴. На помощь шведами из Новгорода был направлен атаман Сидорок с полком в составе 600 черкас, но из этих боев обратно в Новгород вернулось только порядка 150 человек. В марте 1615 г. атаман Сидорок, или Сидор Острожский, разочаровавшись в шведской службе, ушел из Новгорода и окончательно увел на русскую службу остатки своего отряда украинских казаков.

В современных публикациях⁵⁵ и исследованиях⁵⁶ встречаются сведения о том, что атаман Сидорок, активно действовавший со шведами под Бронницами, изменил им и примкнул под Тихвином к воеводе Андрею Федоровичу Палицину, выполнявшему царский указ с отрядом в 2000 казаков и

⁵² Видекинд Ю. Указ. соч. с. 322–323.

⁵³ Видекинд Ю. указ. Соч. с. 349.

⁵⁴ Видекинд Ю. Указ. Соч. с. 380.

⁵⁵ Рабинович Я. Н. «Личности Смутного времени: Андрей Федорович Палицын», журнал «Известия Саратовского университета», 2009, т. 9., серия «История. Международные отношения». Вып. 2.

⁵⁶ Кобзарева Е. И. «Шведская оккупация Новгорода в период Смуты», М., 2005.

пользовавшемуся в казачьей среде особой популярностью. В «отписке» царю от 19 марта 1615 г. им указано, что «выехало тех черкас с полковником Сидором и ротмистром 140 человек рядовых и 210 пахоликов», т. е. те самые остатки от некогда большого полка. В мае атаман Сидорок получил от царя прощение «за выезд», а всему его отряду с марта стало выдаваться царское денежное довольствие или «поденное жалование» (ежедневное). При этом полагалось «полковнику Сидору – 5 алтын в день, ротмистру – 4 алтына, рядовым – по 2 алтына, пахоликам – по 1 алтыну». Всего на 350 человек в марте было послано 104 руб. 16 алтын⁵⁷, где 98 человек находились под командованием Халаима Иванова, известного нам по Тихвинской осаде, а «пахолки» признавались, получая царские деньги, за низший состав служивых казаков. Затем полковник Сидорок был отправлен «на житье» в Казань, а его рядовые казаки-черкасы – в отдаленные районы Поволжья и Сибири, где продолжили службу подальше от мест своей прежней «боевой славы».

К концу 1615 г. постепенное восстановление порядка в Российском государстве и продолжение войны с Польшей, а также шаткое положение Швеции в Новгороде, население которого готово было в любой момент поднять восстание, привело обе стороны к пониманию необходимости прекращения войны дипломатическим путем. В октябре 1615 г. начались мирные переговоры, затянувшиеся на долгие четырнадцать месяцев до начала 1617 г., в ходе которых Швеция делала все, чтобы оставить за собой большую часть захваченной русской территории.

В этом процессе известный нам Ганс Мунк появляется 19 января 1616 г. в составе депутатов от шведского военного командования⁵⁸ во время ригсдага, или высшего королевского совета, собранного королем Швеции в Гельсингфорсе (Хельсинки). Среди мнений представителей своего народа, уставшего от войн, король услышал обидное: русская война ведется «более из жадности к чужой земле, чем по необходимости».

В том же 1616 г. шведами была предпринята попытка вынудить русских пойти на территориальные уступки в переговорах⁵⁹, подкрепленной подготовкой к строительству крепости у реки Сермаксы на Свири на стороне Олонца вблизи места недавнего «Олонецкого побоя» для создания угрозы Тихвину. Для военного прикрытия строительства была назначена финская конная рота под командованием того же Ганса Мунка. Но началу строительства помешал голод, и его перенесли на осень ввиду невозможности отправить продовольствие. Затем Я. Делагарди вынужден был предложить королю «свирское укрепление» не начинать строить осенью, как больше мешающее ведению переговоров. Однако при этом для демонстрации силы «он отрядил множество ладей, в противовес ладьям русских в Ладожском озере, и направил их в Свирь, где построил острожек, чтобы прикрывать свои ладьи, а также мешать русским выйти из реки в озеро». Это было сделано, чтобы наладить снабжение войск по воде, а также чтобы опередить действия русских, которые в прошлом 1615 г. собрали в

⁵⁷ Рабинович Я. Н. ссылается на документ «О жаловании казакам С. Острожского и Халаима Иванова в апреле – мае 1615 г.» из Приходно-расходных книг Разряда 123 года // РИБ, т. 28, ст. 335–336 (на 140 чел.) и сб. 342 (на 98 чел).

⁵⁸ Видекинд Ю. Указ. Соч. с. 389–392.

⁵⁹ Видекинд Ю. Указ. Соч. с. 398–401, 404–406.

Олонце 30 ладей и лодок вместе с людьми, вступивших в начале мая в бой с полковником Коброном, посланным на разведку к Тихвину, и вынудили его отступить⁶⁰.

Далее Я. Делагарди снова предложил перенести строительство крепости ко времени наступления зимы, предварительно сделав вылазку в Заонежье, аргументируя при недостатке продовольствия тем, чтобы «добыть себе что-нибудь на содержание, то укрепление при Свири могло бы легко быть построено и защищено».

Об этих приготовлениях шведов к вторжению в Заонежские погосты, в т.ч. при участии казаков, олонецкие крестьяне сообщали в Тихвин: «Збираютца многие казаки в Олонецком погосте, а говорят и похвалютца, хотят приходить в Заонежские погосты воровать и шарпать». Меры противодействия со стороны русских отмечены в документах описи Белозерской приказной избы, где под 1616 г. значится «грамота, а по ней велено проведать про воровских казаков и, сослався на Тихвину, и на Вологду, и в Каргополь с воеводами, послать на тех казаков голов с сотнями». Таким образом, действия шведов по закреплению на стороне Олонца были предотвращены и полностью провалились.

Тем не менее переговоры, продолжавшиеся в течение 1615–1617 гг. при участии английских посланников, закончились 23 февраля 1617 г. в деревне Столбово на реке Сяси подписанием мирного договора, которым Россия, потеряв Водскую пятину (Ингрия) и Корельский уезд (западная Карелия), была полностью отрезана от Балтийского моря.

С этого времени начинается длительный процесс межевания границы при участии русских и шведских чиновников, который явно и намеренно затягивался русскими в ожидании изменений перевеса русских сил на театре военных действий с Польшей против войск королевича Владислава, упорно продолжающего носить титул «Великого князя Московского». В этом затяжном процессе проведения границы между шведским Кексгольмским лёном и русским Заонежьем и Лопскими погостами, начавшимся 25 октября 1617 г. и окончившимся только 3 августа 1621 г., Швецию среди прочих комиссаров представлял известный нам Ганс Мунк из Фулькилы⁶¹.

Тем не менее по «Столбовскому миру» российская Карелия была окончательно разделена с передачей западной ее части Швеции, но вместе с тем этот пресловутый договор навсегда вынужденно разделил некогда единокровный карельский народ.

⁶⁰ Видекинд Ю. Указ. Соч. с. 337.

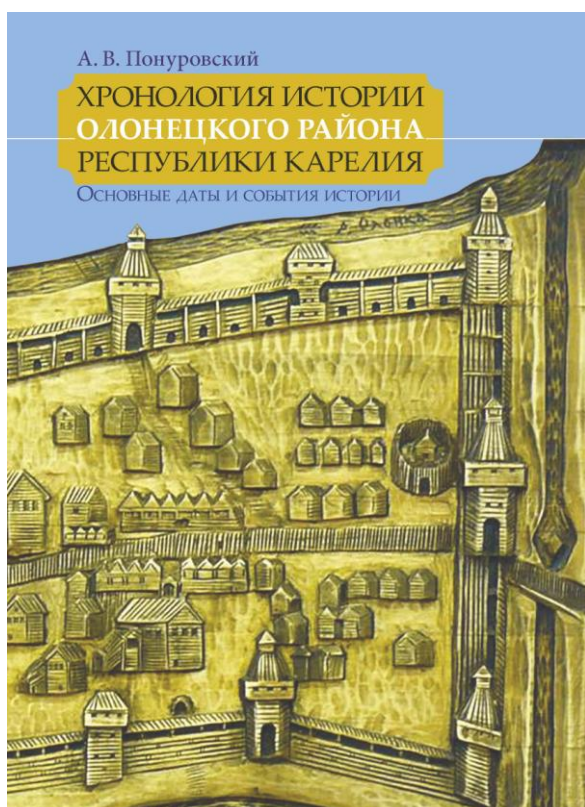
⁶¹ Здесь Ганс Мунк упоминается как «благородный господин» или дворянин, ставший, вероятно, владельцем земель, в данном случае Фулькилы, пожалованных ему в качестве вознаграждения за военную службу королем в полную собственность на основании Норчёпингского рецесса (решения) риксдага 1604 г.

К 365-летию основания г. Олонца.

Общая характеристика хронологического аспекта и исторического некрополя г. Олонца.

В 2014 году Карелия отмечает несколько юбилейных дат – 70-летие освобождения республики в годы Великой Отечественной войны, 250-летие Олонецкой епархии и другие. Среди юбилеев необходимо отметить 365-летие основания Олонецкой крепости. При подготовке к юбилею города стоит обратить внимание на его хронологический аспект

Хронология истории

В 2013 году увидела свет книга «Хронология истории Олонецкого района республики Карелия. Основные даты и события истории»¹. Это первая работа подобного рода. Вопрос о создании хронологии истории стоял давно. Первым, кто попытался собрать воедино наиболее значимые для Олонца исторические события, был Н. Г. Прилукин (1909–1983). В Олонецком национальном музее карелов-ливвиков хранятся тетради с основными датами исторических событий и их характеристикой, а также упомянуты некоторые имена... В дальнейшем работа по составлению единой хронологии Олонецкого района не продолжалась. И только в прошлом году в рамках «Года карельского языка и культуры» появилось такое издание.

В процессе подготовки «Хронологии» было проработано много материалов: монографии, источники – материалы прессы, архивные документы, а также воспоминания олончан. Хронологический материал постепенно обрастал новой информацией о событиях и её участниках. Неожиданно находились родственники главных героев событий, упоминаемых в работе. Они охотно делились семейными преданиями и легендами. В процессе сбора материа-

¹ Понуровский А. В. Хронология истории Олонецкого района республики Карелия. Основные даты и события истории / авт.-сост. А. В. Понуровский. – Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2013. – 140 с.

лов было подготовлено и опубликовано несколько биографических портретов деятелей 19–20 веков: «Земский доктор» о 5 выдающихся олонечских медиках², о 1-м председателе Райсовета Михаиле Чубриеве³ и Николае Карахаеве⁴, который руководил восстановлением послевоенного Олонца и другие.

При работе с материалами архива удалось установить, что ряд организаций Олонечского района оказались старше своего возраста в среднем на 5 лет, а некоторые и на 20–30 лет. В процессе работы над материалами удалось установить несколько памятных мест – дом, где останавливался император Александр I (сам дом сгорел в 1920-е годы, сейчас от него остался только флигель), места расположения ряда построек 19 века.

Обнаружилось, что не известна точная дата основания Олонечской больницы. Известно, что её основал городской голова Филимон Метлинский, а более ничего (то есть это произошло где-то в середине 1830-х годов). Также нет точной даты постройки Олонечской городской тюрьмы, располагавшейся по ул. Тюремной (ныне ул. Розы Люксембург). Появились сведения о нахождении в Олонце арестантской школы, о том, что здесь действовало первое в Олонечской губернии представительство американской компании Л. Шандора по реализации газовых свечей, возглавлял которое мещанин Михаил Петрович Жуков. Также стало известно о том, что в 1873 году создаваемый в г. Петрозаводске Олонечский губернский музей приобрёл у олонечского фотографа Филиппова несколько фотографий (фото Дома купцов Серебряковых, фото вида местности, где располагалась Олонечская крепость и воеводская изба, фото Церкви Михаила Архангела, фото Церкви на кладбище, фото Сердоболя).

Также появились сведения о том, что в 1877 году в уезде созданы артели смолокурильщиков: две – в Неккульской волости и одна – в Видлицкой волости (в артелях состояло по 6 человек). Инициатором создания артелей стал олонечский мещанин Алексей Яковлевич Колясников. Удалось установить, что в городе в разное время располагалось в среднем до 4 постоянных дворов.

Несмотря на то, что многое забытое (события, здания, люди) стало находить своё место в истории Олонечской земли, ещё остаются неизвестные и спорные моменты в датировках.

В настоящее время издание «Хронология истории Олонечского района» является одним из самых читаемых в Олонечской национальной библиотеке.

Исторический некрополь

Большой интерес при изучении истории Олонца представляет также исторический некрополь. На олонечском городском кладбище в д. Кунилице расположены захоронения олонечских купцов, поли-

² Понуровский, А. Земский доктор / Андрей Понуровский // Олония. – Олонец, 2013. – 17 октября (№ 42). – С. 4; 30 января (№ 4), 2014. – С. 10.

³ Понуровский, А. Первый председатель райсовета / Андрей Понуровский // Олония. - Олонец, 2011. – 17 февраля (№ 6-7). - С. 4.

⁴ Понуровский, А. Первый секретарь райком / Андрей Понуровский // Олония. - Олонец, 2011. - 12 мая (№ 19). - С. 3.

тических деятелей районного и республиканского масштаба, выдающихся врачей и педагогов, творческих деятелей. Самые старые из сохранившихся захоронений датируются 1840–60-ми годами:

1. священник Александр Васильевич Прилежаев (1790 – 1846), его супруга – Татиана Порфирьевна Прилежаева (1790–1878) и его дочь – Мария Александровна Старцева (1825–28.02.1889);
2. купец 2-й гильдии, городской голова Филимон Максимович Метлинский (16.12.1786 – 16.04.1840) и его супруга – Стефания Кар. Метлинская (1787–1837), их дочь – супруга купца Кузнецова Ирина Филимоновна Кузнецова (1812–1862);
3. купец 2-й гильдии, городской голова Василий Фёдорович Кузнецов (1804–1876), его дочь – Мария Васильевна Чертова (ум. 1885);
4. Егор Дмитриевич Куттуев (1827–1890) и Елена Семёновна Куттуева (1826–1878), его брат – Фёдор Дмитриевич Куттуев (1818–1903);
5. купец 2-й гильдии, владелец Куйтежского железоковательного завода Василий Егорович Куттуев (1852–1903), его дети: Мария (1881), Елена (1882), Василий (18.12.1884 – 18.03.1885) и Александра (30.08.1888 – 12.01.1889);
6. купец 2-й гильдии, владелец Мегрегского железоковательного завода Иван Герасимович Холопанин (1854–1898);
7. судья, надворный советник Герард Мартынович Дмоховский (1818–1871);
8. смотритель Олонецкого училища Илья Иванович Шадрин (1832–1861);
9. один из руководителей олонецкого земства Михаил Иванович Максимов (1844–20.12.1893);
10. жена и дочь священников-настоятелей Александро-Невского собора г. Петрозаводска Мария Ильинична Красова;
11. лесничий, почётный гражданин Матвей Иванович Пуциловский (1845 – 1918).

Захоронения олонецкого некрополя можно разделить на несколько групп: 1) дореволюционного периода (до 1917), 2) довоенного (1918–1941), 3) послевоенного (1945–1991) и 4) современные. Про первую группу уже было сказано выше.

Ко второй группе можно отнести захоронения одного из первых заслуженных учителей Карелии Павла Константиновича Успенского (1882–1941), заведующего Видлицким земским училищем Виктора Ивановича Королёва (1874–1930), командира отряда пограничной стражи Владимира Андреевича Текстера (04.11.1864–06.03.1933), городского старосты Петра Васильевича Нюппиева (1866–1932) и другие.

К третьей группе – Пётра Васильевича Студитова (1885–1957), журналиста Александра Ивановича Васильева (1931–1984), карельского поэта Владимира Егоровича Брендоева (1931–1990) и многие другие.

Некрополь Прилежаевых⁵

На Олонецком городском кладбище сохранились захоронения известной династии священников Прилежаевых. Род Прилежаевых тесно связан не только с историей города, но и губернии, а также и всего государства. Основатель династии – священник Александр Васильевич Прилежаев родился в

конце XVIII века. В начале следующего столетия он служит иереем Николаевского собора г. Олонца. Здесь у него родились четверо сыновей и дочь: Александр, Николай, Михаил, Василий и Мария. В 1819 году отец Александр вместе с городским головой Акимом Серебряковым имели честь встречать на олонечской земле императора Александра I. Александр Павлович остановился в г. Олонце проездом по дороге в великое княжество Финляндское. Император отстоял службу в Смоленском соборе и передал дары храму. Переночевав в доме городского головы, он продолжил свой путь. 29 октября 1846 года отца Александра Прилежаева не стало. Дети – священник Михаил (1822–1905) отец краеведа Евгения Прилежаева (1851–1900) и духовник императорской семьи Василий (1831–1887).

В 2013 году удалось связаться с потомком Прилежаевых. Он посетил несколько лет назад город и попробовал отыскать все, что связано с его олонечскими предками, но, увы, всё оказалось безрезультатно. В прошлом же году удалось установить место захоронения священника Александра Прилежаева, и, узнав про это, его потомки (праправнуки Василия Александровича) были очень удивлены и при этом обрадованы. Они готовы в ближайшее время приехать в Олонец.

Купеческий некрополь

Купеческие фамилии Метлинских, Кузнецовых и Чертовых оказались близкими родственниками. Дочь хлеботорговца Филимона Метлинского была выдана замуж за купца 2-й гильдии Василия Кузнецова – основателя олонечской библиотеки, а внучка – известная в городе благотворительница Мария Кузнецова – вторым браком сочеталась с петербургским купцом и судовладельцем Константином Чертовым.

⁵ Понуровский, А. Династия Прилежаевых: [о семье известных олонечских священников] / Андрей Понуровский // Олонечские соседские вести. - Олонец, 2013. - 17–23 июля (№ 20). - С. 9; 24 – 30 июля (№ 21). - С. 9.

Олонецкий некрополь вполне заслуживает называться историческим. Это необходимо сделать, пока ещё сохранились памятники. За последнее время были утрачены захоронения дворянина Александра Лопаты и единственное захоронение олонецкого городничего поручика Александра Григорова. Причём месторасположение последнего ещё можно установить.

К сожалению, в настоящее время мы можем потерять многие исторические объекты города (некоторые из них были повреждены в результате пожаров, а другие – находятся в полуразрушенном состоянии). Остаётся надеяться на то, что удастся сохранить оставшиеся исторические памятники города.

Деревня Красная Сельга в лицах и фотографиях

Данная публикация является продолжением напечатанного в «Кижском вестнике» № 14 «Дневника заонежского крестьянина» из д. Красная Сельга (Заонежье). Введение в научный оборот этого документа – несомненная заслуга «Кижского музея-заповедника». Дальнейшая исследовательская работа по «Дневнику» позволила собрать важный в этнографическом отношении фотографический материал. Это жители данной деревни, люди, которые окружали нашего «бытописателя», с которыми он соседствовал, вступал в определенные отношения, некоторые из них упоминаются в его «Дневнике». Я поставил себе задачу найти фотографии всех обитателей Красной Сельги, хотя и понимал, что она едва ли выполнима – репрессии, война, послевоенная разруха, нищета, миграционные процессы, разрушение родственных связей – все это, на мой взгляд, не должно было способствовать успеху. Не было уже и следа самой деревни. Но оставались потомки ее насельников – внуки и правнуки, родственники, которых судьба разбросала по белу свету...

Все-таки патриотизм понятие не отвлеченное. Память о своей малой родине сохраняется едва ли не на «генетическом уровне», «любовь к отеческим гробам» живет и стучит в сердце. Совершенно бескорыстно на помощь мне пришли люди исчезнувшей в пучине истории Красной Сельги. Валентина Васильевна Усачева (заонежка из Толвуи), Голицина-Ананьина Раиса Дмитриевна – внучка автора дневника, Спицына-Березкина Л. А., Ларюшкина-Федоскова В. И., Березкина-Федоскова Клавдия Александровна. Одним словом, дело сдвинулось с мертвой точки довольно быстро. Менее чем через год я уже имел фотографии почти всех жителей деревни.

Фотографии – один из источников, «способствующих всестороннему изучению традиционного уклада жизни и крестьянской культуры Заонежья», – как справедливо пишет заведующая фондами фотодокументов Кижского музея-заповедника Т. Г. Тарасова («Жители Заонежья на фотографиях второй половины XX первой трети XX века (из фондов музея-заповедника «Кижский»). КВ, № 13, с. 146). Можно считать нашу статью продолжением названной публикации Т. Г. Тарасовой.

В деревне Красная Сельга было 16 домов. Преобладали фамилии Федосковых, Сафоновых, Губиных. Всего в деревне Красная (Грязная) Сельга на 1937–38 гг. проживало 97 жителей: 47 мужчин и 50 женщин, половина из них – старики и дети (Поминальные списки Карелии 1937–1938, Петрозаводск, 2002, С. 105). Дома были большие, некоторые двухэтажные, с большими огородами (рассадами). Деревня была не бедная. Представленные фотографии жителей этой деревни – значимый элемент субкультуры деревни, самоценный историко-культурный источник, позволяющий проник-

нуть в жизнь деревни, увидеть лицо времени, «образы времени»: как люди одевались, в каких домах жили, отношения людей, связь поколений, количество детей, благополучие или бедность, трудовые будни людей, «семейный культурный опыт», по выражению Е. Ю. Дубровской (Дубровская, С. 360), «достоверная зрительная информация» (Тарасова, С. 146). И не только лицо времени – это еще и социальная психология: с фотографий на нас смотрят простые гостеприимные люди – открытые и добрые, улыбчивые, смущенные, удивленные, иногда хмурые, напряженные... На них – печать времени: война, оккупация, голод, утраты близких людей, гнет налогов и социальных несправедливостей.

Сложились определенные каноны любительских фотографий (см. об этом «Историческое краеведение в Карелии», Петрозаводск, 2012, с. 69–72).¹ Эти визуальные артефакты способствуют сохранению памяти о своей «ушедшей в историю» малой Родине, являются своего рода меморатами для нового поколения. Они, безусловно, несут воспитательную функцию. Как часто приходится видеть выброшенные на помойку семейные альбомы! И это уже примета времени. Зримое разрушение связей между поколениями. Между тем, фотографии позволяют «реконструировать жизнь локального сообщества», это, по выражению О. Р. Николаева, «наивная герменевтика», позволяющая «восстановить систему деревенских репутаций», «жизненные траектории» местных жителей», «услышать» деревенские предания» (Николаев, С. 121). К сожалению, в нашей коллекции мало фотографий домов, этих «родовых гнезд» – Федосковых, Корзинных, Сафоновых, Губиных. Они, видимо, утрачены навсегда, хотя два дома – Березкиной и Ананьева – продолжают жизнь на о. Кижы, в экспозиционной деревне Ямка.

Деревня Красная Сельга, как и многие другие населенные пункты Заонежья, названа на топографических картах как «развалины». В настоящее время нет уже и развалин, ничто не говорит, что здесь когда-то жили люди, сеяли хлеб, ремонтировали дороги, ездили на лошадях, ловили рыбу, кипела умственная и культурная жизнь... Благодаря фотографиям жителей этой деревни – Федосковых, Березкиной, Балахоновых, Ларюшкиной, Губиной и, конечно, Ананьиной (Голициной) – мы можем в какой-то мере увидеть, восстановить «жизнь деревни», почувствовать общность судеб этих людей, «переживших время», заглянуть в их семейные альбомы. Эта «встреча со временем», своего рода мост между прошлым и будущим, «бумажная машина времени», способная перенести современное поколение в жизнь их совсем недавних предков. Интересно, что сами люди понимали, что фотография – лишь иллюзия жизни, ее тень: «Хотя нея (не я – В. Е.) но тень моя», – пишет даритель на обороте фотографии.

¹ Историческое краеведение в Карелии. Петрозаводск, 2012, с. 69.

на память
дорогому и
многоуважаемому
брату Сергею
от сестры Раи
и мамки.
Ты такой же
белый, как снег.
Будет позда
будет близка и
тебе фотография
сестры Раи

На память
сестры Раи
от брата
Сергея.
Память о службе
в армии, 1-й год.
г. Архангельск
20/11-51.
Сестра
Е

Дарственные надписи сестры Раи брату Сергею и Сергея Рае. 1951 г.

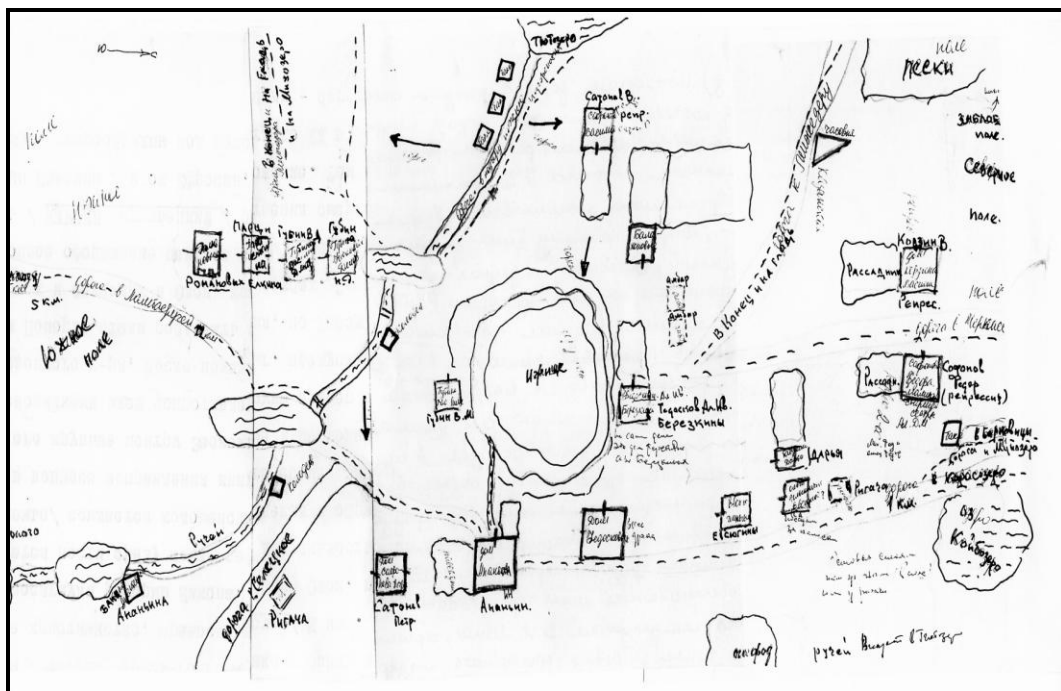
Смотреть эти фотографии – одно удовольствие. Любительская фотосъемка имеет свои неоспоримые преимущества: она как бы выхватывает из жизни момент бытия и запечатлевает его навсегда. Эти фотографии значительно отличались от стендовых, постановочных, которые делались профессионалами, в фотопавильонах, профессиональной техникой, со сказочными интерьерами, тисненными паспарту. Таких фотографий в фотоархиве кижского музея довольно много. К посещению городских фотоателье специально готовились, надевали лучшие одежды, принимали надуманные позы и соответствующие выражения лица. К любительским съемкам не готовились, не одевались специально: как сидели на скамейке у дома, или только-только отошли от печи, так их и сфотографировал деревенский «специалист» или заезжий гость с фотоаппаратом. В крайнем случае, повесит зачем-то простыню или одеяло, чтобы создать фон. Это наивная попытка как-то изменить обыденность, создать видимость фотоателье, хотя простыня висит криво, со складками... Неважно! Фотограф следует какому-то, одному ему известному образцу, канону. Иногда, наоборот, люди надевали новые сапоги или накидывали платок на голову, оставаясь в домашнем платье, кофте или сарафане, картинно клали руки на плечи друг друга, демонстрируя определенные отношения... Поводы для фотографии были разные: свадьбы, праздники, приезд из города детей или отъезд на учебу, и просто – приехал «фотограф», и грех не воспользоваться моментом, чтобы сфотографироваться с друзьями, соседями или всей семьей, сохранить визуальную память о своих пожилых родителях. Мне это знакомо по детству: в 50-х годах я с фотоаппаратом «Фотокор» ходил по мордовским деревням и фотографировал крестьян. Так я зарабатывал себе на ботинки или новую рубашку. Возможно, где-то еще живы мои любительские фотографии в альбомах уже внуков или правнуков моих мордовских клиентов.

Домашние фотографии интересны еще и потому, что на обороте иногда встречаются традиционные для определенного времени дарственные записи: в них мы видим проявление – любви: «Буду

помнить вечно и любить тебя но и ты конечно не забудь меня», теплых родственных отношений, конкретный материал для диалектолога. Т. Г. Тарасова права: «надписи на фотографиях, нанесенные рукой их владельца, являются одним из источников по изучению истории крестьянских родов,... позволяют более полно и точно выполнить атрибуцию,... определить, кто изображен, когда, где, установить некоторые биографические сведения и т. д.» (Тарасова, с. 164). Тяжело смотреть на фотографии, на обороте которых короткие записи – «репрессирован». А с фотографии смотрит на вас молодой мужчина, в расцвете сил, который мог бы еще много пользы принести Родине, нарожать и вырастить детей... Остались вдовы с детьми «врагов народа». И, может быть, не было бы такого запустения деревень! Например, Александра Дмитриевна Сафонова (Губина), жена репрессированного Сафонова Федора Степановича осталась с четырьмя детьми на руках, младшей из которых не было еще и года. На руках Анны Дмитриевны Корзиной – 6 детей.

На обороте фотографии Василия Дмитриевича и Пелагеи Дмитриевны запись фотографа: «Мужчина, сделать галстук» и номер заказа. Это должно обозначать, что фотографу был сделан заказ на изготовление портрета Василия Дмитриевича. Фотограф должен быть еще и художником, он рисует пиджак, галстук, все это переснимает – и портрет готов! Такие портреты родителей нередко можно было увидеть в деревенских избах.

Часто на обороте встречаются забавные дарственные тексты, это чаще всего какие-то простенькие стишки, отражающие чувства дарителя. Это явление фольклорного характера. Таких меморатов в нашем приложении достаточно, стиль и орфографию сохраняю: «На память дорогому, многоуважаемому брату Сергею от сестры Раи храни и помни: «Как тихая в море волна, как скромная песня поэта, пусть будет близка и мила тебе фотография эта» (дарственная надпись на фотографии Раи (Раисы Дмитриевны) Сергею, 1951 г.). На обороте фотографии Ивана Васильевича Софонова жене Наташе из армии: «На память Наташи фото от Вани. Буду помнить вечно и любить тебя но и ты конечно не забудь меня Хотя не я но тень моя Сафонов Иван Васильевич 23 года». Еще одна его фотография с дарственной надписью на обороте жене: «На память жены Ниташи от мужа Вани. Дарю... помни меня... Если любишь то храни а нилюбиш то порви. Высылаю фото из армии...». Ответ – надпись на обороте фотографии мужу Ивану от жены Наташи: «Буду помнить вечно и любить тебя, но и ты конечно не забудь меня. На память догогому (дорогому – В. Е.) мужу Ванечки от жены Наташи. Ежели любишь то храни а ни любиш то сразу порви. 27 июля 1955 г.». Дарственная надпись Сафонова Евгения Васильевича брату Ивану 26 июня 1958 года: «Помни Иван брата Женю, не забывай о нем я тебя не забываю ни вечером ни днем». Еще одна армейская фотография его (Евгения Васильевича) брату Ивану 30 июля 1959 года: «На память дарю тебе фото мое. Вспомнишь спасибо за будеш не диво. На свете бывает не то».

План д. Красная Сельга. Вычертила по памяти внучка автора «Дневника»

П. Т. Ананьина Голицина Раиса Дмитриевна. 2010 г.

Дом Корзина

Находился рядом с часовней между двух дорог.

Корзин Василий Федорович 1889–1938. Репрессирован в 1938 г.

Жена – Корзина Анна Дмитриевна.

Дети:

Лидия

Вера

Любовь

Таисия

Анатолий

Валентина – 1933 г. р.

Через дорогу стоял **дом Сафонова Федора Степановича** 1900–1938, бондарь, репрессирован в 1938.

Жена – Александра Дмитриевна (Губина) 1896 г. р. – старшая дочь Дмитрия Губина.

Дети:

1. Вера Федоровна Сафонова – по мужу Красильникова, 1930 г.

Муж – Красильников Павел Федорович 1928 (д. Костино).

Красная Сельга: Красильников Павел Федорович, жена – Вера Федоровна (Сафонова) и сын Евгений, 1949г. (из архива Сафоновых)

Дети:

Евгений – 1949
Александр – 1951
Людмила – 1953
Николай – 1955
Тамара – 1957
Иван – 1958
Ольга – 1960

2. Иван Федорович – 1936

Жена – Маргарита Дмитриевна – 1938

Дети:

Сергей 1958
Михаил – 1963

3. Ольга Федоровна (Чеблукова) – 1938, доярка

Муж – Чеблуков Владимир Павлович – 1939 (д. Вехручей), шофер

Дети:

Татьяна – 1961

Павел – 1963

Александр – 1967

4. Анастасия Федоровна

Муж – Сафонов Николай

Дети:

Петр Николаевич, 1927

Жена – Антонина Степановна, 1928

Федор Николаевич, 1931

Жена – Анна Александровна, 1926

Дом Федоскова Александра Ивановича (1874–1946)

Жена – Федоскова Прасковья Васильевна – 1882 г.

Ульяна Ивановна – сестра Федоскова А. И. (информация из письма Федоскова Ф.)

(Все фотографии Федосковых из личного архива Федосковой – Березкиной К. А.)

*Федоскова Прасковья Васильевна
с внучкой Людой, 1951г.*

*Кл. Ал. Федоскова (Березкина) с мужем
Александром Васильевичем Березкиным,
снимок 1950 г.*

Дети

1. Федосков Федор Александрович – 1905, погиб на фронте в феврале 1945, захоронен в г. Рыбинске? Письмо его от 31 октября 1944 г. см. в Приложении (с.)

2. Александра Александровна (из письма Федоскова)

3. Владимир (из письма Федоскова Ф.)?

4. Клавдия Александровна Федоскова (Березкина, 1925–2000), колхозница, затем – пекарь, банщица, санитарка на ф/ пункте.

Муж ее – Березкин Александр Васильевич 1924 (д. Есино)

Их дети:

Людмила – 1951

Любовь – 1953

Клавдия Александровна на сенокосе

Клавдия Александровна Березкина на кладбище с внуками, слева направо: Спицына Юля, Саша Жуков, Кл. Ал., Оля Спицына (работает в бухгалтерии «Кижей»), Алексей Спицын

Дети Березкиной Кл. Ал. – Люда (слева) и Люба (справа).

В центре Толя Губин, сын Петра Дм. 1954

Березкина Кл. Александровна с мужем Александром Васильевичем Березкиным и детьми – Людой и Любой

*Березкина Кл. Ал. На сенокосе в урочище «Пески» с дочерью Людмилой и внуками.
Красная Сельга.
(Из архива Березкиной К. А.)*

Двухэтажный дом Федоскова Николая Максимовича

Жена Дарья Дмитриевна.

Дети

1. Федосков Иван Николаевич – 1890, бондарь, репрессирован в 1938

Жена – Федоскова Иринья Кириллована (1888–1959)

Дом Федосковых. Фотография нач. 50-х гг.

*Иринья Кирилловна, 1888–1959.
Фото 1959 г. (Фотографии из архива
Ларюшкиной В. И.)*

*Дом Федоскова-Березкиной,
музей «Кижы»,
д. Ямка.*

*Красная Сельга. Дом Березкиной
Клавдии Александровны
Фотография 60-х гг.*

Дети:

1. Федосков Дмитрий Иванович, 1911, бондарь, погиб на войне.

Жена – Александра Петровна (Петрова, 1918–87), д. Узкие Салмы.

После его гибели она вышла замуж за Сафонова Петра Дм.

(Все фотографии из архива Березкиной К.)

Петр Дмитриевич Сафонов, 60 лет

Леонид с женой

Александра Петровна Сафонова (Петрова). Фото 1978

Клавдия Дмитриевна Федоскова, дочь Александры Петровны и Федоскова Дмитрия (1 брак). Фото 1963г. пос. Сосновка

Семья Сафоновых: Александра Петровна, Петр Дмитриевич с детьми: Клавой (от 1 брака), Михаилом и Валентиной. Д. Красная Сельга, у своего дома, 1965

Свадебная фотография Сафоновой Валентины Петровны (дочери Петра Дм.), 1954 г. р. и Андрианова Виктора Павловича, 1952 г. р. Нижний ряд, слева: Леонид Дмитриевич, Сафонова (Федоскова) Александра Петровна (Петрова), за ней Клавдия Дмитриевна (дочь от первого брака). Невеста – Сафонова Валентина Петровна, далее ее отец Петр Дмитриевич, сзади него – жених Андрианов В. П., рядом с ним Василий Петрович (сын от второго брака) и зять Ходоровский Арон Брониславович, муж дочери Людмилы.

Дети их:

1. Леонид, 1930 г.
2. Клавдия Дмитриевна Федоскова
3. Людмила
4. Клавдия

Это дети Александры Петровны и Дмитрия Ивановича (от первого брака).

Общие – (от второго брака): Сафоновы –

5. Вася, 1949
6. Миша, 1952
7. Толя, 1956
8. Валя, 1954
9. Александр 1958

*Людмила Березкина с подругой
(справа). Д. Кр. Сельга*

Миша, 15 лет. 1968 г.

Василий

Александр с женой

Валентина с мужем и сыном Сергеем

*Василий с товарищем (слева),
1965, Черкассы*

Михаил Петрович с сыном Юрой, 1976

2. Григорий Иванович, 1913, бондарь

Жена – Анна Федоровна (Июдина, из д. Куричкино).

Детей не было

*Григорий Иванович, 1913. Бондарь. Фотография довоенная.
Из архива Ларюшкиной В.И. (ему передает привет в письме М. Ф. Сафонов
от 13 мая 1941 г., см. приложение)*

3. **Федоскова Елена Ивановна (Туюсова)** – 1916, колхозница.

Муж – Туюсов Иван Михайлович (Толвужа)

Елена Ивановна Федоскова (Туюсова)

Федоскова (Туюсова) Елена Ивановна.

Фото 50-х гг. Из арх Ларюшкиной.

Дети:

Виктор, Тамара.

4. **Анна Ивановна** – 1919, колхозница

Муж – Иван Степанович Лобанов (д. Мелойгуба).

Дети:

Зоя, Люба, Вера, Надя

Анна Ивановна Федоскова

Анна Ивановна с подругой, справа.

Фото довоенное

5. **Василий Иванович**, 1923, **бондарь**,

Жена – Надежда Анисимова (Паяницы-Батово)

Дети: дочь – Галина.

Василий Иванович, слева. Шуньга, фотография довоенная. Из архива Ларюшкиной В. И.

6. **Иван Иванович** – 1926 г.

Жена – Клавдия Васильевна Политова (Ригасельга)

Дети: Людмила, Галина, Валерий.

*Иван Иванович Федосков, фото 1986г., Ламбасручей,
фото из архива Ларюшкиной В. И.*

7. **Александр Иванович** – 1930, работал на пилораме, пилостав

Жена – Старицина Майя Владимировна (Ленинград)

*Александр Иванович с женой Майей (справа)
и сестрой Валентиной Ивановной Ларюшкиной (слева).
Фото сделано в Кондопоге в 50-е гг. Из архива Ларюшкиной В. И.*

Дети: Анатолий, Михаил, Марина, Алевтина, Валерий, Ирина

8. **Валентина Ивановна** (Ларюшкина) – 1932, колхозница, проживает в п. Ламбасручей. **На фотографии – слева.**

Муж – Ларюшкин Александр Савельевич (г. Посад, Ленингр. обл.)

Дети: Людмила, Татьяна

*Валентина Ивановна, 19 лет,
Ламбасручей. Фотография 1951 г.
Красная Сельга*

*На сенокосе дочери и зятя В. И. Ларюшкиной.
Фото 1960-х гг. или 70-х?*

*Групповая фотография Федосковых: Передний ряд – справа Ирина Кирилловна с внуком Толей (сын Александра Ивановича), слева от нее сидит Анна Ивановна, рядом с ней стоит Виктор Туюсов, сын Елены Ивановны. Елена Ивановна стоит справа, задний ряд, рядом с ней стоит Валентина Ивановна Ларюшкина. Красная Сельга, Фотография нач. 50-х гг.
Из архива Ларюшкиной В. И.*

Дом Сафонова Алексея Васильевича, 1898–1938, колхозник, репрессирован в 1938

Жена – Ольга Ильинична? (Евсюгина по прозвищу), арестована за кражу колосков с поля.

Дети: Александр, Николай, Елена, Нина, Сергей. Были определены в детский дом и матери по-существу не знали. В деревне они больше не появлялись.

Дом Ананьева Павла Тимофеевича, **1864г-1936?** бондарь, автор дневника.

Жена Апполинария Ивановна, 1884–1951, Верховье, Великогубский приход. Родители: Баканин Иван Егорович, Баканина Елена Михайловна.

*Алекс. Павл. Миронкова с сыном, дочь
П. Т. Ананьина от первой жены*

*Дом Ананьина П. Т. в Кижской
экспозиции Ямка. Фото В. Ершова 2011.*

Дети:

1. Александра (Шаня) Павловна Миронкова, дочь от первой жены, выдана замуж в д. Юлмаки.
2. Анастасия Павловна, выдана замуж в д. Барковицы.
3. Надежда Павловна Багрова, выдана замуж в д. Черкасы
4. Мария Павловна Конева, выдана замуж в д. Устьреку за Ивана Конева
5. Дмитрий Павлович – 1915–1944. Погиб на фронте, жена – Марья Дмитриевна, (Губина), дочь Губина Дмитрия Ивановича. Сохранилось письма Дмитриии из армии 1939 и 1940, 1941 гг. (см. приложение)

Их дети:

Раиса Дмитриевна 1941–2010

Сергей Дмитриевич 1937–2008

Дмитрий Павлович, фотография сделана 1939–40 гг. в д. Большие Горы Олонецкого района во время службы в армии.

(Из архива Р. Д. Голициной)

Сергей Дмитриевич Ананьин, сын Дмитрия Павловича (1937–2008), фотография из армии 1957 г. (из архива Р. Д. Ананьиной-Голициной).

Раиса Дмитриевна (1941–2010) – внучка П. Т. Ананьина. В 60–70-е годы работала учителем математики в Падунской школе Медвежьегорского района

Дом Губина Дмитрия Ивановича

Жена – Мария Федоровна

Александра Николаевна с сыном Толей (1951)

Дети: 1. Петр Дмитриевич, 1926

Жена Александра Николаевна (Сафонова), 1925

Дети: Анатолий –1951

Татьяна – 1955

Любовь – 1957

2. Василий Дмитриевич, 1914, уч. фин. войны. Потерял ногу.

Жена – Татьяна Федоровна. 25 янв. 1916–1958

*Губин Василий Дмитриевич и
Пелагея Дмитриевна, фото 1950-х гг.*

*Губина Татьяна Федоровна в Ламбасручейском магази-
не, фото 1950-х г.*

*Вся родня Губиных, фотография 1950-х гг. Фотографии принадлежали Т. Ф. Губиной.
Василий Дм. выделен из групповой фотографии для портрета (второй ряд, справа)*

Дети: Евгений, 1937

Тамара, 1943

Алевтина, 16 мая 1948

Александр, 25 мая 1941

Валерий. 6 янв. 1954

3. Николай Дмитриевич, 1917–1997

Жена: Анна Ефимовна, 1919–1996

Дети: Иван – 1941

Галина – 1946

Вера – 1948

Леонид – 1951

Зоя – 1953

Любовь – 1954

Николай Дмитриевич и Анна Ефимовна с сыном Иваном в центре, 1958–1959 гг.

Губин Николай Дм. и Анна Ефимовна собрались в какую-то поездку, дети на крыльце: Галя, Вера, Зоя, Люба. Д. Красная Сельга, у своего дома. 1956–1958

Семья Губиных: Николай Дм., Анна Ефимовна. Дети: Ваня, Галя, Вера. Фото 1950–1951 гг.

*Дети Губиных: Вера, Галя, Зоя, Люба.
1957–1958*

Анна Ефимовна и сын Иван, 1961

4. Иван Дмитриевич

Жена – Елена Дмитриевна

Дети: Валентина (Конева), Анатолий

5. Мария Дмитриевна (Ананьева), жена Д. П. Ананьина.

Мария Дмитриевна 1911–1996, г. Петрозаводск

6. Александра Дмитриевна (Сафонова), 1896 г., жена Сафонова Федора Степановича

7. Пелагея Дмитриевна (Сафонова), 1900

Муж – Сафонов Василий Дмитриевич, репрессированный в 1938

Пелагея Дмитриевна Сафонова

*Иван Васильевич Сафонов, фотография из армии с дарственной надписью жене Наталье:
«На память жены Наташи от мужа Вани. Дарю
... помни меня... Если любишь то храни а нилю-
биш то порви. Высылаю фото из армии
29 марта 1936 г.»*

Дети:

1. Иван Васильевич – 1932, вальщик леса.

Жена – Наталья Егоровна (Климанова, из д. Селецкое) – 1928

2. Сын – Василий Иванович, 1959

*Пелагея Дм. Губина (Сафонова),
1978. Шуньга.*

Иван Вас. С женой Натальей. 1958

*Пелагея Дм. с невесткой
Натальей Егоровной. 1955 г.*

*Иван Васильевич Сафонов, 23 года, 1955 г.
Надпись на обороте: «На память Наташи фото
от Вани. Буду помнить вечно и любить тебя, но
и ты конечно не забудь меня»*

*Сафонов Евгений Вас. Из армии с дарственной
надписью Ивану, 30 июля 1959 г.*

*Сын Натальи Егоровны и Ивана Вас. – Василий,
на огороде своего дома*

*Евгений Васильевич Сафонов
26 июля 1958. Дарственная
надпись брату Ивану: «Помни
Иван брата Женю не забывай
о нем я тебя не забываю ни
вечером ни днем» дарю тебе
фото мою. Вспомнишь спасибо
забудешь не диво На свете
бывает не то»*

2. Павел Васильевич – 1930, рабочий лесхоза.

Жена: Екатерина Ивановна Сафонова (Каблукова из д. Каблуково), 1932 –

*Сафонов Павел Васильевич и Екатерина Ивановна
с детьми: Тамарой и Василием. 1961*

*Екатерина Ивановна – жена
Павла Васильевича, (слева), 1932 г
(из д. Каблуково).*

*Галина, дочь Павла Васильевича
и Екатерины Ивановны, 1953 г.
студентка, г. Сортавала 3 курс, 1971*

Дети:

Галина – 1953

Василий – 1955

Нина – 1957

Тамара – 1959

3. Евгений Васильевич, леспромхоз, Черкасы.

Жена – Зоя

Дети:

Александр, Василий

Семейная фотография Сафоновых: Первый ряд – братья Сафоновы Евгений и Иван, Вася на коленях у Евгения Васильевича, рядом справа – жена Евгения Васильевича – Зоя; Второй ряд – сын Евгения Васильевича – Саша (слева). Д. Черкассы. 1977

4. Таисия Васильевна (Рояло)

Муж – Рояло Яков

Дети:

Трое детей.

Таисия Васильевна с мужем Яковом Рояло с детьми

Дом Балахонова Афанасия Евстигнеевича, 1882, десятник, репрессирован.

Жена – Марфа Михайловна (Козина)

Афанасий Евстигнеевич с женой Марфой (Марией?) Михайловной и сыном Костей.

Фотография 1930 г.

Три девушки: Александра Васильевна слева.

Снимок послевоенный

Дети их:

1. Мария Афанасьевна Балахонова (Прохорова) – 1898 или 1903 г.

Муж – Василий Евстигнеевич Прохоров – 1896 из Пегремы

Дети:

Александра Васильевна (Спицына) – 1927

Николай Васильевич – 1934

Юрий Васильевич – 1938

Клавдия Васильевна – 1941

Николай Васильевич с женой

Прохорова Мария Афанасьевна с внуками – Женей и Толей – дети Ал. Вас. Стицыной

2. Антонина Афанасьевна, 1923

Муж – Парцы Константин Августович 1911, плотник

Дети:

Валя – 1941

Владимир – 1944

Виктор – 1948

Николай – 1950

Балахонова (Прохорова) Мария Афанасьевна с дочерью Клавдией Васильевной и внуками Ольгой и Анатолием. Д. Красная Сельга, фотография на крыльце своего дома 1960 г.

Антонина Афанасьевна (Балахонова, сидит), с подругой. Фотография послевоенных лет. Из архива

*Парцы: В центре – Константин Августович. Справа жена –
Антонина Афанасьевна Балахонова. Второй ряд – сын Виктор (1948), от К. А. слева –
зять Вашковский Александр – муж дочери Валентины и справа –
Прохорова Галина Алексеевна – невестка Марии Аф.
Фотография сделана в доме в 60-е годы*

3. Анастасия Афанасьевна – 1909

Муж – Алексей Хрылев (из Униц)

Дети:

Анатолий – 1943

Мария – 1930

Тамара – 1935

Людмила – 1941

Владимир – 1948

Павел – 1951

4. Александра Афанасьевна

5. Николай Афанасьевич (утонул в озере молодыми)

6. Константин Афанасьевич – 1927, мастер леса

Жена – Тамара Петровна – 1927

Дети:

Виктор – 1950

Николай – 1954

Алла – 1956

Юрий и Юля – 1959

Балахонов Костя, 1927г. р. Фотография 1930 г., сделана в Петрозаводске

*Сержант Константин Балахонов.
Фото послевоенное*

Константин Балахонов

Константин на фронте, слева

Дом Романова Александра Ивановича

Жена Афимья Кузьминична

Дети:

Василий, Федор, Виктор

Общие:

Александра Александровна

Анна Александровна

Мария Александровна – 1931

Алексей Александрович – 1928

Сергей Александрович

Дом Сафонова Ефима Ануфриевича, т. н. дом Елкина.

В деревне жила побасенка: что похаживал Ефимушка к одной вдовушке, дом которой стоял под елкой, так и прозвали

Дети:

1. Сафонов Николай Ефимович – 1882

Жена его – Наталья Васильевна

Дети:

Александра Николаевна – 1925, жена Губина Петра Дмитриевича

2. Иван Ефимович, председатель колхоза

Жена – Елена Алексеевна

Дети:

Наталья Ивановна

Василий Иванович

Мария Ивановна

*Сафонов Николай Ефимович с семейством: 1 ряд – справа – Николай Ефимович, слева – Губина Дарья Ефимовна – сестра. Между ними – мальчик в матроске – Анатолий Петрович, сын Петра Дмитриевича и Александры Николаевны. Александра Николаевна – дочь Сафонова Николая Ефимовича (живет в Ламбасручье)
2 ряд: слева – Губин Петр Дмитриевич, рядом с ним – жена Александра Николаевна, справа – Губин Василий Дмитриевич?
Снимок 1954 года 22 июля у своего дома (елкинского)*

Дом Романова Александра Ивановича

Жена Афимья Кузминична

Дети:

Василий, Александр, Алексей

Федор, Анна, Сергей

Виктор, Мария

*Литвин Юлия Валерьевна,
младший научный сотрудник
Института языка, литературы
и истории КарНЦ РАН*

Источниковедческие проблемы изучения материнства в карельской деревне (вторая половина XIX – начало XX веков)¹

Когда речь заходит об изучении крестьянской повседневности дореволюционной России, исследователи неизбежно сталкиваются с нехваткой источников, которые отражали бы взгляд крестьян на те или иные события. Особый дефицит документов ощущается при исследовании жизни крестьянок.

Традиционно повседневность крестьянской женщины находилась в поле зрения исследователей в связи с изучением семейного быта. Становление женских, а затем гендерных исследований в России пришлось на конец 1980 – начало 1990 годов². Интерес к данному направлению сохраняется и сегодня. Публикуются работы, характеризующие положение женщин различных социальных слоев и групп на материалах отдельных регионов и страны в целом³. В частности, недавно увидел свет сборник «Карельская семья во второй половине XIX – начале XX в.», в котором ряд статей посвящен роли матери и отца в традиционной карельской семье, изменению репродуктивного поведения карельских крестьянок в пореформенный период⁴.

Изучение феномена материнства на материалах Карелии впервые предприняли этнографы Р. Ф. Тароева (Никольская), Ю. Ю. Сурхаско, Е. И. Клементьев. Широкий круг данных об обрядах, сопровождающих переход женщины в статус матери, представлен в соответствующих разделах коллективной монографии «Прибалтийско-финские народы России». В культурно-антропологическом ракурсе темы материнства касались О. П. Илюха, Л.-М. Кейнянен⁵. В исследованиях

¹ Статья выполнена при поддержке РГНФ № 12-31-01028 «Эвристический потенциал историко-этнографических источников о повседневной жизни карельской семьи в конце XIX — первой трети XX вв.».

² Чистякова Е. В. Алена Арзамаская-Темниковская. Саранск, 1986; Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской. М., 1987; Пушкарёва Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989; Горский С. Жены Ивана Грозного. Воронеж, 1991; Васецкий Н. Женщины российской короны. М., 1994 и др.

³ Вахромеева О. Б. Социально-экономическое положение женщин в Санкт-Петербурге в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дисс... док. ист. наук. СПб., 2009; Веремёнко В. А. Эволюция дворянской семьи в условиях модернизации России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Автореф. дисс... док. ист. наук. СПб., 2007; Колесникова В. Л. Женщина духовного сословия второй половины XIX – начала XX столетия: исторический портрет (на примере Курской и Тамбовской губерний). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Воронеж, 2007; Котлова Т. Б. Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX–XX вв.: на материалах Владимирской, Костромской, Ярославской губерний. Автореф. дисс... док. ист. наук. Иваново, 2003; Меньшикова Е. Н. Купеческая женщина Центрального Черноземья в 60–90-е годы XIX века: исторический портрет (на примере Воронежской и Курской губерний). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Белгород, 2008 и др.

⁴ Карельская семья во второй половине XIX – начале XXI в.: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций. Сборник статей и материалов / Составитель и редактор О. П. Илюха. Петрозаводск, 2013. 498 с.

⁵ Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века. СПб., 2007; Keinänen M.-L. Creating Bodies: Childbirth practices in pre-modern Karelia. Stockholm, 2003.

И. А. Черняковой рассматриваются социально-демографические характеристики карельского крестьянства XVIII–XIX веков, особенности брачного поведения⁶. Стабильный интерес к истории карельской семьи демонстрируют финские исследователи. На основании данных этнографии они реконструировали социальное положение и статус матери⁷.

Таким образом, наиболее изученными оказались демографические процессы и ритуально-магические практики, связанные с деторождением и переходом женщины в новый социальный статус.

Интерес именно к этим темам объясняется спецификой источников. Кто ближе всего соприкасался с крестьянской повседневностью, как не путешественники, чиновники, специально собиравшие фольклорные и этнографические данные или оставлявшие свои впечатления о наблюдении за народной жизнью на страницах периодически изданий? Или священники, фиксировавшие главные события в жизни крестьян: рождение, брак, смерть?

Данные фольклора и этнографии составляют основу для понимания материнства как социокультурного феномена, являются базовыми источниками для реконструкции традиционных практик воспитания и выявления стереотипных представлений о роли матери в том или ином обществе. Вместе с тем некоторые аспекты рассматриваемой темы остались практически не раскрытыми. Это касается сравнительного анализа социально-правового статуса матери согласно закону и нормам обычного права; изучения становления и развития акушерской помощи в крае; оценки реальных взаимоотношений матери и детей, включая анализ конфликтных ситуаций, их причин, а также способов разрешения; исследования феномена девиантного материнства⁸, которое связано с изучением практики аборт, случаев отказа от детей и т. д.

Статья затрагивает лишь некоторые из поставленных вопросов и является попыткой расширить наши представления о феномене материнства как историческом явлении. Привлеченные источники – прошения, составленные самим крестьянками, освещают, прежде всего, внутренний личный опыт переживания женщины, мотивацию ее поведения. Основные трудности в выявлении информации состояли во фрагментарности и разрозненности сведений, не по всем прошениям сохранились решения.

Понятие «материнство» не оставалось статичным, оно менялось в течение всей истории развития семейно-брачных отношений. Н. Л. Пушкаревой на основе широкого круга средневековых источни-

⁶ Чернякова И. Ю. 1) Брачное поведение в Олонецкой, Беломорской и Тверской Карелии в XVIII и XIX вв. // *Väesto ja perhe Karjalassa. Население Карелии и карельская семья*. Joensuu, 2003. С. 133–143; 2) Традиции брачных и семейных отношений в конце XVIII – начале XX в. // *Панозеро: сердце Беломорской Карелии*. Петрозаводск, 2003. С. 42–82.

⁷ Hämynen T. Liikkeellä leivän tähden: Raja-Karjalan väestö ja sen toimeentulo 1880–1940. Helsinki, 1993; Partanen J. Isän tuvasta omaan tupaan. Väestö ja kotitaloudet Karjalankannaksen maaseudulla, 1750–1870. Helsinki, 2004; Pöllä M. Vienankarjalainen perhelaitos 1700–1900. Helsinki, 2001; Shikalov Y. «Ilona on käki metsässä, ilona on lapsi perheessä». Syntymä, imeväiskuolleisuus ja aviottomat lapset Vienan Karjalassa ja Vienanmeren länsirannikolla 1860–1910-luvuilla. Helsinki, 2010; Waris E. Yksissä leivissä: Ruokolahtelainen perhelaitos ja yhteisöllinen toiminta, 1750–1850. Helsinki, 1999 etc.

⁸ Проблеме регулирования деторождения в карельских семьях на материалах Беломорской Карелии посвящены статьи Ю. Г. Шикалова (См. напр.: Шикалов Ю. Г. Дети: благословение или проклятие Господне? Демографический менталитет крестьян Кемского уезда в конце XIX – начале XX в. // *Карельская семья во второй половине XIX – начале XXI в.: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций*. Петрозаводск, 2013. С. 126–150).

ков было показано, как от века к веку материнство приобретало значимость в частной жизни женщины⁹. Не последнюю роль в этом процессе сыграла православная и народная традиции, которые на протяжении длительного времени формировали положительный образ многодетной матери. В результате был окончательно закреплён стереотип о том, что полноценно реализовать себя женщина могла лишь в статусе матери.

В народной традиции материнство было связано не просто с воспроизводством потомства, но с целым пластом архаического, мифологического мышления. Архетип матери в карельской традиционной культуре был воплощён в фольклоре. Так, в карельской эпической традиции мать Вьянемейнена Илматар и мать Лемминкяйнена нередко помогали сыновьям мудрым советом или даже спасали от смерти¹⁰. В причитаниях — одном из древнейших видов обрядовой поэзии — особое развитие получили метафорические замены слова «мать». Они, в том числе, подчеркивали основные функции женщины, как матери: репродуктивную (*kandajazeni* — «моя меня выносившая», *imettäjäzeni* — «моя меня грудью вскормившая»), воспитания и ухода (*mainojazeni* — «моя меня оберегавшая, утешавшая», *pezettäjäzeni* — «моя меня умывавшая, обмывавшая», *vualijaiseni* — «моя меня пестовавшая»). В плачах обращается внимание на личностные качества матери (*armoizeni* — «милостливая»)¹¹. В карельских колыбельных песнях указание на особую заботу со стороны матери или бабушки (свекрови) достигалось за счёт ласкательных имен ребенка (*kukkoni* — «петушок», *alli* — «морянка», *kultani omenani* — «золотое яблоко», *kukka* — «цветок», *uvelmoine* — «росточек» и т. д.), ласкательных слов («баю-баю», «туути-туути» и т. д.)¹².

Новый, более высокий, социальный статус женщины, ставшей матерью, нашёл отражение в карельской народной лексике. Если до рождения ребенка замужнюю женщину называли молодухой, молодницей (*tučoi*, *morsien*), то после рождения ребенка она становилась женой, бабой (*akku*, *akka*, *akk*). Причём, если на свет появлялся мальчик, то женщину продолжали называть молодухой¹³, и все же полноправным членом семьи невестка становилась только после рождения сына¹⁴.

В законодательных источниках XIX века понятия «жена и мать» были неотделимы. Например, известный дореволюционный правовед Я. А. Канторович определял степень правоспособности женщины в соответствии с её социальным статусом. Она могла отстаивать свои интересы как дочь и сестра, *жена и мать* (курсив мой — Ю. Л.), вдова, член гражданского общества. Вместе с тем в рам-

⁹ Пушкарева Н. Л. Мать и материнство на Руси (X–XVII вв.) // Человек в кругу семьи. М., 1996. С. 305.

¹⁰ См. популярные эпические сюжеты «Лямминкяйнен — незванный гость на пиру», «Лямминкяйнен на Девичьем острове» и т. д. (Киуру Э. С. Эпические песни и «Калевала» // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 288–289).

¹¹ Степанова А. С. Толковый словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск, 2004. С. 17–19.

¹² Пеллинен Н. А. Применение метода тематического описания лексики при анализе метафорических замен термина «ребенок» в карельской колыбельной песне // Методы и принципы современных гуманитарных исследований. Сборник научных работ аспирантов и молодых ученых. Петрозаводск, 2011. С. 41–47.

¹³ Однако такое правило сохранялось не везде. Например, в Паданах любая женщина, родившая ребенка, называлась «akka», а в Контокки, Юшкозере и Тунгуде этим термином называли свекровь (*Karjalan kielin sanakirja. Kalmas osa. L-N. Helsinki, 1983. S. 346–347*).

¹⁴ Клементьев Е. И., Сурхаско Ю. Ю. Карелы. Семья и обряды жизненного цикла // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 260.

ках гражданского законодательства материнство существовало как неформальный социальный институт. В Своде законов указано, что родители должны были в равной степени принимать участие в материальном обеспечении детей, их нравственном воспитании для «приготовления сыновей на службу или в промысел... и об отдаче дочерей в замужество»¹⁵. Основной обязанностью детей по отношению к родителям было «почтение, послушание, покорность и любовь», а также содержание престарелых и неспособных к труду отца и матери¹⁶. Данные положения повторялись в издании 1857 и 1900 годов. Наследственные права вдовы также не зависели от наличия детей. Согласно закону, оставалась ли вдова бездетной или с детьми, она получала право на 1/7 часть недвижимого и 1/4 часть движимого имущества супруга. Причем наследственная доля сохранялась за ней в случае повторного замужества¹⁷.

Особое отношение к женщине как матери, было сформировано в уголовном законодательстве. Так, мужчина не рассматривался в качестве субъекта правонарушения в случае детоубийства, он нес ответственность как соучастник¹⁸. В то же время суд нередко смягчал наказание в отношении женщин. Например, в случае беременности исполнение приговора откладывалось на 40 дней после родов; если же приговоренная к ссылке женщина была молодой матерью, то она оставалась на месте в течение 1,5 лет со дня рождения ребенка; при отправлении в Сибирь осужденные женщины, имевшие грудных младенцев, обязательно сопровождалась на подводах¹⁹.

Образ матери, сформированный народной традицией и подкрепляемый на официальном уровне, являлся ценностным ориентиром в жизни женщины. Однако реальность, насущные потребности корректировали традиционные установки и стандарты поведения.

В последней четверти XIX века участились случаи семейных разделов, которые обычно происходили после смерти главы семьи. В случае, когда взрослые дети решали разделиться, мать могла остаться с одним из сыновей, который брал на себя обязанность содержать ее, или же отделялась сама, получая в качестве прожитка часть имущества. В Беломорской Карелии это могли быть корова, одеяло, часть вещей, а также две или три меры хлеба (1 мера = 1 четверик = 26,2 л.)²⁰.

В источниках второй половины XIX – начала XX веков зафиксированы случаи отказа взрослых детей обеспечивать мать после смерти отца. Документы, отражающие конфликтную сторону семейной повседневности, отложились в делах сельских сходов, в фондах волостных правлений, участковых земских начальников. Приведем пример. В прошении, направленном земскому начальнику в 1894 году, вдова дер. Декнаволоок Спасопреображенской волости Ирина Кастьянова писала, что ее

¹⁵ Свод законов Российской империи (далее — СЗ РИ). Т. X. Свод законов гражданских. Ст. 172–174. СПб., 1900.

¹⁶ СЗ РИ. Т. X. Свод законов гражданских. Ст. 177, 194. СПб., 1900.

¹⁷ СЗ РИ. Т. X. Ч. 1. Свод законов гражданских. СПб., 1912. Кн. 3. Разд. 2. Отд. V. Ст. 1148.

¹⁸ Полную уголовную ответственность женщина несла в случае вторичного привлечения к суду за детоубийство, даже если в первый раз ее вина не была доказана. Однако в Уложении о наказаниях 1903 г. эта норма уже отсутствует (СЗ РИ. Т. XV. Уложение о наказаниях. Разд. X. Гл. I. Ст. 1451. СПб., 1885; Боровитинов М. М. Детоубийство в уголовном праве. СПб., 1905. С. 15, 22).

¹⁹ Канторович Я. А. Женщина в праве. С прил. всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц жен. пола. СПб., 1895. С. 130–131, 140.

²⁰ Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. VIII. СПб., 1878. С. 120.

младший сын совершил семейный раздел, не получив на то согласия ни матери, ни своего старшего брата. По ее словам, приговор о семейном разделе был составлен с нарушениями — не на сходе, а в частном порядке с участием лишь младшего сына просительницы. Вместе с тем следует отметить, что подобных прошений сохранилось немного, и родные сыновья старались помогать родителям.

Иначе складывались отношения между мачехой и пасынком. По замечанию этнографа А. Я. Ефименко, если муж умирал и оставлял детей от первого брака, то новая жена обычно покидала дом, так как с пасынками «ей не житье»²¹. Например, в 1894 году в дер. Северный конец Кондопожской волости пасынок отказался выдавать мачехе причитающуюся ей долю имущества. Особой остротой отличались конфликты вдовы с родственниками мужа. Так, спустя несколько месяцев после смерти мужа, крестьянку дер. Карташевой Кондопожской волости Александру Андронову с двумя детьми 8 и 10 лет из дому выгнал деверь. В прошении она отметила, что после женитьбы брата покойного мужа, «в семье начались ссоры и пошли упреки со стороны брата, что мы твоих детей кормить не будем»²².

Таким образом, в наиболее уязвимом положении оказывалась овдовевшая крестьянка с несовершеннолетними детьми, поскольку ломалась традиционная структура семьи, и женщина оставалась без защитника своих интересов.

Во второй половине XIX века в обществе получили развитие идеи социальной справедливости, солидарности, общественной самодеятельности, что выразилось, в том числе, в создании попечительских органов, росте числа благотворительных учреждений²³. Традиционно в деревнях забота о матери и ребенке в случае отсутствия главы семьи, возлагалась на сельские общества. Рассмотрим следующую ситуацию. В июне 1898 году вдова дер. Половина Анна Романова просила «приютить» ее детей: девочку 4 лет и младенца, так как 3 месяца назад умер ее муж, а неделю назад она родила еще одного ребенка. Средств к существованию после смерти мужа она не имела, «кормилась деревенскими подачками», а работать была еще не в состоянии. Сход не только передал детей под временную опеку более состоятельных односельчан, но также ходатайствовал перед волостным правлением о постройке отдельного дома для вдовы и ее детей, на что получил разрешение²⁴.

Материальные трудности не всегда позволяли общине своевременно реагировать на просьбы матерей о помощи. Частично решить проблему социальной защиты детей позволяли создаваемые в конце XIX века при сельских школах приюты и общежития²⁵. В Петрозаводске Пименовский детский приют был создан в 1849 году. Первоначально он имел своей целью краткосрочное содержание

²¹ Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. VIII. СПб., 1878. С. 121.

²² Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК). Ф. 337. Д. 14/525. Л. 199–199 об.

²³ Горнов В. А. Из истории развития общественного призрения в российской социальной мысли второй половины XIX — начала XX века [Электронный ресурс] // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2008. № 20. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-razvitiya-obschestvennogo-prizreniya-v-rossiyskoy-sotsialnoy-mysli-vtoroy-pолоviny-xix-nachala-hh-veka> (дата обращения: 28.01.2014).

²⁴ НА РК. Ф. 107. Оп. 1. Д. 27/7. Лл. 23, 34.

²⁵ См. подр.: Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX века. СПб., 2007. С. 245–260.

детей. Однако вскоре стало очевидно, что этих мер недостаточно. С 1869 года приют стал принимать девочек с 4 лет до 18 лет «на постоянное жительство»²⁶. По достижении 18 лет девушки возвращались к родным. Если таковых не было, руководство приюта старалось устроить сирот к городским мастерицам для обучения рукоделию или подыскивало работу в сфере услуг, а наиболее талантливые девушки поступали в гимназию²⁷. В 1893 году в Петрозаводске открылся приют «Ясли», в который принимались незаконнорожденные дети обоего пола до 4 лет²⁸. При поступлении ребенок обязательно осматривался врачом. Причем, если ребенка приносила сама мать, то она приглашалась остаться в приюте для кормления и, как следует из отчетов Попечительства, в большинстве случаев матери навещали младенцев²⁹. В фонде Попечительства детских приютов (ф. 337 НА РК) удалось обнаружить дела с прошениями матерей. В них содержатся как сами ходатайства, так и рапорты полицейских исправников, которые давали характеристику имущественному и семейному состоянию просительниц. Анализ документов помогает лучше понять причины, по которым матери отдавали детей в приют, поскольку повсеместно в России и в Олонецкой Карелии наличие внебрачных детей считалось грехом и осуждалось местным сообществом. И. В. Оленев в начале XX в. писал: «...редкая измена быстро делается известною во всей волости и становится позором для целого рода. Внебрачные дети очень редки, если и случится, что у какой-нибудь старой девы... родится ребенок, то она всю жизнь раскаивается в своем грехе»³⁰. Для искупления «греха» к постным средам и пятницам добавлялся еще и понедельник, кроме того, женщина отказывалась от употребления чая и кофе³¹.

Анализ прошений выявил, что большинство крестьянок отдавали в приют детей, родившихся во время работы в городе прислугой. Это согласуется со статистическими данными, по которым одним из распространенных способов заработка среди карелок в конце XIX века была работа в сфере услуг³². Незамужняя женщина, имеющая ребенка, лишалась возможности вернуться на прежнюю работу или получить новую. Крестьянка дер. Погост Сямозерской волости в 1911 году писала по этому поводу: «При мне находится малолетний сын Егор, имеющий от рождения восемь лет и никуда по возрасту своему не устроен, так как в виду его малолетства, никто в услужение не принимает»³³.

²⁶ Николаевский детский приют в 1880 г. // ОГВ. 1881. № 12. С. 146.

²⁷ Николаевский детский приют в г. Петрозаводске // ОГВ. 1885. № 24. С. 223.

²⁸ Отчет Олонецкого губернского попечительства о детских приютах за 1901 год. Петрозаводск, 1902. С. 10.

²⁹ Отчет Олонецкого губернского попечительства о детских приютах за 1901 год. Петрозаводск, 1902. С. 10.

³⁰ Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917. С. 93–94.

³¹ См.: Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века. СПб., 2007. С. 40. Вместе с тем указанная норма имела региональные отличия. Современные исследования позволяют сделать вывод о том, что в Беломорской Карелии одинокие женщины с незаконнорожденными детьми не были редкостью (См.: Shikalov Y. Marriage in the Village of Uhta, Eastern Karelia, from the 1870's to 1905 // Family Life On The Northwestern Margins Of Imperial Russia. Joensuu, 2004. P. 265).

³² 635 карелок в Олонецкой губернии предпочитали работу прислуги, что составляло 17,5% в общей структуре женской занятости (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XXVII. Олонецкая губерния. Тет. 3. СПб., 1904. С. 88–89).

³³ НА РК. Ф. 337. Оп. 1. Д. 13/506. Л. 39–39 об.

Возвращение домой с внебрачным ребенком являлось позором для девушки и ее семьи. Крестьянка Петрозаводского уезда Евдокия Курчина спустя 20 дней после рождения ребенка ходатайствовала о помещении новорожденной в приют: «4 сего апреля я родила в Земской больнице дочь Александру, которую я, как *девица* (курсив мой – Ю. Л.), не имею возможности воспитывать. Средств я тоже не имею, так как служу в прислугах»³⁴. Молодая мать в своем прошении подчеркивала невозможность дать дочери необходимое воспитание, поскольку оставалась незамужней, а значит, социально неполноценной. Кроме того, появление нового члена семьи влекло за собой трудности материального характера и необходимость его обеспечивать. В 1911 году крестьянин Ладвинской волости Павел Данилов направил в адрес Попечительства ходатайство следующего содержания: «Родная моя дочь девица Христина 26 л., находясь в г. Петрозаводске в услужении, по великому моему огорчению родила в Петрозаводской губернской больнице 6-го февраля сего года дочь Марию и чрез 1 ½ недели после родин явилась ко мне со своим ребенком»³⁵. Данилов просил поместить ребенка в приют, поскольку прокормить семью был не в состоянии.

Представленный в статье краткий обзор источников позволяет расширить наши представления о материнстве как социокультурном и историческом явлении, выявить новые сюжеты, заслуживающие более пристального изучения. Содержание прошений носит индивидуальный характер, личный отпечаток. Включение в круг источников свидетельств самих женщин позволяет глубже исследовать крестьянскую повседневность, лучше понять некоторые поступки крестьянок, которые были ответом на изменившиеся социально-экономические условия их жизни.

³⁴ НА РК. Ф. 337. Оп. 1. Д. 13/506. Л. 114.

³⁵ НА РК. Ф. 337. Оп. 1. Д. 13/506. Л. 15–15 об.

210 лет учительской династии Копосовых

Одним из ярких примеров среди учительских династий XIX века верности делу просвещения может служить семейство М. А. Копосова. Ее основателем является Михаил Андреевич Копосов. Он родился в 1780 г. в семье священника Тверской губернии. После окончания в 1799 г. Тверской духовной семинарии поступил в Санкт-Петербургскую учительскую гимназию (впоследствии Императорский Университет). М. А. Копосов стал одним из первых выпускников Санкт-Петербургского Университета, приехавшим в 1802 г. по распределению на работу в Главное народное училище Олонечкой губернии, где его назначили учителем математики и физики. А с 1808 г. – преподавателем архитектуры, французского и немецкого языков, истории и географии. Затем, с 1809 г. он, продолжая службу в Петрозаводском уездном училище, одновременно являлся штатным смотрителем Петрозаводского уезда. Во время отсутствия директора народных училищ, М. И. Копосов (в 1806–1807 гг.) исполнял должность директора училищ. За время службы в училищном ведомстве имел только благодарности, положительные характеристики и награды. За отличную и усердную деятельность на педагогическом поприще он был награжден орденом Святой Анны III степени (1832 г.), орденом Святого Владимира IV степени (1835 г.), неоднократно получал денежные вознаграждения, а также особые «Знаки за безупречную службу» за 30 и 35 лет работы в училищном ведомстве. Ушел на пенсию в 1838 г. в возрасте 58-ми лет, получив в отставке право носить мундир чиновника. Педагогический стаж М. А. Копосова составляет более 36 лет (1802–1838 гг.).

Прибыв на работу в северную провинцию России в 1802 г., М. А. Копосов столкнулся с множеством проблем. Положение молодого педагога было безрадостным. Здание Главного народного училища в Петрозаводске в 1802 г. сильно пострадало от пожара, и поэтому школа находилась в наемном частном доме, малопригодном для проведения учебного процесса. В училище не было никаких учебных пособий. К трудностям преподавания учебных предметов добавлялось неустройство быта. Директор народных училищ А. Е. Крылов сообщал попечителю Санкт-Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцеву в 1804 г., что учителя «помещаются сами в чердаках, весьма тесных и холодных, подверженных зимой угару, которые состоят из двух покоев, даже и кухни не имеют»¹.

Чтобы решить проблему нехватки учебных пособий, учителя старались сами написать учебные пособия по предметам, используя собственный опыт их преподавания и ранее изданные пособия. В 1806 г. М. А. Копосов составил «алгебраические выписки из различных классических авторов и лучших ученых российских сочинений о сей материи», поскольку «нет еще в издании алгебры наро-

¹ Центральный государственный исторический архив СПб (далее ЦГИА СПб), ф. 139, оп. 1, д. 89, л. 1.

чито для народных училищ приспособленной, по которым можно преподавать алгебраический урок», – писал А. Е. Крылов Н. Н. Новосильцеву². Кроме своих непосредственных учительских обязанностей он вел метеорологические наблюдения.

Сохранившиеся в Национальном Архиве Республики Карелия документы демонстрируют достаточно активную деятельность Михаила Андреевича в должности штатного смотрителя. Это донесения, представления, отчеты по обозрению учебных заведений, находящихся на территории губернского города и Петрозаводского уезда.

Он много времени уделял Петрозаводским уездному и приходскому училищам, которые, согласно «Уставу учебных заведений, подведомственных Университету» (1804 г.) посещал ежедневно, будучи преподавателем уездного училища. Составленные им отчеты о состоянии школ в Петрозаводске дают представление о положении дел в этих учебных заведениях. В документах содержатся подробные данные о финансовых расходах, о численности учащихся, уровне преподавания учебных предметов, о педагогическом составе в учебных заведениях. М. А. Копосов постоянно обращался к директору народных училищ с просьбой о покупке учебных пособий для библиотеки училищ. Так, в 1809 г. он сообщил директору Олонецких училищ Н. П. Ушакову, что «в уездном училище нет почти никаких пособий по исторической части, а хоть ландкарты и есть, но все надорваны, что нельзя по ним проходить урок»³. На эту просьбу Главное правление училищ отправило 50 рублей на покупку новых исторических карт и учебников.

М. А. Копосов заботился об открытии приходских училищ в сельских приходах Петрозаводского уезда. В течение года он несколько раз обозревал территорию подведомственного уезда. Встречался с местными жителями, приходскими священниками, с которыми беседовал о пользе просвещения и предлагал им открыть сельскую школу для крестьянских детей. Особое внимание смотрителя привлекали крестьяне, которые сами предлагали свои услуги по открытию школ в деревне. Так, в его отчете директору народных училищ С. А. Башинскому за 1821 г. отмечалось, что в селении Остречины активную деятельность по открытию народной школы развили местные крестьяне С. Панфилов и К. Артемьев. С. Панфилов сам изъявил желание работать учителем в Остречинской приходской школе, а К. Артемьев предложил передать для нужд училища в безвозмездное пользование собственный дом. Просьбы крестьян утвердили, «назначив начальником учителя С. Панфилова, а учителем Остречинской народной школы местного дьяка А. Тимофеева»⁴. Хотя смотритель училищ в то время и указывал в своем отчете, что «крестьяне желают отдавать в училища своих детей»⁵, но это «желание» выразили только трое из жителей села Остречины. А в марте 1815 г. дьяконы и пономари Рыборецкого, Салменижского и Сямозерского приходов Олонецкой губернии объявили об их желании занять училищные должности взамен умерших или священников⁶. Таким образом, М. А. Копосов

² ЦГИА СПб, ф.139, оп.1, д. 227, л. 1.

³ Национальный архив республики Карелия (далее НА РК), ф. 17, оп. 6, д. 1/1а, л. 76.

⁴ НА РК, ф. 17, оп. 2, д. 1/2, л. 272.

⁵ Там же.

⁶ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 1324, л. 1.

сов заботился о продолжении учения в закрывшихся по тем или иным причинам приходских училищах.

Иногда грамотные крестьяне также самовольно открывали школы без разрешения училищного начальства. Такие незаконные факты также контролировались Михаилом Андреевичем. В своем отчете за 1824 г. он сообщал, что в Ивинском и Муромском погостах крестьяне обучают детей грамоте сами в домашних школах, и просил директора народных училищ С. А. Башинского о «воспрещении крестьянам И. Миронову и Е. Устинову обучать детей без позволения начальства».⁷ По школьному уставу 1804 г. преподавать разрешалось только местным священникам, поэтому подобная инициатива крестьян считалась противозаконной, если крестьяне не получали особого на то разрешения.

М. А. Копосов, встречаясь с крестьянами на сельских сходах, призывал их к оказанию материальной помощи приходским училищам. Так, на сельском сходе в 1822 г. М. А. Копосов поставил вопрос о материальной помощи сельского общества в ремонте ветхого школьного здания, остречинские крестьяне не отказались от помощи, но перенесли ремонт школы на неопределенный срок, обещая «поправить оное училище с начала 1823 г. и покончить оную поправку в течение 3-х лет»⁸. В конечном итоге обещанный ремонт так и не состоялся, крестьяне безвозмездно помогать школе отказывались или ограничивались обещаниями.

Семья Михаила Андреевича жила бедно. В 1833 г. заболел старший сын Иван, ставший учителем гимназии, для его лечения необходимы были средства. Семья учителя ничем помочь не могла. Директор народных училищ М. И. Троицкий обратился к попечителю Петербургского учебного округа М. А. Дондукову-Корсакову с прошением о выделении денег на лечение, в котором писал: «отец его обременен многочисленным семейством, при ограниченном состоянии не может составить ему никаких способов к исцелению»⁹. Средств на лечение Ивана Копосова выделено не было, ему пришлось по состоянию здоровья оставить учительскую службу, а в 1834 г. он скончался.

В семье Михаила Копосова было 12 детей. Все сыновья окончили Олонецкую гимназию. При этом Александр (1827 г.) и Николай (1845 г.) с серебряными медалями. Двое из них – старшие сыновья Павел и Иван – работали учителями в Петрозаводском приходском училище и в Олонецкой гимназии.

Трое – Владимир, Александр, Петр – в разное время стали студентами Петербургского университета, вернулись после его окончания домой в г. Петрозаводск, служили в гимназии. Владимир Михайлович 1845–1847 гг. был назначен инспектором гимназии. Важно заметить, что профессор Петербургского университета А. В. Никитенко, обзоревавший учебные заведения Олонецкой губернии в 1834 г., отметил в своих мемуарах работу одного из сыновей Михаила Андреевича – Владимира, в

⁷ НА РК, ф. 17, оп. 2, д. 1/4, л. 7.

⁸ НА РК, ф. 17, оп. 2, д. 1/2, л. 272.

⁹ НА РК, ф. 17, оп. 5, д. 3 / 7, л. 10.

то время учителя Олонецкой гимназии: «Экзаменовали учеников гимназии, Копосов – хороший учитель»¹⁰.

Александр и Петр впоследствии работали в Санкт-Петербурге, где Александр Копосов работал учителем в 1-ой СПб гимназии, а Петр Копосов стал директором 4-ой Московской гимназии.

Все дети имели награждения за усердную службу денежными премиями, знаками беспорочной службы, благодарности от попечителя учебного округа. Активно занимались общественной работой. Сверх занимаемой должности они бесплатно исправляли должность библиотекаря гимназии, являлись секретарями Совета гимназии, вели протоколы заседаний педагогических советов, были членами и секретарями Петрозаводского губернского тюремного комитета

Самый младший – Николай Копосов – также окончил Олонецкую гимназию с серебряной медалью и «поступил Императорскую Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую Академию»¹¹.

Интерес представляет судьба Петра Михайловича Копосова, действительного статского советника, который в 1844 г. после окончания СПб университета по распределению определен старшим учителем латинского языка в Олонецкую гимназию, в течение 10-летней работы в гимназии вел уроки истории, законоведения, одновременно работал в благородном пансионе при гимназии, где преподавал делопроизводство. В 1851 г. Министерством народного просвещения назначен цензором неофициальной части Олонецких губернских ведомостей. А в 1852 г. назначен инспектором Олонецкой гимназии.

Возникший конфликт П. М. Копосова с директором Олонецкой дирекции училищ Федором Николаевичем Фортунатовым послужил поводом для его увольнения из гимназии и переезда семейства из Петрозаводска в Санкт-Петербург. В марте 1855 г. по случаю образования ополчения Олонецкий губернатор предложил чиновникам училищной дирекции училищ составить добровольную подписку в пользу ополчения в Крымской войне, П. М. Копосов отказался делать денежный взнос, сославшись на трудности семейного бюджета в связи с многочисленностью семейства¹². Директор гимназии обвинял инспектора П. М. Копосова в сопротивлении распоряжениям начальства. Петр Михайлович написал рапорт об увольнении и переехал к брату Александру в Санкт-Петербург, который в это время уже работал учителем в 1-ой Петербургской гимназии.

Высшее училищное начальство определило дальнейшую судьбу Петра Михайловича. Он был отправлен на работу инспектором в 1855 г. в Смоленскую гимназию. Уже через год в 1856 г. его перевели на ту же должность в Тверскую, а затем в 1857 г. в 1-ую Московскую гимназию. С 1858 г. до 1874 г. он работал директором 4-ой Московской гимназии.

За безупречную деятельность на ниве просвещения П. М. Копосов был награжден орденами Св. Станислава II-й степени (1862 г.), Св. Анны II-й степени (1865 г.), Св. Владимира III-й степени (1873 г.).

¹⁰ Никитенко А. В. Записки и дневники. (1826–1877) // СПб., Т. 1. 1893. С.335.

¹¹ НА РК, ф. 17, Оп. 5, д. 4 / 8, л. 409.

¹² Российский государственный архив (РГИА), ф. 733, оп. 26, д. 215, л. 35.

Так, продолжались семейные традиции, сохранявшие верность делу народного просвещения. Педагоги-Копосовы были активными учителями-тружениками, стремящимися прививать своим ученикам стремление к знаниям, творческое мышление. Они старались, чтобы воспитанники отвечали своими словами преподанные им уроки, а не запоминали буквально по учебным руководствам. Это были люди высокой культуры, страстные поборники своего дела. Несмотря на трудные условия преподавания и быта, тяжелое материальное положение и непонимание идей просвещения обществом – Копосовы отдавали все свои силы на дело развития образования, несмотря на небольшое жалование, трудности быта и неустроенность жизни.

Колхоз «Труженик» Кемского района в 1930–1940-е годы

Деревня Кокорино. 60-е годы 20 в. Архив Дубровиной Р. С.

Колхозы в Кемском районе создавались в период проводимой государством политики ликвидации кулачества как класса. С 1929 по 1935 гг. на территории района было организовано несколько колхозов: «Искра», «Труд», «1-е мая», «Путь к социализму», «Парижская коммуна», «Колхоз имени Кирова», «Путь Ленина», «Беломорский рыбак», «Океан», «12 годовщина Октября», «Труженик», «Победа», «Красная заря».¹ Из них десять занимались земледелием и животноводством, три колхоза были рыболовецкими. В состав «Труженика» вошли деревни Кокорино, Рудомётово, Вокшозеро. Был образован Вокшозерский сельский совет. В настоящее время об этих колхозах можно узнать лишь из архивных материалов и из публикаций в местной газете «Советское Беломорье» за 30–50-е годы. Некоторыми воспоминаниями поделилась дочь бывшего председателя колхоза Дубровина Раиса Савельевна. Она рассказала, что первым председателем колхоза был Рудомётов Тимофей. Отчество его она не помнит. После него председателем стал её отец Рудомётов Савелий Алексеевич. Его родители - Рудомётовы Алексей Осипович и Мария Алексеевна - жили в деревне Кокорино с конца 19 века. Здесь у них был дом и своё хозяйство. Деревни, вошедшие в колхоз «Труженик», были старинными карельскими поселениями. Об этом говорят названия сенокосных угодий в окрестностях деревень: Курко-шуо, Вичча-шуо, Куюн-шуо, Тимон-шуо, Прокколян-шуо, Табачное плясо, Ейно-пляс, Пурной-ручей, Клики-ламби и другие, которые занимали многие километры. Находились деревни в труднодоступных, болотистых местах, окружённых лесом. О том, что деревня Кокорино – старинная говорит и тот факт, что археологи нашли в окрестностях деревни Кокорино камень – следовик. В камне виден след, происхождение которого связывалось с основателем данной деревни.² В деревне также сохранился старый поклонный крест.

Поклонный крест в деревне Кокорино.

Архив Дубровиной Р. С.

Старое карельское кладбище в окрестностях

Кокорино. Архив Дубровиной Р. С.

В советское время отец Савелия Алексеевича – Алексей Осипович работал лесником в Кемском лесничестве. Во время коллективизации семья вступила в колхоз «Труженик», куда пришлось сдать и свой скот. Конечно, вступление в колхоз не было добровольным. Крестьяне боялись репрессий со стороны властей, высылки из деревни «как кулацкого и антисоветского элемента». Колхоз был небольшим, малочисленным, экономически слабым. Не хватало техники, в основном все сельскохозяйственные работы выполнялись вручную. На вооружении крестьян были косы, плуги, бороны. Материальное благосостояние колхозников было очень низким. Работали за трудодни, которые называли «палочками». Уехать было невозможно, так как не было документов. Но, несмотря на все эти трудности, колхоз работал. На страницах районной газеты «Советское Беломорье» печатались заметки о трудовых успехах колхозников Кемского района, в том числе и колхоза «Труженик». Накануне Великой Отечественной войны, в 1940 году, в колхозе числилось 19 дворов, где проживало 102 человека, из которых только 33 человека числились трудоспособными, в семьях колхозников было 39 детей до 10 лет, 11 подростков от 10 до 16 лет. Нетрудоспособного населения было 17 человек. Скотный двор насчитывал 14 коров, 11 лошадей.³ При таком положении дел да ещё и в суровых условиях севера трудно было выполнять определённые нормы и по посевам зерновых культур, и по животноводству. На 1941 год за колхозом числилось общественных земель 685,33 га. Из них сенокосной – 190 га, выгоннопастбищной – 30 га, болотной – 170 га, лесной – 100 га, пахотной земли – только 15,96 га, в то же время неудобных земель было 178,91 га.⁴ Многие сенокосные угодья находились в отдалённых и заболоченных местах, некоторые – среди лесов. Всё это сказывалось на поголовье колхозного скота, которое постепенно сокращалось из-за недостатка кормов. Среди архивных документов сохранился протокол по обмеру пахотных угодий колхоза, составленный в 1940 году землеустроителем Морозовым. При их обследовании оказалось, что «во многих стоит вода и не отделены кустарники и не удобные земли».⁵ Эти заболоченные и заросшие угодья доставляли неудобства колхозникам, так как план по посевам распространялся и на них. Дубровина Р. С. вспоминает о том, что её мать Рудомётова С. Е. рассказывала, как на собраниях колхоза люди решали вопрос о том, чтобы просить исполком Кемского райсовета списать часть угодий, непригодных для се-

нокоса. Колхоз не мог выполнить план по животноводству из-за того, что сенокосные участки заболочены, многие расположены в низинах, где их заливала вода из рек и озёр. Часть сильно заросла кустарником. Из-за таких условий невозможно было обеспечить кормами колхозный скот. План на-
доя молока постоянно сокращался. И только в 1950 году исполком райсовета удовлетворил просьбу колхозников и списал с колхоза 150 га не пригодной для сенокосов земли.

Савелий и Серафима Рудомётовы. 1930-е гг.

К 1941 году постепенно снижается средний годовой удой на одну фуражную корову по колхозу «Труженик». Если в 1936г. надаивали 671 л, то в 1937 году удои резко возросли (900л), в 1938 году они так же резко начинают снижаться (725л), в 1939 году – незначительное повышение (790л), а уже к 1941 году удой составляет только 550 л на одну фуражную корову.⁶ Очень трудно было с кадрами: кроме того, что плохо вёлся учёт трудодней, в колхозе не хватало кадров зоотехников, ветеринаров. Не было даже постоянных кадров пастухов. Например, в течение всего 1941 года в районе не было ни одного зоотехника. Был только один ветврач и два ветфельдшера. Больным животным не оказывалась своевременная помощь, так как расстояния между колхозами были большими. Да и добираться нужно было по бездорожью. Конечно, в таких условиях выполнять планы по увеличению поголовья скота было затруднительно.⁷

17 января 1941 г. выходит Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О введении платной трудовой и гужевой повинности на лесозаготовках Наркомлеса СССР в первом квартале 1941 года».⁸ На территории Карело-Финской ССР она вводилась с 23 января по 1 апреля 1941 года. По этому доку-

менту указывалось, что *«всем привлеченным к трудовой и гужевой повинности выплачивается заработная плата как основная, так и прогрессивная с начислением премий-надбавок»*. В то же время говорилось о том, что *«за уклонение от трудовой и гужевой повинности и за невыполнение обязательных заданий по лесозаготовкам виновные привлекаются к уголовной ответственности»*. Газета «Советское Беломорье» регулярно публикует материалы о работе колхозных бригад по заготовке леса. Лесозаготовители работали без выходных, по 10–12 часов в день, выполняя и перевыполняя задания. Газета отмечает передовиков, успешно начинающих 1941 год и перевыполняющих план по лесозаготовкам: возчиков Третьякова И. Н. – 200 %, Матвеева Г. З. – 120 %, Реттиева М. И. и Еремеева П. К. – 200 %, лесоруба Корнеева Д. К. – 110 %, бригадира Журавлёва В. Ф. – 120 %.⁹

Для увеличения темпов производительности труда широкое развитие получило в то время социальное соревнование в разных отраслях народного хозяйства, в том числе и в лесной отрасли. В соревнование между колхозами и бригадами включались и колхозники «Труженика». Так, в феврале 1941 года они вызвали на социальное соревнование за досрочное выполнение плана лесозаготовок, установленных в порядке платной трудгужповинности, сельхозартель им. Кирова Пильдозерского сельсовета. План 1 квартала колхозники обязались выполнить к 15 марта. Взяли обязательство добиться производительности труда по заготовке не менее 6 фестметров на человеко-день и по вывозке – 13 фестметров на коне – день. К открытию XVIII партконференции они планировали заготовить 350 фестметров и вывезти 1000 фестметров древесины.¹⁰

В Москве с 15 по 20 февраля 1941 проходила XIII Всесоюзная конференция ВКП (б). В центре работы конференции находились вопросы дальнейшего интенсивного развития индустрии, в первую очередь отраслей оборонного значения. И вновь районная газета откликается на это событие, рассказывая о том, что *«передовые люди лесозаготовок, стахановцы и ударники Всесоюзную конференцию ВКП(б) встретили достойными производственными подарками»*. Отмечаются отдельные бригады и колхозники «Труженика» Вокшозерского сельсовета. Бригада Г. Матвеева на 4 лошадях вывозит по 40 фестметров в день, возчик П. Еремеев ежедневно вывозит по 15 фестметров. Отмечаются и серьёзные проблемы, встающие перед колхозниками в то время. Из-за нехватки кормов для лошадей декадный план в феврале 1941 года колхоз смог выполнить только на 70 %: *«5 февраля не смогли приобрести фураж для лошадей»*.¹¹

Но, несмотря на все трудности, нужно было выполнять решения 18-ой Всесоюзной конференции ВКП(б). И колхоз «Труженик» под председательством Савелия Рудомётова заданный план по вывозке в марте 1941 года выполнил на 107,3 % и заготовил 1226 фестметров древесины при задании 1300. План по вывозке в четвёртой пятидневке марта колхоз выполнил на 235,5 % и по заготовке – на 165,4 %. Колхозников постоянно призывали к тому, что выполнение плана *«должно стать нерушимым законом всех лесопунктов»*, что нужно выполнить план с честью и *«дать стране столько леса, сколько потребуется»*.¹² Мартовский номер 1941 года печатает репортаж о том, что колхозники Вокшозерского сельсовета досрочно выполнили государственное задание платной трудгужповинно-

сти 1 квартала 1941 года по заготовке леса: *«Бригада вокиозерских колхозников, возглавляемых тов. Г. Мосориным, работает на мастерском участке Кокорино (лесопункта Егут). В бригаде шесть человек. Все они хорошо знают своё дело, своё место во время работы»*. В бригаде Гаврилы Никитича Мосорина в это время работает и жена председателя колхоза Серафима Рудомётова. С ней в паре работает П. Рудомётова. Работают ударно, план выполняется, *«но члены бригады тов. Мосорина не уходят с лесозаготовок. Они решили работать до конца сезона, не снижая темпов работы»*.¹³ В другом номере вновь говорится об успехах колхозников «Труженика»: *«25 марта лесорубы мастерского участка Кокорино (лесопункт Егут) первыми по Кемскому леспромхозу досрочно выполнили государственный план 1 квартала по заготовке. Они заготовили 7075 фестметров древесины вместо 7000 по плану»*. В этом большая заслуга мастера участка Кокорино В. Ф. Журавлёва.¹⁴ Почти до войны Рудомётов Савелий Алексеевич работал председателем колхоза. Был примером для других. Об этом говорят и газетные строки в апреле 1941 года: *«Председатель колхоза «Труженик» тов. С. Рудомётов с первых дней работы в лесу мобилизовал колхозников на досрочное выполнение плана. В результате колхоз первым в районе выполнил задание и сверх плана вывез свыше 2000 фестметров древесины»*.¹⁵ За выполнение и перевыполнение плана трудгужповинности по заготовке и вывозке древесины исполком Кемского районного совета депутатов премировал денежной премией руководителей колхозов и колхозников. Среди передовиков оказался и председатель колхоза «Труженик» Савелий Алексеевич Рудомётов, который получил премию в 200 руб.¹⁶ Перед самой войной он стал занимать должность председателя сельского совета. Его жена, Серафима Ефимовна (в девичестве – Карамзина), оказалась в Кокорино в годы сталинских репрессий. Её родители: Карамзины Ефим Фадеевич и Александра Афанасьевна – жили в Архангельской области. Были по тем меркам зажиточными людьми: имели своё хозяйство, смолокурню. В 30-е годы их вывезли в Кемский район на лесозаготовки. В справке от 8 августа 1933 года поселкового совета Рабочеостровска, откуда отправляли Серафиму с отцом, указано, что она как *«дочь лишенца, живущего на не трудовые доходы»* направляется на лесозаготовки с последующим переключением на сплав. Из имущества, привезенного из Архангельска, ей оставили швейную машинку «Зингер», которая не раз выручала в трудные минуты и сохранилась до сих пор. Высадили их недалеко от порога Падун на реке Поньгома. Государство в то время проводило политику ликвидации кулачества как класса. Политика эта сопровождалась насильственными переселениями в северные, необжитые районы страны.¹⁷ В таком же положении оказалась и семья Карамзиных. Как говорит Дубровина Р. С., жить им пришлось то ли в землянке, то ли в шалаше. Потом канадские финны, которые приехали строить социализм в СССР, построили там одноэтажные бараки. Местные жители называли это место «пунктом». Серафиме приходилось работать везде, куда пошлют. За уклонение от работ грозило наказание. Работала на сплаве, заготовках, сучкорубом и сжигальщицей сучьев на лесопунктах Юма и Авнепорог. Работать на лесозаготовках приходилось и тогда, когда вышла замуж, и после рождения детей. Реабилитирована была только в 2001 году.

Кроме плана по лесозаготовкам необходимо было также выполнять планы по сельскохозяйственным работам. В марте 1941 года корреспонденты газеты пишут о том, что «колхозники, воодушевлённые Постановлением ЦК ВКП (б) СНК СССР о дополнительной оплате их труда, неплохо готовятся к весеннему севу. План по заготовке торфа выполнен на 135%, полностью отремонтированы плуги и бороны». Отмечается также, что если в 1940 году колхоз добился урожайности ржи по 14 ц с га, ячменя – по 13 ц, то возможности для получения большего урожая в колхозе имеются.¹⁸

Великая Отечественная война стала суровым испытанием для жителей Карелии. Перед колхозниками в это трудное время ставились задачи приложить все усилия для помощи фронту. Работники колхозов и совхозов не только старались выполнить, но и перевыполнить план. Почти все мужчины из колхоза «Труженик» ушли на фронт. Вся тяжесть колхозной работы легла на плечи женщин, подростков и престарелых жителей деревень. Когда в 1942 году ушёл на фронт председатель колхоза Савелий Рудомётов, его заменила жена Серафима. Газета «Советское Беломорье» регулярно информировала читателей о том, как «полным ходом идёт трудовая жизнь в прифронтовом карельском колхозе «Труженик» Вокшозерского сельсовета», как *«ударно трудятся молодёжь и старики»*. За восемь рабочих дней в сентябре 1942 года на уборке картофеля и овощей из 12 га картофеля колхозники убрали 7,6 га. Колхозники также обязались до 28 сентября убрать весь картофель с площади в 4,5 га. И выполнили своё обязательство: *«Колхоз полностью сдал зерновые в фонд Красной Армии и выполнил обязательство перед государством по сдаче картофеля»*. Здесь же отмечается труд колхозниц Евдокии Григорьевны и Ульяны Кирилловны Кутчиевых, Евдокии Евдокиевны и Екатерины Николаевны Еремеевых, которые вручную выкапывают ежедневно 600 кг картофеля каждая при норме 400 кг. В этой тяжёлой работе колхозникам помогают служащие села: *«Хорошо работают также заведующая почтой А. В. Медведева, избач О. И. Лесонен, предсельсовета М. И. Матвеева и другие»*. На полях колхоза работают также престарелые жители села, такие как санитарка Акулина Ларионовна Еремеева.¹⁹ Жена ушедшего на фронт председателя сельского совета Серафима Рудомётова продолжает трудиться на полях колхоза вместе с другими женщинами, показывая *«образцы стахановского труда»*, как отмечает газета. В период весенне-полевых работ она вместе с колхозницами М. П. Матвеевой и М. Т. Матвеевой выполняет дневную норму на 120–130 процентов. Хорошо работают также колхозницы А. П. Попова, Васса и Сима Матвеевы, которые на вспашке почвы *вручную* выполняли нормы на 110–120 процентов.²⁰ Работали женщины без выходных, отпусков. Даже после рождения ребёнка женщина почти сразу же выходила на работу. По воспоминаниям Дубровиной Р. С., которая передаёт рассказ матери, в колхозе в годы войны работало 3 полеводческих и одна животноводческая бригады: *«В Рудомётово в бригаде было около 20 человек и только один мужчина. В Кокорино маленькая бригада была, только 8 человек, тоже женщины да дети и тоже один мужчина. Так же и в Вокшозере»*. Наряду со сводками с фронтов Великой Отечественной войны газета публиковала и такие призывы к колхозникам района: *«В сжатые сроки и без потерь проведём уборку урожая и заготовку сельскохозяйственных продуктов»*, *«По-военному прове-*

дём уборку урожая». В заметке с названием *«По-военному проведём...»* в августе 1943 года рассказывается о том, что на IV Пленуме Кемского РК КП(б) руководителей колхозов, совхозов и подсобных хозяйств обязали разработать план проведения уборки урожая и сдачи сельхозпродукции государству. На Пленуме говорилось и о том, что к сельскохозяйственным работам следует привлекать престарелых колхозников, служащих сёл и города, пионеров и школьников.²¹ Следуя призывам, женщины - колхозницы всеми силами старались выполнить и перевыполнить план. Так, на сеноуборке в июле 1943 года больших успехов добивается звено Акулины Тимофеевны Рудомётовой. Дневную норму в среднем каждый член её звена выполняет на 120 %. Лучше всех в звене работает Марина Павловна Матвеева. Улучшили за последнее время свои показатели и косцы звеньев С. Рудомётова и К. Еремеева. Даже престарелая колхозница Мария Терентьевна Еремеева на прополке выполняет норму в среднем на 130 процентов.²²

Активно участвовали в сельскохозяйственных работах не только подростки, но и школьники младших классов. Ученики 3-х и 4-х классов Вокшозерской школы наравне со взрослыми пропалывали и окучивали картофель, заготавливали веточный корм. В газетной заметке говорится, что на 10 июля 1943 года 12 школьников окучили 3 га картофеля и заготовили 10 центнеров веточного корма. Ребята не только выполняют дневную норму, но некоторые даже перевыполняют дневное задание: *«Ученик 4 класса Лёня Матвеев норму выработки в среднем выполняет на 120 %, на 115 % выполняет своё задание Лёня Рудомётов, ученица 3 класса Уля Матвеева даёт ежедневно 106–110 % к норме, неплохо работают и другие ребята».*²³

В годы Великой Отечественной резко возросла роль леса. Он необходим был для строительства оборонительных сооружений, переправ, блиндажей, землянок. Кировская железная дорога, по которой снабжались войска Карельского фронта, не могла функционировать без древесины, которая шла на топливо для паровозов. Кроме того, лес использовали на изготовление лыж для фронта, из карельской древесины делали корпуса и ящики для мин и артиллерийских снарядов. Государство использовало все меры для увеличения лесозаготовок: и поощрения, и наказания. Но нельзя не учитывать энтузиазм и героизм народа. Лесная отрасль Карелии переживала величайший кризис. В годы войны из 46 лесозаготовительных и лесосплавных предприятий Наркомлеса Карелии 40 прекратили деятельность. Кроме того, из работающих на лесозаготовках 70 % были женщины.²⁴

Такое же положение было в Кемском районе. На лесозаготовках работали в основном женщины, которые полуголодными трудились в лесу по многу часов. Не уходили с работы, пока не выполнят дневную норму выработки. Ведь был ещё и призыв *«Все для фронта, все для победы!»*. В семье Дубровиных сохранилась старая вырезка из газеты с фотографией женщин, работающих на Авнепорожском лесопункте. Глядя на фотографию, понимаешь, в каких крайне тяжёлых условиях работали женщины в годы войны. Им приходилось самым лучковыми пилами валить деревья, грузить огромные брёвна на вагонетки, толкать эти вагонетки по узкоколейкам. Вырезку из газеты Раиса Савельевна хранит как память о матери, которая, возможно, тоже находилась среди этих женщин.²⁵ Из вос-

поминаний Дубровиной Р. С.: «Маму почти не видели. Она с весны до осени в колхозе на полях работала, женщины сеяли, пололи, убирали, молотили. Потом на сенокос отправляли. С осени до весны на лесозаготовках была. Тяжело было, да так все жили». На страницах «Советского Беломорья» рассказывается не только о том, как идут сельскохозяйственные работы на полях района и на лесозаготовках, но затрагиваются и проблемы здравоохранения в колхозах. Говорится, в частности, о том, «как важно, чтобы наша армия получила здоровое пополнение, чтобы фронт и тыл были предохранены от эпидемий, от инфекционных болезней, чтобы советские люди, работающие в тылу, были здоровы, и потери рабочих часов и дней были доведены до минимума». Наряду со многими недостатками в работе медицинских учреждений района, отмечаются сельские медучастки Вокшозерский и Маслозерский, которые вошли в число передовых. «Работники этих участков Перман и Родионова всю свою работу перенесли непосредственно на производство. Путём хорошей постановки санитарной работы среди населения и проведения санитарно - профилактических мероприятий они добились резкого снижения заболеваемости, добились чистоты в магазинах, пекарнях, колхозных домах. Они провели 100 процентный охват населения противозидемическими прививками».²⁶

Фото из НА РК²⁵

Центром культурной жизни села была в те годы библиотека, которая была ещё и одновременно боевым агитпунктом. Здесь была сосредоточена общественная жизнь деревни. Библиотекарей тогда называли избачами. Они же были и агитаторами, которые рассказывали жителям деревни о событиях в стране, проводили многочисленные беседы с колхозниками на самые разные темы, читали газеты, писали письма по просьбе колхозников, многие из которых были малограмотными. В деревне Рудомётово библиотека располагалась в одном доме с медпунктом, школой, интернатом для школьников и клубом. Конечно, читали, в основном, школьники и молодёжь. В апреле 1941 года в газете «Советское Беломорье» напечатана заметка о работе библиотеки и о чтении комсомольцев колхоза «Труженик».²⁷ В ней рассказывается о лучших читателях библиотеки: заведующей сельским мед-

пунктом Марии Кравченко, секретаре Вокшозерского сельсовета Марии Матвеевой. Отмечается, как постоянно пополняют свои знания избач Григорий Рудомётов и комсомолка Мария Кундозерова. В библиотеке насчитывалось в то время свыше трёх тысяч книг, читателей было 74 человека. Одним из избачей, по воспоминаниям Дубровиной, был также Еремеев Фёдор Игнатьевич. Много работы было и у заведующей избой-читальней села Вокшозеро Ольги Лесонен, которая не только знакомила колхозников с событиями в стране и рассказывала «о боевых делах воинов Красной Армии», но и призывала колхозников *«неустанно трудиться во имя победы»*. В результате такой работы агитатора звено А. Рудомётовой в июле 1943 года стало выполнять дневное задание на 120 процентов. Ещё среди агитаторов *«выделяется комсомолка Еремеева. Только в июле она провела среди колхозников 15 бесед и читок»*.²⁸ На 1 января 1942 года в Кемском районе количество ферм и поголовье скота резко сократилось. Скот был эвакуирован решением Военного Совета Карельского фронта. Из колхоза «Труженик» скот был вывезен полностью.²⁹ Но остался план по увеличению поголовья скота за счёт собственного воспроизводства и частичной контрактации молодняка.³⁰

К концу войны катастрофически не хватало лошадей и удобрений для полей. Торф на поля вывозили вручную. Не хватало людей для работы на скотном дворе. Из-за плохого ухода и недостатка кормов был большой падёж скота. Дубровина вспоминает, как на скотном дворе работала только одна женщина, которая должна была и накормить скотину, и убрать помещения.

В 1944 году колхоз уже не в состоянии выполнить нормы по вывозу удобрений на поля. План выполнен был только на 33,3 %. Также не был выполнен план по ремонту сельхозинвентаря.³¹ Но колхозники продолжали откликаться на все события, происходящие в стране. После снятия блокады Ленинграда вся страна стремилась помочь населению города-героя. Не отставали в этом и колхозники колхоза «Труженик», которые взяли на себя обязательство заготовить для Ленинграда 440 кубометров дров. Они решили, что нужно *«каждому колхознику трудоспособному заготовить по 20 кубометров дров»*. 16 декабря первые 6 человек выехали в лес во главе с председателем сельсовета. В заметке вновь упоминается Серафима Ефимовна Рудомётова, которая в составе 9 человек работала на заготовке дров. Было создано 4 бригады во главе с Мосориным Г. Н., Рудомётовой С. Л., Матвеевой М. Т. и Рудомётовой С. Е. Колхозники заготовили 195 кубометров.³²

После окончания Великой Отечественной войны многие мужчины не вернулись в родные деревни. Ещё в 1942 году в семью Рудомётовых пришло извещение о том, что Савелий Алексеевич пропал без вести на Кестеньгском направлении. Семья осталась без кормильца. И по-прежнему женщины должны выезжать на лесозаготовки, справляться с посевами и уборкой урожая. Районная газета продолжает освещать трудовые успехи колхоза «Труженик» на лесозаготовках. За подписью председателя Вокшозерского сельского совета Еремеева П. газета публикует заметку о том, что 20 октября 1947 года 11 членов колхоза «Труженик» Вокшозерского сельского совета организованно вышли на работу в лес. Выходя в лес, колхозники дали слово перевыполнить план 4-го квартала по заготовке леса на 476 фестметров и по вывозке – на 690 фестметров.³³ Колхозниками, о которых рассказыва-

лось в газетных заметках, были в основном молодые женщины. Невзирая на недомогания, в любую погоду женщины должны были выходить на работу. Во время судебного заседания, когда устанавливался факт проживания Рудомётовой Серафимы Ефимовны в месте высылки на лесотсеках в Вокшозерском сельсовете, один из свидетелей рассказал, что в то время его отец работал бригадиром в лесопункте Юма, и с его слов он знает, что Рудомётова С. Е. работала сучкорубом. Её заставляли работать на лесозаготовках, и она работала везде, куда пошлют. Спустя два с половиной месяца после рождения ребёнка она вновь выходит на работу. В решении суда есть ссылки на сохранившиеся личные счета по лесопункту Авнепорог, где она работала с апреля по октябрь 1944 года на скатке лесоматериалов, заготовке, сплаве и срывке леса. С февраля по июль 1946 года она работала на сплаве и заготовке леса. Работала также на лесопункте Юма с октября по декабрь 1948 года на заготовке лесоматериалов и на ручной заготовке. Не выйти на работу не имела права. А после работ в лесу женщинам вновь предстояли полевые работы: сев, прополка, окучивание, уборка, обмолот, сенокосы. И вновь в газетной заметке в августе 1947 года упоминается Серафима Рудомётова: *«Колхозники колхоза «Труженик» Вокшозерского сельсовета первыми в районе досрочно выполнили план уборки зерновых. Колхозницы С. Рудомётова, Е. Ермилова, Е. Кутчиева дневное задание на жатве выполняли на 200–220 процентов... Сейчас в колхозе заканчивается обмолот собранного урожая, идёт подготовка к уборке картофеля и овощей. В среднем с одного гектара колхозники намачивают по 10 ц ржи и ячменя при плане 9 ц»*.³⁴ На полях вместе с колхозниками работали и агитаторы-комсомольцы: *«Агитаторы П. П. Матвеева и М. З. Матвеева на уборке урожая выполняют по полторы – две нормы в день. Агитатор М. Д. Карпичева выполняет норму на 120 процентов»*.³⁵ Необходимость выполнения планов по лесозаготовкам заставляла колхозников колхоза «Труженик» изо дня в день повышать темпы работы. Районная газета рассказывает о том, что 14 членов колхоза на 1 декабря 1947 года заготовили 907 фестметров леса. Средняя производительность на заготовке составила 5 фестметров на человека. Лучших результатов в своей работе добилась бригада Ермиловой. Члены этой бригады ежедневно заготавливали по 5,5–6 фестметров леса на каждого.³⁶

А дома ждали дети и работы на собственном приусадебном участке. Дети помогали по мере сил. Раиса Савельевна вспоминает, как уезжали с братом на сенокос для своего хозяйства: *«Уедешь в озеро далеко, чтобы накосить травы. Даже кувшинки поднимали из воды. По берегу реки Поньгомы косили. Выкосишь, надо в лодку погрузить, потом из лодки на берег вытащить. Мне восемь лет было, Володе – 10. Он косит, я таскаю. Потом привозим, вытаскиваем, на берегу расстелем, высушим, потом в сарай на палках поднимаем»*. Вспоминает Раиса Савельевна и о том, как помогали взрослым сажать картошку на колхозном поле, когда мать шла за плугом, а трое других женщин тянули плуг, *«а мы, ребяташки, картошку хватаем и в борозду кидаем...»*.

В марте 1947 года на очередном собрании колхозников был заслушан отчётный доклад председателя Еремеева (инициалы не указаны – Л. Л.), который рассказал, что колхоз выполнил план поставок, на поля вывезено 210 тонн удобрений. План лесозаготовок 4-го квартала выполнен на 101 %.

Отмечались некоторые недостатки в работе правления колхоза. На этом собрании был выбран другой председатель, им стал бывший фронтовик, орденоносец Мосорин Гаврила Никитич.³⁷

В 1948 году, откликаясь на призывы поднять производительность труда на полях, колхозники Кемского района стараются выполнить план по посеву и уборке зерновых и кормовых культур. Так, во время уборки зерновых культур звено Е. Матвеевой колхоза «Труженик» выполняет дневную норму на 120–130 %.³⁸

По проекту перспективного плана по животноводству с 1946 до 1950 года поголовье лошадей в колхозе должно вырасти с 8 голов до 10, крупного рогатого скота – с 34 до 40 голов. Удой на одну фуражную корову должен будет возрасти с 900 л до 1250.³⁹

Но из года в год плановые показатели колхоза снижались. В 1955–1960 гг. сельскохозяйственные колхозы Кемского района были ликвидированы с передачей имущества подсобным хозяйствам лесозаготовительных предприятий и совхозам района.⁴⁰ С 1 марта 1959 года упразднен Вокшозерский сельсовет. Населенные пункты Вокшозеро, Кокорино и Рудометово переданы в подчинение Юмскому поселковому Совету.⁴¹

В 1951 году семья Рудомётовых выехала из родной деревни в город. Чтобы добраться до города, пришлось из Кокорино идти пешком в Рудомётово, неся с собой часть имущества, в том числе и швейную машинку «Зингер». Дальше пешком шли до Юмы, а там по тракту на попутных машинах добирались до города. Как вспоминает Раиса Савельевна, к 1963 году опустели все деревни. Жители разъехались по всей стране. Деревни остались заброшенными. Дома постепенно разрушались. В деревню Рудомётово спустя годы ездили косить траву работники Кемского комплексного леспромхоза. Затем сено вывозили в Панозеро для подсобного хозяйства.⁴² В 1993 году семья Раисы Савельевны и родственники узнали о том, что до родной деревни можно добраться по лесовозной дороге. Сестра Тамара Савельевна обратилась в местную администрацию с просьбой разрешить поселиться в родной деревне. Разрешение было получено, но их ждал уже полуразрушенный дом. Приезжающие на природу туристы пускали брёвна на дрова. Сёстры и брат своими руками восстановили дом. Стали приезжать каждый год. Проводили здесь лето и осень. Разработали участок. В настоящее время приезжают каждый год. Сажают картошку, овощи, рыбачат, заготавливают грибы и ягоды. Вместе с другими жителями деревни заказали, привезли и установили памятник погибшим в Великую Отечественную войну землякам. Но нашлись среди рыбаков и охотников, приезжающих в эти места, такие, которые ради забавы расстреляли этот знак памяти о погибших. В настоящее время в деревне сохранилось два дома. Документы родных бережно хранятся в семье. Воспоминаниями о прошлом деревни, о бывшем колхозе делятся с детьми и внуками.

Примечания

¹ НА РК. Ф. 1743. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

² Камни-следовики: [Электронный ресурс] / Славянская культура. – Режим доступа: <http://www.slavyanskaya-kultura.ru/slavic/ethnography/kamni-sledoviki.html>. (15.01.2014).

- ³ НА РК. Ф. 1984, оп. 2, д. 16, л. 2.
- ⁴ НА РК. Ф. 1984, оп. 4, д. 16, л. 1.
- ⁵ НА РК. Ф. 1984, оп. 4, д. 16, л. 1.
- ⁶ НА РК. Ф. 1984, оп. 2, д. 4/41, л. 23.
- ⁷ НА РК. Ф. 1984, оп. 2, св. 4, д. 41, л. 15.
- ⁸ М. А. Безнин. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Гл. 2. Трудовая и гужевая повинность на лесозаготовках / М. А. Безнин, Т. М. Димони, Л. В. Изюмова. – Вологда, 2001. – С. 76–97: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/forest/forest/hoz/2.htm>.
- ⁹ Передовики лесозаготовок / Совет. Беломорье. – 1941. – 31 января (№ 13).
- ¹⁰ Матвеев Г. Соревнования двух колхозов / Г. Матвеев, П. Матвеев // Совет. Беломорье. – 1941. – 12 февр. (№ 18).
- ¹¹ Пушкин, М. Правильно организовать труд колхозников на лесозаготовках // Совет. Беломорье. – 1941. – 14 февр. (19).
- ¹² Выполнять план ежедневно, ежедекадно // Совет. Беломорье. – 1941. – 23 марта (№ 35).
- ¹³ Таланов, В. План выполнен досрочно // Совет. Беломорье. – 1941. – 26 марта. (№ 36).
- ¹⁴ Т. П. Победа лесорубов Кокорино / Т. П. // Совет. Беломорье. – 1941. – 30 марта. (№ 38).
- ¹⁵ Туманов, Г. Как работают колхозники в лесу / Г. Туманов // Совет. Беломорье. – 1941. – 23 апр. (№ 48).
- ¹⁶ «Премии колхозникам» // Совет. Беломорье. – 1941. – 25 мая (№ 60).
- ¹⁷ Из истории раскулачивания в Карелии, 1930–1931 гг.: документы и материалы / Ин-т языка, лит. и истории Карел. науч. центра АН СССР, Центр. гос. архив КАССР; науч. ред. Н. А. Ивницкий, В. Г. Макуров. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – С. 4.
- ¹⁸ С. Н. В колхозе «Труженик» / С. Н. // Совет. Беломорье. – 1941. – 23 марта (№ 35).
- ¹⁹ Огородов, И. Трудовые будни в колхозе «Труженик» / И Огородов // Совет. Беломорье. – 1942. – 30 сент. (№ 116).
- ²⁰ Кочакова, Е. Сев зерновых закончен / Е. Кочакова // Совет. Беломорье. – 1943. – 10 июля (№ 45).
- ²¹ По-военному проведём уборку урожая // Совет. Беломорье. – 1943. – 6 авг. (№ 53).
- ²² Норму выполняют на 120 процентов // Совет. Беломорье. – 1943. – 15 июля (№ 50).
- ²³ Школьники помогают колхозу // Совет. Беломорье. – 1943. – 15 июля (№ 50).
- ²⁴ Шегельман И. Р. Лесные трансформации. Ч. 7. Лесопользование в годы войны (1941–1945 г.): [Электронный ресурс] / И. Р. Шегельман – Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-136818.html?page=5>. (20.01.2014).
- ²⁵ Веригин, С. Г. Карелия в годы военных испытаний: Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. / Сергей Веригин. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. – С. 201.

- ²⁶ Боевые задачи медицинских работников // Совет. Беломорье. – 1942. – 12 нояб. (№ 134).
- ²⁷ Пур, Т. Что читает сельский комсомолец / Т. Пур // Совет. Беломорье. – 1941. – 6 апреля. (№ 41).
- ²⁸ Антонов, К. Агитаторы села Вокшозеро / К. Антонов // Совет. Беломорье. – 1943. – 22 июля (№ 51).
- ²⁹ НА РК. Ф. 1984, оп. 2, св. 4, д. 41, л. 13.
- ³⁰ НА РК. Ф. 1984, оп. 2, св. 4, д. 41, л. 15.
- ³¹ Борьба за высокий урожай – патриотическая задача колхозников // Совет. Беломорье. – 1944. – 23 марта (№ 12).
- ³² Еремеев. В помощь Ленинграду / Еремеев // Совет. Беломорье. – 1945. – 5 янв. (№ 1).
- ³³ Еремеев, П. Обязательство вокшезерских колхозников / Еремеев П. // Совет. Беломорье. – 1947. – 25 окт. (№ 44–45).
- ³⁴ Еремеев, Ф. Первыми в районе / Ф. Еремеев // Совет. Беломорье. – 1947. – 31 авг. (№ 36).
- ³⁵ Еремеев, Ф. Агитаторы работают в поле / Ф. Еремеев // Совет. Беломорье. – 1947. – 17 авг. (№ 34).
- ³⁶ Минина, А. Успехи вокшозерских колхозников / А. Минина // Совет. Беломорье. – 1947. – 7 дек. (№ 59).
- ³⁷ Фёдоров, П. Наказ колхозников / П. Фёдоров // Совет. Беломорье. – 1947. 8 марта.
- ³⁸ Калинин, Д. Уборка зерновых в колхозах района / Д. Калинин // Совет. Беломорье. – 1948. – 15 авг. (35).
- ³⁹ НА РК. Ф. 1984, оп. 2, св. 5, д. 56.
- ⁴⁰ НА РК. Ф. 1743, оп. 1, д. 1, л. 1.
- ⁴¹ Кемский район 1959 год: [Электронный ресурс] / Изменения административно–территориального устройства КАССР в 1958 – 1959 годах. – Режим доступа: <http://ttu.rushkolnik.ru/docs/3103/index-5314.html>. (28.01.2014).
- ⁴² Сенокос в Рудомётово // Совет. Беломорье. – 1990. – 28 июля (№ 90).

Архивные материалы

НА РК. Ф. Р – 1743 Сельхозартели Кемского района (1930–1957).

НА РК. Ф. Р – 1984 Земельный отдел исполкома Кемского райсовета (1929–1962).

Периодические издания

«Советское Беломорье». 1941–1945, 1947, 1948 гг.

Литература

Веригин, С. Г. Карелия в годы военных испытаний: Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. / Сергей Веригин. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. – С. 201.

Из истории раскулачивания в Карелии, 1930–1931 гг.: документы и материалы / Ин-т языка, лит. и истории арх. науч. центра АН СССР, Центр. гос. архив КАССР; науч. ред. Н. А. Ивницкий, В. Г. Макуров. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – С. 4.

Финский флот на Онежском озере в 1941–1944 гг.

2014 год – год 70-летия освобождения Карелии и Петрозаводска от немецко-финских захватчиков и окончания боевых действий на Карельском фронте. События тех лет неоднократно привлекали внимание исследователей, однако и по сей день некоторые из них остаются малоизученными, а некоторые – неизвестными даже специалистам. К числу таковых можно отнести многое из того, что связано с деятельностью войск противника и, в частности, с пребыванием финских войск и флота на Онежском озере.

Впервые на берега Онего финны вышли 24 сентября 1941 г. 1 октября ими был взят Петрозаводск, еще через 2 недели финской стала вся береговая полоса от Ялгубы до Вознесенья, а в ноябре – декабре были захвачены Заонежье, Медвежьегорск и Повенец. После этого фронт стабилизировался, и Онежское озеро на долгие 3 года стало театром военных действий. Одними из главных участников этих событий стали советские и финские боевые корабли и транспортные суда.

К сожалению, даже о советской Онежской флотилии сегодня непросто найти точные сведения, а уж о деятельности ее финских противников и говорить не приходится. Единственным доступным сегодня источником информации по данной теме служит одна из глав большой книги швейцарского историка Ю. Майстера «Восточный фронт. Война на море. 1941–1945». Несомненным достоинством этой работы является то, что она основывается на финских архивных материалах, однако следует учитывать, что написана она была еще в 50-е гг. прошлого века и при всей своей ценности не лишена как заметного идеологического влияния, так и определенных фактических ошибок¹.

Понятно, что тема войны на Онежском озере не осталась без внимания и финских историков. Однако их работы носят, в основном, обзорный характер и не претендуют на полноту изложения фактов. Что касается отечественных ученых, то они, говоря о финских морях и финских кораблях, лишь отмечают их присутствие на Онежском озере, причем похоже, что в качестве основного источника все еще используются сведения советской военной разведки 1942–1944 гг. Нетрудно догадаться, что в таких условиях о точности данных говорить очень сложно².

Между тем сегодня у нас появилась реальная возможность получить информацию, что называется, из первых рук. Благодаря электронным публикациям Национального архивного агентства Финляндии в распоряжении исследователей оказалась огромная база данных (журналы боевых действий,

¹ Майстер Ю. Восточный фронт. Война на море 1941–1945. М., «Эксмо», 2005. С. 303 и сл.

² Jatkosodan historia. Osa 6. Meri- ja ilmapuolustus hallinto ja sotatalous huolto ja aselajit kotijoukot. Porvoo – Helsinki – Juva, Werner Söderström Osakeyhtiö, 1994. S. 84; Вьюненко Н. П., Мордвинов Р. Н. Военные флотилии в Великой Отечественной войне (краткий военно-исторический очерк). М., Воениздат, 1957. С. 81, 84, 90; Широкоград А. Б. Финляндия – Россия. Три неизвестные войны. М., Вече, 2006. С. 334.

судовые журналы, оперативные сводки, боевые донесения, отчеты), позволяющая составить подробную картину деятельности финских моряков на Онежском озере в 1941–1944 гг.

Начало формированию финских морских сил Онежского озера было положено 22 сентября 1941 г., когда Ставка финского главного командования издала приказ о переводе на Онего с Ладоги отряда моторных катеров (90 чел. и 50 катеров). 29 сентября отряд прибыл в Ляскеля. Там катера были погружены сначала на автомашины, а потом на железнодорожные платформы и отправлены в сторону Онежского озера. 2 октября состав с катерами прибыл на станцию Кутижма. Там катера выгрузили с платформ и на грузовиках начали перевозить в Петрозаводск.

В этот же день, 2 октября 1941 г., штаб Карельской армии организует в Петрозаводске соединение береговой обороны, названное «Оборона Онежского озера» (Äänisjärven Puolustus). В состав его и были переданы только что прибывшие с Ладоги подразделения: уже известный нам отряд моторных катеров (командир капитан-лейтенант А. Карстен) и артиллерийский дивизион в составе 5 легких полевых батарей (командир майор К. Коски). Командиром «Обороны Онежского озера» был назначен полковник А. Люютинен. Батареи были сразу же отправлены на огневые позиции, а катера после спуска их на воду были задействованы в боевых и транспортных операциях сначала в районах Кондопожской губы и залива Большое Онего (Ялгуба, о. Суйсари), а потом (уже в ноябре) при высадке десантов в районе деревни Кулмукса и на Большой Клименецкий остров³.

Следует заметить, что созданная наспех «Оборона Онежского озера» была еще очень слабой. Ее артиллерийское вооружение состояло из 20 90-мм безнадежно устаревших французских пушек образца 1877 г., а на катерах из-за их малых размеров можно было поставить только противотанковые ружья или пулеметы. Исходя из этого, следовало принять меры к наращиванию своих сил на Онежском озере, попутно решив, кому отдать предпочтение – флоту или береговой обороне. 27 октября 1941 г. главное командование финской армии издало приказ о создании береговой бригады Онежского озера (Äänisjärven Rannikkoprikaati), которую позднее переименовали в Онежскую береговую бригаду (Äänisen Rannikkoprikaati/ Ään.RPr.). Командиром бригады стал все тот же полковник А. Люютинен, а штаб был сформирован в г. Турку как штаб 5-й береговой бригады. Поэтому вплоть до весны 1942 г. Онежскую береговую бригаду нередко называли 5-й. Перед ней стояла задача организовать оборону побережья и срочно (до наступления ледостава) заняться комплектованием корабельных сил⁴.

Официальной датой их создания можно считать 5 ноября 1941 г. В этот день командующий Карельской армией генерал Э. Хейнрикс подписал приказ, в котором утверждались организация и штатная структура нового морского объединения, получившего название «Онежский корабельный отряд» (Äänisen laivasto-osasto/ Ään.LOs). Как подчеркивалось в приказе, отряд являлся частью Онежской береговой бригады и должен был действовать на Онежском озере, реке Свирь и озере Се-

³ Jatkosodan historia. S. 84; Äänisen rannikkopatteristo 1941–1942 (25486). S. 22–23; Meripataljoona 4 1941–1943 (26113). S. 1004.

⁴ Päämaja 1941–1942 (20879). S. 162–163.

гозеро. В отряде, согласно утвержденным штатам, значились следующие соединения: группа канонерских лодок из 2-х канонерок (или вооруженных буксиров), корабельный взвод из 4-х транспортных судов и 2 взвода катеров (по 25 катеров). Береговые службы включали группу связи и взвод снабжения, состоявший из нескольких отделов. По штату, в отряде должен был числиться 201 чел. (51 офицер и 150 нижних чинов). Командиром Онежского корабельного отряда был назначен капитан 3 ранга А. Ранинен⁵.

К этому времени численность морского контингента в Петрозаводске составила 168 чел. (из них 12 офицеров) и особых трудностей (учитывая помощь флота) в приведении ее в соответствие со штатами не предвиделось. Так же обстояли дела и с местами базирования и обслуживания судов, которых в достатке оказалось и на Свири, и на Онежском озере. Главной базой отряда стал Петрозаводск, где нашлось сразу несколько мест, пригодных для стоянки и ремонта кораблей. Правда, основная часть берегового оборудования была противником вывезена, а кое-что и разрушено. Однако многое осталось неповрежденным, что-то финны смогли восстановить уже к началу кампании 1942 г., а в кампанию 1943 г. их береговая инфраструктура работала вполне удовлетворительно. В самом городе – на территории грузового порта – действовал док, где можно было ремонтировать практически все использовавшиеся на озере суда. Неподалеку имелась еще одна пристань, но основным местом базирования Онежского корабельного отряда стала находившаяся в 5–6 км от окраины тогдашнего Петрозаводска Северная Точка, которую финны именовали по названию лежащей южнее деревни – Ужесельга. Здесь прежними хозяевами была построена большая глубоководная гавань с пристанью, а на берегу возвышались пустые корпуса недостроенного торпедостроительного завода (его финны считали авиационным заводом). Несомненным достоинством Северной Точки являлось то, что к ней была протянута железнодорожная ветка, связанная с Кировской (Мурманской) железной дорогой, что позволяло напрямую (без перегрузки) доставлять необходимое оборудование и даже небольшие корабли. Помимо этого базы, ремонтные и даже судостроительные предприятия имелись или были созданы на Свири (Вознесенье, Подпорожье), в Медвежьегорске (Пиндуши) и на Сегозере (Паданы). Благодаря этому финнам удавалось не только поддерживать на нужном количественном уровне судовой состав своего отряда, но и увеличивать его, строя и вводя в строй новые плавсредства (буксиры, баржи, катера).

Впрочем, все это будет впереди, а пока предстояло решить ключевой вопрос: где взять корабли? Надеяться на помощь из Финляндии не приходилось, так как крупные суда не могли прийти на Онего из-за отсутствия прямого водного сообщения, а мелких (пригодных для перевозки по железной дороге) у финнов было очень мало, и все они были заняты на Балтике и Ладоге. По этой причине пришлось срочно заняться сбором добычи, для чего уже в сентябре был сформирован отряд военных трофеев, которому удалось обнаружить на Свири около 20 брошенных (в основном, поврежденных)

⁵ Äänisen rannikkoprikaati. Esikunta 1941–1942 (25487). S. 1, 2; VII Armeijakunnan esikunta. Toimisto III (4751). S. 352–355.

советских судов⁶. На Онежском озере тоже сформировали отряд военных трофеев, но здесь с добычей было не так просто. Единственной удачей стали обнаруженные 12 октября 1941 г. у Вехручья неисправный буксир «Рошаль» и баржа, набитая радиооборудованием и аккумуляторами. Однако корабли на озере были нужны уже прямо сейчас, и, чтобы хоть как-то решить эту проблему, группа моряков во главе с капитан-лейтенантом О. Хайкалой была откомандирована из Петрозаводска на Свирь. Там им предстояло срочно отремонтировать 2 буксира, установить на них вооружение и привести в Петрозаводск. Ремонт, несмотря на печальное состояние судов (оба они были затоплены), был проведен за неделю, и в начале ноября на первых боевых кораблях Онежского корабельного отряда – канонерских лодках «Вяйнё» (бывший «Пескарь») и «Илмари» (бывший «Семга») – были подняты военно-морские флаги Финляндии. При этом «Илмари» был оставлен на Свири, а «Вяйнё» 5 ноября прибыл в Петрозаводск и сразу же включился в боевую работу: уже через 5 дней корабль вместе с группой катеров участвовал в высадке десанта на Большой Клименецкий остров⁷.

К этому времени финны захватили одно судно в Паданах (буксир «Имандра») и наконец-тополнили счет своих онежских трофеев. 8 ноября недалеко от Типиниц был захвачен пароход «Роза Люксембург». Правда, успех оказался сомнительным, потому что русская команда смогла тут же посадить судно на мель, откуда его сняли только полгода спустя. Тем не менее финны не отчаивались, и вскоре им выпала такая удача, какой они не видывали никогда прежде и никогда потом. А помогла им в этом ранняя зима 1941 г., из-за которой 13 ноября недалеко от острова Мег вмерз в лед целый караван советских судов, шедших из Повенца в Шалу.

По советским сведениям, в руки финнов попали 19 плавсредств (4 буксира, 3 траулера, 10 лихтеров с грузом и 2 небольших судна). Однако финны считают иначе и заявляют, что захватили то ли 41, то ли 43 судна: 6 буксиров, 4 моторных бота, 2 1200-тонных танкера с нефтью, 2 лихтера с кранами, а также большие и малые баржи, набитые всевозможными грузами. Основная часть этих судов осталась в том же районе в ожидании весны, а буксиры «Водник», «Металлист», «Шолопасть», «Лосось» и «Свияжск» финны, взрывая на пути лед, уже 1 декабря сумели привести в Петрозаводск⁸.

Последние трофеи финны получили в начале декабря 1941 г. после захвата верфи в Пиндушах. Там, по данным Ю. Майстера, были взяты 5 траулеров, большой лихтер, несколько барж и около 100 гребных шлюпок. Сколько всего различных плавсредств попало в 1941 г. в руки финнов на Онежском озере и Свири – точно не сосчитано. Некоторое представление об этом дает справка оперативного отдела штаба группы «Олонец» от 23 марта 1942 г. В ней, в частности, выражается уверенность в том, что к началу навигации удастся подготовить к эксплуатации 16 буксиров, 2 разъездных судна, 14 барж, 1 лоцманское судно, 5 рыболовных судов и около 40 катеров. В сумме получается 78 плав-

⁶ Майстер Ю. Указ. соч. С. 304.

⁷ Äänisen laivasto-osasto 1941–1941 (25479). S. 3–7, 16–19; Meripataljoona 4 1941–1943 (26113). S. 1005.

⁸ По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944. Документы и материалы. Петрозаводск, «Карелия», 1995. С. 182; Нилов Е. Эвакуация – 41. Тайна последнего каравана // «Карелия». 24 января 2002 г.; Гнетнев К. В. Беломорканал: времена и судьбы. Петрозаводск, «Острова», 2008. С. 359–361; Meripataljoona 4 1941–1943 (26113). S. 1007; Äänisen laivasto-osasto 1941–1941 (25479). S. 8; Rannikkotyöstörykmentti 14 1942–1943 (21808). S. 16; Osasto Ainamo 1941–1941 (18918). S. 2–7.

средств, но в действительности трофеев было больше. Просто многие доставшиеся финнам суда были выведены из строя и уже не подлежали восстановлению, а некоторые в тот момент еще только ждали ремонта⁹.

Полученный результат можно было бы считать удовлетворительным, если бы не одно обстоятельство. Большинство из захваченных судов были небольшими, и в лучшем случае их можно было вооружить малокалиберной зенитной артиллерией. Однако финнам нужны были корабли, пригодные для переоборудования в канонерские лодки с орудиями хотя бы 75-мм калибра. Но таких судов на Онежском озере и до войны-то было очень мало, а в число трофеев из них попали считанные единицы. Все это делало надежды финнов на создание боеспособного корабельного соединения призрачными.

Кампанию 1941 г. Онежский корабельный отряд завершил 9 декабря. В целом, несмотря на ее кратковременность и трудности, связанные с обустройством на новом (и абсолютно чужом) месте, она оказалась успешной. По мере сил моряки смогли оказать помощь наземным войскам, а главное, собрать значительное количество трофейных плавсредств. Это позволяло надеяться на то, что следующая кампания будет еще более удачной.

В течение зимы 1941–1942 гг. жизнь в отряде шла по заведенному циклу (суда восстанавливались, здания ремонтировались, караулы стояли на своих местах), к чему добавлялись лыжные выходы в озеро на поиски советских партизан, работы по устройству ледового минного поля, перегородившего вход в Петрозаводскую губу, и учебные занятия с вновь прибывшим пополнением. 1 марта 1942 г. должность командира отряда вместо получившего другое назначение капитана 2 ранга А. Ранинена занял капитан 2 ранга Э. Гёрансон (бывший командир броненосца береговой обороны «Ил-маринен»). Весна постепенно вступала в свои права, и близилось начало новой навигации. Но похоже, что начальство, озабоченное положением дел на берегу, об этом еще не думало, и вся подготовка к ней ограничивалась ремонтом судов и составлением руководящих документов. Основными из них можно считать оперативное задание, в котором указывались основные задачи, возлагавшиеся на отряд в кампанию 1942 г., и переработанное штатное расписание, в котором определялась новая организационная структура отряда.

Навигация 1942 г. была начата на Свири в конце апреля – начале мая. По Онего корабли пошли полторы – две недели спустя. В соответствии с разработанным оперативным заданием, в кампанию 1942 г. на Онежский корабельный отряд возлагались следующие задачи:

1. Транспортное обеспечение дислоцированных на берегах Онежского озера и реки Свирь войск и администрации Восточной Карелии.
2. Охрана озерных и речных перевозок.
3. Несение сторожевой службы.
4. Осуществление минных постановок и проведение минно-тральных работ¹⁰.

⁹ Майстер Ю. Указ. соч. С. 305; Aunuksen ryhmän esikunta. Operatiivinen osasto (4861). S. 445.

В общем и целом, пункты этого задания оставались неизменными в течение всего времени пребывания финских моряков на Онежском озере. А вот структура и состав морских сил в эти годы неизменными не были.

Для осуществления транспортных перевозок (первой и основной задачи) в составе отряда весной 1942 г. был сформирован транспортный дивизион (*Kuljetuslaivue/Kulj.Lv*), командиром которого был назначен капитан-лейтенант Э. Айнамо. Всего в кампанию 1942 г. в дивизионе было задействовано 36 различных плавсредств, в том числе 3 транспортных парохода, 10 буксиров, 6 малых судов (парусных и моторных) и 17 барж. Зона деятельности их была обширной и охватывала практически весь доступный финнам район судоходства с несколькими портами. Главным портом была Ужесельга (Северная Точка). Отсюда транспортные суда – транспорт «Аанислинна» (бывший «Роза Люксембург»), 3 буксира, 7 барж и 4 парусника – ходили либо на север до Великой Губы, Ламбасручья и Типиниц, либо на юг – до Щелеек (Подщелья) с возможной разгрузкой в Шокше, Шелтозере и Ропручье. Постоянно на южной линии работали 1 буксир и 3 баржи, причем работа была организована по челночному циклу: пока буксир с одной из барж находился в пути, вторая баржа грузилась в Ужесельге, а третья – разгружалась в Щелейках или в каком-то другом месте. Помимо этого 3 буксира были переданы в распоряжение штаба Военного управления Восточной Карелии.

В северной части Онежского озера основной базой был Медвежьегорск, откуда по Повенецкому заливу суда (1 буксир, 3 баржи и 2 парусно-моторных бота) ходили в Толвую и Шуньгу. Еще одна транспортная линия действовала на Свири. Здесь в 1942 г. работали 2 транспортных судна – «Сювяри» (бывший «Свирьстрой») и «Сиикакоски», 3 буксира и 7 барж. Основной базой было Вознесенье, а протяженность этого маршрута достигала 140–150 км¹¹.

Задачи, связанные с защитой коммуникаций от возможных нападений кораблей и самолетов противника, а также несением сторожевой (патрульной) службы, были возложены на патрульный дивизион (*Vartiolaivue/VLv*). Сформирован он был приказом от 18 апреля 1942 г., а командиром тогда же стал капитан-лейтенант О. Хайкала. Списочно (на бумаге) в дивизионе в тот момент значилось 40 различных судов. Вроде бы и немало, но не будем торопиться с выводами.

Во-первых, из 40 зачисленных в состав дивизиона плавсредств лишь 4 были относительно крупными судами, пригодными для установки артиллерийского вооружения. Остальные – это катера, вооруженные в лучшем случае противотанковыми ружьями и станковыми пулеметами. Во-вторых, зиму корабли дивизиона провели там, где их застали обстоятельства и морозы 1941 г.: в Петрозаводске, Ужесельге, в Хевроньино (на Свири) и в районе Толвуи. Поэтому сначала, дождавшись, пока озеро очистится ото льда, их надо было собрать в одном месте, потом вооружить, а некоторые еще и отремонтировать. Но выясняется, что к началу мая 1942 г. из артиллерии во всем отряде (да и то пока еще на берегу, а не на судах) имелись лишь 3 зенитных автомата калибров 20 и 40 мм. Чтобы исправить положение, пушки и снаряды пришлось в спешном порядке собирать по всей Финляндии

¹⁰ Meripataljoona 4 1941–1943 (26113). S. 1008.

¹¹ Meripataljoona 4 1941–1943 (26113). S. 1008.

и везти в Петрозаводск из Турку, Хельсинки и Выборга. В итоге к 17 мая 1942 г. Онежский корабельный отряд получил 1 пушку Канэ (75/50-С), 7 автоматов Виккерса (40ItK/40-V), 13 автоматов Мадсена (20ItK/39-М), 3 трофейные 45-мм морские пушки 21-К (финские обозначения 45/47 «Puschka», 45/47-Р или 45pst/L) и 5 трофейных же счетверенных установок 7,62-мм пулеметов Максим (*urkukonekivääri/ukk*). Тем не менее о вооружении всех боевых и транспортных судов речи пока еще не шло, и из всей корабельной группы патрульного дивизиона в относительной готовности были только сторожевики «Урхо» и «Вяйнё» (бывший «Шолопасть»)¹².

19 мая 1942 г. в судовых списках Онежского корабельного отряда появился еще один корабль – патрульная канонерская лодка VTV-1 (*vartiotykkivene* 1). Это был трофейный советский бронекатер проекта 1125, захваченный в Выборгском заливе 23 августа 1941 г. Правда, в Петрозаводск VTV-1 прибыла по железной дороге только 1 июня 1942 г. и была спущена на воду 5 дней спустя. Однако для «онежских» финнов ее прибытие имело большое значение. В составе Онежского корабельного отряда канонерка VTV-1 являлась единственным настоящим (не переоборудованным из буксира) военным кораблем¹³.

После этого патрульный дивизион наконец-то почувствовал некоторую силу и в период с 16 по 23 июня 1942 г. совершил свой первый большой поход по Онежскому озеру. Участниками его были канонерки «Илмари» и «Урхо», «легкая» группа в составе VTV-1 и катеров Pv.2, Pv.3, Pv.4, R.2, R.3, R.4, а также несколько вспомогательных судов. Поход этот был предпринят с целью отработки практических навыков плавания, проверки ходовых качеств судов и испытания артиллерии, а само плавание происходило вдоль восточного берега Большого Клименецкого острова, мимо Кижей до Липовиц и по заливу Большое Онего до Вегоруксы и Ламбасручья. В целом финны могли быть довольны полученными результатами, если бы не одно обстоятельство. В эти же дни на Онежском озере появились советские бронекатера. И хотя встречи с ними не произошло, полученной информации об их скорости и вооружении хватило, чтобы командир патрульного дивизиона капитан-лейтенант О. Хайкала сделал вывод о недостаточной огневой мощи своих судов¹⁴.

Почти сразу после возвращения в Петрозаводск канонерка VTV-1 была поставлена на модернизацию. 28 июня 1942 г. с корабля сняли 3 из 7 бывших прежде 7,62-мм пулемета, вместо второй (верхней) пулеметной башни устроили ходовой мостик, а на корме поставили 20-мм зенитный автомат. Это усилило противовоздушную оборону VTV-1, но никак не повлияло на мощность артиллерии всего дивизиона.

Однако в это же время в Ужесельге подходили к концу работы по ремонту и вооружению приведенной из Толвуи канонерской лодки «Ауво» (бывший «Восток»). Правда, шли они очень медленно,

¹² Äänisen laivasto-osasto 1942–1942 (25481). S. 13, 15, 19, 20; Äänisen laivasto-osasto. Vartiolaivue 1942–1942 (25483). S. 1 – 2; Äänisen rannikoprikaati. Esikunta 1941–1942 (25487). S. 35; Äänisen laivasto-osasto. Vartiolaivue 1942–1942 (25483). S. 3.

¹³ Äänisen laivasto-osasto. Vartiolaivue 1942–1942 (25483). S. 16, 17, 18, 30; VII Armeijakunnan esikunta. Toimisto II 1942–1942 (4734). S. 90.

¹⁴ Äänisen laivasto-osasto. Vartiolaivue 1942–1942 (25483). S. 21–26; Meripataljoona 4 1941–1943 (26113). S. 1008.

и судно даже успело поменять название: 25 июня его переименовали в «Кархумяки». По плану канонерка должна была быть готовой к 1 июля, но сроки выдержаны не были, а потому свою службу под финским флагом корабль начал только 7 июля 1942 г. В лице «Кархумяки» финский патрульный дивизион получил свой самый большой (водоизмещение 225 т) и самый мощный по вооружению корабль. Первоначально на нем были поставлены 1 пушка калибра 75 мм и по 2 автомата калибров 40 и 20 мм. Вскоре, однако, отряд получил еще одну 75-мм пушку Канэ и уже в конце июля 1942 г. ее установили на корме канонерки (вместо одного 40-мм автомата)¹⁵.

Впрочем, даже после вступления в строй канонерской лодки «Кархумяки» финны не надеялись добиться преимущества над противником. Прибывший на озеро в июне 1942 г. советский Онежский отряд кораблей обладал хоть и не большими, но все же превосходящими силами. Это позволяло ему действовать решительно, и только за период с 22 июня по 3 сентября 1942 г. в полосе от Онежского обводного канала и Вознесенья до Типиниц его корабли осуществили 15 огневых налетов, часть из которых вызвала на берегу серьезные разрушения и пожары. Судя по всему, встречаться с ними финны не спешили, но однажды такая встреча все же произошла.

Случилось все в середине дня 4 сентября 1942 г. в южной части Онежского озера, в полосе между мысами Часовня и Сухой Нос. С финской стороны участниками боя были канонерки «Кархумяки», «Илмари» и VTV-1, с советской – сначала канонерская лодка, а затем 2 бронекатера. В целом все завершилось без видимых результатов. Попаданий не добился никто, но финнам представилась возможность убедиться в неэффективности своей артиллерии. Выяснилось, в частности, что их пушки стреляли не дальше 5 (VTV-1) и 8,5 («Кархумяки») км, тогда как советские корабли – и канонерка, и бронекатера – вели огонь с дистанции 10–12 км (и иногда довольно точно). Вследствие этого финским кораблям пришлось отойти под прикрытие своей береговой батареи, где русские их не стали преследовать. Позднее финны модернизировали свои 75-мм орудия, подняв дальность их стрельбы, однако и в этом случае охоты ввязываться в огневой бой с кораблями противника у них никогда больше не возникало¹⁶.

События 4 сентября подтвердили очевидность сложившегося на финской стороне Онего распределения ролей. Основной упор финское командование сделало на береговые батареи, призванные не только противодействовать попыткам высадки вражеского десанта, но и обеспечивать защиту судоходства на озере. Уже к середине июня 1942 г. одна лишь Онежская береговая бригада имела 21 батарею (или форт) с установленными на них 62 орудиями калибра 75–152 мм и значительным количеством полевых пушек калибров 25, 45 и 90 мм, а также зенитных автоматов калибров 20 и 40 мм. Этим, однако, дело не ограничивалось, потому что свою артиллерию имели и расквартированные в прибрежной зоне армейские части (пехотные полки и полки кавалерийской бригады). В итоге можно подсчитать, что всего в структуре финской береговой обороны на Онежском озере и тогда, и позже

¹⁵ Äänisen laivasto-osasto. Vartiolaivue 1942–1942 (25483). S. 28, 32, 44.

¹⁶ Meripataljoona 4 1941–1943 (26113). S. 1009–1010; Äänisen laivasto-osasto. Vartiolaivue 1942–1942 (25484). S. 14 – 19; Tykkivene Karhumäki 1942–1942 (24087). S. 16–18; Tykkivene Ilmari 1942–1942 (24084). S. 28–30.

было задействовано порядка 200 артиллерийских орудий разных типов и калибров. При этом система огня была сформирована таким образом, что секторы обстрела перекрывали друг друга, и по любой точке могли вести огонь сразу несколько батарей¹⁷.

Важным условием функционирования артиллерийской обороны являлась хорошо организованная система наблюдения и связи. Имея значительное количество наблюдательных постов, финны видели все озеро практически вдоль и поперек, и любой выход советских кораблей в светлое время суток и в ясную погоду сразу же фиксировался в журналах и на картах, а информация о нем тут же передавалась по инстанции. Благодаря этому финские суда – в первую очередь, транспорты и буксиры с баржами – могли передвигаться по озеру, не опасаясь внезапных нападений противника. При этом, правда, требовалось не отходить далеко от берега и постоянно находиться в зоне действия береговых батарей.

Что же касается нанесения ударов по советским боевым и транспортным судам, то эта задача была возложена на авиацию. Основная часть Онежского озера была зоной ответственности 2-го авиаполка (Lentorykmentti 2/Le.R.2), включавшего в себя 3 эскадрильи: 16-ю разведывательную (Lentolaivue 16/ Le.Lv.16), а также 24-ю (Lentolaivue 2 /Le.Lv.24) и 28-ю (Lentolaivue 2 /Le.Lv.28) истребительные. Самолеты 2-го авиационного полка базировались на аэродромах в Песках (или Соломенном, по-фински Solomanni) и Бесовце (или Виданах, по-фински Viitana) близ Петрозаводска, а также в Гирвасе, лежащем в 100 км к северо-западу от Петрозаводска, в Викшозере и на Вичке (около Медвежьегорска). Кроме этих аэродромов летчики могли пользоваться площадками, сооруженными в Ладве, Деревянном и в некоторых других местах. Зимой взлетно-посадочной полосой служила ледяная поверхность Онежского озера (такие аэродромы организовывались в Петрозаводске и Кондопоге). Нельзя сказать, что действия финской авиации отличались постоянной агрессивностью и особой настойчивостью, однако нельзя и не заметить, что именно летчикам удалось нанести советской флотилии наибольшие потери. Но это уже тема особого разговора.

В таких условиях основной задачей, возлагавшейся на корабли патрульного дивизиона, оставалось несение сторожевой и патрульной службы. Причем следует сразу сказать, что в силу своей малочисленности дивизион не мог охватить значительную часть прибрежной зоны. Поэтому его действия, в основном, ограничивались отдельными районами (возле Кузаранды, у Большого Клименецкого острова, на подходе к Петрозаводской губе или в районе Шокши). Все это вовсе не означает, что в остальных местах озеро оставалось без присмотра. Там патрулирование велось силами береговых артиллерийских полков, имевших в своем распоряжении подразделения моторных катеров.

Сейчас пока трудно сказать, как сами финны оценивали степень эффективности своих озерных патрулей. У нас же есть все основания считать ее невысокой. Поводом тому служат факты внезапных ночных обстрелов советскими бронекатерами финских береговых объектов, а также многочисленные случаи беспрепятственной высадки на занятом финнами берегу советских диверсионно-

¹⁷ VII Armeijakunnan esikunta. Tykistöosasto (4767). S. 442–443, 476–477; Aunuksen ryhmän esikunta. Operatiivinen osasto (4898). S. 6.

разведывательных групп. Особенно напряженной ситуация стала в конце лета 1942 г., когда закончились белые ночи и русские корабли получили возможность действовать под прикрытием темноты, тумана и дождя. По имеющимся данным, за 2 месяца на занятый финнами берег Онежского озера с кораблей советской флотилии было высажено 126 чел. И лишь однажды, в ночь с 1 на 2 октября 1942 г., финнам удалось-таки отразить попытку противника высадить разведгруппу¹⁸.

Еще одной задачей, возложенной на финский Онежский корабельный отряд, было выполнение минно-тральных работ. Иными словами, отряд должен был быть готов к тому, чтобы искать чужие и ставить свои мины, если, конечно, во всем этом появится необходимость. Уже в апреле 1942 г. в составе отряда была сформирована морская саперная рота (*meripioneerikomppania*), командиром которой был назначен лейтенант У. Хухтанен. Правда, ротой она в тот момент была только на бумаге, потому что на 10 имевшихся катеров-тральщиков (еще необорудованных) в ней приходился 1 человек личного состава (сам командир роты). Несколько дней спустя прибыли 2 сержанта, с которыми лейтенант У. Хухтанен и принялся за работу. 29 апреля был отдан приказ о сооружении на Лойострове (маленьком острове, лежащем в глубине Петрозаводской губы) минного депо № 9 (*miinanvarikko Mi.V/9*), куда 10 мая из Финляндии были доставлены 100 гальвано-ударных мин S/08. Вместе с ними прибыло тральное оборудование, но лишь 19 мая, когда рота получила подкрепление и численность ее личного состава достигла 38 чел., появилась возможность по-настоящему заняться и оборудованием депо, и установкой на катера тральных лебедек¹⁹.

Вскоре 5 катеров 1-го отделения (*Raivausryhmä I/ I/RR*) были введены в строй и 3 июня 1942 г. отправились на поиски русских мин. Однако, как показало время, никаких мин русские ставить не собирались. В Вытегре, где размещался штаб советского Онежского отряда кораблей (в 1943–1944 гг. – Онежской военной флотилии), с минными постановками явно не спешили, резонно усматривая в этом для себя больше вреда, нежели пользы. И действительно, поставив минное поле возле финского берега, русские могли подорвать буксир или утопить баржу с лесом, скипидаром или цементом. Но это же минное поле становилось серьезной (или непреодолимой) преградой во время ночного рейда их катеров, имевших задачу обстрелять побережье или высадить разведчиков. В такой ситуации приходилось выбирать, что важнее: нанести противнику малозначащие для него потери или сохранить для себя возможность свободного маневра. Советская сторона выбрала второе и в течение всей войны неукоснительно придерживалась подобной тактики. По этой причине работы «по специальности» у финских минеров так и было (исключая учебные занятия). Однако и простаивать без дела рота не могла. Поэтому 5 катеров ее 1-го отделения были задействованы для патрулирования пролива между Большим Клименецким и Большим Леликовским островами («чтобы укрепить находящиеся там опорные пункты»). 9 июля 1942 г. отделение было передано в подчинение

¹⁸ Боевая летопись Военно-Морского Флота. 1941–1942. М., Воениздат. 1983. С. 379; Майстер Ю. Указ. соч. С. 307; *Rannikkotyöstöryhmä* 4. Esikunta 1942–1942 (21627). S. 45–46; VII *Armeijakunnan* esikunta. Toimisto II 1943–1943 (4740). S. 244.

¹⁹ *Äänisen laivasto-osasto*. Vartiolaivue 1942–1942 (25483). S. 1; 4. *Meripioneerikomppania* 1942–1943 (18692). S. 2–4.

патрульного дивизиона. В конце июля морская саперная рота была развернута в дивизион тральщиков (Raivaajalaivue/Raiv.Lv, Rv.Lv), что, впрочем, никак не отразилось на его деятельности²⁰.

Одновременно с формированием тральных сил были отобраны и оборудованы корабли, способные играть роль минных заградителей. 23 мая 1942 г. на канонерской лодке «Илмари» были установлены минные рельсы и, возможно, прорублены кормовые порты для сброса мин. В июне такая же работа была проведена на канонерке «Кархумяки». Теперь финны могли считать себя полностью готовыми к активной минной войне, но прежде следовало решить, стоит ее начинать или нет. Ответ на этот вопрос нашелся тогда, когда выяснился состав сил и возможности противника. В течение лета стало ясно, что русская флотилия состоит из буксиров и катеров, вооруженных, как посчитали финны, артиллерией калибра не выше 75 мм, не представляющей опасности для их береговых объектов. А потому и обороняться от нее с помощью минных полей не было особой необходимости. Правда, тут же выявился еще один, грустный для финнов, факт: их суда, как по своему количеству, так и по основным характеристикам – скорости и огневой мощи – полностью проигрывают судам противника. В таких условиях идти к вражескому берегу и ставить там активное минное заграждение было рискованно, и на такую операцию финны так ни разу и не отважились. Правда, свое минное оружие они всегда держали наготове и, как отметил Ю. Майстер, 7 июля 1943 г. даже провели пробную постановку мин к востоку от Большого Клименецкого острова. Однако дальше этой пробы дело так и не пошло²¹.

Говоря о деятельности судов Онежского корабельного отряда финнов, следует учитывать тот факт, что она протекала только в пределах Онежского озера и реки Свирь. На зимовку, в отличие от кораблей противника, они никуда не уходили, потому что и уходить-то им было просто-напросто некуда. Это могло создавать некоторые трудности с ремонтом, но имело одно неоспоримое преимущество. В кампанию финские суда вступали сразу же, едва таял лед, и работали до самой последней возможности – до начала нового ледостава. Применительно к 1942 г. это значило, что первые рейсы по озеру были совершены 9 мая, а последние – в начале декабря, когда озеро уже покрывалось льдом. В итоге, когда 9 декабря капитан-лейтенант О. Хайкала объявил о завершении кампании, корабли отряда оказались разбросанными по разным гаваням Онежского озера. Канонерки «Кархумяки», «Илмари» и VTV-1 находились в Ужесельге, «Вяйнё», «Урхо» и буксир «Лаури» (а с ними 2 баржи и катер) – в Типиницах, буксир «Эрkki» – в Тамбицах²².

Навигация 1943 г. на Онего началась довольно рано. 26 апреля озеро было уже свободно ото льда, а 30 апреля буксиры с баржами пошли в свои первые рейсы. На 1 мая общая численность личного состава Онежского корабельного отряда достигала 547 чел., в том числе 31 офицер, 149 сер-

²⁰ VII Armeijakunnan esikunta. Toimisto II 1942–1942 (4734). S. 90; 4. Meripioneerikomppania 1942–1943 (18692). S. 6–7.

²¹ Äänisen laivasto-osasto (Ään.LOs). <http://forum.axishistory.com/viewtopic.php?f=59&t=109180>; Майстер Ю. Указ. соч. С. 307; Äänisen laivasto-osasto 1942–1942 (25481). S. 17, 19; Äänisen laivasto-osasto. Vartiolaivue 1942–1942 (25483). S. 15; SA-kuva-arkisto. Etulinjasta kotirintamalle 1939–1945. Sa-kuva.fi (№ 131065, 131067); Майстер Ю. Указ. соч. С. 308.

²² Äänisen laivasto-osasto. Vartiolaivue 1942–1942 (25484). S. 46–47; Rannikkotyöstörykmentti 14 1942–1942 (21805). S. 48–52.

жантов и 367 рядовых (было еще 5 работавших в штабе лотт). К этому времени вся зона Онего с примыкающими к ней водоемами (река Свирь и озеро Сегозеро) была выделена в особый Онежский водный район (Äänisen vesitiepiiri). Начальником района был назначен капитан 1 ранга Х. Сёдерхольм, который с 12 апреля 1943 г. командовал Онежским корабельным отрядом (вместо получившего другое назначение капитана 3 ранга Э. Гёранссона).

Как и прежде, главная задача отряда заключалась в обеспечении транспортных перевозок. Для этого использовалось в общей сложности 31 самоходное и 34 несамоходных плавсредства. Большинство из них действовало на Онежском озере и на Свири. В составе базировавшегося на Петрозаводск (Ужесельгу) транспортного дивизиона значились транспорты «Аанислинна» и «Сунку», 9 буксиров, 10 больших и 3 малых баржи, а также 2 моторных судна. Все они ходили вдоль западного берега озера, обеспечивая доставку грузов от Вознесенья и Щелеек до Великой Губы и Тамбиц. Еще 6 буксиров были переданы в распоряжение штаба Военного управления Восточной Карелии и использовались для транспортировки древесины, а 1 буксир (Рт.201), 2 моторных судна, 1 большая и 2 малых баржи были приписаны к медвежьегорскому порту и ходили по Повенецкому заливу до Шуньги и Толвуи. На Свири работали 2 крупных транспортных судна («Сювяри» и «Сиикакоски»), 5 буксиров, 6 больших и 10 малых барж, а также 1 катер. На Сегозере имелись буксир «Тулвоялта» и 2 малых баржи, для которых в селе Паданы была оборудована небольшая база²³.

Вместе с транспортами, буксирами и баржами в озеро вышли и корабли патрульного дивизиона. Их техническое состояние было удовлетворительным, но в полную боевую готовность дивизион был приведен только через 2 месяца. До этого его корабли либо использовались в качестве транспортов и буксиров, либо простаивали возле пристани в Ужесельге. Причиной тому стали затянувшиеся работы по установке вооружения. С наступлением зимы 1942–1943 гг. пушки с кораблей были сняты и поставлены на береговых и зенитных батареях. Чтобы вернуть их обратно, потребовалось время, в течение которого судам пришлось обходиться минимумом артиллерии (в основном, зенитной).

Весной 1943 г. корабельный отряд получил новые штаты, в соответствии с которыми боевой состав патрульного дивизиона был уменьшен с шести судов до четырех. Все малые канонерки были переклассифицированы в буксиры и переданы в состав транспортного дивизиона. Вместо них была принята большая канонерская лодка (типа «Кархумяки»), переоборудованная из колесного буксира «Рошаль». Его, как уже отмечалось ранее, финны взяли еще в октябре 1941 г. возле Вехручья и сразу же переименовали в «Розалин». Однако техническое состояние судна было, судя по всему, плачевным. Поэтому его пришлось отвести на Свирь и поставить на ремонт, который затянулся на целых полтора года. Лишь 20 мая 1943 г. корабль, получивший к тому времени новое название – «Контупохья», на буксире канонерской лодки «Илмари» был доставлен в Петрозаводск. 7–8 июня канонерка «Контупохья» вместе с «Кархумяки» и «Илмари» совершила свой первый поход, пройдя до Лижмы и обратно. Однако по ряду причин полностью боеготовым корабль стал лишь 30 июня, причем из

²³ Meripataljoona 4 1941–1943 (26113). S. 1012; Meripataljoona 4 1943–1944 (18663). S. 9.

вооружения на нем сначала имелись 1 75-мм и 1 45-мм орудия. Лишь 27 июля носовая сорокапятка была снята и на ее место установлена 75-мм пушка системы Канэ²⁴.

Еще одним соединением Онежского корабельного отряда был дивизион катеров-тральщиков: 2 взвода по 5 катеров, вооруженных в общей сложности восемью 20-мм противотанковыми ружьями. В июле 1943 г. 1-й взвод трального дивизиона (I/Raiv.Lv.) был передан в подчинение патрульному дивизиону и, как и в предыдущую кампанию, нес патрульную службу в районе Большого Клименецкого острова.

Надо сказать, что одними лишь катерами-тральщиками состав катеров Онежского корабельного отряда не ограничивался. Катеров разных типов было «многое множество». По данным отчета капитана 3 ранга О. Хайкалы, только в составе штабных рот 4-го и 14-го береговых артиллерийских полков Онежской береговой бригады их числилось 50 шт., а всего, по информации того же источника, в 1943 г. на Онежском озере у финнов было 190 различных катеров. Отсюда, кстати, несложно подсчитать, сколько же плавсредств под финским флагом бороздило воды Онего, Свири и Сегозера. Всех их – больших и малых, паровых и моторных, самоходных и несамоходных – было не менее 260. К цифрам этим можно было бы отнестись с почтением, если бы не одно обстоятельство. Крупных и средних судов было только 36 (из них 4 боевых), исходя из чего можно заметить, что в данном случае мы имеем пример того, как количество так и не переросло в качество²⁵.

Тем не менее можно сказать, что кампания 1943 г. оказалась для Онежского корабельного отряда финнов во всех отношениях удачной. Началось все с того, что примерно в полдень 1 июня самолеты «Фоккер» С.Х из состава 16-й авиаэскадрильи потопили советскую канонерскую лодку № 12. В полночь 9 июня пилоты той же эскадрильи атаковали конвой, шедший из Вытегры в Шалу и, вернувшись домой, доложили о потоплении вражеской баржи. На самом деле баржа потоплена не была, но 2 100-килограммовые бомбы в нее все же попали²⁶.

8 июля 1943 г. 2 советских бронекатера атаковали шедший возле Каскесручья финский буксир с баржой. Выпустив за 10 минут 35 снарядов, русские, по их словам, добились по одному попаданию в оба вражеских судна. Факт относительно неплохой стрельбы противника финны признают, однако о попаданиях в их документах речи не идет. «С нашей стороны, – записано в журнале 4-го полка береговой артиллерии, – потерь не было. Буксир и баржа продолжили движение». Следует заметить, что решающую роль в отражении этой атаки сыграли 2 береговые батареи, расчеты которых наглядно продемонстрировали, кто является хозяином в прибрежной зоне, заставив бронекатера отступить под прикрытием дымовой завесы²⁷.

²⁴ Äänisen laivasto-osasto. Vartiolaivue 1943–1943 (25485). S. 25; Tykkivene Kontupohja 1943–1943 (24100). S. 1–3, 5–7, 9–10, 17.

²⁵ Meripataljoona 4 1941–1943 (26113). S. 1012; Äänisen laivasto-osasto. Vartiolaivue 1943–1943 (25485). S. 25.

²⁶ Keskinen K., Stenman K. Suomen ilmavoimat 1943. 2008. S. 117; Rannikkotyöstörykmentti 4 1943–1943 (21629). S. 52; Äänisen rannikkoprikaati 1943–1943 (25489). S. 31–32, 38; Äänisen laivasto-osasto. Vartiolaivue 1943–1943 (25485). S. 11. 13; Боевая летопись Военно-Морского Флота. 1943. М., Воениздат, 1993; С. 641–642.

²⁷ Äänisen rannikkoprikaati 1943–1943 (25490). S. 6; Rannikkotyöstörykmentti 4 1943–1943 (21630). S. 20–21; 402. Kevyt patteri 1943–1943 (17119). S. 28; 5. Moottoroitu kenttäpatteri 1943–1943 (18828). S. 35.

Но самая большая удача ожидала финнов 2 месяца спустя, хотя сами они об этом вряд ли догадывались. В начале сентября 1943 г. командование советской Онежской флотилии, сосредоточив в Шале более 10 кораблей и катеров, сделало попытку нарушить озерные коммуникации противника, уничтожив или даже захватив в abordажных схватках какие-либо из финских судов. Три ночи подряд (с 8 на 9, с 9 на 10, с 10 на 11 сентября) и днем 12 сентября русские катера бороздили озеро в определенных квадратах. Однако ни одной встречи с противником за это время так и не произошло. Финны действовали с привычной осторожностью и, зная, что ночью их береговые батареи «слепы», предпочитали держать свои буксиры и баржи у береговых причалов. О том, что затеяли русские в Вытегре, финны в Петрозаводске, естественно, не знали, но вовремя почуяли неладное и тем более решили поостеречься²⁸.

И все же избежать встречи с противником финские корабли не смогли. В 23 час. 45 мин. 12 сентября командир находившегося в тот момент в Шокше патрульного дивизиона капитан 3 ранга О. Хайкала получил по радио приказ срочно проследовать в Тамбицы. Через полчаса канонерские лодки «Кархумяки», «Контупохья» и VTV-1 (на буксире у «Кархумяки») вышли в озеро, а в 2 час. 24 мин. 13 сентября, когда до южной оконечности Большого Клименецкого острова оставалось около 15 км, слева по курсу на удалении всего лишь 1,5–2 км были замечены низкие силуэты двух кораблей. С одного из них были поданы световые сигналы, которые никто не сумел разобрать. Впрочем, и без сигналов было ясно, что в этот час и в этом месте можно было встретить только врага. Минуту спустя с мостика «Кархумяки» ударил 20-мм автомат, к которому тут же присоединилось 75-мм орудие. Противник не стал ввязываться в перестрелку, а, выпустив дымовую завесу и прибавив ходу, скрылся в ночной темноте. Все это длилось не более 4–5 минут, в течение которых канонерская лодка «Кархумяки» (а стреляла только она) выпустила 9 снарядов калибра 75 мм и 35 – калибра 20 мм. Ни один из них в цель не попал.

Для финнов эта встреча оказалась неожиданностью. Но еще большей неожиданностью она стала для русских. В эту ночь никаких активных действий на коммуникациях противника они не планировали, и лишь 2 бронекатера были отправлены в озеро с целью высадить на мысе Чажнаволок разведывательную группу. Высадка была проведена успешно, и, возвращаясь обратно, катера наткнулись на финские корабли. Как отмечалось позднее в документах советской флотилии, обстановка для атаки была благоприятной. Помимо двух этих бронекатеров сразу в нескольких местах неподалеку находились 2 канонерские лодки, 7 минных катеров и еще один бронекатер. Однако должной инициативы командирами проявлено не было, а отправленные в штаб радиogramмы до адресата не дошли. В результате ни один из кораблей в озеро так и не вышел и «удар по противнику не был нанесен»²⁹.

²⁸ Хроника боевых действий Онежской военной флотилии в Великой Отечественной войне Советского Союза. Вып. 2 (14 мая 1943 – 2 августа 1944 г.). М., Воениздат, 1948. С. 42–43.

²⁹ Хроника боевых действий Онежской военной флотилии. С. 43–44; Meripataljoona 4 1941–1943 (26113). S. 1014; Tykkivene Karhumäki 1943–1943 (24088). S. 33–34; Tykkivene Kontupohja 1943–1943 (24100). S. 35.

Между тем финны, не подозревая ни о чем, продолжили плавание. В 7 час. 13 сентября корабли прибыли в Тамбицы, а уже в 10 час. 20 мин. вышли в обратном направлении. В 23 час. 45 мин. по хельсинкскому времени дивизион, к которому по пути присоединилась канонерка «Илмари», встал на стоянку в бухте возле деревни Конда на юго-восточной оконечности Большого Клименецкого острова. А утром следующего дня в 5–7 км от этого места появились 2 русских минных катера и начали перестрелку с находившейся близ Конды береговой батареей. В общем и целом, эта перестрелка закончилась моральной победой русских. Финские корабли в ней не участвовали, потому как береговое командование забыло оповестить их о приближении противника. В итоге все ограничилось одним выстрелом, который неизвестно куда произвела канонерка «Кархумяки». При этом следует заметить, что финнам повезло еще раз. Неизвестно чем закончилось бы это дело, если бы у русских была авиационная разведка, способная обнаружить стоявшие в Конде финские корабли³⁰.

В общей сложности поход, в ходе которого произошли эти события, продолжался почти 2 недели. Так получилось, что 4 сентября в него вышел патрульный дивизион Онежского корабельного отряда, а 17 сентября вернулся, пришвартовавшись к пристани в Ужесельге, патрульный дивизион совсем другого объединения. Дело в том, что 6 сентября 1943 г., в рамках проводившейся реорганизации, Онежский корабельный отряд (Äänisen laivasto-osasto/ Ään.LOs) прекратил свое существование, а его место занял 4-й морской батальон (Meripataljoona 4/MeriP4). О целях этого реформирования нужно говорить особо, а пока отметим, что, в принципе, в деятельности финских морских сил Онежского озера никаких изменений не произошло. Изменилась лишь их структура да названия отдельных подразделений, переименованные с флотского на армейский лад.

Командиром 4-го морского батальона остался капитан 1 ранга Х. Сёдерхольм, под началом которого на 6 сентября 1943 г. находились 43 офицера, 141 сержант, 389 рядовых (всего 573 военнослужащих) и 10 штабных лотт. Основной боевой силой батальона оставался патрульный дивизион – единственный, который в ходе реорганизации сохранил свое первоначальное название (Vartiolaivue/VLv.). В составе дивизиона по-прежнему значились 4 канонерские лодки («Кархумяки», «Контупохья», «Илмари» и VTV-1), а командовал им уже хорошо нам известный капитан 3 ранга О. Хайкала. Однако теперь к его должности добавилась должность командира 4-й морской патрульной роты (4. Merivartiokomppania/4.MVartioK). В нее, как явствует из документов, кроме патрульного дивизиона входили 2 взвода морской полиции (2 meripoliisijoukkuetta), а также переданный в оперативное подчинение морской саперный взвод.

Существовавший прежде транспортный дивизион был упразднен, а вместо него были сформированы 2 морские транспортные роты: 4-я (4. Merikuljetuskomppania/4.MKulj.K), действовавшая на Онежском озере, и 14-я (14. Merikuljetuskomppania/14.MKulj.K), работавшая на Свирь.

³⁰ Хроника боевых действий Онежской военной флотилии. С. 44, 47; Äänisen rannikkoprikaati 1943–1943 (25491). S. 5; Äänisen rannikkoprikaati 1943–1943 (25492). S. 84; 406. Kevyt patteri 1943–1943 (17141). S. 38–39; 44. Raskas patteri 1943–1944 (22195). S. 7–8; Limosaaren lohko 1943–1943 (18047). S. 7; Meripataljoona 4 1941–1943 (26113). S. 1015; Tykkivene Karhumäki 1943–1943 (24088). S. 35; Tykkivene Kontupohja 1943–1943 (24100). S. 36; Tykkivene Ilmari 1943–1943 (24085). S. 20; Vartiotykkivene 1 1943–1943 (24639). S. 24.

В Повенецком заливе теперь действовал базировавшийся на Медвежьегорск 1-й отдельный транспортный взвод (1. Erillinen Merikuljetusjoukkue), а 2-й отдельный транспортный взвод (2. Erillinen Merikuljetusjoukkue) работал на Сегозере, по-прежнему имея в качестве базы село Паданы.

Дивизион катеров-тральщиков был переформирован в 4-ю морскую саперную роту (4. Meripioneerikomppania/4.MPionK), имевшую в своем составе 2 морских саперных взвода (2 meripioneerijoukkueita). Все накопленное в Петрозаводске к осени 1943 г. береговое хозяйство – корабельный док (laivatelakka), места базирования и ремонта катеров (moottorivenearikko ja moottorivenekorjaamo), плавучий док (uiva telakka), мастерские авторемонтного взвода (autokorjausjoukkue) и прочие необходимые для обеспечения судоходства службы – были собраны в 4-ю техническую роту (4. Teknillisen komppania/ 4.Tekn.K). Кроме того, было создано еще одно подразделение, в задачу которого входило обеспечение безопасности плавания. Им стала 4-я лоцманская рота (4. Luotsikomppania/4.LuotsiK), в которую, помимо прочего личного состава, были включены онежские (21 чел.) и свирские (7 чел.) лоцманы³¹.

По данным, которые приводил в своем отчете капитан 3 ранга О. Хайкала, навигация 1943 г. на Свири продолжалась 8 месяцев, в центральной и южной части Онего – 8,5, в Повенецком заливе – 7,5 и на Сегозере – 7 месяцев. На Онежском озере буксиры и баржи ходили весь декабрь (вплоть до нового года), и ходили весьма интенсивно, а последняя попытка выйти в озеро была предпринята аж 12 января 1944 г. Правда, довести ее до конца не удалось – помешал толстый лед. После этого судоходство было прекращено, и настала пора подводить итоги навигации³².

Как уже известно, главной задачей, возложенной на Онежский корабельный отряд и 4-й морской батальон, было осуществление транспортных перевозок. Первой статьей перевозок была доставка пассажиров (в основном, солдат и офицеров расквартированных на берегах Онего и Свири подразделений). Всего в навигацию 1943 г. водным путем было перевезено 87523 пассажира, для чего помимо прочих были организованы две регулярные пассажирские линии: Петрозаводск – Великая Губа, по которой 3 раза в неделю ходил пароход «Аанислинна», и Подпорожье – Вознесенье, где также 3 раза в неделю ходили пароходы «Сювяри» и «Сиикакоски».

Второй (и основной) частью перевозок являлась транспортировка грузов. Грузы были разные (древесина, стройматериалы, военное снаряжение), и из их перечня можно сделать вывод не только о характере и объемах озерных и речных перевозок, но и о том, что вывозилось финнами с территории оккупированной Карелии. Всего, как явствует из отчета О. Хайкалы, в навигацию 1943 г. судами 4-го морского батальона было перевезено 385195 т различных грузов и в том числе:

- дров – 20242 куб. м,
- пиловочника – 1087 стандартов,
- поленьев – 136280 куб. м,
- бревен – 985259 шт.,

³¹ Meripataljoona 4 1943–1944 (18663). S. 15; Meripataljoona 4 1941–1943 (26113). S. 1017.

³² Meripataljoona 4 1941–1943 (26113). S. 1016–1017; 4. Merikuljetus-komppania 1943–1943 (18649). S. 48–49.

- смолы – 114 т,
- древесного угля – 655 т,
- смоляной воды (живицы) – 34 т,
- щепы – 792 т,
- скипидара – 36 т,
- фортификационных материалов – 12099 т,
- боеприпасов – 2249 т,
- продовольствия – 21919 т,
- прочих грузов – 18390 т.

Количество задействованных на всех водоемах транспортных судов (Сегозеро, Онего, Свирь) к концу навигации увеличилось. Так, общее количество действующих буксиров достигло 26 (20 паровых и 6 моторных). Произошло это благодаря постройке на месте 2 и прибытию из Финляндии 4 буксиров. Помимо этого осенью 1943 г. на Свири собирали один и ремонтировали второй буксир, планируя закончить все работы к весне 1944 г. Количество несамоходных плавсредств – барж и понтонов – к зиме 1943 г. выросло до 38 (против 34 весной). На Онежской акватории таких судов имелось 14, на Свири – 17, в Повенецком заливе – 2 и на Сегозере – 3. За лето 2 баржи были отремонтированы и пущены в строй, а 2 – построены в Пиндушах. Кроме того, в Вознесенье и Пиндушах планировали построить еще 3 баржи³³.

Пребывание советской флотилии на Онежском озере завершилась к концу октября 1943 г., когда ее корабли ушли на зимовку в Череповец и Рыбинск. После этого корабли финского патрульного дивизиона сначала заметно уменьшили, а затем и вовсе прекратили свою деятельность. Первой 15 ноября 1943 г. завершила кампанию и встала на зимовку канонерская лодка VTV-1. Чуть позже на ремонт в Петрозаводске была поставлена канонерка «Контупохья». При этом обе 75-мм пушки с нее были сняты и установлены на большой барже «Роускула-2». 6 декабря баржу отвели к Волкострову (к северу от острова Кижы) и поставили на якорь возле его восточного берега. С этого момента «Роускула-2» стала плавучей батареей, орудиям которой надлежало контролировать вход в Великую губу и при необходимости держать под обстрелом северную часть Большого Клименецкого острова. 10 декабря туда же, к Волкострову, прибыла и стала на зимовку канонерская лодка «Илмари». После этого вновь сформированный опорный пункт приобрел свой законченный вид. Помимо двух 75-мм орудий, на его вооружении имелись установленные на берегу и на барже 4 20-мм и 2 40-мм автомата, а также 45-мм пушка канонерки. Личный состав опорного пункта численностью около 40 чел. был размещен частично на барже, а частично – в находившейся на удалении 100 м деревне (или сооруженном финнами городке)³⁴.

³³ Meripataljoona 4 1941–1943 (26113). S. 1016.

³⁴ Vartiutykkivene 1 1943–1943 (24639). S. 38; Tykkivene Kontupohja 1941–1943 (24099). S. 22–23; Tykkivene Ilmari 1943–1943 (24085). S. 48; Meripataljoona 4 1941–1943 (26113). S. 1017; Susisaaren tukikohta 1943–1944 (23445).

После этого наступила очередь канонерской лодки «Кархумяки». Ее 10 декабря 1943 г. поставили на якорь возле острова Шардонский (к востоку от острова Суйсари). Здесь так же, как и у Волкострова, был образован стационарный опорный пункт из трех судов: канонерки «Кархумяки», пассажирского судна «Сунку» и большой баржи с запасом дров и продовольствия. Личный состав опорного пункта (45 чел.) был сформирован из экипажей «Кархумяки» и моторных катеров. На вооружении его, помимо трех 75-мм орудий канонерки, имелись 4 автоматические пушки калибра 20 мм. Вся эта артиллерия должна была держать под прицелом вход в Кондопожскую губу и часть акватории залива Большое Онего³⁵.

Выбор столь необычных мест для зимовки боевых кораблей объясняется очень просто. Наступила зима, и вскоре озеро должно было покрыться льдом. А это означало, что близилось время, когда свои действия начнут советские партизаны. В таких условиях финское командование принимало меры для усиления своей береговой обороны, к чему, помимо экипажей двух канонерок, были привлечены и команды других судов 4-го морского батальона. В декабре 1943 г. из личного состава 4-й морской транспортной роты была сформирована стрелковая рота (Kiväärikomppania). Ее численность была определена в 150 чел., а местом дислокации стала южная часть Большого Клименецкого острова. В дополнение к ней из моряков в начале 1944 г. была сформирована аэросанная рота (Kiitorekikomppania), которую передали в состав оборонявшегося в Заонежье 14-го берегового артиллерийского полка. На вооружении роты имелись 11 трофейных аэросаней³⁶.

На 1 января 1944 г. численность 4-го морского батальона составляла 528 чел. (в том числе 47 офицеров и 157 сержантов). В последующем произошло некоторое сокращение, и, начиная с марта, в составе батальона значилось до 500–512 солдат и офицеров. В организационном плане за зиму никаких перемен не было, разве что некоторые изменения произошли в патрульном дивизионе. В самом начале 1944 г. его командиром стал капитан-лейтенант Л. Хухта, сменивший на этом посту отбывшего на Балтику капитана 3 ранга О. Хайкалу.

Зиму корабли дивизиона, как уже известно, провели в разных, порой весьма удаленных друг от друга местах, что не могло не сказаться на сроках приведения его в боевую готовность. Согласно приказу штаба Онежской береговой бригады, на 15 мая 1944 г. патрульный дивизион 4-го морского батальона включал в себя 3 отряда:

1. Отряд канонерских лодок (Tykkivene osasto) в составе канонерок «Кархумяки», «Контупохья» и «Эрки».

2. 1-й легкий отряд (Kevyt osasto 1), в котором значились канонерки VTV-1 и «Илмари», а также отделение катеров-тральщиков (8 шт.).

3. 2-й легкий отряд (Kevyt osasto 2), имевший 4 скоростных катера и катер AV138³⁷.

³⁵ Meripataljoona 4 1941–1943 (26113). S. 1017; Tykkivene Karhumäki 1943–1943 (24089). S. 6.

³⁶ Meripataljoona 4. Kiväärikomppania 1943–1944 (18664); Meripataljoona 4 1941–1943 (26113). S. 1017; Lake Onega Coastal Brigade. http://www.oocities.org/finnmilpge/fmp_coast_onega43_44.html.

³⁷ Meripataljoona 4 1943–1944 (18663). S. 20, 22, 34; Meripataljoona 4. Vartiolaivue 1944–1944 (18667). S. 1.

Однако единственным боеготовым кораблем дивизиона в тот момент была канонерка «Эркки», которая, сходя 7 мая до Ивановского острова и обратно, открыла кампанию 1944 г. на Онежском озере. Что касается остальных судов, то их вступление в строй затянулось на целый месяц. 16 мая (по другим данным, 17) с места своей зимней стоянки у острова Шардонский вернулась канонерская лодка «Кархумяки». 19 мая от Волкострова пришла канонерка «Илмари» и привела баржу, на которой стояли пушки, снятые полгода назад с канонерки «Контупохья». Сама «Контупохья» в это время еще ремонтировалась, и все работы по ремонту и установке орудий затянулась до 13 июня. 2 дня спустя, 15 июня, в строй наконец-то вступила канонерка VTV-1³⁸.

Между тем все это время на озере кипела оживленная деятельность. Практически ежедневно (исключая штормовые дни) вдоль обоих берегов Онего ходили советские и финские транспорты и буксиры с баржами, чему никто особых помех не чинил. Финские корабли, как мы уже знаем, этого делать не могли, а финская авиация в основном ограничивалась разведывательными полетами. Лишь однажды, 16 мая, 4 финских истребителя атаковали советскую канонерку, но успеха не достигли. Действия советской авиации тоже не отличались особой настойчивостью, хотя иногда им сопутствовала некоторая удача. Вечером 25 мая 1944 г. недалеко от Шуньги 2 истребителя обстреляли шедший с баржой из Медвежьегорска финский буксир «Лаури» и продырявили ему дымовую трубу и котел, вследствие чего судно потеряло ход и встало на якорь. По сути, и буксир, и баржа превратились в неподвижные мишени, на которые самолеты противника совершили еще 2 налета. Однако попаданий больше не было, а около полуночи к месту аварии подошли финские суда и увели «Лаури» и баржу Р-1072 в Шуньгу³⁹.

Советские корабли в мае – начале июня никакой активности не проявляли, занимаясь, в основном, боевой подготовкой. Этим, кстати, они заслужили насмешку со стороны Ю. Майстера: дескать, стреляли по мишеням, «хотя недостатка в настоящих целях не было». Но согласиться с подобным утверждением трудно, потому что, с одной стороны, в преддверии близившихся боев да еще после долгой зимы потренироваться в стрельбе было просто необходимо, а во-вторых, белой ночью и на глазах финских наблюдателей рассчитывать на успех было трудно. Ко всему выясняется, что, как и прежде, по ночам финны предпочитали отстаиваться у причалов, а если и выходили в озеро, то предельно осторожно. Примером тому является осуществленная в период с 7 по 10 июня 1944 г. операция по переброске из Великой Губы в Щелейки 3-го батальона 5-го пехотного полка. Весь путь конвоя (4 буксира с баржами и катер) был разделен на 2 части (Великая Губа – Ужесельга и Ужесельга – Щелейки), в охране шла канонерка «Кархумяки», а с воздуха корабли прикрывались истребителями 2-го авиаполка. К месту назначения конвой пришел без происшествий, но похоже, что и на этот раз (как это уже случалось раньше) финнам слегка повезло. Дело в том, что около часу ночи 9 июня,

³⁸ Meripataljoona 4. Vartiolaivue 1944–1944 (18667). S. 2; Meripataljoona 4. Meritoimisto 1944–1944 (18665). S. 2; Tykkivene Karhumäki 1944–1944 (24090). S. 2; Tykkivene Kontupohja 1944–1944 (24101). S. 2; Meripataljoona 4. Vartiolaivue. Vartiotykkivene I 1944–1944 (18669). S. 2.

³⁹ Meripataljoona 4 1943–1944 (18663). S. 23; Karhumäen vesitiealue 1944–1944 (14296). S. 10.

когда финские корабли двигались в районе Гарницкого маяка, недалеко от Рыбреки действовали советские катера, перед которыми стояла задача осуществить артиллерийскую разведку берега и провести поиск плавсредств противника. В итоге, успешно проведя разведку, но не обнаружив вражеских судов, русские удалились, а следующей ночью там же прошел финский караван и никто его уже не потревожил⁴⁰.

В Щелейки баржи с солдатами 3-го батальона прибыли 10 июня в 2 час. 30 мин. по хельсинкскому времени, а 3 часа спустя (в 6 час. 20 мин. по московскому времени) началось наступление войск Ленинградского фронта, успех которого решительным образом повлиял на ситуацию в Карелии. Не имея возможности остановить продвижение противника вглубь Карельского перешейка, финское командование принимает решение перебросить туда часть своих сил из районов Масельги и Свири. Это решение сначала вызвало необходимость отвести некоторые дивизии на новые рубежи обороны, а затем приступить к эвакуации всей Восточной Карелии (так финны называли оккупированную ими территорию Советской Карелии). Все это сопровождалось усиливающимся воздействием советских войск, вследствие чего времени на сборы и раздумья практически не было. 17 июня 1944 г. первые финские подразделения начали переходить на правый берег Свири, через день вслед за ними двинулись части правого крыла советской 7-й армии, а через 10 дней, к утру 28 июня, финнов не осталось не только на Свири, но и на всем побережье Онежского озера.

Распоряжение о начале эвакуации поступило в штаб Онежской береговой бригады 16 июня 1944 г. Основные силы бригады – оба полка береговой артиллерии, отдельные пехотные батальоны и т. д. – должны были двигаться своим ходом по дорогам. Однако на берегу озера у финнов имелось значительное количество опорных пунктов и баз, эвакуацию которых удобнее было осуществлять по воде, не говоря уже об островных гарнизонах, эвакуировать которые можно было только водным путем. Это означало, что теперь судам 4-го морского батальона уже не придется задерживаться у причалов надолго.

В северной части Онежского озера – в Повенецком заливе – на линии Медвежьегорск – Шуньга действовали буксиры и катера 1-го отдельного транспортного взвода. Южнее – в полосе от Толвуи до Кузаранды – эвакуацию гарнизонов островов Сал, Мег, Хед и Иванцов осуществляли катера 14-го берегового артиллерийского полка Онежской береговой бригады. В центральной и южной части Онежского озера – от Тамбиц, Великой Губы и Большого Клименецкого острова до Ропручья и Щелеек – перевозками занималась 4-я морская рота. На Свири финское судоходство продолжалось до середины июня, после чего было принято решение часть плавсредств 14-й морской транспортной роты затопить, а часть перевести на Онежское озеро. Поздно ночью 17 июня суда вышли в Свирскую губу и, двигаясь вдоль берега на север, в 9 час. 30 мин. 18 июня прибыли в Петрозаводск. Всего, по имеющимся данным, пришли 2 транспорта («Сювяри» и «Сиикакоски»), 4 буксира («Виена», «Вяйнё», «Кулмус» и «Калле»), 5 моторных катеров и 4 железные баржи. Правда, как они шли, не

⁴⁰ Meripataljoona 4 1943–1944 (18663). S. 25, 28; Хроника боевых действий Онежской военной флотилии. С. 71–72.

очень понятно. По одним данным можно сделать вывод, что это был один большой караван, а по другим, получается, что суда шли поодиночке или отдельными группами. Впрочем, особой роли это, наверное, не играет, потому как противник об этом переходе ничего не знал, ничего не увидел и ничему никак не воспрепятствовал⁴¹.

Основную часть озерных перевозок 4-й морской батальон выполнил за неделю – с 17 по 24 июня 1944 г. За это время, как сообщается, было перевезено 6112 тонн различных грузов. После этого интенсивность движения начинает уменьшаться, а кое-где и вовсе сводится к нулю. Первой прекратила свою деятельность база в Медвежьегорске. Еще 16–17 июня часть находившихся там судов (буксир «Лаури» и 5 катеров) ушли в Петрозаводск, а оставшиеся (буксир РМ.201, около 10 катеров и 4 баржи) были затоплены или взорваны 18 и 19 июня⁴².

Следует заметить, что имевшее место в Медвежьегорске уничтожение судов не было частной инициативой местного начальника. Это было заранее спланированное действие, продолжившееся и в других местах Онежского озера. Правда, часть судов финны все же постарались вывезти на железнодорожных платформах. Однако основная масса их, причем не только большие трофейные пароходы, но и привезенные из Финляндии малые катера, подлежала уничтожению.

А началось все 19 июня, когда близ Петрозаводска был затоплен только что пришедший туда со Свири пароход «Сиикакоски». 22 июня в ходе атаки советских истребителей сел на мель буксир «Каукопяя». В иное время особой беды в этом никто бы не увидел, судно тотчас бы сдернули с камней и отправили на ремонт. Но теперь с этим возиться не было ни времени, ни желания, а потому «Каукопяя» стащили на чистую воду, отвели в сторону и затопили на глубине 19 м. Этим, однако, дело не ограничилось, потому что в то же самое время возле Большого Клименецкого острова были уничтожены буксир «Ниска» и 2 баржи. Но и это еще не все. В тот же день, 22 июня 1944 г., пришло сообщение, что недалеко от Петрозаводска пошли на дно сразу 6 буксиров («Инкери», «Вяйнё», «Сеппо», «Кихо», «Урхо» и «Лаппи») и 2 баржи. Все суда были затоплены на глубине 20 м, причем топили их, взорвав на каждом 20 кг взрывчатки. Тогда же загремели взрывы в Петрозаводской губе, где возле Лойострова взлетели на воздух 5 деревянных барж.

На следующий день, 23 июня, экзекуция была продолжена. В 14 час. 40 мин. в штаб батальона позвонили и сообщили, что в Кондопоге сожжены 2 баржи. В 16 час. 45 мин. началось массовое уничтожение судов возле Петрозаводска и в самом Петрозаводске. Всего, по данным штаба 4-го морского батальона, в эти часы в районе Ивановских островов были затоплены 22 судна, в том числе транспорт «Сювяри», 10 буксиров («Кевятниemi», «Хелла-5», «Пилппа», «Репола-3», «Лаури», «Суойя», «Аарно», «Лимо», «Конту», «Вепся»), 10 барж и 1 катер. Еще 2 моторных судна («Олли» и «Сунку»), а также 5 или 6 барж были взорваны у Лойострова. Неизвестной пока остается судьба вспомогательного судна «Соксу», хотя можно не сомневаться в том, что и его постигла общая участь.

⁴¹ Meripataljoona 4 1943–1944 (18663). S. 31; Meripataljoona 4. Meritoimisto 1944–1944 (18665). S. 14.

⁴² Meripataljoona 4 1943–1944 (18663). S. 33, 36; Karhumäen vesitiealue 1944–1944 (14296). S. 11.

Действующими из всего бывшего состава 4-й и 14-й транспортных рот теперь остались лишь транспорт «Аанислинна» и буксиры «Эрки» и «Кулмус». 25 июня «Эрки» и «Аанислинна» получили распоряжение идти к Ивановскому острову и вывезти оттуда личный состав, вооружение и имущество 42-й тяжелой батареи. В 4-00 и 4-30 26 июня суда прибыли по назначению и встали на погрузку, а в 22-50 оба они уже находились в Петрозаводске, где с них в спешном порядке выгружали береговые пушки, пулеметы, различные приборы и все остальное снаряжение батареи.

В это же время в петрозаводском порту и на Северной Точке завершалась работа по подъему с воды и погрузке на железнодорожные платформы небольших судов и катеров, предназначенных для отправки в Финляндию. Пока трудно сказать, по какому принципу производился отбор и все ли они были действительно отправлены (препятствием могла стать нехватка железнодорожных платформ), но всего, по имеющимся данным, для отправки готовилось более 30 плавсредств, включая 5 «пиндушских судов» (построенных в Пиндушах), а также номерные (типов LA, AV, HI, VI, UU) и именные («Моама», «Дельфин» и «Хелла-63945») катера⁴³.

После всего этого настала очередь кораблей патрульного дивизиона. Начиная с 17 июня все они («Кархумяки», Контупохья», «Илмари» и VTV-1, а с ними катера-тральщики и моторное судно «Луккосаари») патрулировали водное пространство на ближних подступах к Петрозаводску – в полосе от Шокши до Кулмуксы. Неделью спустя, когда интенсивность движения по озеру уменьшилась, а с юга к Петрозаводску начали приближаться советские войска, начальство задумалось о будущем дивизиона. Ночью 25 июня в Петрозаводск прибыла канонерка VTV-1. К ней финны относились бережно, топить не собирались и уже в 9 час. утра 26 июня погрузили на железнодорожную платформу и отправили в Финляндию. В составе финского флота корабль служил до декабря 1944 г. После этого он был возвращен прежним владельцам и в составе теперь уже советского Балтийского флота в апреле 1945 г. (в качестве бронекатера № 215) принял участие в боях у берегов Восточной Пруссии⁴⁴.

В это время остальные канонерки и 4 катера-тральщика оставались в озере на подступах к Петрозаводской губе. В ночь с 26 на 27 июня суда собрались возле Ивановского острова, в 4 час. 00 мин. снялись с якоря и через 50 мин. прибыли в гавань Северной Точки. Там к этому часу уже находились транспорт «Аанислинна», буксиры «Эрки» и «Кулмус», баржа и несколько понтонов.

Почти сразу началась погрузка катеров на железнодорожные платформы, а с канонерок стали снимать и сгружать на берег принадлежавшее финнам имущество. В 5 час. 30 мин. 27 июня все закончилось, команды (52 чел.) сошли на берег и на кораблях были спущены военно-морские флаги Финляндии. Около полудня (примерно в 11-30 или 11-40 по хельсинкскому времени) загремели взрывы, и суда – канонерки «Кархумяки», Контупохья» и «Илмари», транспорт «Аанислинна» и буксиры «Эрки» и «Кулмус» – один за другим начали погружаться в воду. В 14 час. 00 мин. (в 15-00 по московскому времени) их экипажи на нескольких машинах выехали из Петрозаводска и взяли

⁴³ Meripataljoona 4 1943–1944 (18663). S. 34–38.

⁴⁴ Meripataljoona 4. Vartiolaivue. Vartiolykkivene I 1944–1944 (18669). S. 4.

курс на Турку. В 10 час. 30 мин. 28 июня в Петрозаводскую губу, возвещая ревом своих моторов об окончании войны на Онежском озере, влетели 4 советских минных катера...⁴⁵

Подводя итоги деятельности финских морских сил на Онежском озере в 1941–1944 гг., можно отметить следующее. В течение всей войны они придерживались единожды выбранной оборонительной тактики, сосредоточив главное внимание на грузовых перевозках, осуществлявшихся в пределах ближней береговой зоны. Защита водных коммуникаций обеспечивалась за счет отлаженной работы службы наблюдения, хорошо организованной системы огня береговых артиллерийских батарей и продуманной схемы судоходства. Благодаря этому финнам удалось благополучно нейтрализовать все попытки противника воздействовать на их транспортные линии, свести к минимуму свои потери и в полной мере обеспечить снабжение (равно как и эвакуацию) войск, дислоцированных вдоль западного побережья Онежского озера.

Вместе с тем нельзя не признать, что присутствие на Онеге боевых кораблей финского патрульного дивизиона носило скорее формальный характер и никак не влияло на общую ситуацию на озерном театре военных действий. Объективно это было вызвано отсутствием соответствующего судового состава, по причине чего финские корабли не могли соперничать с лучше вооруженными и более скоростными советскими судами (хотя их было не так много, как о том писал Ю. Майстер). Данное обстоятельство заставило сосредоточить усилия патрульного дивизиона на несение патрульной и сторожевой службы. Но и эту деятельность трудно назвать успешной, так как за все время не было отмечено ни одного случая, чтобы финские канонерские лодки и сторожевые катера предотвратили попытку противника нанести огневой удар по побережью или высадить диверсионно-разведывательную группу.

⁴⁵ Meripataljoona 4 1943–1944 (18663). S. 39; Tykkivene Karhumäki 1944–1944 (24090). S. 15; Tykkivene Kontupohja 1944–1944 (24101). S. 5; Tykkivene Ilmari 1944–1944 (24086). S. 7.

Учреждения народного образования Карелии в годы эвакуации (1941–1944 гг.)

В 2014 г. отмечается 70-летие освобождения г. Петрозаводска и Республики Карелия от финской оккупации в годы Великой Отечественной войны. За время, прошедшее после Победы в войне, опубликовано огромное количество документов, научной, исследовательской, мемуарной, популярной, художественной литературы. В том числе и по истории Великой Отечественной войны в Карелии. Следует, однако, отметить, что подавляющая часть этой литературы касается истории боевых действий советских войск, партизан, подпольщиков, работы советского тыла в помощь фронту и т. п.

Несколько меньше написано о работе советских органов власти по вопросам эвакуации, особенно в начальный период войны: эвакуации промышленных предприятий, производств оборудования, эвакуации сельских предприятий, колхозного скота и пр. Однако, несмотря на то, что после Победы прошло столько лет, почти отсутствуют научные исследования об эвакуации гражданского населения. Практически не освещены такие проблемы, как: куда и как эвакуировались люди, организовано или это был стихийный процесс, как они трудоустраивались в местах эвакуации, каковы были их жилищные и бытовые условия, как обстояла ситуация с положением детей – питание, школьное образование, устройство в детские ясли и детские садики и т. п. Что касается Карелии, то в настоящее время разработкой этой проблемы занимается известный в республике специалист по истории Великой Отечественной войны в Карелии Макуров В. Г. (**Макуров В. Г. Жители Карелии об эвакуации в районах Европейского Севера. 1941–1945 гг. // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. Научный журнал. Сыктывкар, 2010. № 3 (11). С. 11–39; Макуров В. Г. Жители Карелии об эвакуации в Пермской области. 1941–1945 гг. // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. Научный журнал. Сыктывкар, 2011. № 3 (15). С. 6–52 и др.**).

В данной статье рассматриваются вопросы эвакуации гражданского населения в связи с началом военных действий на территории Карелии и, главным образом, эвакуации учреждений образования республики, положения с проблемами школьного обучения карельских детей в местах эвакуации, какое внимание уделяли власти К-ФССР этой проблеме.

Уже на следующий день после заявления Финляндии о вступлении в войну против Советского Союза, государственные и партийные органы приграничных городов и районов Карелии получили телеграмму, подписанную председателем Совнаркома П. С. Прокконеном и секретарем ЦК КП(б) К-ФССР Сорокиным о немедленной эвакуации гражданского населения из 20-километровой приграничной зоны в глубину своих районов (**НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 276, л. 3**). Решение об эвакуации насе-

ния из 20-километровой зоны, скорее всего, объясняется тем, что никто тогда не мог предположить, что война затянется на долгих 4 года. Расчет строился на быстром победоносном окончании войны.

В специально принятом Постановлении СНК и ЦК КП(б) Республики «О мероприятиях по эвакуации имущества, оборудования и населения из прифронтовой полосы» особо подчеркивается необходимость немедленной эвакуации всех детей до 14 лет, причем дети до 10 лет эвакуируются вместе с матерями (НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 242, л. 51).

В первые же дни июля 1941 г. создается республиканская комиссия по эвакуации, которую возглавляют секретарь ЦК Соляков П. В., заместитель председателя правительства Иванов М. Ф и секретарь Президиума Верховного Совета Республики Вакулькин Т. Ф. Именно эта комиссия принимала решения о сроках эвакуации, распределяла транспорт и места эвакуации и т.п. Во всех районах республики создавались подобные комиссии по эвакуации, в состав которых входили партийные секретари, председатели исполкомов Советов и руководители НКВД. Комиссии также принимали решения о первоочередной эвакуации детских учреждений, в то время как трудоспособное население оставалось на оборонных работах, уборке урожая и т. д. (Морозов К. А. *Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)*. Петрозаводск «Карелия». 1983. с. 49–50). «Вывозите только детское население. Целиком детские сады, школы, детские площадки, детские дома. Дети до 3-х лет – с матерями, остальные до 14 лет на 4 ребенка 1 женщина, отправляемых обеспечить продовольствием и денежными средствами. Председатель республиканской комиссии по эвакуации Соляков» (НА РК, ф. 1394, оп.7, д. 64, л. 3,4). Что касается школ, то ко времени начала войны учебный год уже закончился и школьники, вероятнее всего, эвакуировались вместе с матерями.

Решение об эвакуации населения из 20-километровой зоны приграничных нередко приводило к конфликтам с местным населением, поскольку в некоторых случаях часть местных руководителей, пользуясь своим служебным положением, эвакуировали свои семьи и имущество в Петрозаводск и даже в тыловые районы страны. «Что же это... свои семьи и вещи спасают, а нас нет». «Что вы нас уговариваете спокойно работать, когда сами руководители района свои семьи уже отправили на машинах *(речь идет об эвакуации в Петрозаводск – здесь и далее курсив мой)*» (НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 277, л. 10, 11). «Нас эвакуируют в Беломорск, а свои семьи оттуда вывозят. Нас везут на гибель». Подобные случаи бегства были отмечены в Виипурском (Выборгском), Куркиекском (*председатель райсовета Горбачев и его зам. Бедонин*), Кестеньгском (*2-й секретарь РК Рютиков*) (НА РК, ф. П-8, оп.1, д. 289, лл. 19-22), Сегозерском (*секретарь РК Еришов*) (НА РК, ф. – П-8, оп. 1, д. 282, л. 132) районах. Все это приводило к обострению панических настроений у населения.

Что касается Петрозаводска, то первоначальное решение об эвакуации женщин и детей принимается 3 июля. Однако в связи с тем что финские войска активных боевых действий не ведут, эта эвакуация откладывается (НА РК, ф. П-8, оп.1, д. 282, л. 11). Но именно в этот день начинается генеральное наступление войск противника в южной части Карелии – в Северном Приладожье и на Петрозаводском направлении, и приходится снова возвращаться к этому вопросу. Принимается решение

об эвакуации детских яслей, детских садиков и детдомов в Вытегорский и Андомский районы Вологодской области и в г. Рыбинск. Рассматривается возможность эвакуации в Заонежский и Пудожский районы Карелии **(НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 68, л. 5)**.

По справке секретаря комиссии Вакулькина от 18 июля уже на 4-й день после принятия решения об эвакуации женщин и детей из Петрозаводска было эвакуировано в Вытегорский, Андомский, Пудожский и Шелтозерский р-ны 4582 человека **(НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 282, л. 38)**.

Но если с эвакуацией детских дошкольных учреждений из Петрозаводска было относительно ясно, то иначе дело обстояло со школьными учреждениями. Судя по всему, никто и не предполагал, что столица К-ФССР г. Петрозаводск будет захвачен противником. Так, 11 августа 1941 г. исполком Петрозаводского городского Совета рассматривает вопрос о подготовке к организации нового учебного года в городе. Решением № 370 исполкома был утвержден контингент учащихся на 1941/1942 учебный год в количестве 6600 человек, которые должны были обучаться в 180 учебных классах. Для школ были определены здания: в Октябрьском районе – 1-я средняя школа, здание детского сада № 32, бывшая 17-я школа, которую исполком просил передать из Управления трудовых резервов. До 15 августа необходимо было подыскать здание для школы в м. Бараний Берег. В Зарецком районе – здания 3-й, 4-й, 16-й и 8-й школ. Заместителю председателя горисполкома Духонину поручалось принять меры к окончанию строительства 8-й школы. Заместитель председателя Зарецкого райисполкома Антохин должен был выделить помещения для школ в микрорайонах города Каменный Бор и Совхоз. В Первомайском районе для организации учебного процесса выделялись здания школ №№ 7, 10 и 26, причем строительство 26-й школы председатель Первомайского райисполкома Елаков обязан был завершить к 24 августа. В районе поселка Соломенное под обучение выделялись здания 22-й и 24-й школ.

Таким образом, из этого решения вытекает, что в августе в Петрозаводске находилось более 6 тыс. человек школьного возраста, и даже в условиях военного времени в городе продолжалось строительство новых школ.

Заведующей Петрозаводского горно Лебедевой поручалось к 15 августа представить состав директоров и завучей школ, а к 20 августа и педагогический состав. Лучших учителей выделить для принятия осенних испытаний у получивших летние задания неуспевающих учеников. К началу учебного года необходимо было восстановить работу методического кабинета и детской библиотеки. В период 25–28 августа поручалось провести учительские совещания. А торговому отделу исполкома для обеспечения питания учащихся поручалась организация школьных буфетов.

К 1 сентября все школы города должны были быть обеспечены 30 % запасом дров, а остальные 70 % – к 1 ноября 1941 г. Всего для организации учебного процесса даже в военных условиях выделялось из республиканского бюджета 945,2 тысячи рублей **(НА РК, ф. 460, оп. 1, д. 447, л. 23)**.

Однако в конце августа военная обстановка в южной части Карелии стала стремительно ухудшаться. Финские войска организовали очередное мощное наступление, стремясь перерезать Кировскую железную дорогу, выйти на рубеж реки Свирь и на западное побережье Онежского озера. Вой-

ска 7-й армии под командованием генерала Гореленко уже не могли сдерживать противника и отступали за Свирь на юге и в район Кондопоги севернее.

В этих условиях принимается срочное решение об эвакуации 26 августа профессорско-преподавательского состава, студентов и материальной базы Карело-Финского государственного университета в Вологду (**НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 47, л. 1**). Затем дороги эвакуации привели университет в столицу Коми АССР г. Сыктывкар, где он и находился до лета 1944 г., окончания эвакуации.

Буквально за считанные часы до выхода финских войск в район с. Деревянное был подан железнодорожный состав для эвакуации всех детских учреждений, находившихся в п. Ладва, в Вологодскую область, включая Петрозаводский детский дом № 1 (**НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 68, л. 76**).

По мере ухудшения ситуации несколько позже подлежали эвакуации детские и образовательные учреждения из других районов республики. Так, в октябре 1941 г. водным путем на лихтерах через Чупу в Архангельскую область были эвакуированы детский дом и интернат, находившиеся в п. Лоухи (**НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 47, л. 81**). Тогда же, в октябре, из п. Пиндуши вместе с ценным оборудованием Пиндушской судовой верфи была эвакуирована школа ФЗО вместе со всем имуществом (**НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 66, л. 7**). В ноябре 1941 г. был эвакуирован в Кировскую область Шуерецкий детский дом (**НА РК, ф. 1394, оп. 7, д. 65, л. 84**). Централизованным порядком осуществлялась эвакуация и целых учительских коллективов. Так, 17 ноября был эвакуирован в Узбекистан весь педагогический состав Беломорской железнодорожной школы № 17 (*ныне школа № 3*) во главе с директором школы Крыловым Василием Семеновичем. В здании самой школы разместился штаб Карельского фронта (<http://www.belschool3.ru/about/1328187040.html>).

Как положительный момент следует отметить тот факт, что эвакуацию гражданского населения власти Карелии старались проводить, по мере возможности, компактно. Жителей определенного карельского района старались поселить рядом в отведенных для их поселения тыловых областях. И после эвакуации центральные и районные органы власти стремились не бросать своих жителей на произвол судьбы. Так, по словам председателя Калевальского района Ларионова А. И., власти, эвакуировав в Архангельскую область 5640 человек, для устройства населения на новых местах направили туда своих уполномоченных. В Архангельской области были организованы две школы, куда направили своих учителей (**НА РК. Ф. 1394, оп. 7, д. 61, л. 48–49**). Своих учителей вместе с эвакуированным населением, более 4-х тысяч человек, направили и в Лоухском районе (**НА РК. Ф. 1394, оп. 7, д. 61, л. 48–49**).

Вопросы, связанные с положением карельского эвакуированного населения, в том числе и положение дел с детьми, постоянно находились в центре внимания советских и хозяйственных органов Республики. В частности, в декабре 1941 г. на состоявшемся заседании Президиума Верховного Совета КФССР среди множества других вопросов было уделено специальное внимание положению дел с образованием детей в местах эвакуации. В одном из пунктов принятого Президиумом Постановления говорилось: «Поручить СНК принять меры по быстрейшему уточнению мест жительства эва-

куированного населения, по его трудоустройству, оказанию нуждающимся материальной помощи. Особое внимание обратить на обслуживание эвакуированного карельского и финского населения, организацию учебы на родном языке. (НА РК. Ф. 1394, оп. 7, д. 51, л. 19).

В места компактного проживания эвакуированного из Карелии населения регулярно направлялись специальные уполномоченные, которые знакомились с положением дел на местах. В качестве примера можно привести данные поездки в Онежский район Архангельской области члена Президиума Верховного Совета республики А. Никкари. В села этого района были эвакуированы преимущественно жители Ругозерского района Карелии. В своей докладной записке он отмечает, что в селе Вонгуда отсутствуют литература и газеты на национальных языках. В селе не учатся около 90 детей 5–6 классов из-за отсутствия в селе неполной средней школы. В соседнем селе также, возможно, есть не охваченные обучением дети. А. Никкари предложил руководству Карелии, войдя в контакт с Архангельским облоно, открыть в селе национальные 5–6 классы. А Наркомпрос Республики обеспечит эти школы своими национальными кадрами (НА РК, ф. 1215, оп. 1, д. 97, л. 3).

В апреле 1942 г. докладная записка т. Горбачева информировала Председателя Президиума Верховного Совета О. В. Куусинена и секретаря ЦК партии Г. Н. Куприянова о положении населения в Няндомском районе Архангельской области, в котором проживало около 5 тыс. человек из Карелии. Горбачевым было отмечено, что в ряде колхозов отсутствуют детские сады и детские площадки. Среди детей эвакуированных отмечается большая заболеваемость из-за недоедания, поскольку они почти не получают молока, сахара, круп, и в результате это приводит к большой смертности. «Многие дети в настоящее время не учатся. Совершенно не учатся дети карел, проживающих в Лимьском сельском совете. Многие дети не могут ходить в школу из-за отсутствия обуви. Часть ребят вынуждена оставить школу из-за слабого состояния здоровья, вызванного недостатком питания. Ни в одном сельсовете для детей эвакуированных не организуется общественное питание. Все это свидетельствует о том, что местные партийные и советские органы не приняли реальных мер к тому, чтобы создать детям эвакуированных хотя бы минимальные условия жизни, вовлечь их в учебу и предотвратить в дальнейшем все еще продолжающуюся смертность детей» (НА РК, ф. 1215, оп. 1, д. 98, л. 22, 28, 30).

Это была не просто констатация сложившегося положения дел в районе. Информация была доведена до сведения секретаря областного комитета партии Огородникова. Вопрос о положении дел был заслушан на заседании бюро Архангельского обкома. Вопрос о работе с эвакуированным населением рассматривался на совместном заседании Няндомского райкома партии и исполкома районного Совета. В результате председателя Вохтомского сельсовета обязали обеспечить эвакуированных теплыми квартирами, дровами, банями, создать при колхозах столовые, детские ясли и детские площадки, обеспечить выезды врачей (НА РК, ф. 1215, оп. 1, д. 98, л. 22, 28, 30).

Такая же нерадостная картина была отмечена в августе 1942 г. заслуженным врачом республики М. Д. Иссерсоном, командированным в Челябинскую область. По данным Иссерсона только в Ольшанском районе области проживало около 800 жителей из Карелии. Там же находились два детских

дома: Ладвинский и Шуерецкий. По результатам поездки М. Д. Иссерсона Наркомфин К-ФССР перевел в Ольховский сельсовет 10 тыс. рублей для оказания единовременной помощи эвакуированным, а также принял часть расходов для заготовки шерсти для изготовления пим и валенок. Отсутствие обуви часто служило причиной того, что дети не могли посещать школьные занятия **(НА РК, ф. 1215, оп. 1, д. 99, л. 27)**.

Петрозаводский детский дом № 1 оказался в эвакуации в г. Кириллов Вологодской области. В отчете заведующей за первое полугодие 1941/42 учебного года о жизни воспитанников в эвакуации отмечалось, что помещение, выделенное для детдома абсолютно не приспособлено, холодное и сырое. Столовая, где питаются дети, находится через дорогу от основного здания. Плохо организован подвоз дров, их приходится доставлять к детскому дому за 8–10 км. Отсутствуют керосин и лампы для освещения. Часто область задерживает наряды на продукты. **(Петрозаводск. 300 лет истории. Документы и материалы. Кн. 3. 1903–2003. Петрозаводск, Карелия. 2003. док-т 317, с. 276)**.

Положение со школьным образованием было сложным не только в тех районах, куда было эвакуировано карельское население. В неоккупированных районах Карелии, которые с полным основанием можно считать прифронтовыми, т. к. их западная административная граница упиралась в линию Карельского фронта, положение с обучением школьников также было достаточно сложным.

К примеру, в Пудожском районе по справке, подготовленной для Президиума Верховного Совета Республики, отмечалось, что в районе в 1943 г. действовали 2 средние школы, 13 неполных средних школ и 13 начальных. Однако 82 человека не охвачены начальным обучением. Причем в 4-х сельсоветах – Куганаволоцком, Канзанаволоцком, Пихтомасозерском и Чуяльском не учатся в начальных классах 69 человек. В районе 292 человека школьного возраста 5–7 классов не обучаются в неполных средних школах. По объяснению РОНО проблема состоит в том, что государство не может полностью обеспечить в интернатах детей эвакуированных в Пудожский район жителей Карелии. Кроме того, в районе ощущается острая нехватка парт. В районе слабо работал методический кабинет в помощь учителям. Учебный материал слабо увязывался с современностью. Редко проводились встречи школьников с партизанами и воинами Карельского фронта.

И если дровами на новый учебный год обеспечены практически все школы, кроме Кобозерской, то остро стоит проблема с обеспечением учебниками. В среднем на 2–3 ученика приходится один букварь в начальных классах. На 3–4 учеников – 1 учебник по истории и географии. Не хватает преподавательских кадров: по математике (3 чел.), истории (4 чел.), по русскому языку (8 чел.), по рисованию (3 чел.).

В районе находилось 13 интернатов. В них 580 детей живут за счет родителей. Однако интернатам не хватало оборудования: столов, тумбочек, иногда кроватей. Приходилось спать по 2–3 человека на одной кровати. В интернатах проживало и обучалось 240 детей эвакуированных. Они не могут приносить питание от родителей. Для таких детей необходимо было разрешить отпуск продуктов из

фондов района. В то же время деньги, выделенные району на образование, были использованы только на 48 % от бюджета (**НА РК, ф. 1215, оп. 1, д. 98, л. 125–142, 130–133**).

Питание школьников было одной из проблем для районных властей.

Для того чтобы решить проблему питания учащихся, при интернатах было создано 28 подсобных хозяйств, продукты которых шли в полном объеме для интернатских детей. Что касается обеспечения школьников горячими завтраками, то это было только в 7 школах из 48. Школам по мере сил пытались помочь колхозы. Так, колхоз «Красный рыбак» выделил одной из школ 800 кг картофеля, 300 кг овощей, 30 кг сушицы. К сожалению, остальные колхозы это начинание не поддержали. В Колодозерском детском доме специально для обеспечения детей рыбой был нанят на работу рыбак.

Кроме образовательных школ и интернатов в Пудожском районе находилось 7 детских домов, в которых находилось 700 детей и 14 детских садов, в которых находилось 1500 детей. Но если питание в детских домах и детсадах относительно удовлетворительное, то здесь была проблема в другом: для детских домов не хватало 500 пар валенок, 300 пар кожаной обуви, 300 пальто и 300 шапок (**НА РК, ф. 1215, оп. 1, д. 97, л. 168–169 об.**). И этими проблемами также приходилось заниматься не только властям Пудожского района, но и правительству республики.

Кроме школьного образования необходимо было решать в Карелии и вопросы образования профессионального. Там же в Пудожском районе находилось в эвакуации и педагогическое училище. В ноябре 1942 г. на основе совместного решения Совета народных комиссаров К-ФССР и Центрального комитета партии возобновило работу Управление трудовых ресурсов Карелии. В республике были организованы 2 ремесленных училища и 5 школ ФЗУ. Этими профессиональными учреждениями за военный период были 5 380 квалифицированных рабочих многих специальностей и профессий, вложивших свой вклад в дело победы над врагом на трудовом фронте (**Макуров В. Г. Военная летопись Карелии. 1941–1945. Петрозаводск, 1999, с. 33**).

Специалистов с высшим профессиональным образованием готовил для республики Карело-Финский государственный университет. Оказавшийся в эвакуации в г. Сыктывкар университет располагался в здании педагогического института. Ректор университета К. М. Троепольский одновременно руководил и педагогическим институтом Коми АССР.

Троепольский К. М. в своем письме на имя председателя Совнаркома К-ФССР П. С. Прокконена просил помочь университету денежной помощью для приобретения учебного оборудования, а также продовольствием, главным образом рыбой, для поддержки преподавателей и студентов. Карельские студенты, судя по письму ректора летом 1943 г., проводили изыскательские работы по изучению рыбных ресурсов северной части Карелии. «В 1944 году предстоит большой выпуск. Выпускаем 1 геолога, 1 математика, 6 биологов, 17 филологов. Это выпуск людей, за которых краснеть не придется. Это будут хорошие кадры. Часть из них можно использовать на работе в аппарате, как специалистов.

Куда мы используем нашего геолога Кофмана? Это сильный товарищ, кандидат в ВКП (б). Если его сейчас не ориентировать на КФ, то местные организации немедленно возьмут его себе, дадут

броню от призыва, и мы потеряем его» (Петрозаводск, 300 лет истории. Док-ты и мат-лы. Кн. 3. Петрозаводск, Карелия, 2003, с. 278).

В ответном письме заместителя председателя правительства Тайми А. П. университет извещался о том, что все студенты, заканчивающие учебу, должны быть направлены в К-ФССР для использования в средних школах республики на преподавательской работе. В К-ФССР должен быть направлен геолог Кофман, который будет использован по специальности в Госплане КФ и по совместительству в Карело-Финском учительском институте. В дальнейшем после возвращения в Петрозаводск его возможно будет использовать на научно-педагогической работе. Так, как указано выше, нужно ориентировать всех кончающих наш университет (Петрозаводск, 300 лет истории. Док-ты и мат-лы. Кн. 3. Петрозаводск, Карелия, 2003, стр. 279.).

Всего за годы войны университет выпустил 65 специалистов. Профессора В. С. Слободкевич, Д. В. Бубрих, С. В. Герд подготовили и опубликовали новые монографии и учебники. В 1942–44 гг. Ученый совет университета присудил ученую степень кандидата наук 13 научным работникам. Из эвакуации университет вернулся в Петрозаводск в августе 1944 г. (Петрозаводск, 300 лет истории. Док-ты и мат-лы. Кн. 3. Петрозаводск, Карелия, 2003, с. 543).

В тяжелейших условиях, в которых в годы войны работали карельские учителя и преподаватели, когда они отдавали все силы работе с подрастающим поколением, их труд не оставался незамеченным. Так, Указом Президиума Верховного Совета К-ФССР от 25 сентября 1942 г., в самом начале второго в условиях войны учебного года, за выдающиеся заслуги в области народного образования почетное звание «Заслуженный учитель школы К-ФССР» было присвоено Беляеву Ивану Степановичу, Богдановой Людмиле Ивановне, Бурцеву Александру Кондратьевичу, Поповой Марии Матвеевне (НА РК, ф. 1215, оп.1, д. 98, л. 114). 16 учителей республики были награждены Почетными грамотами Президиума Верховного СоветаС ???, или Верховного Совета ???). Среди награжденных были 10 учителей Пудожского района, 3 человека из Беломорского, 2 – из Кемского и 1 – из Лоухского районов Карелии (НА РК, ф. 1215, оп. 1, д. 98, л. 115–116).

Таким образом, даже в тяжелейших условиях войны, когда 2/3 территории Карело-Финской ССР были оккупированы, на не занятой противником части республики, а также в местах эвакуации карельского населения в тыловых районах страны органы власти продолжали уделять большое внимание вопросам народного образования: работе школ, профессиональных училищ, Карело-Финскому государственному университету. Это послужило основой для возрождения нормального учебного процесса во всех учебных заведениях после освобождения Карелии от оккупантов и окончания Великой Отечественной войны.

Воспоминания об экспедиции на Беломорско-Балтийский канал в 1990 г.

При подготовке этого сообщения использованы материалы Научного архива Национального Музея РК (НА КГКМ): д. № 4087 «Отчёт об экспедиции отдела ИСК по Медвежьегорскому и Сегежскому районам (21.06.1990 – 4.07.1990 г.)»; д. №3591 «Экспедиционный дневник 21.06 – 4.07.90 г. Экспедиция отдела ИСК по территории Медвежьегорского и Сегежского районов». Интересно было ознакомиться с этими документами, т. к. я, как заведующий отделом «История Советской Карелии», их в своё время и подготовил.

И, казалось бы, что может быть проще, чем доложить о работе, проделанной вместе с коллегами в 1990 г.? Однако с тех пор минуло 23 года, и многие события, имена стёрлись из памяти. В настоящее время ни один из участников экспедиции не работает в Национальном музее. Ваш покорный слуга уже более 20 лет работает в Музее истории народного образования РК, Ляна Михайловна Степанова (в 1990 г. – научный сотрудник отдела ИСК) ныне трудится в музее «Кижи», нашего замечательного водителя Фёдора Вениаминовича Виноградова уже нет в живых.

23 года немалый срок. Мы живём уже в другой стране, был путч, распад СССР, противостояние 1993 г. и многое, многое другое.

Но вернёмся в 1990-й – время ликвидации «белых пятен», время возвращения имён. В это время историю строительства ББК начинают изучать под новым углом. И хотя уже тогда в фондах музея хранилось много материалов по истории строительства ББК, было огромное желание пополнить фонды новыми коллекциями. Кроме того, была ещё реальная возможность встретиться с живыми свидетелями событий.

Экспедиция продлилась две недели. Это были недели напряжённого труда, поиска, удач и неудач. Как и было принято в советское время, экспедиция носила комплексный характер, т. е. попутно собирались и другие материалы, связанные с историей Беломорско-Балтийского канала в разные исторические периоды его деятельности. Была проведена предварительная подготовка, связанная с изучением материалов прежних экспедиций и командировок, работой в архивах, изучением публикаций, некоторые важные сведения были получены от карельского «Мемориала», с которым я тогда активно сотрудничал. Л. М. Степановой удалось даже получить сведения из архива КГБ.

Маршрут движения был следующим: Медвежьегорск – Повенец -3,5,7-й шлюзы ББК – 165-й канал – Юг-река – Морская Масельга – Повенец – Медвежьегорск – Сегежа – Надвоицы – Полга – Дуброво – Надвоицы – Сегежа – Петрозаводск.

Цель экспедиции: выявление мест расположения лагерей системы Бел-Балт-Лага ОГПУ НКВД периода строительства канала, сбор вещественных памятников, связанных со строительством кана-

ла, а также собирательская работа по истории Медвежьегорского и Сегежского районов в советский период.

21.06–26.06 экспедиция работала на территории Медвежьегорского района КАССР, 27.06–3.07 на территории Сегежского района.

Началась работа с визитов в Управление ББК (где были получены данные об участниках строительства М. М. Григоровиче и Н. В. Холичеве) и Медвежьегорский филиал Карельского государственного краеведческого музея, Л. М. Степанова произвела фотосъемку зданий, связанных с историей ББК.

Вместе с участниками экспедиции в следующий пункт маршрута – п. Повенец отправилась сотрудница Медвежьегорского музея С. Галунова. В Повенце были записаны устные воспоминания узника Бел-Балт-лага М. М. Григоровича, воспоминания участников строительства и ветеранов ББК Н. В. Холичева и С. И. Чеботарёва. От старожила Повенца Ф. М. Ивановой были получены данные о старожилах посёлка и ветеранах ББК. От А. И. Сорокиной, ветерана ББК, муж которой в 1930-е гг. работал бакенщиком на канале, был получен китель бакенщика и личные документы. Были также получены небольшие личные коллекции от Н. И. Артюхова, ветерана ББК, бывшего начальника 5-го шлюза канала, Т. П. Шадриной, ветерана ББК, Н. Н. и Л. П. Смирновых (фото, 4 знака, китель начальственного состава ББК 1970-х гг.) От ветерана ББК, зам. начальника Повенецкого района гидросооружений (ПРГС) Н. Н. Смирнова были получены данные об остатках лагеря 1930-х гг. в районе Юг-река-Конжозеро (бараки, лоток для перегонки брёвен из Конжозера в Юг-реку). По информации ветеранов ББК Н. И. Артюхова, Я. Б. Щенсевича, в районе 165 канала часто находили орудия труда, там сохранились штабеля камня, заготовленные для укрепления берегов канала, а также развалины электростанции и лагеря.

Совместно с ветеранами ББК Н. В. Холичевым и М. М. Григоровичем был выезд в район 2-го шлюза ББК. Там некогда стояли бараки каналоармейцев, но, к сожалению, от них не осталось и следа. Была произведена фотосъемка места расположения лагерей, а также остатков чугуноплавильных печей, предположительно петровского времени. Также совместно с Н. И. Артюховым участники экспедиции выезжали на 5-й и 7-й шлюзы ББК. К нашему удивлению, на складе 7-го шлюза нам удалось обнаружить очень интересные предметы, связанные со строительством канала: 3 кирки, знаменитая совковая лопата-«стахановка», скальный лом, колесо от тачки.

24 июня была достигнута договорённость о выделении катера для обследования района 165-канала, Юг-реки и Конжозера. Ветеран ББК С. М. Чеботарёв (работал с 1935 г. на канале водолазом) подтвердил данные о лотке в районе Юг-реки. Старожил Повенца М. В. Богданов рассказал, что ещё в 1985 г. на поселковом кладбище можно было видеть захоронения узников лагерей 1930-х гг., после 1985 г. могилы были снесены, следов не осталось.

Безусловно, самым интересным моментом был двухдневный выход на объекты ББК на катере, предоставленном нам администрацией ПРГС. 25 июня катер отплыл от повенецкого причала в район

165 канала. В 11.15 мы высадились на западном склоне канала. Была произведена съёмка гидросооружений и штабелей камня. На месте расположения лагеря были отдельные находки (колесо от тачки, топор). Вблизи сигнальной вышки на берегу канала были найдены 2 бакенных фонаря 1930-х гг. 26.06 мы вновь вышли на катере на этот раз в район Юг-реки. Высадка из лодки в районе «сортировки» и «лотка»: фотофиксация этих сооружений, отдельные находки: запор от одного из зданий лагеря, дверные навесы, костыли для сбивания лотка. Заход в д. Морская Масельга. От местных жителей были получены предметы, найденные ими в районе 8 шлюза канала (кирка, штыковая лопатка, пешня). От начальника 7-го шлюза ББК В. Ф. Романова был получен кирпич с датой «4.9.44 г. 2 ч. 15 мин.», относящийся к периоду послевоенного восстановления канала, от начальника 5-го шлюза Л. П. Иванова был получен небольшой блок-подъёмник, использовавшийся при строительстве ББК.

27 июня – 3 июля 1990 г. экспедиция продолжила свои изыскания на территории Сегежского района КАССР. В Сегеже записаны устные рассказы старожилов. В Сегеже были записаны воспоминания И. Г. Залецкого, который в 1928–1932 гг. работал агентом Госстраха в Медвежьегорском районе и часто бывал на территории лагерей. Он обратил внимание на то, что многие бывшие военные в лагерях носили свою форму, могли свободно передвигаться по территории. Своими устными воспоминаниями поделилась И. И. Богачёва, дочь репрессированного агронома И. П. Исаева. Состоялась встреча с местным краеведом Б. И. Мосягиным. Из Сегежи отправились в месте с краеведом Б. И. Мосягиным и заведующей Сегежским филиалом КГКМ В. А. Неменок. Во время остановки на пути в п. Полга обследовали территорию лагеря в устье реки Унижма. Там ещё уцелели к этому времени стены лагерных барачков, а также бани («байны», «вошебойки»). Отдельные находки (дверные ручки, изолятор, лагерные навесы). В надвоицах встреча с начальником Надвоицкого порта В. Е. Исаковым и ветеранами порта. Вакуленко П. Е. (записан рассказ о бомбардировке канала в первые дни ВОВ.), ветеран порта А. С. Сорокин прибыл на канал перед войной (выпускник Рыбинского речного училища, в котором учился вместе с Ю. В. Андроповым). П. В. Кузнецов рассказал, что на корабле «Гром», ходившем по каналу в 1930-х гг., только капитан и помощник были вольнонаёмными, а вся команда состояла из узников лагерей. В д. Надвоицы от старожилов А. С. Веселовой, И. Г. Клевиной, В. И. Костиной записаны устные рассказы о строительных работах на 10 шлюзе ББК в 1932–1933 гг. От старожилов посёлка Полга А. М. Коростелёвой и А. Г. Каккоева получены сведения о лагерях в районе 21-го квартала, «Голубинки» и 29 квартала. Запись рассказа ветерана труда Э. М. Ярви о лесозаготовках в годы ВОВ. Он рассказал о том, что в 1942–1944 гг. на лесозаготовки были направлены выздоравливающие красноармейцы из госпиталей, многие из Средней Азии, которые даже и леса никогда не видели. Многие из них умерли от непосильного труда и плохого питания. Он также рассказал о местах расположения лагерей в районе р. Унижма. 2.07 выехали в район реки Унижма, попробовали пешим порядком добраться до места расположения лагерей. Добрались только до первой плотины, построенной каналаармейцами (из 24). 3.07 выезд в район деревни Дуброво. От деревни пеший переход в район дамбы. Дамба находится в лесу и тянется в направлении

Надвоиц на 4 км. Сложена из больших камней, очень плотно подогнанных друг к другу. Высота дамбы не менее 5 м. Вдоль дамбы построена грунтовая дорога. По рассказам старожилов дорога строилась к приезду на канал И. В. Сталина в рекордно короткие сроки. Высота природного откоса, на котором расположена дамба не менее 12 м. Была произведена фотосъёмка дамбы. Место настолько часто посещаемое, что обнаружить какие-либо находки не представлялось возможным.

Этот пункт был последним на трассе ББК. Предполагалось, что следующая экспедиция на канал состоится в 1991 г. Это произошло годом позже. По результатам экспедиции в 1992 г. была организована выставка, авторами которой стали Л. М. Степанова (которая побывала на канале и в 1992) и Е. Ю. Багаева. Выставка была первой попыткой рассказать по-новому историю канала: от первых, ещё дореволюционных, проектов до наших дней.

История паспортной службы в предметах коллекции Музея истории культурного центра МВД по Республике Карелия

Современное, ориентированное на огромную значимость информации общество заставляет переосмысливать музейную деятельность. Для того чтобы оставаться актуальным, музею необходимо уходить от стереотипа всего лишь «локального очага хранения объектов человеческой культуры»¹. К числу современных тенденций развития относится поиск альтернатив традиционным видам музейной экспозиции и расширение используемых средств коммуникации.

Коммуникационные возможности музеев связаны с их способностью передавать информацию с помощью реальных предметов. Однако для того, чтобы не только получить новые сведения, но и произвести ценностное осмысление истории, наследия, человек должен лично открыть их для себя. Английский писатель, критик Дэвид Лоуэнталь, неоднократно обращавшийся в своем творчестве к проблеме памяти и восприятия прошлого, писал: «На свете мало людей, у которых настолько развит вкус и кто настолько хорошо образован, чтобы ценить прошлое только путем лицезрения предметов прошлого. Они только тогда могут пробудить какие-либо чувства, когда их «оживили»...»². И от музея необходимы встречные усилия, которые обеспечат это личное открытие. С этой целью, а также для увеличения потенциальной аудитории, повышения интереса к экспонируемому материалу в 2013 году Культурным центром МВД по Республике Карелия была начата реализация долгосрочного проекта «Предмет из музейной коллекции». Данное направление представляет собой углубленное знакомство с предметами фондовых коллекций музея посредством показа их на сайте Министерства внутренних дел по Республике Карелия. Публикация статей происходит ежемесячно, и этому предшествует достаточно объемная подготовительная работа: определение ряда предметов, которые будут участвовать в акте коммуникации; исследовательская работа по выбранной теме; фотографирование предметов или сканирование документов, так как необходима наглядность. То есть в качестве нового типа канала для передачи музейной информации мы выбрали виртуальность, в которой создаем новое музейное пространство. На сегодняшний день на сайте представлены статьи с богатым изобразительным материалом по темам «История паспорта» (5 статей), «Дактилоскопия – наука об

¹ Нургалеева Л. Виртуальный музей: новая коммуникационная модель. В кн.: Материалы всероссийской научной конференции «Информационные технологии и их использование в исследованиях источников по проблемам ментальности евро-азиатских сообществ» 20–23 мая 2003 г. (г. Томск) / <http://www.gosbook.ru/node/28106>.

² Цит. по: Трофимова А. Бренд-культура как технология повышения конкурентоспособности музея. // Музейная коммуникация: модели, технологии, практики / А. Трофимова. – М.: Российский институт культурологии МК РФ, 2010. – с. 37–38 / <http://www.future.museum.ru/lmp/books/archive/Mus&Comm.pdf>.

отпечатках пальцев» (3 статьи), «Принять меры к розыску и задержанию... (словесный портрет и фоторобот)» (2 статьи)³.

В данном докладе мы предлагаем вашему вниманию тему истории паспортной службы, проиллюстрированной предметами из коллекции Музея истории Культурного центра МВД по Республике Карелия.

Паспорт (фр. *pasport*, итал. *passaporto* от лат. *passus* (движение) и *porta* (врата)) – разрешение на проход через городские ворота в Средние века; государственный документ, удостоверяющий личность и гражданство владельца при пересечении границ государств и пребывании за границей. Различают собственно паспорт (в России это *заграничный паспорт*) и удостоверение личности (в России его аналог – *внутренний паспорт*)⁴.

Создание регламентированной паспортной системы в России приходится на XVIII век, когда появились новые документы, удостоверяющие личность гражданина, а государство начало жестко контролировать все передвижения населения, обеспечивая тем самым сбор налогов и призыв на армейскую службу. Основным органом, который вел учет населения, стала полиция: паспортное дело было одним из важнейших в ее многопрофильной деятельности.

Петр I ввел обязательность «проезжих писем» или «пашпортов» для всех свободных жителей государства: «Его Царского Величества указами опубликовано, чтоб никто никуда без пашпортов или проезжих писем не ездили и не ходили, но каждый имел от своего начальника пашпорт или пропускное письмо»⁵. Четкого различия между этими документами не делалось, для их общего названия употреблялось слово «пас».

С 1803 г. на территории России, в целях борьбы с фальшивыми документами, было введено использование «печатных» паспортов взамен рукописных.

С начала 1830-х гг. и до конца XIX века основным законом, определяющим права и обязанности полиции по осуществлению паспортного режима в Российской Империи, являлся «Уставъ о Паспортахъ и Бѣглыхъ»⁶. Все лица обязаны были при переезде из одной губернии в другую предъявлять паспорта на городских заставах, а по прибытии на место – в полиции. В паспортных книгах на местах фиксировались проезжие грамоты, подорожные листы, паспорта, виды на жительство и др.

Введение в конце XIX в. новой, менее жесткой паспортной системы вытекало из требований жизни и отвечало, прежде всего, основным экономическим тенденциям государства. «Положение о

³ Серия статей «Предмет из музейной коллекции» // Сайт МВД по Республике Карелия / http://10.mvd.ru/mvd/history/Predmet_iz_kollekcii_muzeja.

⁴ <http://enc-dic.com/synonym/Pasport-246079.html>.

⁵ <http://www.fms.gov.ru/about/history/details/38013/2>.

⁶ Уставъ о Паспортахъ и Бѣглыхъ // Сводъ законовъ Россійской Имперіи, повѣленіемъ Государя Императора Николая Перваго составленный. Томъ XIV. // Санктпетербургъ: въ Типографіи Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1857. – тетр. 1.

видах на жительство» (1894 г.)⁷ и «Устав о паспортах» (1903 г.)⁸ не имели между собой принципиальных отличий: они закрепляли различия в правах и документировании отдельных групп населения.

С 1906 г. официальный документ, удостоверяющий личность гражданина в России, стал называться «Паспортной книжкой», а также крестьянам были предоставлены равные права с другими условиями в отношении государственной службы и свободы избрания места постоянного жительства.

В период Первой мировой войны (1914–1918 гг.) в России ввели некоторые ограничения в выдаче паспортов, связанные с военными условиями. Временное Правительство, пришедшее к власти в 1917 г., отменило эти ограничения.

По тематике паспортной службы в составе МВД к данному периоду – до 1917 г. – в коллекции Музея истории Культурного центра МВД по Республике Карелия относится рукописный документ, имеющий название «Проходное свидетельство». Он выдан Пудожским Уездным Полицейским Управлением за № 3455 и датирован 1879 г. Текст гласит, что «Дано сіе изъ Пудожскаго Уезднаго Полицейскаго Управленія крестьянину Каргопольскаго Уѣзда, Мишковской волости, деревни Лисицинской Якову Алексѣеву Маслову на свободный проходъ до Мишковскаго волостнаго Правленія, съ тѣмъ чтобы онъ, Масловъ, съ этимъ свидетельствомъ нигдѣ не проживаль а прямо слѣдоваль на родину и, по прибытіи, таковое представилъ въ Мишковское Волостное Правление, которое обязано свидетельство это представить весіе Управление. Юля 24 дня 1879 года. Полицейский Исправник /подпись неразборчива/ Регистраторъ /подпись неразборчива/».

История появления данного свидетельства в составе музейной коллекции такова. Периодически Архив Информационного центра МВД по Республике Карелия уничтожает документы, у которых истек срок хранения. При просмотре одной такой партии личных дел Рабоче-Крестьянской Милиции начала 1920-х гг. сотрудники музея обнаружили, что часть документов советского периода напечатана на обороте более старых деловых бумаг. Так в состав нашей коллекции попали 4 рукописных документа МВД Олонецкой губернии, относящиеся к концу XIX в.

10 ноября 1917 г., после Октябрьского вооруженного переворота, Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об уничтожении сословий и гражданских чинов»⁹ провозгласил равенство советских граждан. Паспортная система в стране была ликвидирована.

С 1918 г. основным документом, удостоверяющим личность гражданина РСФСР, стали считаться трудовые книжки. С 1920 г. желающие могли получить и паспорт. В 1924 г. начали выдавать удостоверения личности сроком на 3 года, но их получение также было правом, а не обязанностью гражданина. В соответствии с инструкциями Наркоматов внутренних дел и юстиции, выдача трудовых

⁷ Положение о видах на жительство с изложением рассуждений, на коих оно основано / С-Пб: Изд. гос. канцелярии, 1894 / <http://www.lawlibrary.ru/article1153664.html>.

⁸ Уставъ о Паспортахъ // Собрание законодательства Российской империи. Том XIV. / Изд. 1903 <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.1.htm>.

⁹ Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 10 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. – № 9. – 12(25) ноября 1917 / <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3942>

книжек, паспортов, временных свидетельств, справок возлагалась на Уездно-городские и Уездные управления милиции. Так как экономические и политические условия не позволяли в те годы ввести единый документ для всех граждан, то функции удостоверения личности выполнял и любой официально выданный документ: метрические выписки о рождении или браке, справки домоуправлений о проживании, служебные удостоверения, военные, профсоюзные и студенческие билеты.

В 1925 г. СНК РСФСР принял Декрет «О прописке граждан в городских поселениях»¹⁰, и в связи с этим циркуляром в 1926 г. НКВД было объявлено новое Положение об адресных бюро и адресных столах в РСФСР. Таким образом, «институт прописки» стал частью паспортного режима советского общества.

Также в 1925 г. утвердили Положение «О въезде в пределы Союза Советских Социалистических Республик и о выезде из пределов Союза Советских Социалистических Республик»¹¹ – это был первый правовой акт, регулировавший вопросы пересечения границы в общесоюзном масштабе.

27 декабря 1932 года в Москве было подписано Постановление «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов»¹², а в 1933 г. – «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории СССР»¹³, паспортные книжки и бланки предписывалось изготавливать по единому для всего СССР образцу.

Непосредственным поводом к введению и ужесточению требований паспортной системы явился резкий скачок уголовной преступности. Это произошло в результате бурной индустриализации в городах и коллективизации в сельском хозяйстве, дефицита продовольственных и промышленных товаров.

Постановлением 1936 г. в качестве одной из мер борьбы с легкомысленным отношением к семейным обязанностям было установлено внесение соответствующей отметки органов ЗАГС в паспорт при вступлении в брак или разводе.

Для улучшения идентификации гражданина СССР с октября 1937 г. в паспорта стали наклеивать фотографию, второй экземпляр которой хранился в милиции по месту выдачи документа.

Во избежание подделок Главное управление милиции ввело специальные чернила для заполнения бланков паспортов, спецмастику для печатей и штампы по креплению фотографий.

В коллекции Музея истории Культурного центра МВД по Республике Карелия хранится паспорт образца 1932 года. Документ имеет обложку серого цвета с изображением герба СССР и надписями «ПАСПОРТ» на языках шести союзных республик. Паспорт выдан на имя Миначенкова Егора Ива-

¹⁰ Декрет СНК РСФСР от 28 апреля 1925 г. «О прописке граждан в городских поселениях» / <http://www.lawmix.ru/sss/16781>.

¹¹ Положение «О въезде в пределы Союза Советских Социалистических Республик и о выезде из пределов Союза Советских Социалистических Республик». Утверждено Постановлением ЦИК и СНК СССР от 5 июня 1925 г. / <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=5457;dst=0>.

¹² Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. № 1917 «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов» / <http://www.lawmix.ru/sss/15644>.

¹³ Постановление СНК СССР от 28 апреля 1933 г. № 861 «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории Союза ССР» / <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=15122>.

новича 1918 г.р. в ноябре 1940 г. На странице 3 наклеена фотография. Срок действия документа – 5 лет.

Между тем, каждый, наверное, помнит «Стихи о советском паспорте» Владимира Маяковского, где автор называет паспорт «пурпурной книжицей» и «краснокожей паспортиной». В чем же дело? Оказывается, обложку красного цвета в те годы имели заграничные паспорта, а серого цвета – паспорта внутри границ страны. Отметим, что доля населения СССР, имевшего право на выезд за границу, составляла тогда всего около 3 %.

В 1940 г., согласно новому Положению о паспортах¹⁴ и разработанной на его основе инструкции НКВД, была расширена территория паспортизации и проведен обмен паспортов в Москве, Ленинграде, Киеве и других режимных городах. Граждане от 16 до 55 лет получали пятилетние паспорта; орденосцы, пенсионеры и инвалиды – бессрочные. Была закреплена практика изъятия паспортов у рабочих и служащих оборонной и угольной промышленности, железнодорожного транспорта и выдача взамен спецудостоверений. Паспорта хранились в отделах кадров предприятий, их получали на руки только в исключительных случаях; за самовольный уход с работы была установлена уголовная ответственность.

Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) потребовала от советской милиции дополнительных усилий по поддержанию паспортного режима в стране. В соответствии с циркулярами 1941 г., граждане, прибывающие в тыл, обязаны были представить в милицию свои паспорта в течение 24 часов. Так как вместе с эвакуированным населением вглубь страны устремились и преступные элементы, которые пытались скрыться от органов власти, НКВД СССР установил обязательную личную явку граждан в милицию для получения разрешения на прописку.

Приказом 1942 г. в штаты паспортных отделов управлений милиции были введены должности инспекторов-экспертов, на которых возлагалось:

- исследование и дача заключений по выявленным фактам подделок паспортов;
- проверка паспортов лиц, допускаемых к особо важным государственным документам и работе, имеющей оборонное значение;
- проверка хранения бланков паспортов в милиции и т. д.

В коллекции Музея истории Культурного центра МВД по Республике Карелия хранятся материалы экспертизы паспорта с выявленной подделкой года рождения владельца – Ившиной Любови Ивановны. Исследование выполнено сотрудником Научно-технического отделения Управления милиции НКВД Карело-Финской ССР лейтенантом милиции Константиновым в 1949 г. Заключение о подделке даты основано на различии простых и специальных чернил, введенных для заполнения бланков паспортов в 1937 г.

¹⁴ Постановление СНК СССР от 10 сентября 1940 г. № 1667 «Об утверждении Положения о паспортах» // Собрание постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических Республик / 1940. – № 24. – с. 808–814 / <http://istmat.info/node/17750>.

После окончания Великой Отечественной войны для эффективного государственного управления, планирования экономического и социального развития страны было чрезвычайно важно определить численность населения, его состав и размещение. Правовой основой данной работы послужило Постановление СНК СССР 1945 г. «О паспортизации населения»¹⁵.

Ветеран карельских органов внутренних дел Филипчук Михаил Ануфриевич вспоминал, что в 1949 году был назначен на должность начальника паспортного стола Лоухского отдела милиции. Ежедневно ему приходилось выписывать и выдавать по 20 и более паспортов, делать это было нелегко, так как Михаил имел всего 5 классов образования.

В 1953 г. Постановлением Совета Министров СССР было утверждено новое Положение о паспортах¹⁶, которое установило единый для страны образец документа с текстом на русском языке и языке соответствующей союзной или автономной республики. Паспорта выдавались: лицам в возрасте от 16 до 20 лет – пятилетние, от 20 до 40 лет – десятилетние, после достижения возраста 40 лет – бессрочные. Еще один тип паспорта – краткосрочный – выдавался в случаях, когда гражданин не мог представить все необходимые для получения паспорта документы, при утрате паспорта и уходящим из сельской местности на сезонные работы. Жители сельских местностей, за исключением режимных, продолжали жить без паспортов.

Паспорта данного периода – образца 1953 г. – представлены в коллекции Музея истории Культурного центра МВД по Республике Карелия документом на имя Полянского Ивана Дмитриевича 1947 г.р. Паспорт по-прежнему имеет обложку серого цвета. Выдан в октябре 1969 года сроком на 10 лет. Разворот 1 и 2 страниц документа заполнен на русском языке, также на первой странице имеется фотография владельца, разворот страниц 3 и 4 заполнен на украинском.

В 1959 г. ЦК КПСС и СМ СССР приняли Постановление «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране»¹⁷, в результате чего в городах и крупных населенных пунктах СССР появились специализированные группы и внештатные сотрудники по поддержанию паспортного режима.

Важным шагом, направленным на улучшение деятельности органов милиции и – как составляющей части – паспортной службы, явилось утверждение в 1962 г. нового Положения о Советской милиции¹⁸. В документе были закреплены принципы советской паспортной системы, определены конкретные задачи по ее осуществлению.

¹⁵ Постановление СНК СССР от 4 октября 1945 г. «О паспортизации населения» / <http://www.yurclub.ru/docs/criminal/article150.html>.

¹⁶ Постановление СМ СССР от 21 октября 1953 г. № 2666-1124 «Об утверждении Положения о паспортах» / <http://www.bestpravo.ru/sss/eh-dokumenty/d8a.htm>.

¹⁷ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 2 марта 1959 г. № 218 «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране» / http://www.lawmix.ru/docs_cccp/6731.

¹⁸ Постановление СМ СССР от 17 августа 1962 г. № 901 «Об утверждении Положения о советской милиции» / <http://docs.cntd.ru/document/901975571>.

В августе 1974 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР утвердил Положение «О мерах по дальнейшему совершенствованию паспортной системы в СССР»¹⁹, которое вменяло обязанность иметь паспорт всем гражданам СССР, достигшим возраста шестнадцати лет, независимо от места проживания (город или село). В течение шести лет – с 1976 по 1981 год – предстояло заменить и выдать документы миллионам городских и сельских жителей.

В новом паспорте сократилось количество граф, содержащих сведения о личности гражданина, было отменено внесение сведений о социальном положении и трудовой деятельности. Действие документа не ограничивалось каким-либо сроком, но для того чтобы учесть внешние возрастные изменения черт лица владельца, была предусмотрена последовательная вклейка трех фотографий: первой — при получении паспорта, по достижении 16 лет; второй — по достижении 25 лет; третьей — по достижении возраста 45 лет.

Обмен паспортов нередко происходил непосредственно на предприятиях (ОТЗ, Тяжбуммаш, Ж/Д), что было удобно гражданам²⁰. Выдача паспортов 16-летним проходила в торжественной обстановке в ДК «Строитель» и «Железнодорожник». С напутственными словами выступали ветераны войны, заслуженные люди города. Ежедневно подводились итоги выполнения плана по обмену документов. Была установлена норма – 30 паспортов каждому в день.

На экспозиции Музея представлена копия фотографии Петухова В. Д. из собрания Национального архива Республики Карелия «Работники паспортного стола готовятся к обмену паспортов. г. Петрозаводск, 1975 г.».

Для заполнения документов необходимы были специальные чернила и перья «звездочка». Также в фондах музея хранятся механические устройства, которые использовались при работе с паспортами. На экспозиции можно увидеть штамп для обрезки фотографий и устройство для погашения недействительных паспортов.

По воспоминаниям ветеранов, из-за большого объема работы гербовые печати сушили, размахивая феном. На получение готовых документов выстраивались огромные очереди. Денежные средства – госпошлину за выдачу паспортов – сотрудницы перевозили в банк в дамских сумках безо всякой охраны.

Из паспортов образца 1975 г. в коллекции музея имеется документ на имя Нива Виолы Эрвиновны, 1946 г.р., выданный в июле 1979 г. отделом внутренних дел Хостинского райисполкома города Сочи Краснодарского края. Обложка паспорта бордового цвета, на ней золотистым цветом в центре дано изображение герба СССР, сверху полукругом надпись «СССР», внизу по горизонтали – «ПАСПОРТ». Кроме общей информации о владельце, в документ вклеены две фотографии: одна при получении паспорта, вторая – по достижении возраста 45 лет. Кроме того, в паспорте содержатся раз-

¹⁹ Постановление СМ СССР от 28 августа 1974 г. № 677 «Об утверждении положения о паспортной системе в СССР» / http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8401.htm.

²⁰ История в лицах. Ветераны паспортной службы // Сайт УФМС России по Республике Карелия / <http://ufms.karelia.ru/site/article/247>.

дела о семейном положении, наличии детей, воинской обязанности, месте жительства, выдаче загранпаспортов. При аннулировании паспорта в верхней части было пробито сквозное отверстие круглой формы и в нижней части на с. 1–4 вырезан номер документа.

Больших трудозатрат требовала в те годы выдача пропусков и разрешений в пограничную зону, к которой относилась практически половина территории республики – г. Костомукша, Лахденпохский, Питкярантский, Сортавальский и Суоярвский районы.

Большое внимание уделялось профилактической и разъяснительной работе. Выступали в колониях перед заключенными, которые вскоре должны были освободиться. Проверяли паспортный режим на предприятиях, в частном секторе, при этом одновременно велся и розыск неплательщиков алиментов, госдолжников. За каждым сотрудником отделения был закреплен опорный пункт милиции, он был членом административной комиссии района, где рассматривались дела по утрате паспортов и о нарушениях паспортного режима. За инспекторами закрепляли даже «трудных» подростков.

В конце 1980-х гг. в связи с перестройкой изменился объем и содержание работы: ликвидировали пограничную зону, все чаще граждане стали обращаться с заявлениями об изменении национальности. Только в Петрозаводске изменили национальность более 600 человек.

Сотрудники паспортной службы работали в тесном контакте с газетой «Neuvosto-Karjala» и обществом «Мемориал»: разыскивали и устанавливали родственников тех, кого репрессировали в Карелии в 1930–1940-х гг. Списки разыскиваемых лиц печатались в республиканских газетах.

Одними из первых в России районные карельские отделы внутренних дел стали выдавать общегражданские загранпаспорта по месту жительства. До этого документы выдавались в Петрозаводске, что создавало неудобства для граждан.

В конце XX в. на деятельность паспортно-визовой службы значительное влияние оказало участие страны в Совете по безопасности и сотрудничеству в Европе, мировое сообщество обсуждало гражданские и политические права, религиозную свободу, свободу передвижения, право на защиту в суде и т. п. С учетом данных тенденций проводились изменения в законодательстве и либерализация правил, были отменены практически все ограничения на выезд, в том числе и на постоянное место жительства, за исключением случаев, связанных с безопасностью государства.

Заграничный паспорт представлен в коллекции Музея истории Культурного центра МВД по Республике Карелия документом на имя Варгановой Елены Викторовны (Varganova Elena), 1974 г.р. Дата выдачи паспорта 01.09.1999 г., но сам бланк отпечатан на МПФ Гознака в 1991 г., поэтому на обложке в центре золотистым цветом дано изображение герба СССР, сверху надпись «СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК».

В целях создания необходимых условий для обеспечения конституционных прав и свобод граждан Указом Президента РФ²¹ в 1997 г. был введен в действие паспорт гражданина Российской Феде-

²¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 8 июля 1997 г. № 828 «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации» / <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=152993>.

рации. Министерству внутренних дел предписывалось до конца 2003 г. произвести поэтапную замену паспорта гражданина СССР на паспорт гражданина Российской Федерации.

Паспорт гражданина Российской Федерации образца 1997 г. представлен в музейной коллекции фрагментарно: обложка и незаполненные внутренние листы. Обложка бордового цвета, на ней в центре золотистым цветом дано изображение герба РФ, сверху – надпись «РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ».

В соответствии с Указом Президента РФ в 2004 г. была образована Федеральная миграционная служба России²², которой отошли функции, выполняемые Паспортно-визовой службой МВД. Окончательное расформирование службы как составной части республиканского МВД произошло с 1 января 2006 г. с образованием территориальных органов ФМС России.

Результаты проводимой работы мы видим:

- в увеличении музейной аудитории: в зависимости от возрастной категории и направленности интересов люди пользуются различными источниками информации. Поэтому дополнительно к проводимой экскурсионной работе и было принято решение о размещении статей на сайте МВД по Республике Карелия. Однако проект уже вышел за поставленные рамки: статьи включены во внутреннюю базу МВД «Регион»; ведется дублирование информации в ведомственной газете, читаются лекции, совмещенные с показом предметов, на занятиях с сотрудниками ОВД;

- происходит углубленное знакомство с экспонатами: во-первых, подается расширенная информация по теме, которая не отражена в тексте общей музейной экскурсии, и, во-вторых, рассказывается о предметах, находящихся в запасниках фондов, то есть не представленных на постоянной экспозиции;

- развивается взаимодействие с ветеранами, сотрудниками и смежными службами: в раскрытии тем используются воспоминания, фотографии, проводятся консультации.

- к исследовательской работе привлекаются учащиеся образовательных учреждений г. Петрозаводска (МОУ «Петровская среднеобразовательная школа»).

Полагаем, что подобное расширение ресурсной базы музейной коммуникации за счет виртуального пространства – отличный способ сблизить традиционную миссию музея и потребности современного общества.

²² Указ Президента Российской Федерации от 19 июля 2004 г. № 928 «Об утверждении Положения о Федеральной миграционной службе» / <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=127049>.

Создание и деятельность чрезвычайной экономической комиссии по стабилизации потребительского и товарного рынков Карельской АССР

В 1990 г. в Карелии, как и в стране в целом, экономическое положение быстрыми темпами ухудшалось. Предполагаемые реформы в рамках программы «перестройки» не давали позитивных результатов. Реформы затрагивали абсолютно все сферы общественной жизни и, в частности, экономики. Необходимо было не только повысить экономические показатели, но и полностью реконструировать экономическую модель развития. Карельские предприятия постепенно переходили на принципы хозрасчета, самофинансирования и самоуправления. Однако при переходе к новой экономической модели использовался мощный административный ресурс. Предприятия по-прежнему оставались под опекой различных министерств, что ограничивало их возможности коммерческой деятельности. В данном сообщении мы рассмотрим один из примеров применения административного ресурса при решении потребительского кризиса, сформировавшегося на территории Карелии в начале 90-х годов XX века. На сегодняшний день эта проблема отчасти освещена видными карельскими экономистами. Тут прежде всего стоит упомянуть коллективную монографию сотрудников Института экономики Карельского научного центра РАН Курило А. Е., Немкович Е. Г., Сенюшкина Е. Н. «Социально-экономические преобразования в Республике Карелия»¹. В книге дан анализ состояния социально-экономического развития республики в процессе рыночных преобразований. Книга «История экономики Карелии» 3-й том² также освещает в общих чертах экономические процессы, происходящие в начале 90-х гг XX в. на территории Карелии, и, в целом, дает неплохой общий базис для более глубоких и узких исследований. Однако подробный анализ административных структур и их действий в условиях экономического кризиса мы не нашли. На основе статистических данных и архивных документов мы охарактеризуем деятельность «Чрезвычайной экономической комиссии по стабилизации потребительского и товарного рынков Карельской АССР».

1990 г. проходил в условиях крайне нестабильной ситуации на потребительском рынке. Несмотря на увеличение в республике производства товаров народного потребления (производство непродовольственных товаров увеличилось в 1,8 раза, продовольственных в 1,3 раза³), платежеспособный спрос населения не был обеспечен товарной массой. Своего производства было явно не достаточно,

¹ Курило А. Е., Немкович Е. Г., Сенюшкин Е. Н. Социально-экономические преобразования в Республике Карелия (1990–2005). – Петрозаводск.: 2007. – 320 с.

² История экономики Карелии: в 3-х кн. Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.) — 2-й том. — Петрозаводск :ПетроПресс, 2005. — 246 с.

³ Курило А. Е., Немкович Е. Г., Сенюшкин Е. Н. Социально-экономические преобразования в Республике Карелия (1990–2005). – Петрозаводск : 2007. – с. 10.

а поставки продовольственных и непродовольственных товаров народного потребления из других регионов срывались. Ситуацию усугублял острый товарный дефицит и ажиотажный рост покупательской способности, связанной с ожиданием роста цен в связи с либерализацией экономики. Население всё чаще прибегало к практике скупить все сегодня, чем завтра приобрести товары втридорога. Принимаемые в республике меры по наращиванию производства товаров народного потребления, сельскохозяйственной продукции, других материальных ресурсов не в состоянии были компенсировать недопоставки из других регионов. В целях разработки и осуществления необходимых мер, обеспечивающих устойчивую работу народнохозяйственного комплекса республики и улучшения положения на потребительском рынке, 6 августа 1990 г. Совет Министров Карельской АССР постановил: «Образовать Чрезвычайную экономическую комиссию по стабилизации потребительского и товарного рынков республики»⁴. Первоначально комиссия состояла из 14 человек. В состав в основном входили министры и руководители крупных промышленных объединений.

«Яскунов С. М. – Заместитель Председателя Совета Министров Карельской АССР, председатель комиссии

Артамонов В. П. – Заместитель Председателя Совета Министров Карельской АССР, заместитель председателя комиссии

Васильев Е. О. – начальник отдела Госплана Карельской АССР, секретарь комиссии

Члены Комиссии:

Алиев И. А. – заместитель Министра торговли Карельской АССР

Жарков О. В. – председатель союза кооперативов Карельской АССР

Литвиненко Г. Т. – заместитель Министра производства, заготовок и переработки сельскохозяйственной продукции Карельской АССР

Маркианов А. В. – генеральный директор ТПО «Карелавтотранс»

Поснов В. С. – генеральный директор ТПО «Кареллеспром»

Потехин Л. А. – заместитель генерального директора ПО «Карелстройматериалы»

Сабылин Н. В. – заместитель Председателя областного совета профсоюзов

Фомин В. Ю. – заместитель Председателя Госснаба Карельской АССР

Фуртиков В. П. – заместитель Председателя Госплана Карельской АССР

Черниговский Ю. М. – заместитель начальника Петрозаводского отделения Октябрьской железной дороги

Яршин В. Г. – заместитель Председателя планово – бюджетной комиссии Верховного Совета Карельской АССР».⁵

По сути, этот новый государственный орган усиливал административное влияние на предприятия. Все решения новой комиссии по вопросам формирования и распределения материальных и финансовых ресурсов, полученные в результате действия договоров Совета Министров республики

⁴ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 690. Оп. 11, д. 3.13, с. 1.

⁵ Там же. С. 1–2.

с предприятиями и организациями, расположенными на территории Карелии, являлись обязательными к исполнению. Комиссия имела право при невыполнении договоров предприятиями ограничить потребление ими материальных и сырьевых ресурсов, находящихся в республиканской собственности, а также принимать другие меры. Предприятия и организации в свою очередь, независимо от их ведомственной принадлежности, обязаны были направлять для распределения Чрезвычайной комиссией 50 процентов продукции, полученной сверх государственных заказов, и не менее 15 процентов продукции, на которую госзаказ не устанавливался.⁶

Главной задачей Чрезвычайной экономической комиссии являлось формирование территориального обменного фонда и контроль над его ресурсами. Обменный фонд республики должен был помочь стабилизировать ситуацию на потребительском рынке путем увеличения объемов поставок продовольственных товаров. Госкомитет КАССР по экономике, торгующие организации, крупные предприятия должны были ежеквартально отчитываться перед комиссией о ходе реализации ресурсов и поставках в республику продовольствия. Основным экспортом в республике являлись: пиломатериалы, бумага, фанера, изделия из камня. Данные ресурсы обменивались на сельскохозяйственную продукцию и товары народного потребления. Крупные промышленные предприятия обязаны были своевременно заключать договоры поставок продукции в республиканский обменный фонд. Контроль за своевременным заключением договоров возлагался на Государственный комитет по экономике КАССР, управление «Кареллесснабсбыт» и Госснаб Карельской АССР. В целом, территориальный обменный фонд республики представлял собой набор посреднических образований между предприятием и покупателем, которые занимались распределением поставляемых ресурсов. В состав посреднических организаций входили: Министерство торговли Карельской АССР, ТПО БОП, Карелглавснаб, Карелхлебпродукт, Минсельхозпрод КАССР, Госснаб Карельской АССР.

К марту 1991 года формирование республиканского обменного фонда в основном было завершено. Большинство предприятий подтвердили направление в этот фонд своей продукции в объемах, согласованных с Советом Министров Карельской АССР. Велась работа по поиску наиболее выгодных вариантов обмена, начался ввоз продовольственных и непродовольственных товаров в обмен на поставляемые республикой ресурсы. Приведем статистические данные, представленные в справке Государственного комитета Карельской АССР по экономике «О ходе формирования и использования республиканского обменного фонда за 1991 год»:

«За 2 месяца 1991 года из ресурсов обменного фонда поставлено 4,8 тыс. куб. м. пиломатериалов, 17,3 тыс. кв. м. твердых древесно-волокитных плит, 15 трелевочных тракторов и некоторые другие ресурсы.

За прошедший период в республику завезено:

Зерна – 15 тыс. т.

Продовольственных товаров – на 23,7 млн. руб.

⁶ Там же. С. 2.

В том числе:

Мясопродуктов – 5 млн. руб.

Сахара – 0,8. млн. руб

Кондитерских товаров – 0,7 млн. руб.

Овощей и фруктов – 3,7 млн. руб

Непродовольственных товаров народного потребления – на 25,7 млн. руб.»⁷

Не обходилось и без проблем. Очень часто предприятиями срывались намеченные сроки передачи ресурсов в республиканский обменный фонд, что сдерживало ввоз в республику продовольствия, товаров народного потребления. На это были свои объективные причины. Например, Ляскельский бумажный завод использовал свои мощности лишь на 50 процентов по причине неудовлетворительной поставки целлюлозы Калининградским и Выборгским ЦБК⁸. В протоколах заседаний комиссии, как злостный нарушитель дисциплины, неоднократно упоминается ПО «Сегежабумпром»^{9,10}. По этому поводу в Ленинской правде вышла статья с сатирическим заголовком «А виновных не сыщешь...».¹¹ В ней рассказывается о метаниях специалистов ПО «Сегежабумпром» по стране в поисках недостающих кубометров целлюлозы, которой не хватает для выполнения поставленных обязательств комбината перед потребителями. Помимо этого, статья описывает любопытные манипуляции: «Стали слать бумажники своим потребителям слезные телеграммы. Так, мол, и так, нет сырья, не из чего бумагу и мешки делать. Извините, мол, но договоры на поставку по вышеназванным уважительным причинам мы пока заключать не будем. Однако на защиту потребителей встал грозный Госарбитраж. Даже не посмотрел он на предоставленные комбинатом расчеты, документы, переписку, распоряжения, а заставил заключить договоры с потребителями на уровне 1990 года. В назидание арбитр Л. Репина сказала: не доводите, мол, дело до Госарбитража, заключайте договоры по бумаге на уровне 1990 года, а затем, когда будет сформирован план, пойдете с покупателями на изменения по объему»¹². В данной отрывке автор статьи, она же редактор газеты «Сегежский бумажник» В. Царева, намекает нам на закон «О хозяйственных связях в 1991 году», который вступил в силу 20 октября 1990 г. Согласно первой статье закона: «Договоры на поставку в 1991 году продукции, сырья и материалов, комплектующих изделий, продовольственных и промышленных товаров заключаются предприятиями и организациями – поставщиками с предприятиями и организациями – потребителями, расположенными на территории РСФСР, а также на территории других союзных республик, с которыми Республикой заключены и на взаимной основе выполняются соглашения об

⁷ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 690. Оп. 11, д. 3.13, с. 9.

⁸ Там же С. 10.

⁹ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 690. Оп. 11, д. 3.13, с. 9.

¹⁰ Там же. С. 15.

¹¹ А виновных не сыщешь... // Ленинская правда – 1990. № 162. – С. 3.

¹² Там же.

экономическом сотрудничестве, в объемах не ниже 1990 г».¹³ На наш взгляд, данный закон входил в противоречие с гибкими механизмами рынка, которые только начинали зарождаться в стране. Закон не учитывал специфики развития отдельно взятого предприятия и четко устанавливал рамки производственных объемов – «не ниже 1990 г». При этом, согласно 2 статье,¹⁴ предприятиям в самостоятельное использование доставалось 20 процентов продукции, а 10 % отходило в территориальный обменный фонд. Предприятиям очень часто приходилось подписывать заведомо ложные документы с последующей корректировкой объемов поставок. Корректировки были возможны благодаря шестой статье: «При установлении государственного заказа СССР, нарушающего сложившиеся хозяйственные связи, предприятия и организации – поставщики и предприятия и организации – потребители, расположенные на территории РСФСР, вправе оспорить его в органах Государственного арбитража РСФСР». Однако арбитраж очень часто отказывал уменьшать объемы поставок продукции, т. к. продукция, по их мнению, являлась «централизованно распределяемая», т. е., по сути, являлась госзаказом СССР. По этим причинам было отказано целлюлозному заводу «Питкяранта» и Костомукшскому ГОКу¹⁵, которые не смогли подписать контракты на передачу продукции для республиканского обменного фонда. В связи с уменьшением объемов производства практически вся их продукция уже шла в центр. В общей сложности около 10 предприятий были обвинены в проявленной «недисциплинированности»: «Сегежабумпром», «Кондопогабумпром», «Карелрыбпром», Костомукшский ГОК, Петрозаводский ДСК, Кондопожский завод камнелитых изделий и минерального сырья, целлюлозный завод Питкяранта, Суоярвская экспериментальная фабрика, Питкяранское карьероуправление, Вяртсильский металлургический завод¹⁶. Обширный список организаций говорит, скорее, не о халатности руководителей на предприятиях, а о несовершенстве мер сверху.

Несмотря на вышеуказанные проблемы, работа комиссии давала результаты. В республику поступало продовольствие и остродефицитные непродовольственные товары. В качестве примера приведем результаты деятельности Министерства торговли Карельской АССР за первое полугодие 1991 года¹⁷ (одного из распределителей ресурсов территориального обменного фонда):

Наименование	Един. измер.	Заклуч. договоров	Получено	Наименование	Един. измер.	Завезено	Закуплено
Пиломатериалы	Т.м 3	91	13,63	Мука	Т.	450	450
ДВП твердые	Т. м2	260	209,5	Мясопродукты	Тыс. руб	1765	3645
Садовые домики	Шт	100	22	Рыбопродукты		1765	890

¹³ Информационно – правовой портал «BestPravo» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bestpravo.ru/sssr/gn-akty/y7r.htm>.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 690. Оп. 11, д. 3.13, с. 10.

¹⁶ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 690. Оп. 11, д. 3.13, с. 10.

¹⁷ Там же. С. 42.

Фанера	Т.м3	2	0,76	Масло раст.		150	150
Мраморные плиты	Т.м2	4	1,6	Сыр		3528	8760
Гранитные плиты	Т.м2	2	1,05	Масло жив.		2382	3041
Паркет	Т.м2	6	3,2	Жир		682	682
Тракторы	шт	50	16	Майонез		365	1034
				Конд. изделия		637	650
				Молкопродукт		115	115
				Сахар		573	1758
				Овощн. и др. консервы		1350	1330
				Макар. изделия		--	80
				Вино		--	1300
				Изюм		165	165
				Бакал. товары		--	60

Всего Министерством торговли КАССР в первой половине 1991 г. было закуплено товаров на 55 млн рублей, однако завезено было только на 22 млн. Это в очередной раз свидетельствует о нарушениях хозяйственных связей и о сокращении производства по всей стране.

30 октября 1991 г. на седьмом заседании Чрезвычайной экономической комиссии было установлено решение создать рабочую группу в пределах 10 человек по координации с обменным фондом. На группу возлагались следующие обязанности:

«— заключение контрактов с предприятиями и организациями республики на поставку продукции в обменный фонд.

— определение объемов товарных ресурсов, необходимых для ввоза в республику, за счет обменного фонда.

— проведение конкурса предприятий, организаций и иных коммерческих структур по выделению ресурсов из обменного фонда, для ввоза товарных ресурсов в республику.

— внесение вопросов для рассмотрения на чрезвычайной комиссии по распределению и перераспределению обменного фонда в течение года.

— подготовка писем предприятиям и организациям по выделению для заключения договоров поставок.

– ежемесячный контроль за ходом реализации ресурсов из обменного фонда и эффективностью товарообменных операций, включая экспортные поставки.

– регулирование отношений при осуществлении экспортно-импортных операций».

Кроме крупных объединений комиссия постановила привлечь малые предприятия. Они должны были отчислять в обменный фонд 10 процентов от объема всей продукции. Распределение этих ресурсов возлагалось на исполкомы районных и городских Советов народных депутатов по месту расположения предприятия.

25 января 1992 г. вышел закон «О формировании фонда товарных ресурсов и составе государственных нужд Республики Карелия в 1992 году»¹⁸. Он четко определял порядок взаимодействий предприятий с республиканским обменным фондом. Деятельность Чрезвычайной экономической комиссии прекратилась. К сожалению, точной даты роспуска комиссии мы не смогли определить, однако можно предположить, что последнее заседание прошло 30 октября 1991 г. Других архивных материалов, посвященных комиссии, после этой даты мы не нашли.

Подведем итоги. Чрезвычайная экономическая комиссия по стабилизации потребительского и товарного рынков Карельской АССР проработала 1 год и 2 месяца. Нельзя сказать, что результаты работы комиссии исправили тяжелую ситуацию на потребительском рынке в республике. Прилавки магазинов по-прежнему были пусты, талонную систему никто не отменил, а очереди за продуктами стали обыденным явлением. Деятельность комиссии была попыткой установить порядок в экономической анархии. Попытка не прошла, т. к. комиссия не могла решить все глубокие причины хаоса и неуправляемости в экономике, которые крылись, как показала практика, в самом законодательстве. Но с основной задачей она справилась. Сформированные в ходе её работы основы для функционирования территориального обменного фонда помогли наладить внутренние связи между республиканским бюджетом и крупными предприятиями Карелии. Завезенное продовольствие благодаря обменному фонду немного, но утолило товарный голод населения Карелии.

Список литературы

Архивные материалы:

1) Национальный архив Республики Карелия. Ф. 690. Оп. 11, д. 3.13, 60 с.

Литература:

1) История экономики Карелии: в 3-х кн. Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.) — 2-й том. — Петрозаводск.: ПетроПресс, 2005. — 246 с.

2) Курило А. Е., Немкович Е. Г., Сенюшкин Е. Н. Социально-экономические преобразования в Республике Карелия (1990–2005. — Петрозаводск.: 2007. — 320 с.

Публицистика:

¹⁸ Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации «Техэксперт» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/919100057>.

1) А виновных не сыщешь... // Ленинская правда – 1990. №162. – С. 3

Электронные ресурсы:

1) Информационно – правовой портал «BestPravo» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bestpravo.ru/sssrgn-akty/y7r.htm>.

2) Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации «Техэксперт» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/919100057>.

Э. А. Джиошвили, Д. С. Жукова,
А. А. Пройдаков, В. Д. Стукалов,
студенты 3 курса исторического
факультета ПетрГУ

Каталогизация экспонатов этно-литературного музея карельского писателя Ортё Степанова*

** Работа выполняется в рамках реализации Программы стратегического развития
ПетрГУ на 2012–2016 гг.*

Хайколя — небольшая древняя карельская деревня, известная со второй половины XVII века¹, к настоящему времени превратившаяся в сезонно обитаемую. Это поселение на острове одноименного озера – родина народного писателя Ортё Степанова. В ней сохранился родовой дом писателя и несколько домов постройки XIX века, в которых благодаря стараниям сына писателя Михаила Артемовича Степанова и его супруги Ольги Николаевны создан мемориальный музей народного писателя Карелии. Этнокультурный центр Хайколя включает дом-музей Ортё Степанова, этнографический музей «Онтто Тало», выставочные помещения жилого дома, а также концертный зал с гостевым домом, который используется также для проведения семинаров и лекций.

Проект по каталогизации экспонатов этно-литературного музея карельского писателя Ортё Степанова был предпринят и в настоящее время осуществляется в рамках Междисциплинарного научно-образовательного центра трансграничной коммуникации CARELICA, который действует в структуре Института северо-европейских исследований Петрозаводского государственного университета под руководством зам. декана ИФ по научной работе и международному сотрудничеству доцента, к.и.н. Ирины Александровны Черняковой. Более полную информацию о деятельности и научных достижениях коллектива, в том числе и о данном проекте, выполняемом при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг., можно найти на сайте центра, размещенном на сервере ПетрГУ (URL: <http://carelica.petrso.ru/CARELICA/Welcome.html>).

В январе 2013 года основатели и хранители этно-литературного музея народного писателя Карелии Ортё Степанова в деревне Хайколя – М. А. и О. Н. Степановы — обратились к коллективу Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии (ИЛМИК), действующей под руководством И. А. Черняковой, с приглашением принять участие в описании все пополняющегося

¹ Впервые упоминается в переписной книге 1678 г. как однодворное поселение «На острове на Лоштозере». См.: Чернякова И. А. Панозеро и его обитатели: пять веков карельской истории // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ; Juminkeko, 2003. С. 40.

фонда музея. С этой целью Ириной Александровной при активном содействии четы Степановых была создана молодежная волонтерская школа для проведения первичного описания экспонатов деревни-музея. Координатором проекта стала Евгения Дмитриевна Суслова, к.и.н., специалист ИЛЛИМИК. Особый интерес к работе в проекте проявили студенты третьего курса, обучающиеся по профилю кафедры всеобщей истории исторического факультета ПетрГУ – авторы настоящей статьи.

Подготовительным этапом школы стал учебный семинар, организованный Денисом Николаевичем Кузнецовым 5 апреля 2013 года при поддержке директора Национального музея РК Михаила Леонидовича Гольденберга. Сотрудники отдела фондов и учета экспонатов музея Марина Фридриховна Белова и Татьяна Алексеевна Сенченко подробно рассказали об основных принципах и особенностях учета музейных экспонатов, показали описи и инвентарные книги и предложили ориентироваться в предстоящей работе на положения «Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР» 1985 г.

Первый этап молодежной волонтерской школы состоялся в августе 2013 года непосредственно на базе музея в деревне Хайколя. Работа по учету экспонатов начата с дома-музея «Онтто Тало», в котором в 2012 году была организована выставка «Забытый мотив», посвященная быту северных карелов второй половины XX века. Хранители музея планируют разместить в ближайшем будущем в «Онтто Тало» новую экспозицию, и поэтому учет экспонатов было решено начать именно с этой выставки.

В течение десяти дней координатор волонтерской школы Евгения Суслова и студентка исторического факультета Эльвира Джошвили составляли первичную опись экспонатов внушительной коллекции, собранной создателями и хранителями музея. Обычно Эльвира с Ольгой Николаевной фотографировали экспонаты, определяли размеры и называли отличительные черты, в то же время Евгения Дмитриевна вносила сведения в заранее подготовленную электронную таблицу. Михаил Артемович обеспечивал саму возможность работы на компьютере – так как в Хайколя нет электричества, он каждый день устанавливал солнечные батареи, подаренные И. А. и О. В. Черняковыми, в наиболее освещаемом месте, а при необходимости подключал генератор.

Таким образом была составлена первичная опись экспонатов дома-музея «Онтто Тало». Она состоит из девяти граф, каждая из которых предназначена для фиксации тех или иных характеристик экспоната, включая инвентарный номер, вид и уникальное название, материал производства, размер, средства изготовления, дату производства, технику изготовления, узоры и мотивы, место изготовления. В настоящее время опись включает 444 единицы хранения и в электронной форме состоит из 109 листов.

Все экспонаты, включенные в экспозицию, оказались в музее разными путями: многие достались Степановым по наследству, другие были получены в дар. В большинстве своем это вещи, некогда принадлежавшие жителям окрестных деревень и поселков: Хайколя, Кепы, Куусиниеми, Калевалы, Панозера, Летнереченска и города Кемь. Нашлись здесь и предметы быта, которыми пользовались

уроженцы Петрозаводска, вещи из деревни Куткостров Кондопожского района, городов Вологда и Подпорожье (входившего некогда в состав Олонецкой губернии) и даже из далекого города Курска, что, безусловно, связано с историей семьи писателя Ортё Степанова.

Первичная опись экспонатов выставки «Забытый мотив» легла в основу второго этапа молодежной волонтерской школы. Этот этап предполагал создание электронной базы данных экспонатов музея. Такая база данных позволяет облегчить поиск экспонатов и создать максимально информативную картотеку для учета и хранения сведений о постоянно пополняющемся фонде музея. Собственно работа по каталогизации, в ходе которой экспонаты сводятся к единой системе и атрибутируются, стала осуществляться в ПетрГУ с сентября 2013 года на базе студенческой научно-исследовательской лаборатории «Историческая топонимика Карелии» (СНИЛ ИсТоК), которая является частью сети созданных в ПетрГУ СНИЛ и действует при поддержке Программы развития студенческих объединений ПетрГУ.

Сразу же по возвращении в Петрозаводск в ИЛЛМИК была разработана структурированная под нужды описания экспонатов карточка базы данных в программе FileMakerPro. Главное преимущество этой программы, по сравнению с другими, заключается в том, что она имеет гибкий интерфейс и модифицируется на любом этапе работы. Ее сведения конвертируются в программу excel и pdf. Могут создаваться выборки и осуществляться поиск по любому полю. Каждая карточка предназначена для ввода сведений об одном экспонате. Она состоит из трех информационных слоев, взаимосвязанных друг с другом. В ключевом слое, размещенном в верхней панели, предусмотрены восемь полей. Некоторые из них, такие, как «вид экспоната», «сведения о дарителе», «место хранения», «название выставки», «годы экспозиции», имеют выпадающие списки, которые облегчают ввод необходимых значений. Предусмотрены также поля «инвентарный номер» и «уникальное название», по которым можно быстро осуществить поиск и найти тот или иной интересующий экспонат или группу экспонатов. Один из вспомогательных слоев предназначен для размещения фотографий экспоната с тем, чтобы описание могло быть идентифицировано. Второй вспомогательный слой предназначен для ввода разнообразных сведений об основных характеристиках экспоната, в том числе физических (размер, вес, форма объекта, материал), производственных (тип, производитель) и исторических (дата производства с указанием основания датировки). Также имеются поля для фиксации уникальных свойств экспоната и степени его сохранности (см. Приложение 1).

Студенты разделили между собой экспонаты для описания на своего рода индивидуальные зоны ответственности. Эльвира Джиошвили взялась за описание разнообразных текстильных изделий (кружева, прошвы, половики, одежда и др.). Дарья Жукова отвечает за описание грампластинок. Арсений Пройдаков атрибутирует предметы интерьера изб Северной Карелии (мебель и предметы быта), а Владислав Стукалов занимается описанием всякого рода механических изделий и электротехники, использовавшейся в карельских деревнях в 1950–1990-е гг. Опираясь на включенные в опись и зафиксированные на фотографиях ярлыки, бирки, гравировки и другие важные признаки каждого

экспоната, постоянно обращаясь к специальным пособиям, к специализированным интернет-ресурсам, студенты провели тщательную работу по установлению места и даты производства многих изделий, по идентификации использованных при изготовлении того или иного изделия техник и технологий. В ходе работы время от времени возникали затруднения: например, некоторые экспонаты не имели абсолютно никаких опознавательных знаков, что заставляло при поиске информации обращаться к сайтам коллекционеров и любителей антикварных вещей. Большую сложность представляло определение техники изготовления текстильного изделия и его материала, так как для подробного описания непосредственно на месте не хватало времени, а по фотографиям сделать это достаточно нелегко. Также возникали сложности с предметами кустарного производства – при определении техники изготовления и датировки. Примеры карточек, составленных каждым из студентов, можно увидеть в приложении 2 (см. илл. 2.1, 2.2, 2.3, 2.4).

Промежуточное подытоживающее рабочее совещание, в котором приняли участие Михаил Артёмович и Ольга Николаевна Степановы, состоялось 12 декабря 2013 года. Каждый из участников представил результаты своей работы с демонстрацией создаваемой картотеки.

К настоящему времени в базу данных внесены сведения о двухстах шести экспонатах. Таким образом, атрибутирована примерно половина экспонатов, включенных в первичную опись. Однако в фондах музеев Хайколя имеется еще огромное количество экспонатов, которые также необходимо описать. Поэтому летом 2014 года планируется снова организовать молодежную волонтерскую школу, направленную на решение этой задачи.

Задействованная методика создания электронной картотеки в виде базы данных уже на первом этапе позволила приступить к систематизации экспонатов. Без сомнения, основная часть работы еще впереди. Однако уже сейчас ясно, что формирование полного банка сведений существенно обогащает информативность музейной экспозиции и в ближайшем времени значительно облегчит учет экспонатов деревни-музея, фонды которого постоянно пополняются разнообразными находками, заслуживающими внимания туристов и исследователей.

Приложение 1. Внешний вид карточки базы данных

Вид экспоната ПЛАТЬЕ	Уникальное название Платье	инв. № 351
	количество единиц хранения 1	Место хранения Онтто Тало
Даритель (ФИО) Мария Юрьева		Название выставки Забывтый мотив
		Годы экспозиции 2012–2013

ФОТОГРАФИИ
ХАРАКТЕРИСТИКА

Форма см Длина: Ширина: Высота: диаметр: (а) (б) (в) <table style="width: 100%; text-align: center;"> <tr> <td style="width: 33%;">самой широкой части</td> <td style="width: 33%;"> </td> <td style="width: 33%;"> </td> </tr> <tr> <td>основания</td> <td> </td> <td> </td> </tr> </table> вес, гр Материал Крепдешин Цветовая гамма болотный, зеленый, оранжевый Узор На светлом фоне листья и воздушные цветы	самой широкой части			основания			Тип производства ручное Производитель, мастер Мария Юрьева Дата производства 1950–е гг. Техника Место изготовления пос. Кепа Основание для датировки и места изготовления Уникальные особенности Домашний пошив. Рукав на резиночке три четверти; заложены складки по линии груди; низ – Степень сохранности Средняя (имеются потертости и дырочки)
самой широкой части							
основания							

Вид экспоната ПЛАТЬЕ	Уникальное название Платье	инв. № 351
	количество единиц хранения 1	Место хранения Онтто Тало
Даритель (ФИО) Мария Юрьева		Название выставки Забывтый мотив
		Годы экспозиции 2012–2013

ФОТОГРАФИИ
ХАРАКТЕРИСТИКА

Приложение 2. Примеры карточек базы данных

Вид экспоната	Уникальное название	инв. №
НАКИДКА	Накидка на подушку	216
Даритель (ФИО)	количество единиц хранения	Место хранения
Мария Юрьева	1	Онтто Тало
		Название выставки
		Забытый мотив
		Годы экспозиции
		2012–2013

ФОТОГРАФИИ

ХАРАКТЕРИСТИКА

Вид экспоната	Уникальное название	инв. №
НАКИДКА	Накидка на подушку	216
Даритель (ФИО)	количество единиц хранения	Место хранения
Мария Юрьева	1	Онтто Тало
		Название выставки
		Забытый мотив
		Годы экспозиции
		2012–2013

ФОТОГРАФИИ

ХАРАКТЕРИСТИКА

Форма

прямоугольник

Длина: см

Ширина:

Высота:

диаметр: (а) (б) (в)

самой широкой части

основания

вес, гр

Материал

Марля

Нитки мулине

Цветовая гамма

Белый

синий, зеленый, желтый, красный

Узор

Разноцветные квадраты; квадраты образуют треугольники по краям. в центре – ромб

Тип производства

ручное

Производитель, мастер

Мария Юрьева

Техника

Вышивка; сделана мережка; основа обработана петельным

Дата производства

1960–е гг.

Место изготовления

пос. Кепа

Основание для датировки и места изготовления

Уникальные особенности

Особенности изготовления: квадраты выделены и обшиты нитью в виде петель по краю – волан из

Степень сохранности

Средняя (повреждены марля и узор)

2.1. Накидка на подушку из марли, вышитая разноцветными нитками мулине
Марией Юрьевой (сост. Э. Джиошвили)

Вид экспоната	Уникальное название	инв. №
ГРАМПЛАСТИНКА	К. Дебюсси (1862-1918), Море (три симфонических эскиза) // К.	124
Даритель (ФИО)	количество единиц хранения	Место хранения
Татьяна Леонтьевна Боцва	1	Онтто Тало
		Название выставки
		Забывший мотив
		Годы экспозиции
		2012-2013

ФОТОГРАФИИ
ХАРАКТЕРИСТИКА

Вид экспоната	Уникальное название	инв. №
ГРАМПЛАСТИНКА	К. Дебюсси (1862-1918), Море (три симфонических эскиза) // К.	124
Даритель (ФИО)	количество единиц хранения	Место хранения
Татьяна Леонтьевна Боцва	1	Онтто Тало
		Название выставки
		Забывший мотив
		Годы экспозиции
		2012-2013

ФОТОГРАФИИ
ХАРАКТЕРИСТИКА

Форма

круг

Длина: см

Ширина:

Высота:

диаметр: (a) (b) (в)

самой широкой части: 25

основания:

вес, гр:

Материал: виниловая

бумага

Узор: Отсутствует

Тип производства: машинное

Производитель, мастер: Всесоюзная фирма грампластинок «Мелодия»
Апрелевский завод

Дата производства:

Место изготовления: Московская обл. г.

Основание для датировки и места изготовления: Надпись на наклейке.

Уникальные особенности: Надписи: вторая гр. – 1. 0-70
ГОСТ 5289-68

Степень сохранности: хорошая

2.2. Грампластинка с симфониями Клода Дебюсси (сост. Д. Жукова)

Вид экспоната	Уникальное название	инв. №
РАДИОПРИЕМНИК ламповый	Родина-52М	43
Даритель (ФИО)	количество единиц хранения	Место хранения
Николай Свинко	2	Онтто Тало
		Название выставки
		Забывтый мотив
		Годы экспозиции
		2012-2013 гг.

ФОТОГРАФИИ

ХАРАКТЕРИСТИКА

Вид экспоната	Уникальное название	инв. №
РАДИОПРИЕМНИК ламповый	Родина-52М	43
Даритель (ФИО)	количество единиц хранения	Место хранения
Николай Свинко	2	Онтто Тало
		Название выставки
		Забывтый мотив
		Годы экспозиции
		2012-2013 гг.

ФОТОГРАФИИ

ХАРАКТЕРИСТИКА

Форма

ПрямоугольникПря

Длина: 54 см
Ширина: 22 см
Высота: 29 см

диаметр: (а) (б) (в)
самой широкой части
основания
вес, гр

Материал

Дерево

Ткань

Узор

На ткани узор в виде сеточки;

Цветовая гамма

Преимущественно светлые сорта с лакокрасочным покрытием

Белый

Тип производства

Машинный с ручной сборкой

Производитель, мастер

Челябинский радиозавод

Дата производства

1954-1955 гг.

Техника

Печатные платы с ручным встраиванием в корпус; ГОСТ 5651-51

Место изготовления

г. Челябинск, РСФСР

Основание для датировки и места изготовления

Основание для датировки - данные ГОСТ (принят в 1951 году, изменен в 1955 году);
Основание для места изготовления - данные логотипа на

Уникальные особенности

На обоих аппаратах логотип - ромб, вмещающий еще 2 ромба (расположенных по горизонтали) на

Степень сохранности

Оба аппарата имеют среднюю степень сохранности;

2.3. Ламповый радиоприемник Родина 52-М 50-х гг. XX века (сост. В. Стукалов)

Вид экспоната	Уникальное название	инв. №	75
ЧЕРНИЛЬНИЦА		Место хранения	Онтто Тало
Даритель (ФИО)	количество единиц хранения	Название выставки	Забывтый мотив
	1	Годы экспозиции	2012-2013

ФОТОГРАФИИ

Вид экспоната	Уникальное название	инв. №	75
ЧЕРНИЛЬНИЦА		Место хранения	Онтто Тало
Даритель (ФИО)	количество единиц хранения	Название выставки	Забывтый мотив
	1	Годы экспозиции	2012-2013

ФОТОГРАФИИ

ХАРАКТЕРИСТИКА

Форма

Длина: 5,5 см

Ширина: 5,5

Высота: 5,5

диаметр: (а) (б) (в)

самой широкой части

основания

вес, гр

Материал: стекло толстое

Цветовая гамма: прозрачное

Узор

Тип производства: фабричное

Производитель, мастер

Техника

Дата производства: до 1940-х

Место изготовления

Основание для датировки и места изготовления: обнаружена на раскопках дома в пос. Хайколя

Уникальные особенности: треугольная основа, для установки в углубление парты
имеется широкое отверстие для

Степень сохранности: разбита нижняя правая сторона

2.4. Чернильница, найденная на раскопках дома в пос. Хайколя (сост. А. Пройдаков)

Раздел 3. Секция «Культура. Библиотечное дело»

*К. А. Дианова,
ПетрГУ*

Краеведческие общества Русского Севера и библиотечное дело

Одним из центров краеведения в России является Европейский Север, где еще в начале XX в. появились три крупные краеведческие организации: Архангельское общество изучения Русского Севера (далее – АОИРС), Вологодское общество изучения Северного края (далее – ВОИСК) и Общество изучения Олонецкой губернии (далее – ОИОГ). Изучение деятельности этих региональных историко-краеведческих обществ имеет большое познавательное значение: накопленный ими опыт необходим для дальнейшего комплексного и систематического изучения Европейского Севера.

Первое краеведческое общество было основано в Архангельске в 1908 г. по инициативе местной администрации, и именно оно послужило образцом при создании подобных организаций в Вологде (1909 г.) и Петрозаводске (1913 г.). Из всех трех рассматриваемых краеведческих Обществ наибольшую активность проявляло АОИРС, и это можно объяснить тем, что оно находилось в крупном промышленном центре – Архангельске, и местные предприниматели и чиновничество оказывали мощную материальную поддержку его развитию; немаловажную роль сыграло и использование административных ресурсов. В Архангельской губернии, в отличие от Вологодской и Олонецкой, не было земства, и потому, по признанию самих членов этого Общества, АОИРС взяло на себя часть функций земских учреждений, в связи с чем его деятельность была более заметной по сравнению с Вологдой и Петрозаводском, где еще до появления краеведческих Обществ земские деятели внесли большой вклад в изучение и развитие местного края.

Названные Общества имели достаточно однородный социальный состав: в них, в основном, входили представители интеллигенции и местной администрации, промышленники и предприниматели. В деятельности данных организаций условно можно выделить два этапа: первый этап начался в 1908 г. в связи с основанием АОИРС и завершился к 1913 г., когда было создано ОИОГ и между Обществами Архангельска, Вологды и Петрозаводска было налажено сотрудничество. Начало второго этапа было связано с вовлечением в 1914 г. Российской империи в Первую мировую войну, которая существенно повлияла на весь дальнейший ход истории; завершением данного этапа можно считать 1918 г., когда после установления советской власти и начала Гражданской войны деятельность дореволюционных краеведческих Обществ была остановлена.

Следует отметить, что уже в период оформления краеведения в особую отрасль научного знания начался процесс не просто накопления знаний о каком-либо регионе, но и распространение этих

знаний¹. В связи с этим большую роль в становлении и развитии краеведения играла культурно-просветительская работа, которая была направлена на популяризацию полученных знаний. Такая направленность краеведческой работы прослеживается и в деятельности АОИРС, ВОИСК и ОИОГ. В их Уставах (§ 2) было сказано, что для достижения поставленной цели они будут собирать различного рода материалы, открывать библиотеки и музеи, организовывать научные экспедиции и исследования, издавать собственные журналы и материалы исследований, устраивать публичные лекции, экскурсии, справочные бюро и т. д. Посредством этого создатели Обществ планировали распространять собранные ими научные сведения о Европейском Севере России и тем самым популяризировать эти краеведческие знания среди местного населения.

Издание при АОИРС собственного журнала давало возможность наладить обмен периодическими изданиями и литературой с другими научными обществами, что в свою очередь послужило основой для комплектования собственной библиотеки. Следует отметить, что журнал «Известия АОИРС» за сравнительно небольшой период своего существования сумел сыскать себе большую популярность, и в Общество регулярно поступали просьбы о высылке данного издания. Так, например, в январе 1914 г. Правлению АОИРС были доложены сообщения ученых комитетов Главного управления земледелия и землеустройства и Главного управления Военно-учебных заведений о том, что первым из них журнал «Известия АОИРС» признан заслуживающим внимания при пополнении библиотек подведомственных им учебных заведений и рекомендованы в фундаментальные библиотеки военно-учебных заведений².

Уже к 1 января 1909 г. библиотека Общества имела более 1500 томов, не считая периодических изданий³; помимо этого, в библиотеку стали поступать карты, рисунки и рукописи. В дальнейшем библиотека АОИРС постоянно пополнялась, и почти все издания поступали бесплатно: от земских управ северных губерний, Академии наук, различных правительственных учреждений и т. п. В результате такого стремительного пополнения уже к концу 1910 г. «по обилию периодических изданий библиотека АОИРС была единственной в Архангельске»⁴, а на 1 января 1917 г. в ней уже имелось 8156 томов книг, 7544 тома ежемесячных и 405 томов еженедельных периодических изданий⁵.

С первого года существования библиотеки АОИРС все поступающие в нее материалы вносились в специальный инвентарный каталог, который состоял из двух частей: каталог книг и каталог периодических изданий. Кроме того, для облегчения справок все книги были занесены на карточки и располагались по отделам, а из всех поступающих в библиотеку газет делались вырезки статей, имеющих какое-либо отношение к Северу, которые по мере накопления также приводились в систематический порядок по особым отделам. В 1914 г. был составлен каталог имеющих отношение к Северу

¹ Шмидт С.О. Краеведение и документальные памятники. – Тверь, 1992. – С. 4.

² Отчет АОИРС за 1914 год. – Архангельск: Губ. тип., 1915. – С. 5–6.

³ Отчет АОИРС за 1909 год. – Архангельск, 1910. – С. 20

⁴ Отчет АОИРС за 1910 и 1911 года. – Архангельск: Губ. тип., 1912. – С. 19.

⁵ Отчет АОИРС за 1917 год. – Архангельск, 1918. – С. 6–7.

статей, помещенных в периодических изданиях, полученных в библиотеке в указанном году; также были каталогизированы имевшиеся в библиотеке рукописи⁶.

В 1909 г. библиотека АОИРС еще не была официально открыта для широкого посещения из-за отсутствия особого помещения, «где бы могли заниматься члены, пользуясь книгами». В связи с этим было решено выделить средства и снять в аренду подходящее помещение, и в августе 1909 г. библиотека АОИРС была перенесена в здание Городской Думы⁷. После переезда библиотека АОИРС начала приводиться в порядок, и в начале 1910 г. она была открыта для пользования членов Общества. Одновременно с этим продолжался процесс классификации всех книг по отделам, но составление систематического каталога так и не было начато ввиду того, что лица, приглашенные для работы в библиотеке, значительную часть своего служебного времени должны были посвящать работе по составлению для «Известий АОИРС» библиографического указателя текущей литературы о Севере, по составлению коллекций газетных вырезок, имеющих отношение к Северу, и составлению основного библиографического указателя литературы о Севере. В результате составление каталога было начато только в 1911 г., но в связи с большим объемом работы и большим количеством вновь поступающих книг, а также из-за недостатка средств на пополнение персонала служащих библиотеки, удалось сделать лишь его часть⁸.

Богатый книжный фонд библиотеки АОИРС сделал её очень популярной и востребованной не только для членов Общества, и уже в первые годы её существования в библиотеку Общества стали активно обращаться за справками – например, «о месторождениях разного рода полезных ископаемых». В то же время эта работа была несколько ограничена, поскольку, как сетовали члены Правления АОИРС, основным недостатком библиотеки была теснота занимаемого ею помещения, а отсутствие читальни «делало почти невозможным для членов Общества чтение получающихся в библиотеке газет». Поэтому члены АОИРС предполагали, что «если бы библиотека имела более обширное помещение, используемость ее была бы несомненно значительно выше»⁹.

Однако теснота помещения была не единственным препятствием для посещения библиотеки Общества. Согласно Уставу АОИРС, который в свою очередь опирался на 175 статью действовавшего «Цензурного устава», его библиотекой могли пользоваться только члены Общества, и это значительно сокращало численность потенциальных читателей. Понимая это, члены Поморского отдела АОИРС выступили с инициативой превращения библиотеки Отдела в публичную, но это вызвало протест со стороны Правления АОИРС и стало одной из причин закрытия Поморского отдела в начале 1911 г. В то же время отмечалось, что именно активная культурно-просветительская работа последнего послужила поводом для создания в Сумском Посаде публичной библиотеки, которая впоследствии пополнялась и благодаря пожертвованиям АОИРС¹⁰. После же возобновления деятельно-

⁶ Отчет АОИРС за 1914 год. – Архангельск: Губ. тип., 1915. – С. 16–17.

⁷ Отчет АОИРС за 1909 год. – Архангельск, 1910. – С. 20–21.

⁸ Отчет АОИРС за 1910 и 1911 года. – Архангельск: Губ. тип., 1912. – С. 19.

⁹ Отчет АОИРС за 1910 и 1911 года. – Архангельск: Губ. тип., 1912. – С. 20.

¹⁰ Там же. – С. 12–13.

сти Поморского отдела в нем была вновь организована библиотека, составленная из дубликатов имевшихся в центральной библиотеке АОИРС книг и периодических изданий, из отдельных оттисков печатавшихся в «Известиях» статей и из периодических изданий, получаемых самостоятельно Отделом. В результате всего в библиотеке Поморского отдела на 1 января 1913 г. было 250 названий и 267 экземпляров книг¹¹.

В 1911 г. также велась работа по комплектации библиотеки Устьсысольского отдела АОИРС, главным образом, за счет пожертвованных Правлением Общества книг, которое только летом 1911 г. послало в Отдел 185 названий и 518 томов. Уже к 1 января 1912 г. в библиотеке Устьсысольского отдела состояло 276 названий, 318 экземпляров¹². В дальнейшем число книг в библиотеке Отдела постепенно росло, и во многом это было возможно благодаря пожертвованиям: на 1 января 1913 г. в библиотеке Устьсысольского отдела было 348 названий и 396 экземпляров книг¹³, на 1 января 1914 г. – 357 названий и 407 экземпляров¹⁴. Примечательно, что после создания еще двух Отделов АОИРС – Виремского и Сорокско-Карельского – в 1913 г. значительное количество книг для их библиотек было пожертвовано Поморским отделом, который, кстати, принимал деятельное участие в создании названных Отделов. Тогда же Поморский отдел сделал пожертвование книг из своей библиотеки в публичную библиотеку-читальню Сумского общества трезвости. Проблема помещения для размещения библиотеки была актуальной и для Поморского отдела – в результате, в 1913 г. все книги были помещены в дом одного из руководителей Отдела А. А. Каменева¹⁵.

С началом Первой мировой войны библиотечная деятельность была несколько свернута из-за проблем финансирования. Также одной из главных проблем по-прежнему оставался поиск подходящего для библиотеки помещения, поскольку, как сетовали члены АОИРС, «после перемещения библиотеки в здание Публичной библиотеки к тесноте присоединился второй серьезный недостаток – сырость, вызывающая опасение за целостность книг»¹⁶. Проблема поиска более просторного помещения становилась всё более актуальной по мере пополнения библиотечного фонда, который с каждым годом становился всё обширнее. Кроме того, теснота по-прежнему была одной из причин плохого посещения библиотеки АОИРС: в течение 1915 г. её книгами воспользовалось лишь 40 человек¹⁷, в 1916 г. – 32 человека¹⁸, а в 1917 г. – лишь 25 человек. Примечательно, что почти половину пользовавшихся библиотекой составляли приезжие – специалисты по различным отраслям науки, командируемые на Север общественными и правительственными организациями, а также частные лица, желающие ознакомиться с литературой по интересующим вопросам.

¹¹ Отчет АОИРС за 1912 год. – Архангельск, 1913. – С. 13.

¹² Отчет АОИРС за 1910 и 1911 года. – Архангельск: Губ. тип., 1912. – С. 14.

¹³ Отчет АОИРС за 1912 год. – Архангельск, 1913. – С. 13.

¹⁴ Отчет АОИРС за 1913 год. – Архангельск: Губ. тип., 1914. – С. 29.

¹⁵ Отчет Поморского Отдела АОИРС за 1913 год. – Архангельск, 1914. – С. 5.

¹⁶ Отчет АОИРС за 1914 год. – Архангельск: Губ. тип., 1915. – С. 16–17.

¹⁷ Отчет АОИРС за 1915 год. – Архангельск, 1916. – С. 16–17.

¹⁸ Отчет АОИРС за 1916 год. – Архангельск, 1917. – С. 7.

ВОЙСК также с самых первых дней своего существования поставило целью создание собственной библиотеки, и, в частности, для этого по предложению председателя специально созданной музейно-библиотечной комиссии И. И. Шеляпина было решено составить список книг о Севере, которые предполагалось иметь в библиотеке Общества¹⁹. Уже к 1914 г. в библиотеке ВОЙСК было 1146 книг и периодических изданий, однако её посещаемость была, как и в АОИРС, невысокой. Так, например, в том же 1914 г. библиотекой Общества воспользовались всего 20 членов ВОЙСК²⁰. При ВОЙСК и его Отделе в Тотьме велось комплектование библиотеки, которая, как и у АОИРС, пополнялась путем пожертвований, обмена краеведческими изданиями и покупкой книг на средства Общества. Члены ВОЙСК также заботились о сохранении культурного наследия в крае – так, например, в 1916 г. Тотемский отдел ВОЙСК поднял вопрос о необходимости сохранения библиотеки скончавшегося местного исследователя В. Т. Попова. В результате Отделу удалось добиться выделения местным земством необходимой суммы, которая была направлена на приобретение этой библиотеки (1693 тома) у наследников Попова²¹. ВОЙСК не сумело наладить регулярный выпуск собственного краеведческого журнала «Известия» – им было выпущено всего четыре выпуска, и это несколько ограничивало возможности Общества для налаживания планомерного обмена с другими организациями и пополнения тем самым библиотеки.

После создания ОИОГ было решено строить деятельность данной организации, по примеру АОИРС, вокруг собственного журнала. Уже в первый год существования Олонецкого Общества был налажен выпуск «Известий», которые планировалось издавать по 8 номеров в год²². После выхода первого номера «Известий ОИОГ» Шидловский доложил на очередном собрании членов Общества, что подписка на журнал «превзошла все ожидания»²³. Из-за постоянного увеличения книжного фонда, библиотека ОИОГ столкнулась с проблемой размещения, поскольку вскоре выделенные под нее три комнаты стали тесными. Для облегчения работы с ней был подготовлен карточный каталог²⁴. Однако проблема тесного помещения также значительно затрудняла возможности широкого использования данной библиотеки исследователями.

После революционных событий Октября 1917 г. и прихода к власти большевиков краеведческие организации Европейского Севера России были заподозрены в нелояльности по отношению к новой власти и были вынуждены свернуть свою работу: ВОЙСК на некоторое время приостановило свою активную деятельность, а АОИРС и ОИОГ были закрыты. После ликвидации Обществ в Архангельске и Петрозаводске всё их имущество, в том числе и библиотеки, было реквизировано²⁵. В даль-

¹⁹ Журналы заседаний правления общества изучения северного края (12 апреля 1909 г. – 22 декабря 1917 г.) // ГАВО. – Ф. 652. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 19.

²⁰ Отчет ВОЙСК за 1914 год. – Вологда, 1915. – С. 19.

²¹ Отчет Тотемского Отдела ВОЙСК за 1916 год. – Тотьма: Типография И. Я. Львова, 1917. – С. 5–6.

²² Известия ОИОГ. – 1913. – № 1. – С. 73.

²³ Известия ОИОГ. – 1913. – № 2–3. – С. 169.

²⁴ Известия ОИОГ. – 1914. – № 8. – С. 154.

²⁵ Например: Описи имущества различных губернских учреждений, взятых из бывшего губернаторского дома, переписка о снабжении советских учреждений имуществом» (25 апреля – 6 декабря 1918 г.) // НАРК. – Ф. 28. – Оп. 1. –

нейшем литература из этих библиотек стала одной из основ для комплектования фондов Архангельской областной научной библиотеки имени Н. А. Добролюбова и Национальной библиотеки Республики Карелия.

Таким образом, можно сделать вывод, что одним из важнейших направлений в деятельности краеведческих Обществ Европейского Севера России начала XX в. была культурно-просветительская работа, основными центрами которой стали созданные при АОИРС, ВОИСК и ОИОГ библиотеки. Последние не были публичными, а потому их книгами и периодическими изданиями пользовались только члены Обществ, сотрудники «Известий», а также лица, отправлявшиеся в экспедиции и экскурсии на Север. Все это не могло в полной мере обеспечить задач культурно-просветительской работы краеведческих организаций, однако собранные в библиотеках богатые материалы послужили основой для формирования публичных библиотек уже в годы Советской власти.

Вклад Степана Андреевича Макарьева в развитие Карельского государственного музея в 1928–1931 гг.

2014 год объявлен годом культуры в Российской Федерации. В этот год особенно важно привлечь внимание общества к вопросам развития и сохранения культурного наследия. Большую работу в этом направлении ведет Национальный Музей Республики Карелия. Музей активно формирует коллекции по истории развития края и занимает видное место в изучении его истории. В этой связи актуальной задачей представляется исследование становления и развития самого Национального музея.

Степан Андреевич Макарьев был директором Карельского государственного музея с 1928 по 1931 год и внес большой вклад в его развитие.

20 августа 1928 года СНК РСФСР вынес постановление «О музейном строительстве». В постановлении отмечались успехи и недостатки музейного строительства за первое послереволюционное десятилетие. В СССР расширилась музейная сеть, особенно по линии краеведения, возросла посещаемость музеев. Была проведена значительная работа по охране памятников старины и искусства и выработка методики музейного дела. В организации музейного дела отмечался ряд организационных недостатков. Основным недостатком отмечалось слабое идеологическое содержание выставок¹. На музей была возложена особая функция углубления культурной революции в молодом советском обществе. Что, с одной стороны, привело к государственной поддержке музейного дела, а с другой, связало его развитие с решением задач социалистического строительства.

В декабре 1928 г. Карельский музей был переименован в Карельский Государственный музей². Поскольку музей, расширив свои функции, стал политико-просветительским и научным учреждением, Степан Андреевич Макарьев, став его директором, приступил к решению поставленных советским правительством задач. Началась серьезная работа по внутренней реорганизации музея. Выставочное пространство состояло из трех отделов: культурно-исторического, социально-экономического и естественно-исторического. Макарьев С. А. совмещал должность директора с работой заместителя культурно-исторического отдела. Впервые в организации экспозиции был использован сравнительный метод. Он был применен в освещении предметов быта народов Карелии³. При музее начала работать фотолаборатория. Была составлена фототека. Проводились фотовыставки

¹ Консультант Плюс [Офиц. сайт]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=8250;dst=0> (дата обращения: 25.02.2014).

² НА РК (Национальный архив республики Карелия), Ф. Р-630. (Министерство образования РК (1923–1996)). Оп. 1. Д. 53/431. Л. 213–216.

³ НА РК, Ф. Р-700. (Государственный плановый комитет КАССР (1922–1991)). Оп. 1. Д. 32/230. Л. 133–152.

и фотосъемки. Музейной библиотеке были переданы книги из закрытой Александро-Невской заводской церкви⁴.

Был проведен ряд мероприятий по систематизации работы и фондов музея. С. А. Макарьевым была выдвинута идея о создании музейного путеводителя, о выпуске издания с описанием музея и публикации списка памятников старины и искусства Карелии⁵. В 1929 году вышла статья «Охрана памятников природы в Карелии», в 1930 статья «Памятники старины и искусства в Карелии». Для ознакомления общественности с научно-исследовательской работой музея было предложено проводить ежегодные отчетные осенние выставки и издавать музейный ежегодник⁶. В 1930 году был опубликован первый номер музейного издания «Карелия. Ежегодник КГМ за 1928 г.».

В конце 1920-х годов росла посещаемость музея. Поэтому остро встал вопрос об организации экскурсий. С. А. Макарьев предлагал осуществлять подготовку школьных исследовательских работ на базе музейных материалов. Таким образом, музей превратился в учебную лабораторию краевого значения⁷. Для работников школ был проведен спец семинар. Его целью ознакомление учителей с содержанием музея. Это позволило улучшить экскурсионное обслуживание музея⁸.

Одним из направлений работы музея было развитие районного краеведения. Работа С. А. Макарьева на должности директора музея пришлась на годы первой пятилетки, это отразилось на работе музея. С. А. Макарьевым был предложен план порайонного комплексного обследования Карелии. С 1929 по 1933 годы предполагалось изучить 26 районов Карелии⁹. Пятилетний план научно-исследовательской работы в районах также включал в себя передачу в районы отдельных коллекций из фондов музея. Это делалось с целью децентрализации музейного дела и разгрузки музейных фондов. Для улучшения культурного обслуживания удаленных от Петрозаводска районов, особенно приграничных территорий, и обеспечения равного доступа к культурным ценностям всех жителей Карелии планировалось открытие филиалов музея. Они должны были стать опорными пунктами изучения районов и превратиться в «культурные очаги»¹⁰.

В 1928 году для развития краеведческого движения в Карелии в Карельском государственном музее было организовано краеведческое бюро¹¹. На него были возложены функции учета краеведческих организаций, популяризации краеведения и консультации краеведов¹². Краеведческие статьи сотрудников музея активно печатались на страницах журналов «В помощь просвещенцу», «Экономика и статистика Карелии», «Вестник Карело-Мурманского края». В 1931 году вышел краткий справочник для туриста и экскурсанта «По Советской Карелии». При музее были организованы кур-

⁴ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 55/452. Л. 65–72.

⁵ НА РК. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 32/230. Л. 133–152.

⁶ НА РК. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 32/230. Л. 133–152.

⁷ НА РК. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 32/230. Л. 133–152.

⁸ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 55/452. Л. 65–72.

⁹ НА РК. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 32/230. Л. 133–152.

¹⁰ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 51/416. Л. 4.

¹¹ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 53/431. Л. 213–216.

¹² НА РК. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 32/230. Л. 133–152.

сы для ознакомления с современными проблемами хозяйственного и культурного строительства¹³ и курсы по подготовке руководителей краевых экскурсий¹⁴.

С целью сбора научного и выставочного материала для музея в рамках научно-исследовательской деятельности был проведен ряд исследовательских экспедиций. Была проведена археологическая экспедиция совместно с Московским историческим музеем. Проведены экспедиции по изучению петроглифов, колхозов, животного мира Карелии, фото-экспедиция по производственным районам¹⁵. С. А. Макарьев занимался изучением районов с преимущественно вепским населением. Под руководством С. А. Макарьева была проведена заонежская экспедиция студентов Ленинградского историко-лингвистического института¹⁶. Студенты географического факультета Ленинградского университета под руководством С. А. Макарьева провели этнографическое обследование села Шуя. По итогам исследовательской работы фонды музея пополнялись историкобытовыми, фольклорными и фотографическими материалами¹⁷. В 1930 году была издана статья «Научно-исследовательская работа в Карелии: 1920–1930 гг.». В 1932 году была опубликована работа «Вепсы. Исторический очерк».

Несмотря на широкую поддержку со стороны Карельского правительства, музей все же имел ряд проблем, существенно тормозивших его развитие. Одной из них была нехватка квалифицированных кадров. Согласно отчету музея за 1928 год штат сотрудников состоял из 4 человек¹⁸. К 1930 году в музее работало уже 6 человек, к 1931 – 22 сотрудника¹⁹. Второй серьезной проблемой была нехватка помещений. Музей занимал часть здания на Площади 25 октября 1917 года (Площадь Ленина) и делил его с КарЦИКом (Карельский центрально – исполнительный комитет). Часть отделов была свернута, а вновь прибывающие материалы негде было хранить. В 1929 году СНК вынес постановление о перестройке бывшей заводской церкви под Карельский Государственный музей²⁰. В здании церкви были размещены антирелигиозный и экономический отделы. Однако это не решило проблему. С. А. Макарьев настаивал на передаче музею всего здания, в котором он располагался²¹. Но в здание на площади Ленина музей вернулся только в 1993 году.

16 мая 1931 года С. А. Макарьев освободил должность директора Карельского государственного музея и перевелся в Карельский научно-исследовательский институт. За три года руководства работой музея Степан Андреевич Макарьев внес большой вклад в его развитие. Была проведена внутренняя реорганизация музея, по-новому организовано выставочное пространство. Сотрудники музея стали вести активную научно-исследовательскую работу. Результаты исследовательских экспедиций дополнили фонды музея и легли в основу научных статей по краеведению. Музей фактически воз-

¹³ НА РК. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 32/230. Л. 133–152.

¹⁴ НА РК. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 133/894. Л. 142–144.

¹⁵ НА РК. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 133/894. Л. 142–144.

¹⁶ НА РК. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 133/894. Л. 142–144.

¹⁷ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 55/452. Л. 65–72.

¹⁸ НА РК. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 32/230. Л. 133–152.

¹⁹ НА РК. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 133/894. Л. 142–144.

²⁰ НА РК. Ф. Р-690. (Совет министров РК (1922–1994)). Оп. 1. Д. 14/143. Л. 56.

²¹ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 55/452. Л. 65–72.

главил работу районного краеведения в Карелии. На рубеже 1920–1930 гг. музей провел работу по популяризации краеведения и привлечению к исследовательской работе музея местных краеведов. Музей стал учебной лабораторией для школьников. Он также проводил методические семинары для учителей. При Степане Андреевиче Макарьеве музей преобразился, став политико-просветительским и научным учреждением, влияние которого на культуру и значение в сохранении национального своеобразия республики трудно переоценить.

Деятельность Центрального архива АКССР по собиранию и сохранению книжных богатств республики в довоенный период

Основу фонда современной научно-справочной библиотеки Национального архива Республики Карелия, самую ценную ее часть – досоветские центральные и местные издания, республиканские периодические издания первых десятилетий советской власти, составляет литература, собранная Карельским центральным архивом в довоенный период.

В июне 1918 г. при Олонецком губернском отделе народного образования был образован подотдел архивов, после чего из прекративших свою деятельность ведомств, организаций, обществ и учебных заведений в архивное учреждение, наряду с документами, стали поступать и печатные издания. Вплоть до 1924 г. в штате учреждения состоял всего один постоянный сотрудник, у которого не было возможности вести существенную работу по разбору, учету и систематизации литературы.

В 1924–1925 гг. Центрархив РСФСР предписал местным архивным учреждениям организовать отделы печатных изданий, отмечая важность и срочность данной задачи. В циркуляре Центрархива РСФСР от 28 ноября 1924 г. местным архивам было предложено не только собрать и предоставить в Центрархив сведения о выпущенных за период с 1917 по 1921 гг. местных изданиях (отчеты различных съездов и конференций, ведомств и организаций, журналы, приказы, распоряжения, воззвания и другие издания ведомственного, профессионального и партийного характера), но и «в срочном порядке приступить к собиранию и хранению указанного материала»¹. Кроме того, в 1925 г. после многочисленных согласований с Карлитом и ЦИК АКССР было урегулировано снабжение Карельского центрального архива экземпляром местных изданий с целью «концентрации и систематизации всех местных произведений печати»².

В мае 1925 года на совещании при заведующем Карельским центральным архивом представители научных учреждений республики рассматривали вопрос «об увязке работы» Центрархива, Центральной библиотеки, Областного музея и справочной библиотеки Статуправления по собиранию, учету и систематизации книжного материала официально-справочного краеведческого характера. Было принято решение в течение наступающего летнего периода провести «широкую кампанию на территории всей Карелии по сбору залежавшегося в заброшенных местах книжного материала», а собранные издания официально-справочного характера (своды законов, правительственных распоряжений, официальные отчеты о деятельности учреждений и т. п.) в наиболее полном комплекте со-

¹ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 1/6. Л. 90.

² Там же. Л. 92.

средоточить в Центральном архиве АКССР. Основанием для такого решения послужило то, что подобные издания являются «прямым дополнением архивного материала»³.

Таким образом, уже в 1924–1925 гг. перед Карельским центральным архивом стояли задачи по собиранию, систематизации и учету большого массива литературы, как досоветского, так и советского периодов. При этом в архиве не было библиотеки, отдела печатных изданий, подходящего помещения, в штате учреждения отсутствовал специальный сотрудник по работе с литературой. В августе 1925 г. Центральный архив АКССР, обращаясь к КарЦику с просьбой предоставить для отдела печатных изданий соответствующее помещение, сообщал, что «находящиеся в местах теперешнего хранения печатные материалы технически невозможно из-за тесноты помещений и отсутствия освещения и отопления привести в систему и описать»⁴.

В акте по итогам обследования Карцентрархива в сентябре 1925 г. инструктор Центрархива РСФСР ВЦИКа констатировал, что «в архиве не имеется справочной библиотеки и газетно-плакатного отдела, а весь материал, относящийся к названным отделам, распылен по архивохранилищам»⁵. Коллегия Центрархива РСФСР на заседании в ноябре 1925 г. признала необходимым просить Центрархив АКССР организовать справочную библиотеку и газетно-плакатный отдел⁶.

В январе 1927 г. на техническом совещании при заведующем Карцентрархива было заявлено о проработке в ближайшее время вопроса об организации справочной библиотеки архива⁷. А уже в «Докладе о деятельности Центрального архива Карельской АССР за организационный период его существования (1924–1927 гг.)» содержался раздел «Об отделе печатных изданий и справочной библиотеке Карцентрархива». Под библиотеку была отведена отдельная комната, оборудованная полками протяженностью 270 погонных метров, произведена «грубая разбивка» печатных изданий по содержанию⁸. В докладе указывалось, что комната, отведенная для отдела печатных изданий и библиотеки, мала, вследствие чего значительная доля литературы сложена в архивохранилищах и недоступна для использования⁹.

Из отчета Карельского центрального архива за 1927–1928 гг. следует, что к концу 1928 г. в составе библиотеки архива находилось 1011 единиц хранения, занесенных в инвентарную опись и каталог¹⁰. Это была литература, как непосредственно относящаяся к архивным вопросам и делопроизводству, так и «разная справочная литература центрального и местного происхождения по вопросам истории хозяйственной и культурной жизни края». В числе разобранных и «хранящихся в порядке» на тот момент печатных изданий упомянуто «Полное собрание законов Российской

³ Там же. Д. 2/22. Л. 5.

⁴ Там же. Д. 2/19. Л. 1, 1об.

⁵ Там же. Д. 2/17. Л. 4об.

⁶ Там же. Д. 2/19. Л. 4.

⁷ Там же. Д. 4/82. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 4/78. Л. 13.

⁹ Там же. Л. 9об.

¹⁰ Там же. Д. 4/87. Л. 15.

империи», к которому часто обращаются современные исследователи. В отчете отмечено: «Наша библиотека среди других ведомственных библиотек города по содержанию и объему занимает уже теперь далеко не последнее место»¹¹. Библиотека регулярно пополнялась новыми изданиями из КАРЛИТа, а также практиковался способ «выписывания за плату» необходимой литературы. Так, например, была приобретена «История Выговской пустыни» Ивана Филиппова и многие другие издания. Систематическое пополнение библиотеки продолжалось в тот период и за счет выявления необходимых книг из запаса неразобранной литературы в хранилищах архива. Общее количество этих изданий «по самому ориентировочному подсчету» составляло не менее 20 тысяч экземпляров¹².

В конце 1920-х гг. у архива появились новые источники комплектования литературой. В июне 1927 г. Административно-финансовая комиссия при Секретариате ЦИКа и СНК АКССР в целях разгрузки Центральной справочной библиотеки при СНК АКССР и всех других ведомственных библиотек от изданий прошлых лет, «утративших непосредственное практическое значение» для текущей работы Совнаркома, Карплана, наркоматов и ведомств, постановила выявлять данные издания и передавать в Центрархив АКССР¹³.

В 1929 г. вновь активизировалась антирелигиозная политика государства. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» в молитвенных зданиях и помещениях отныне разрешалось хранить только книги, необходимые для церковной службы. В соответствии с новыми политическими установками Президиум ЦИК АКССР 29 июня 1929 г. постановил провести ряд мероприятий в отношении церкви, в том числе «проверить во всех молитвенных помещениях совместно с Наркомпросом имеющиеся библиотеки, оставив только книги, необходимые для отправления данного культа, остальные книги изъять и передать в Центрархив»¹⁴. После закрытия Петрозаводского кафедрального собора в начале 1930 г. для приема здания и имущества собора Петрозаводский горисполком организовал специальную комиссию. Центрархив АКССР предложил включить в комиссию своего представителя, обосновывая это тем, что «в соборе могут оказаться печатные и рукописные материалы архивного значения, подлежащие передаче в архивный фонд»¹⁵. На некоторых изданиях, поступивших в тот период из Петрозаводского кафедрального собора и хранящихся в архиве по сей день, штамп Карельского центрального архива соседствует с владельческими штампами Петрозаводского кафедрального собора, приходского совета Петрозаводского кафедрального собора, а также владельческой надписью Петропавловского собора. Среди книг с владельческими штампами есть и старопечатные издания: несколько томов «Истории российской иерархии» архимандрита Амвросия (А. А. Орнатского), изданных в начале XIX в. в Москве, «Начертание библейской истории с древнейших времен до XVIII века» архимандрита Иннокентия (И. Д. Смирнова) (СПб., 1823),

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 16.

¹³ Там же. Д. 4/75. Л. 5.

¹⁴ Там же. Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 42/450. Л. 8об.

¹⁵ Там же. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 7/188. Л. 1.

«Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви» митрополита Евгения (Е. А. Болховитинова) (СПб., 1818). В Центральный архив АКССР были переданы и несколько рукописных книг из сгоревшего в октябре 1924 г. Воскресенского собора, хранившихся после пожара в Петрозаводском кафедральном соборе. В документах Петрозаводского Святодуховского кафедрального собора сохранился акт № 103/а от 10 августа 1926 г. между представителями Государственного книжного фонда и приходского совета Петрозаводского кафедрального собора о том, что перенесенные в Петрозаводский кафедральный собор после пожара Воскресенского собора старопечатные книги и рукописи, осмотренные и описанные представителем Государственного книжного фонда, «как неиспользуемые и не значащиеся на учете Собора» приняты на учет Государственного книжного фонда «на предмет их изъятия и распределения» и сданы на хранение приходскому совету «до согласования настоящего вопроса» между Государственным книжным фондом и органами управления АКССР¹⁶. В прилагаемом к акту перечне книг и рукописей содержатся несколько рукописных книг¹⁷, которые также входят в список рукописей архива, составленный в сентябре 1940 г. археографом и историком древнерусской литературы Владимиром Ивановичем Малышевым¹⁸.

В тот же период Карельский центральный архив в соответствии с хозяйственными задачами Карельской Республики приступил к выявлению материалов, отражающих развитие горной промышленности в крае. Параллельно с обработкой архивных документов архив выявлял литературные источники по истории горной промышленности в Карелии. Был составлен библиографический указатель (в форме картотеки), из книжных запасов подобраны для библиотеки архива соответствующие печатные издания. Среди прочей литературы были подобраны и подготовлены к использованию тома периодического издания «Горный Журнал» за период с 1825 по 1892 гг.¹⁹

Разброс изданий по разным хранилищам не давал возможности сотрудникам архива вести полноценную работу по систематизации, учету и размещению всего этого книжного богатства. Давно назрела необходимость введения в штат специалиста для работы с литературой. В докладе «О реорганизации аппарата Центрархива АКССР» от 30 мая 1928 г. заведующий архивом Николай Васильевич Хрисанфов отмечал, что «масса в несколько тысяч томов у нас в архивохранилищах и в архивохранилищах Онегзавода ждет своей разборки и учета»²⁰, и, если не выделить «специальных работников над печатными изданиями – у нас не будет ни возможности, ни средств»²¹.

Наконец в 1929 г. в план работы Центрархива АКССР на период с 15 октября по 1 декабря

¹⁶ Там же. Ф. Р-2961. Оп. 1. Д. 3/39. Л. 9.

¹⁷ Там же. Л. 10об.-11об.

¹⁸ Там же. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 2/25. Л. 4-5об.

¹⁹ Там же. Оп. 1. Д. 7/175. Л. 107.

²⁰ Там же. Д. 5/120. Л. 5.

²¹ Там же. Л. 7.

вошел пункт об организации в архивном учреждении книгохранилища²². К началу 1930 г. помещение под книгохранилище было подготовлено. Протяженность библиотечных полок в книгохранилище составила 620 погонных метра²³.

14 января 1930 г. для осуществления централизованного учета, хранения и использования «нераспространенных остатков местных печатных изданий, выпускаемых в свет государственными, общественными и кооперативными учреждениями и организациями АКССР» СНК АКССР постановил организовать в составе книгохранилища Центрархива АКССР склад государственных изданий (СГИ) и ввести в штат Центрархива особую должность квалифицированного библиотечного работника для обслуживания книгохранилища в целом²⁴. Всем центральным учреждениям и организациям Карелии предлагалось в месячный срок выявить и передать Центрархиву АКССР все имеющиеся излишки печатных изданий.

По инициативе председателя СНК АКССР Э. А. Гюллинга функции склада государственных изданий слились с функциями книгохранилища²⁵. С 1 марта 1930 г. в штат архива введена должность заведующего книгохранилищем. Начались работы по концентрации в книгохранилище изданий, раскиданных по разным помещениям и хранилищам архива, переплетению книг, приему новых поступлений из ликвидированных учреждений и приему «излишков» изданий от учреждений и организаций Карелии, отбору литературы из запасного фонда Карельской публичной библиотеки и перемещению ее в Карцентрархив. В книгохранилище-складе государственных изданий формировались обменный и запасной фонды. Получая 10 обязательных экземпляров всех местных печатных изданий, книгохранилище распределяло их по библиотекам научных учреждений²⁶. Только за 11 месяцев 1932 г. через книгохранилище прошло 21290 экземпляров изданий²⁷. Таким образом, с начала 1930-х гг., наряду со справочной библиотекой и отделом печатных изданий, в архиве было создано книгохранилище с функцией Карельской книжной палаты. Архивное учреждение в тот период было призвано не только собирать и сохранять книжные богатства республики, но также распределять их по существующим и вновь образующимся справочным и научным библиотекам Карелии.

Предстояла архиву и трудная работа по учету литературы в книгохранилище, содержавшем в 1934 г. «ориентировочно 60000 экземпляров печатных изданий»²⁸. Фонд самой библиотеки Карельского центрального архива составлял в 1934 г. приблизительно 5-6 тысяч экземпляров²⁹. По подсчетам руководителя архива Н. В. Хрисанфова, «освоение» всех книжных богатств архивного

²² Там же. Д. 5/121. Л. 33.

²³ Там же. Д. 7/175. Л. 115.

²⁴ Там же. Д. 5/132. Л. 66.

²⁵ Там же. Л. 65.

²⁶ Там же. Д. 9/253. Л. 32.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Д. 12/309. Л. 1.

²⁹ Там же.

учреждения на тот момент требовало «примерно 6-летнего труда 1 человека»³⁰. Новые масштабы и задачи работы с изданиями требовали привлечения дополнительных ресурсов.

Для более эффективной работы библиотеки была опробована система «шефства» над библиотекой сотрудниками архива, в итоге признанная неэффективной из-за несогласованности работы «шефов»³¹. На подбор и систематизацию годовых комплектов газет из книгохранилища привлекались временные работники через биржу труда. Характерными для довоенной эпохи были так называемые «производственные походы», благодаря которым учреждение направляло свои силы на малоосвоенные направления работы. Так, в 1935 г. Центральным карельским архивом был организован производственный поход «имени 15-летия Карельской республики», план которого включал работу по книгохранилищу и библиотеке³². В последующие годы для форсирования работы с изданиями постоянно привлекались работники из разных отделов архива.

Понимая всю важность задачи по централизованному учету, хранению и использованию литературы, Карельский центральный архив, кроме инвентаризации изданий, продолжал работу по собиранию, описанию и распределению книг. Задание по книгохранилищу на 1935 г. включало пункт о возможности получения по договоренности «в виде исключения» из списанной части академического отделения Публичной библиотеки книг архивоведческого и археографического содержания, а также отбор «наиболее ценных для Центрархива книг из несписанной части» академического отделения библиотеки³³. Планировалось отобрать в книгохранилище дублетные экземпляры «Полного собрания законов Российской империи» для отсылки в Ленинград, составить библиографический указатель на всю имеющуюся в Центрархиве и Публичной библиотеке литературу по архивному делу, как на отдельные издания, так и на статьи, помещенные в журналах и сборниках – «Архивное дело», «Красный Архив», «Исторический архив»³⁴. Интересно отметить, что среди задач по книгохранилищу на 1935 г. было и окончание библиографирования периодического издания «Церковный вестник» с формулировкой «работу поручить Казанскому на прежних основаниях»³⁵. Наиболее вероятно, что речь шла о Константине Ивановиче Казанском, выпускнике Олонецкой духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии, авторе краеведческих очерков в досоветских местных периодических изданиях, бывшем помощнике смотрителя Петрозаводского духовного училища, депутате III и IV Государственной Думы.

Во второй половине 1930-х гг. главной задачей в работе с изданиями стала инвентаризация и систематизация всей хранившейся в архиве литературы. В большом количестве, иногда по 100–300 экземпляров³⁶, выявлялись дублетные издания, которые распределялись по библиотекам, в т. ч. деревенским, а наиболее дефектные выделялись в макулатуру. За счет этого освобождались многие

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 1об.

³² Там же. Д. 13/347. Л. 11.

³³ Там же. Д. 13/360. Л. 2.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Д. 15/378. Л. 79.

метры полок для более ценной литературы. В 1936 г. на освободившиеся полки были расставлены по хронологии досоветские издания: «Собрания узаконений и распоряжений правительства», «Полное собрание законов Российской империи», «Свод законов Российской империи», «Церковные ведомости», «Олонецкие губернские ведомости», «Олонецкие епархиальные ведомости», многочисленные издания о деятельности губернского земства³⁷.

В конце 1930-х гг. книгохранилище стало называться фондовой частью архивно-справочной библиотеки, которая также включала научно-справочную часть, состоящую из «русского» и национального отделений, и газетный фонд³⁸. Благодаря постоянному привлечению сотрудников других отделов к инвентаризации литературы и составлению на нее каталожных карточек, перевыполнению плана этих работ на 200 и более процентов³⁹, в 1939 г. удалось взять на учет большую часть хранившихся в архивном учреждении изданий.

В июле 1939 г. при приеме и передаче архивно-справочной библиотеки вновь назначенному заведующему А.Ф. Багге от бывшего заведующего К.Ф. Ворониной было сдано и принято: учтенной и заинвентаризированной литературы более 37 тысяч экземпляров, 22 инвентарные книги, картотека на 29 тысяч карточек, разбитых по темам, 18 ключей от хранилищ и шкафов. По «финскому» (национальному) отделению библиотеки принято учтенных и заинвентаризированных книг более 5 тысяч экземпляров, неучтенных и незаинвентаризированных изданий – «ориентировочно» 2 тысячи книг на разных иностранных языках и 163 комплекта газет на финском языке⁴⁰. Состояние библиотеки было признано удовлетворительным.

Как и во многих советских учреждениях, в архиве в тот период остро стояла проблема с помещениями, а состояние хранилищ по причине сырости не удовлетворяло необходимым требованиям. В течение 1930-х гг. Карельскому центральному архиву не раз отказывали в выделении средств на ремонт, обосновывая это скорым строительством нового здания. Приступить к строительству удалось лишь в 1939 г. В докладной записке народному комиссару внутренних дел КФССР майору тов. Баскову «О состоянии Архивного дела в Карело-Финской ССР на 1-е ноября 1940 г.» сообщалось, что архивно-справочная библиотека расположена в трех хранилищах: «под Наркомпросом, под зданием Архивного отд. НКВД КФССР на пл. 25 октября дом 2-а, и в соседнем таком же здании на пл. 25 октября дом № 1-а»⁴¹, и помещения эти, как и другие хранилища, совершенно не соответствуют своему назначению⁴². В целях «коренного улучшения всей деятельности архивных органов» и создания необходимых условий для сохранности документов и изданий предлагалось оказать содействие и «обеспечить лимитами» строительство нового здания

³⁷ Там же. Л. 80.

³⁸ Там же. Д. 18/452. Л. 18.

³⁹ Там же. Оп. 2. Д. 1/7. Л. 6.

⁴⁰ Там же. Оп. 1. Д. 21/492. Л. 11, 11об.

⁴¹ Наркомат просвещения находился в здании на пл. 25 октября – сегодня пл. Ленина, там же и два упомянутых здания-флигели – д. № 1а и д. № 2а.

⁴² НА РК. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 22/502. Л. 5.

архива и снабжение данного строительства материалами «централизованным порядком»⁴³. О самом библиотечном фонде в докладной записке сказано, что все издания заинвентаризованы, за исключением небольшого количества литературы на шведском, английском и немецком языках⁴⁴. Всего на учете архивно-справочной библиотеки в ноябре 1940 г. состояло 37584 экземпляра изданий⁴⁵.

Накануне Великой Отечественной войны сотрудникам Центрального государственного архива К-ФСР удалось закончить огромную работу по упорядочению фонда архивно-справочной библиотеки, собранного со всей территории республики за два с лишним десятилетия. Тем печальнее тот факт, что война, эвакуация и оккупация Петрозаводска нанесли тяжелейший ущерб библиотеке архива. Даже на сегодняшний день, с учетом книг и периодических изданий, поступивших во второй половине XX в. – начале XXI в., объем фонда научно-справочной библиотеки архива значительно меньше, чем был накануне войны, и составляет приблизительно 29 тысяч единиц хранения.

⁴³ Там же. Л. 10, 11.

⁴⁴ Там же. Л. 7.

⁴⁵ Там же. Л. 5.

**Изменение образа Великой Отечественной войны и военного времени
в произведениях писателей Карелии и на сценах театров республики
во второй половине 1940-х – начале 1960-х гг.**

Великая Отечественная война стала поворотным событием мировой истории. Ей посвящены научные, публицистические работы и литературные произведения. Каждая эпоха, каждое новое поколение по-своему осваивало наследие тех трагических и великих лет. Творческое осмысление событий военной эпохи было необходимо для израненного войной советского общества.

Каждая эпоха рождает своих героев. Они отвечают эстетическим, общественным, политическим идеалам своего времени. Через них возможна трансляция смыслов и полноценный обмен информацией между автором и читателем или зрителем. Так формируется народная память о значимых исторических событиях.

Карелию как приграничный регион война охватила полностью. В 1941–1944 гг. по территории республики проходил фронт, большая часть региона была оккупирована финскими войсками. На территории Карелии активно действовали партизанские отряды.

После Великой Победы карельские литераторы и деятели культуры, многие из которых воевали, через творчество делились пережитым и формировали национальную память о войне. Карельская литература послевоенного периода продолжала развиваться на русском и финском языках.¹

Во второй половине 1940-х годов художественное переживание войны карельскими авторами отражало в себе все особенности и традиции советской литературы сталинской эпохи. Сюжеты произведений, основа их конфликта и развязка были одинаковыми. По замечанию известного карельского писателя А. Тимонена, выступавшего в 1956 г. на V республиканском совещании молодых писателей, к началу 1950-х гг. карельская литература была «заражена шаблонами и штампами».²

Авторы республики писали о деятельности партизанских отрядов на территории оккупированной Карелии. При этом сюжет особенно драматических произведений прописывался по одной схеме. Отважный житель карельской деревушки прятал раненого партизана. Об этом узнавали оккупанты.пытками и разнообразными издевательствами они старались вызнать информацию о партизанском отряде. Все расспросы, конечно, не приносили захватчикам успеха. И когда измождённого лесоруба

¹ Отчетный доклад Я. В. Ругоева «О состоянии и дальнейших задачах карело-финской литературы» // На рубеже. 1954. № 8. С. 13.

² Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. П-3 (Фонд Карельского рескома Компартии РСФСР (1921–1991)). Оп. 7. Д. 41. Л. 24–26.

или крестьянку уже вели на казнь, появлялся партизанский отряд и отбивал настрадавшегося земляка. Героико-патриотические произведения о войне в Карелии не отражали особенностей Великой Отечественной войны в регионе и специфики партизанского движения в республике, не показывали глубину психологических переживаний героев.

Роман В. Чехова «На правом фланге» был первым в литературе Карелии большим произведением о Великой Отечественной войне на русском языке. Он был очень популярен в республике. Современники видели причины большого читательского успеха книги в значительности темы, остроте сюжета и в новом подходе к трактовке героизма.³ Эта тема в советской литературе послевоенного периода была представлена по-разному: и романтически (А. Фадеев, В. Полевой, П. Вершигора), и подчеркнуто буднично (В. Панова, В. Некрасов).

В. Чехов, размышляя о природе подвига человека на войне, в романах «На правом фланге» и «Разведчики» подводил читателя к мысли о том, что подвиг в условиях войны – это долг. Это то, что нужно и должно смочь. Этот вывод писатель сделал на основе анализа и сопоставления различных примеров героических поступков. В. Чехов показывал внутренние побуждения человека.⁴ Испытывая страх в самом начале войны, боевой подвиг совершила медсестра Катя Данюк. Неожиданно для себя, но, осознавая, что так нужно поступить, то же сделал медлительный боец Синюхин и целый ряд других героев романа.

В. Чехову также удалось проанализировать внутреннее развитие человека на войне. Солдат Синюхин, пройдя путь от рядового бойца до лейтенанта, освобождался «от деревенской ограниченности», личной замкнутости, обретал «душевную собранность, бесстрашие и чувство товарищества».⁵

Одним из недостатков романа, по замечанию читателей, стало упрощенное изображение врагов. Майор финской армии, анализируя бой, не может понять, кто же из расположения финских частей стрелял по финнам – свои или русские. Если стреляли русские, то откуда они взялись в тылу. На Украине немцы повесили по недоразумению преданных им полицаяв. Офицер вермахта погиб от руки голодной ослабевшей женщины.⁶

В конце 1940-х – начале 1950-х годов в финноязычной поэзии республики не появилось новых имен. Свой творческий путь продолжали уже известные в республике поэты Я. Ругоев, Н. Лайне, С. Лунд.

Определяющим моментом в развитии послевоенного стихосложения Карелии стало творческое осмысление впечатлений, полученных поэтами в период 1941–1945 гг. Это обусловило расцвет публицистических жанров. Поэты также стремились проследить истоки подвига народа, завоевавшего Победу. Это привело к появлению эпических произведений о войне. Так, поэма Н. Лайне «Баллада о родной скале» пронизана идеей долга, ответственности и общности судеб всех народов Советского

³ Хайлов А., Шапкин В. О творчестве В. Г. Чехова // На рубеже. 1951. № 10. С. 36.

⁴ Асанов Н. Герой и характер // На рубеже. 1952. № 7. С. 45.

⁵ Очерки истории советской литературы Карелии. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1969. С. 204–205.

⁶ Очерки истории советской литературы Карелии... С. 205.

Союза перед ужасами войны. Основной идеей поэмы становится мысль о необходимости помнить о великой цене Победы и недопустимости повторения подобных трагедий.

Для первых послевоенных лет было характерно стремление советских драматургов к изображению на сцене событий Великой Отечественной войны.⁷ Одним из наиболее популярных спектаклей в этот период стала постановка Финского драматического театра по пьесе Б. Лавренева «За тех, кто в море».⁸ Она интересна и тем, что в ней наиболее полно воплотились черты, характерные для драматургических произведений второй половины 1940-х годов: простота композиции, ясность характеров, батальный фон.

События в пьесе разворачивались во время войны 1941–1945 годов. В основе сюжета лежал конфликт двух командиров морских охотников. Один из них, Боровский, всеми путями стремившийся к славе, во время боя сознательно нарушил инструкцию. Это привело к гибели одного из кораблей морских охотников. Вся вина за случившееся пала на второго командира, Максимова, а почет за выполненное, хоть и с потерями, задание достался Боровскому. Но, благодаря опытному матросу, афера была раскрыта. Виновный был разжалован в матросы, а честное имя Максимова восстановлено.

Конфликт образов спектакля доведен до предела. Положительный герой пьесы, Максимов, положителен во всем. Это строгий, но справедливый командир, заботящийся о своем экипаже, вежливый и уравновешенный в общении с окружающими человек. Он болеет за общее дело, не пытается добиться личного успеха.

Полной противоположностью ему выступает образ Боровского, который предстает перед зрителем человеком честолюбивым, склонным к позерству и красивой фразе. Он «дерзко и упорно гонится» за личной славой, готов ради нее совершить подлый поступок. Даже в личной жизни он ведет себя недостойным образом.

По первым фразам Максимова и Боровского зрителю в общих чертах становится понятна нравственная и человеческая суть каждого из них, поэтому в поступках героев нет интриги, они абсолютно предсказуемы. Отсутствие конфликта в пьесе выражалось в том, что коллектив взялся за перевоспитание Боровского. В финале пьесы он полностью осознал необходимость изменения своей жизненной позиции и сделал первые шаги в этом направлении.

Хрущевская «оттепель», несмотря на всю свою противоречивость, подвела творческую интеллигенцию Карелии к формированию новых подходов к отражению и осмыслению Великой Отечественной войны в художественных произведениях. Изменение политического климата в стране после XX съезда партии создало благоприятную почву для обновления литературного и театрального творчества. Постепенно преодолевались административные методы жесткой регламентации культурной жизни. В Карелии открывались возможности для знакомства с западным искусством. Всё это

⁷ Очерки истории советской литературы Карелии... С. 199, 215; Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии. История литературы Карелии. Т. 2. С-Пб.: Наука, 1997. С. 145; История русского советского драматического театра. В 2-х т. Т. 2. 1945–1980. М.: Просвещение, 1987. С. 16, 20.

⁸ НА РК. Ф. Р-3065 (Фонд Государственного Национального театра (1940–1994)). Оп. 1. Д. 2/30. Л. 1.

оживляло общую духовную атмосферу середины 1950-х гг.⁹ В Карелии литературное и художественное творчество обрело новые формы и идейное наполнение.

С середины 1950-х годов начался новый этап в освоении военного наследия страны. При этом произошли значительные изменения и в образах героев, и в подходах к изображению Великой Отечественной войны на страницах литературных произведений. Авторы отошли от «любовых» решений конфликтов, от сведения содержания к традиционным описаниям батальных сцен.

Ведущим жанром середины 1950-х гг. стала психологическая драма. Через неё гуманизация общества периода «оттепели» вошла в литературную жизнь Карелии. Творческая интеллигенция учила понимать, ценить и уважать чужую жизнь как свою. Именно в этом ключе события трагических военных лет стали осмысливаться карельскими писателями и драматургами.

Молодой поэт М. Тарасов быстро завоевал любовь карельского читателя и приобрел уважение коллег. Его поэзию отличали острый сюжет, общественно важные идеи и присущая поэту ораторско-декламационная манера изложения, ирония. Особенно интересны стихи М. Тарасова, отразившие мысли, чувства и переживания молодых людей, отцы которых погибли во время Зимней и Великой Отечественной войн. Основной идеей этих стихов стало постижение и утверждение справедливой борьбы отцов, «стремление продолжать их дело» («Война», цикл «Подвиг»)¹⁰

Важно отметить, что к началу «оттепели» зритель устал от однообразного репертуара с пропагандистской направленностью. На открытом партийном собрании Финского драматического театра артист С. А. Туорила отметил, что на «большие партийные спектакли» люди «сами не идут». Они не хотели «все время выслушивать мораль». К середине 1950-х годов театр в масштабах всей страны потерял доверие зрителя. Он перестал ходить в театр.¹¹ Итогом этого процесса стало сокращение к 1956 году в репертуаре Музыкально-драматического театра драматических спектаклей. Театр сосредоточился на «облегченном репертуаре», состоящем в основном из оперетт.¹²

Однако тема Великой Отечественной войны имела большой зрительский интерес. По-новому стала звучать проблема личного вклада каждого советского человека в дело Великой Победы. До 1950-х гг. было принято говорить о героях, а не о жизни и страданиях «маленького человека» на войне. В 1959 г. в Петрозаводске Финским драматическим театром была поставлена пьеса Г. Гракова и А. Иванова «Это было в Карелии» («Бессмертные звёзды»). В основу сюжета лег подвиг карельских девушек Анны Лисицыной и Марии Мелентьевой – Героев Советского Союза, погибших во время Великой Отечественной войны.

⁹ Вавулинская Л. И. Интеллигенция и проблема свободы творчества в 1950–1960-е гг.: (На материале Карелии) // Интеллигенция XXI века: тенденции и трансформации. Материалы XIV международной научно-теоретической конференции 25–27 сентября 2003 г. Иваново: Ивановский государственный университет, 2003. С. 174–176.

¹⁰ Очерки истории советской литературы Карелии... С. 252.

¹¹ История русского советского драматического театра... С. 10.

¹² НА РК. Ф. П-131 (Фонд партийной организации Музыкального и драматического театров (1938–1988)). Оп. 5. Д. 1. Л. 107.

Их родственники предоставили авторам необходимый материал, чтобы «получился простой и взволнованный разговор о человеке».¹³ Получился драматичный рассказ о пребывании девушек-разведчиц в оккупированной финнами карельской деревне, где проживала семья А. Лисицыной. Образы главных героев были переданы через общие черты их нравственного облика: преданность Родине, мужество, выдержка в минуты опасности, желание во что бы то ни стало выполнить задание.

Но самое важное в пьесе заключалось не в её героическом начале, а в смене образа героя драмы. В ней показана роль женщины, жены и матери, которая любила и поддерживала мужа и детей в их нелегком выборе партизанской жизни и борьбы в годы войны.¹⁴ Ждать, надеяться и помогать, отдавая последнее партизанскому отряду, – это была её лепта в Великую Победу.¹⁵

В пьесе Я. Ругоева «Огни Марикоски» делался акцент на «маленьких делах» обычных людей на оккупированной территории Карелии. Основной идеей пьесы, созданной по одноименному рассказу, стала мысль о том, что такие, незначительные, на первый взгляд, дела были важны для Победы ничуть не меньше, чем успехи крупных военных операций. Нанесение ущерба врагу на захваченной им территории порой требовало больше мужества и отваги, чем участие в наступлении на фронте. В тылу врага человек был один, часто безоружен и всегда беззащитен. Каждый самостоятельно без приказов делал свой выбор в соответствии со своими моральными и нравственными представлениями. Этот выбор давался нелегко. Часто решение приходило после долгих и мучительных переживаний. Именно они стали лейтмотивом пьес карельских драматургов о Великой Отечественной войне в 1950–1960-е гг.

Для драматургии периода «оттепели» характерно и стремление к детальному описанию психологического состояния человека в момент принятия решения. В пьесе А. Салынского «Барабанщица», поставленной Музыкально-драматическим театром, автору удалось передать «психологизм тонкой и нежной души» советской разведчицы на оккупированной территории, которая, выполняя задание, должна была сотрудничать с врагами.¹⁶ Правильный выбор дался героине нелегко, а после тяжелых раздумий, колебаний и переживаний. Автор смог передать не трагизм ситуации, а трагедию человека в пограничной ситуации. Гуманизация театрального искусства позволила увидеть советскую разведчицу не человеком с железными нервами, а обыкновенной, но очень мужественной женщиной. Зрители в Ниле Снижко разглядели то, что не дозволено было видеть оккупантам: тоску по своим и отворачивание к взятой на себя роли коллаборационистки.

Роман Д. Гусарова «Боевой призыв» первоначально задумывался как повесть. Впервые она была издана в 1949 году под названием «Плечом к плечу». Но после многолетней работы над произведением в 1961 году получилось эпическое полотно о войне, состоящее из нескольких повестей. В романе через достоверное описание партизанского быта показано несколько партизанских судеб. Читатель попадает из одного партизанского отряда в другой, из оккупированной заонежской деревни – в Заполярье.

¹³ Чеботаревская Т. В. Спектакли государственного финского драматического театра // Театр. 1959. № 12. С. 98.

¹⁴ Ленинская правда. 1959. 26.02; История русского советского драматического театра... С. 51.

¹⁵ Ленинская правда. 1959. 26.02.

¹⁶ Ленинская правда. 1960. 1. 04.

В последней части романа Д. Гусаров поместил публицистическое отступление. В нём он вкратце изложил основные вехи партизанского движения в Карелии. Изображение в романе реалий быта партизан отличалось конкретностью деталей, точностью воспроизведения обстановки, обусловленных непосредственным участием Д. Гусарова в партизанском отряде во время войны.

Это был уже совсем другой подход к осмыслению пережитых на войне трагедий. В романе война в Карелии приобрела и региональные особенности, и была представлена не только через боевые операции, но и показана через жизнь, быт и чувства простого человека.

В романе описана также жизнь на занятой врагом советской территории. Для оставшихся в своих деревнях людей оккупация стала испытанием их нравственных качеств. Показателен пример одного из героев произведения, Андрея Лукича, участника подпольной группы, поневоле ставшего старостой в захваченной финнами деревне. Д. Гусаров дал почувствовать одиночество и обреченность своего героя, пожертвовавшего жизнью в борьбе с врагом. Одновременно в произведении контрастно противопоставлялись люди, не выдержавшие испытания войной. Образы этих героев романа не несут на себе отпечаток ненависти. Они уже не вызывали у автора и читателя ничего кроме жалости к себе. В этом тоже проявилась гуманизация эпохи периода «оттепели».

Великая Отечественная война в Карелии через оккупацию финскими войсками большей части региона напрямую коснулась всех жителей республики. Большая часть сюжетных линий художественных произведений местных авторов была связана с жизнью и деятельностью партизан и жителей на оккупированной финнами территории Карелии. Литераторы республики практически не отражали в текстах войну всего советского народа с немецкими войсками. Эта специфика творческого осмысления войны вносит региональные особенности в восприятие её населением республики.

В середине 1950-х гг. в произведениях карельских писателей стал складываться новый образ героя. Главный редактор всесоюзного журнала «Театр» В. Пименов в 1962 году отметил, что «сегодня герой прост, некрасив, объективен. Он против красоты, высокой патетики, громких фраз. У него своя форма выражения – в глубине психологических переживаний».¹⁷

В 1950-е – начале 1960-х гг. образ Великой Отечественной войны в карельской литературе и искусстве стал приобретать региональные особенности. Простые люди с их достоинствами и недостатками, трудными судьбами, характерами и жизненными ошибками стали героями художественных произведений о Великой Отечественной войне в Карелии. Интерес к человеческому характеру сместил акценты писателей и драматургов республики с приоритетного воссоздания батальных сцен на детальное описание скромного, но не менее важного вклада каждого человека в дело Великой Победы.

¹⁷ НА РК. Ф. 1627. Оп. 3. Д. 8/90. Л. 33.

Общая характеристика творчества Тайсто Сумманена

Один из значительных лириков Карелии **Тайсто Карлович Сумманен**. Тайсто Сумманен родился 19 июня 1931 года в семье учителя в Ленинграде. Сын финского красногвардейца, дважды арестованного и даже приговоренного к расстрелу, но помилованного перед самой казнью. Мать – Катри Ихалайнен, ингерманландская финка, которая работала в высшей школе нацменьшинств в Питере, куда поступил учиться Карл Сумманен. Молодая семья переехала в 1933 году в Карелию, где отец Сумманена сначала работал учителем в кооперативном училище, а потом корреспондентом газеты «Тотуус».

Сумманен учился в техникуме, а в 1953 году на финно-угорском отделении ПетрГУ. И с тех пор жизнь его была навсегда связана с Карелией, которую он любил и воспевал.

Он начал рано печататься. Переводил Тайсто на русский язык произведения карельских и финских писателей, а на финский стихи Есенина, Заболоцкого, Маяковского и других известных авторов. Писал и переводил для детей, выступал как критик.

Иван Костин, хорошо знавший Сумманена, заметил: «Более прямого и бескомпромиссного поэта я в Карелии не встречал». По его словам, Тайсто Сумманен всегда говорил то, что думал, и это, естественно, не всем нравилось. В этом отношении примечательна история, связанная с переводом «Калевалы» Отто Куусиненом. Сумманен назвал этот перевод во многом несостоятельным, не побоявшись публично выразить свое мнение о переводчике, занимавшем в то время высокий партийный пост. Из-за такого характера дружить и общаться с Тайсто было непросто.

Еще говорили о большой дружбе, связывавшей поэта с Владимиром Морозовым и другими литераторами, переводившими его стихи с финского на русский, а также о том, что Сумманен был внешне очень красив.

Кроме высшего образования существует такое понятие, как высшее самообразование, отмечают его друзья и знакомые. Русский язык Сумманена был безупречен.

При жизни Тайсто вышло немало его книг, и даже спустя годы на эти стихи создаются песни.

Тема двух родин, двух культур находила отзыв в творчестве поэта постоянно. Первая книга стихов Т. Сумманена появилась в 1956 году, вскоре он становится одним из ведущих поэтов-лириков Карелии, его стихи издаются в Москве и за рубежом.

Ему принадлежит более 20 поэтических книг, опубликованных на финском языке и в переводах на русский, среди них «Простые слова» (1968), «Красный мост» (1975), «Человеческое сердце» (1980), «Дерево песен» (1988).

Содержанием стихов становились впечатления военного детства, лирика природы, первое юношеское чувство. Эти традиционные поэтические темы приобретали в творчестве Т. Сумманена яркое индивидуальное выражение.

Природный мир предстает у него в восприятии горожанина. Природа для Сумманена – это, прежде всего, эстетический идеал, встреча с которым всегда радостна и целительна. У поэта нет тревоги, связанной с осознанием утраты единства с природой.

Почти в каждом сборнике встречаются стихи о военном лихолетье. Война в них изображается с точки зрения тех, кто был в тылу, так как автор отталкивался, прежде всего, от своих детских воспоминаний.

Одна из сквозных тем его творчества – тема преемственности идей и поколений. Важная тема – родного языка, родного слова.

Исторические события находятся в центре поэм Т. Сумманена «Скала двух лебедей» (1984), «Легенда о Муйккала» (1985). Автор следует традициям эпоса и помещает в центр сюжета конфликт добрых и злых сил, борьбу света и тьмы.

Карельский композитор, наш современник Александр Белобородов написал балетную сюиту «Скала двух лебедей» по одноименной поэме Тайсто Сумманена.

Стихи Сумманена печатались во многих российских журналах и выходили отдельными книгами в центральных издательствах страны. Они публиковались также в Венгрии, Германии, США, Финляндии. Многие стихи положены на музыку композиторами Финляндии и вышли в грамзаписи. 22 декабря 2002 года в Петрозаводске состоялось открытие мемориальной доски поэта Тайсто Сумманена. Она установлена на стене дома № 3 по проспекту Ленина, где с 1933 по 1988 год жил классик карельской литературы, автор около 30 книг на финском и русском языках. Специально ради этого знаменательного события в Карелию из Москвы приехали вдова и сын поэта. Им было приятно услышать, что к 70-летию их отца и мужа в 2001 году в Карелии выйдет в свет новая книга Тайсто Сумманена. В апреле текущего года издательство «Периодика» при поддержке фонда «Юминкеко» выпустило очередную, девятую книгу из серии «Карельские классики» – сборник избранных стихотворений одного из лучших лириков – Тайсто Сумманена «Äläpelkääollahellä» («Нежным быть не бойся»). Сборник избранных стихотворений карельского лирика Тайсто Сумманена выходит в серии «Классики карельской литературы». По мнению Зелинского, в культуре финно-угров нет той разнообразности, которая присуща тюркам. Зато есть глубина. Рассказывая о работе над циклом «Цветная музыка» на стихи карельского поэта Тайсто Сумманена, Зелинский говорит о том, что его поэзия несет в себе «важнейшую финскую духовную субстанцию», что Сумманен сумел запечатлеть образы хрупкой природы и тонких человеческих чувств «по-фински», то есть сдержанно, хотя сам был сторонником западно-европейской романтической традиции.

Романсы на стихи Сумманена оказались наполненными «образами карельской природы со всеми ее запахами и цветовыми бликами». В 2011 году исполнилось 80 лет со дня рождения поэта. Стихи он начал писать ещё в школьные годы. Окончив в 1954 году Петрозаводский государственный университет. Первый сборник стихов молодого поэта «Oraita» («Травы») вышел в свет в 1956 году, и уже в 1958 году он стал членом Союза писателей Карелии. Обширное творчество поэта не имело границ, оно простиралось от чувственных стихов о природе и любви до философских высот, не оставались без внимания и социальные проблемы. Многие стихи Сумманена стали песнями. При этом Тайсто был прекрасным переводчиком. Сумманен прожил недолгую жизнь (1931 – 1988), причем два последних десятилетия был тяжело болен. Несмотря на эти печальные обстоятельства, он до конца своих дней писал светлые стихи, лучшие из которых были созданы тогда, когда поэт был уже прикован к креслу-каталке. Похоронен писатель в Петрозаводске на Сулажгорском кладбище.

Список использованных источников и литературы:

1. Поэтический сборник «Антология карельской поэзии», Петрозаводское карельское книжное издательство, 1962 г.
2. <http://sever-journal.ru>.
3. <http://ethnomap.karelia.ru>.
4. <http://www.gov.karelia.ru>.

Первая в Карелии газета для детей на русском языке («Юные ленинцы» 1950–1959 гг.)

В России, как известно, первым периодическим изданием для детей стал журнал «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789), обязанный своему рождению знаменитому просветителю Н. И. Новикову. Только через 75 лет на свет появился «Калейдоскоп», в подзаголовке которого значилось: «Ежедневная газета для русских детей среднего возраста» (1860). Редактор С. Н. Бурнашева почувствовала дух времени (канун реформы, отменившей крепостное право) и впервые вышла за пределы детской и гимназии, приблизив тем самым свое издание к жизни, чему способствовали рассказы о событиях не только в обеих столицах, но и во всей Российской Империи. Несмотря на то, что газета издавалась лишь 2 года, она положила начало многим опытам в этом роде, послужившим питательной почвой, на которой выросла знаменитая «Пионерская правда» (1925), центральная советская газета для детей, выходившая тиражом 10 млн. экземпляров и ставшая образцом для региональных изданий.

В Карелии появлению периодического издания способствовал ее новый государственный статус: она вошла в число союзных республик (Карело-Финская Советская Социалистическая Республика: 31.03.1940–16.07.1956)¹. Газета являлась органом ЦК и Петрозаводского горкома ЛКСМ² К-Ф ССР, курировавшим работу республиканской пионерской организации, и соответственно была адресована прежде всего пионерам. Поскольку в те годы ими являлись практически все школьники от 9 до 14 лет (т. е. от учеников 2–3-го класса до учеников 7–8-го), то именно на эту возрастную группу были ориентированы материалы «Юных ленинцев». Пионеры были не только читателями, но и авторами издания – деткорами (юнкорами).

«Юные ленинцы» с 1949 г. по октябрь 1956 г. выходили один раз в неделю, затем – 2 раза. Газета была четырехполосной, иллюстрированной. В оформлении помимо черного цвета использовался красный, реже – зеленый и синий. С 1949 по 1954 гг. редактировала «Юные ленинцы» Т. Чернышева, ее сменила Т. Д. Ригина. Из числа профессиональных журналистов наиболее продуктивно работали Е. Алмазова, В. Антонова, Э. Воронин, В. Голяховский, В. Данилов, Г. Зимин, А. Комлева, Э. Копылов, Н. Ларцева, Т. Николаева, Н. Савельева, Е. Храмова и др.

Отметим сразу: провинциальным журналистам удалось практически невозможное: они создали **универсальную** газету. Здесь не только репортажи о событиях в классе и школе, в звене и дружине,

¹ Хотя «Юные ленинцы» имели республиканский статус, в «Летописи литературной жизни Карелии» (1961) ее материалы, даже подписанные известными писателями Карелии, не вошли.

² ЛКСМ – Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (комсомол). С преобразованием в 1956 г. К-Ф ССР в КАССР ЦК ЛКСМ стал обкомом ЛКСМ.

не только чрезвычайно богатые и разнообразные разделы по краеведению, но и материалы о политике и экономике Карелии и СССР, а также других стран мира. Широкий познавательный спектр публикаций: наука, искусство и литература. Уделялось внимание играм, физкультуре и спорту. Публиковались ноты популярных пионерских песен и чертежи моделей (планера, воздушного змея и др.). Обязательным был раздел детского творчества. Печатались произведения современных писателей страны и республики. Для ряда карельских литераторов газета стала своеобразной творческой мастерской.

Периодическое издание не может не быть проводником определенной идеологической доктрины. В советскую эпоху не только не скрывалось, а, наоборот, подчеркивалось, что все граждане страны, в том числе и дети, должны стать участниками идеологической и политической борьбы, о чем свидетельствовал девиз газеты: «К борьбе за дело Ленина–Сталина будь готов!»

Дело Ленина–Сталина сегодня – это построение социалистического общества, конечная цель – коммунизм. Как ни труден и далек этот путь, но предпосылки победы, утверждала советская печать, налицо: грандиозные успехи в ряде областей производства. Но главным завоеванием строящегося социализма считалось счастливое детство советских детей.

Сразу встает вопрос о соотношении правды жизни и *пионерской правды*, т. е. правды, декларируемой в советской печати для детей и конкретно в газете «Юные ленинцы». Современные историки констатируют, что «в первые послевоенные годы в Карелии значительная часть учащихся выбывала из школ...», даже «в 1952 г. в Сегежском, Сегозерском, Медвежьегорском районе она составляла 7 %». Причины были различные: отсутствие одежды и обуви, вынужденная работа по дому и др.³

Нельзя сказать, что журналисты тех лет не знали, как трудно живется большей части детей. Так, героиня очерка Д. Константинова «Министр союзной республики» (1952, № 10) А. И. Каренина процитировала письмо ученицы 6-го класса «Моего папу убили фашисты. Мама сейчас болеет. Если можно, вылечите мою маму. Доктор говорит, что ее надо лечить отдыхом».

Как свидетельствует автор очерка, министр социального обеспечения не только помогла получить женщине путевку в санаторий, но и сочла необходимым выяснить, нуждается ли семья в теплой одежде, есть ли у детей учебники.

Правда жизни заключалась в том, что это был не единичный случай. Так жили многие и многие семьи, и даже самый заботливый министр не мог воскресить отцов, излечить всех мам, обеспечить всех детей необходимым: одеждой и обувью, игрушками и книгами.

Это не значит, что счастья не было, но для подавляющего большинства людей оно приобретало особый характер, воплощенный в формуле «трудное счастье». Однако практически до середины 1950-х годов господствовала теория бесконфликтности, утверждавшая, что все процессы в стране развивались от хорошего к лучшему. Подобная направленность характеризовала не только литературу и искусство, но и средства массовой информации.

³ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: «Периодика», 2001. С. 739.

Как работать журналистам в сложившейся ситуации?

Пионерская газета Карелии нашла выход. Да, она не информировала юных читателей о количестве барачников в республике, постоянной нехватке жилья и т.д., но и не идеализировала состояние дел. В ней концентрировалось внимание на том, что уже построено или будет сделано в самое ближайшее время. Так, председатель Петрозаводского горисполкома С. Д. Гребнев информирует юных читателей о том, что после войны в столице Карелии «возникли новые улицы, кварталы и поселки – Кукковка, Перевалка, городок на Зареке...»; что «будут построены 2 школы и кинотеатр». Он не преминул отметить, что ряд улиц будет покрыт асфальтом, и заострил внимание на том, что в городе будет посажено «несколько тысяч деревьев и кустов», появятся «новые скверы и парки» (1950, № 29).

Как известно, идея города-сада родилась в Лондоне в XIX веке. И, как утверждал в 1929 году В. Маяковский, она должна быть реализована в советском государстве:

Я знаю –
 город
 будет,
Я знаю –
 саду
 цвести...

Идея города-сада, республики-сада стала конструктивной для газеты. Показывая, как постепенно хорошели отдельные уголки Карелии, она пыталась вовлечь школьников в дело преобразования края, понимая, что, если все время фиксировать внимание на тяготах сегодняшнего дня, ребенок психологически не выйдет из состояния войны – будет жить мучительным прошлым. «Республика-сад» стала для детей не только прекрасным образом будущего, но и настоящим делом здесь и сейчас.

Как могут обратить мечту в явь уже сегодня, казалось, самые обездоленные дети, показала Н. Савельева, посвятив целую страницу очерку «Мы живем в Олонце», повествующую о жизни дет-домовцев (1950, № 29).

Попутно заметим: «сиротами» на страницах газеты этих детей никогда не называют, ибо у них есть свой дом – детский. И у них есть свой пример для подражания – садовод Федор Лумпиев. В соответствии с духом времени, пропагандировавшим селекционные опыты И. В. Мичурина, он также проводит удивительные эксперименты на северной земле, благодаря чему в колхозном саду цветут и плодоносят 96 сортов яблонь, рябина, черная смородина, крыжовник, слива, земляника и другие непривычные для северян того времени плодовые деревья и ягодные кусты. Конечно, ребятам захотелось вырастить такой же сад, и они получили от олонцкого мичуринца в дар десять саженцев яблонь и кусты смородины.

Журналистам, работавшим на концепцию счастливого детства, все время приходилось лавировать между Сциллой и Харибдой: рассказывать о традиционном занятии детей и в то же время пуб-

ликовать постановочные фотографии типа снимка Н. Успенского «Девочки отправляются в лес за морошкой» (1952, № 31), где видим школьниц в лучших летних платьицах, причем с короткими рукавами, и в туфельках. В действительности на болото, где произрастает сия ягода, никто и никогда так не ходит.

Реальный портрет ребенка появился только в 1955 году в стихотворении Алексея Авдышева «Рождение смелости». Здесь рисуется мальчишка таким, каким было большинство детей того времени: в более чем скромной одежонке, «в заскорузлых подшитых валенках». Дополняют его внешний облик лыжи: он «отцовские лыжи надел, подпилит, чтобы не были длинные...» (1955, № 2). Все эти детали внешнего облика воспринимаются поэтом и читателями как должное (хорошую одежду, если была таковая, носили «на выход»; о горных или просто новых лыжах в подавляющем большинстве семей не могло быть и речи).

Автор высвечивает главное: преодоление страха перед прыжком с трамплина («на горке совсем оробел ...Смех обидный со всех сторон...») и одержанную победу.

Бровки к носу сошлись решительно,
Оттолкнулся палками вдруг
И к трамплину скользнул
стремительно!

Только ветер свистел в ушах,
Завихряя порошу белую,
Вверх – бросок! – Устоял!
и страх

Обернулся улыбкой смелою.

Повторяем: признаки бедности, как правило, не фиксировались в газете, а вот любовь к труду, воспитание честности и смелости входило в понятие воспитание счастьем.

Перейдем к более детальной характеристике концепции счастья в газете «Юные ленинцы»: к ее декларируемой и доказательной позициям. «Юные ленинцы», как и другие периодические издания своего времени, пытались создать впечатление, что лозунг: «сделать сказку былью» – претворен в действительность, поэтому закономерно соседство двух определений детства: «счастливое» и «золотое». Фольклорный эпитет, например, входит в состав заголовка всей 3-й страницы в 1950 году (№ 45): «Это детство золотое нам страной подарено».

В то же время газета убеждает читателей в том, что счастье является отнюдь не субъективным ощущением конкретного человека или отдельного коллектива, оно гарантировано советским гражданам Конституцией СССР, соответственно передовая статья, посвященная празднику Дня Конституции (отмечался в те годы 5 декабря), озаглавлена так: «Закон, по которому счастье приходит» (1950). Счастливному детству ребята обязаны основному Закону и его автору (своеобразному «гаран-

ту гаранта») – вождю советского народа И. В. Сталину, потому-то и Конституцию чаще всего называли «Сталинской».

Безусловно, газета должна представить первое лицо страны. Однако на страницах «Юных ленинцев» вождь фигурирует не как реальная личность, наделенная в соответствии со своим статусом особыми полномочиями и выполняющая вмененные ей обязанности, а как мифологизированный персонаж. Подобная традиция утвердилась еще в 1930-е годы⁴. Образу Сталина сопутствует солярная символика как в поэзии, так и в заголовках газетных полос. Например, репортаж о V слете юных пионеров К-Ф ССР, размещенный на 2 и 3-й страницах газеты от 25 августа 1950 г., идет под общим заглавием «Товарищ Сталин, солнцем Вашей жизни все уголки земли озарены!» (№ 35). Тот же образ – «Чудесно живется под сталинским солнцем» – появляется через два года в общем названии 2-й страницы (1952, № 22).

Не раз используется в издании еще одна расхожая метафора: «Товарищ Сталин – творец народного счастья» (1950, № 51). Сказители и профессиональные литераторы в своих произведениях пытаются ее «материализовать». Школьникам предлагаются для чтения «Сказы и песни о Сталине» Ф. Быковой (1951, № 2), «Руна о Сталине» Е. Хямляйнен (1951, № 40). Им вторят школьники. В их посвящениях «родному», «любимому» вождю неразложимыми понятиями становятся словосочетания «Сталин и счастье», «Сталин и мир» (1950, № 53; 1952, № 40).

В эпоху, когда переезд в новую квартиру был действительно большим событием, в публикации, посвященной этому факту, акцентируется не маленькая радость конкретного новосела, а общенародная значимость этого момента. Жители дома «с радостью прислушиваются к звукам, идущим из квартиры № 1», в которой известный карельский композитор К. Э. Раутио «сочиняет музыку песен о Родине и счастливой жизни советских людей» (1954, № 4).

В этом ли, или в любом другом доме детям живется так же хорошо, как продемонстрировано на снимке Н. Успенского «Счастливое детство» (фотомонтаж, 1952, № 22). Две девочки и мальчик с мячом стоят (не играют, а позируют!) в уютной комнате, украшенной цветами (они, кстати, и в руках одной из девочек) и небольшими картинами на стенах. Здесь же портрет Сталина, на руках которого такой же радостный мальчик только не с мячом, а с флажком в руках.

Аллегория прозрачна: портрет отца подменяется портретом вождя. У многих детей не было отцов... Поэтому тема войны и мира была чрезвычайно актуальной, но подавалась весьма своеобразно. Материалы о прошедшей войне были весьма скудными. Календарный день – 9 мая – был не праздничным, а обычным рабочим днем, и в газете прежде всего поминались не герои минувшей войны, а шел разговор о делах сегодняшних.

Зато речь о возможной войне шла не раз. В обстановке «холодной» войны, последовавшей почти сразу после окончания Второй мировой, основная идея передовиц пионерской газеты была заключена в следующем тезисе: «...для счастья детей самое главное – не допускать новой войны, добиться

⁴ Маркова Е. И. Вина и вера // Мария. Лит. альманах. Петрозаводск: «Карелия», 1990. С. 235–248; её же: Творчество сказителей (основные мифологемы 1930-х годов) // История литературы Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 94–98.

запрещения атомного оружия» (1952, № 22). Соответственно, не раз вспоминались трагедия Хиросимы и Нагасаки, подвергшихся атомной бомбардировке, военные конфликты в Корее и Египте. Все человечество было поделено на 2 лагеря: борцов за мир и поджигателей войны. К первому, естественно, относились советские люди, граждане стран народной демократии и все прогрессивное человечество, в активе которого числились борцы, проживающие в капиталистических странах. Судя по информации о Международной конференции в защиту детей, проходившей в апреле 1952 г. в Вене, и предшествующих ей «внутренних» конференциях в Италии, Норвегии, Тунисе, Индии, Дании, Голландии, Франции, США и других странах, этот круг был достаточно широк (1952, № 22). Но он отличался тем, что бок о бок находился с представителями второго лагеря, поэтому вел борьбу от лица обездоленных, а не счастливых детей, так как, если верить газете, их в странах капитала не было.

Негативная характеристика западного мира не означает, что все опубликованное в «Юных ленинцах» было лживо. Речь идет об односторонней, тенденциозной подборке материалов, заостряющих внимание на отрицательных явлениях в капиталистических странах. Уже отмечалось, что не все дети в Карелии могли посещать школу, но об этом тогда не сообщалось, в то же время в большой подборке материалов под типичным для того времени названием «Украденное детство» (1953, № 22) сообщалось, что в США 6 млн. детей не учатся в школе, в Японии тысячи детей пребывают в рабстве.

Понятно, что в промышленном японском городе, говоря современным языком, не все ладно с экологией, поэтому его называют «городом дыма», «городом туберкулеза», но создается ощущение, что сама природа в этих странах восстает против человека: так, в США, где на хлопковых плантациях трудятся подростки, «дует ветер, поднимая тучи высохшей земли». В Греции, традиционно считающейся солнечной страной, чуть ли не постоянно идет дождь, поэтому в школе, где, естественно, протекает крыша, «крупные капли, срывающиеся с потолка», барабанят по столу, у которого стоит учительница с мокрым лицом и волосами.

Публикации советских журналистов выглядели вполне убедительно, так как подтверждались фактами, приведенными выходцами из этих стран. Так, в газете от 25 февраля 1952 г. была напечатана статья знаменитого турецкого поэта и лауреата Премии мира Назыма Хикмета «Дети моей страны», поведавшая горькую правду об измученных непосильным трудом маленьких тружениках.

То, что судьба советских детей представляет прямую противоположность жалкому существованию их западных сверстников, подчеркивалось названиями рубрик и материалов: «У нас / У них» (1951, № 19); «Согретые любовью» / «Украденное детство» (1952, № 22), обыгрывалось альтернативной интерпретацией ряда образов и тем.

Если вспомнить коллаж Н. Успенского, то мячик в руках смеющегося мальчика – это игрушка, которую можно использовать в качестве спортивного снаряда. Американский мячик в руках корейского мальчика является смертоносным снарядом.

Корейский мальчик
Ли Чан Дэ
Нашел красивый мячик.
И целый день играл мячом
Обрадованный мальчик.

И. Островский, автор стихотворения, вольно или невольно взял на вооружение художественные приемы детских «страшилок» (взрослый герой не даритель, а убийца; контрастная композиция: игра/смерть; повторы, специфический ритмический рисунок). Но, увы, этот фольклорный сюжет стал трагической реальностью для многих корейских детей.

Только в «Юных ленинцах» был напечатан не один десяток стихотворений школьников, в которых не раз фигурировала типичная эмблема тех лет – голубь мира. Конечно, эта птица красовалась на многих рисунках детей. И со многих дворовых голубятен взлетали в небо голубиные стаи, и эта любовь подростков к пернатым тоже по-своему «работала» на идею мира. Насколько устойчив был этот «голубиный» мотив, показывает один, на наш взгляд, курьезный факт.

⁵ Островский И. Мяч // Юные ленинцы. 1951. 28 сент. № 39.

Такого рода материализация идеологемы, безусловно, поощрялась: она являлась пионерским ответом всем поджигателям войны и особенно американским расистам. О судьбе черных собратьев «Юные ленинцы» писали не раз⁶, в качестве противовеса разрабатывалась тема интернационального братства.

Сама идея города-сада, республики-сада подразумевала воспитание братских отношений со всеми миролюбивыми народами и прежде всего – гражданами союзных республик. Не удивительно, что на V слете пионеров К-Ф ССР прозвучало обещание Регины Поспеловой от лица мичуринцев Петрозаводска вырастить на северной земле цветы Средней Азии, Прибалтики, Кавказа и Украины (1950, № 35). И через год слово стало делом, которое было воспето самим Самуилом Маршаком в стихотворении «Сад шестнадцати республик», опубликованным в газете от 4 мая 1951 года, с посвящением юным мичуринцам 1-й средней школы г. Петрозаводска.

Текст состоит из 16 строф, создающих общее впечатление об этом рукотворном чуде, не могущем, однако, родиться, если бы не было указующего перста главного садовника страны. Имя вождя не называется, но оно подразумевается благодаря топонимам (Гори, Грузия) в центральной (самой большой) и финальной строфах.

Карельским детям вся страна
Свои цветы прислала.
Пришли в пакетах семена
С Алтая и Урала,
Из Крымских розовых аллей,
С днепровских солнечных полей,
Шумящих на просторе.
Но нет дороже и милей
Цветов, рожденных в Гори.
.....
.....
Цветёт и зеленеет сад.
И северные пчёлы
Над грядкой Грузии жужжат
В саду карельской школы.

Извечный вопрос: нужны ли экзотические цветы в трудные годы? – остается без ответа. Справедливости ради отметим, что на пришкольных участках разбивали не только цветочные клумбы и

⁶ См., например: рецензию М. Мельхионовой на книгу Н. Кальма «Дети горчичного рая» (1951, № 1); информацию «Правда об американской школе» в спектакле «Снежок» в Театре русской драмы» (1950, № 2).

взращивали плодовые деревья и ягодные кусты, но сажали и традиционные северные овощи и использовали их по назначению⁷.

Однако не только публикации в «Юных ленинцах» шли под рубрикой «Учимся переделывать природу», но и вся страна в большей или меньшей степени была втянута в это опасное единоборство. Попытка разведения на северных площадях плодово-ягодных культур в те годы не увенчалась успехом, но, поскольку подростки по своим психо-эмоциональным и интеллектуальным установкам более склонны трудиться не над тем, что обязательно и необходимо, а над тем, что удивительно и необычно, они делали это с удовольствием и добились определенных успехов.

Они всегда мечтали и мечтают сегодня «о немыслимых подвигах, необыкновенных встречах и «дальних странах», где все не так, все значительней и интересней, чем в окружающей действительности»⁸. Поэтому-то в поисках счастливых земель мальчики во все времена убегали из дома. Соответственно уже в 1920-е гг. задача советских писателей и периодической печати заключалась в том, чтобы «дальними странами» сделать «близкие», показать, что родники новой жизни бьют в твоём городе, в твоём селе, и ты можешь не только созерцать эту новую жизнь, но и быть ее соучастником, ее сотворцом. Наиболее показательной в этом плане стала повесть А. Гайдара «Дальние страны» (1932).

И. Лупанова показала, что первоначально мечта о «дальних странах» находит воплощение в игре в чудесную страну-мечту⁹. Современный исследователь С. М. Лойтер утверждает, что эта игра-импровизация является одним из феноменов детской субкультуры и носит «общечеловеческий, а не национальный характер детских игровых утопий»¹⁰. Эта игра в чудесную страну становится «местом» в реальность, где юный человек начинает совершать такие дела и поступки, которые и формируют его как творца жизни, а не потребителя тех или иных благ¹¹.

В контексте нашего исследования значимо, что страна-мечта в большей или меньшей степени проецируется на образ сада. Так, маленький герой повести С. Григорьева «Мертвый Кулдук» (1926) мечтает о преотличной стране «Подносия»: «Что там Америка, Камчатка: вот где растут такие непохожие цветы – это земля! И горы остренькие! И деревья с золотой листвой! И голубые озера...»¹²

И этот рожденный в начале XX века парнишка, и появившаяся на свет в последней четверти этого столетия школьница Вика Таранова рисуют одну и ту же чудесную страну. Только у него голубые озера, а у нее – море. «Спокойный берег моря, где она поместила свой город, в котором, по ее точному определению, "был местный рай"»¹³. Как известно, рай – это сад.

⁷ Например, по словам бывшей заведующей Ероильской начальной школы Олонцкого района Н. И. Ющевой, из выращенных на пришкольном участке картошки и овощей готовили в те трудные годы для учащихся бесплатные завтраки (Личный архив автора).

⁸ Лупанова И. Полвека. Советская литература 1917–1967. Очерки. М.: «Детская литература», 1969. С. 64.

⁹ Лупанова И. Полвека... С. 177.

¹⁰ Лойтер С.М. Феномен детской субкультуры. Петрозаводск: изд-во КГПУ, 1999. С. 10.

¹¹ Лупанова И. Полвека... С. 177–182.

¹² Цит. по: Лупанова И. Полвека... С. 177.

¹³ Лойтер С.М. Феномен детской субкультуры... С. 28.

Эта мифологема, как видим, была реализована и в советской литературе. В «Юных ленинцах» становится актуален девиз «Земле цвести и нам расти» (1950, № 18), публикуются материалы под названием «Каждой школе свой сад» (1950, № 5); «Живая книга» (1951, № 22), «Сад на целине», «Цветы у Полярного круга», «Саду цвести», «Цветы пионерскому саду» и др. В них рассказывается об успехах мичуринцев п. Пряжа (1951, № 22) и п. Матросы (1954, № 30), п. Лоухи (1955, № 37) и г. Петрозаводска (1954, № 41).

Республика-сад включила в свое пространство всё: и собственно сады, и шире – пришкольные участки, колхозные огороды и поля, животноводческие фермы и, конечно, огромные лесные и водные богатства Карелии. Все должно быть охвачено трудом юных граждан.

Безусловно, ребята чаще всего выращивали на грядках привычные для севера овощи с их привычными для уха названиями: морковь, свекла, репа, капуста... Но газета, взявшая курс на необычное, делает ударение на особенном. Так, 23 мая 1952 г., описывая работу юннатов Крошнозерской школы, в «Юных ленинцах» подчеркивается, что они посадили на своем участке гнездовым способом, по методу Т. Д. Лысенко, кок-сагыз. Что это за культура и почему она так необходима в Пряжинском районе, не уточняется. Как выясняется из энциклопедического словаря, это всего-навсего один из видов рода одуванчиковых. Зато как звучит!

Когда с приходом к власти Н. С. Хрущева был взят курс на выращивание кукурузы как основной сельскохозяйственной культуры советской страны, то детская газета из номера в номер работала над продвижением этой идеи в жизнь. Ученые и агрономы объясняли школьникам, как сажать, растить и убирать кукурузу, колхозники рапортовали о своих достижениях, а ребята, соответственно, делились своим опытом¹⁴. Репортажей, что кукуруза дошла на северной земле до необходимого уровня спелости, к счастью, не было. Давали понять, что и недозревшая она просто необходима в животноводстве.

Если вести речь о полях, то важно было подчеркнуть, что на колхозных полях работает техника, что молодыми комбайнерами являются юноши, всего 3 года назад закончившие семилетнюю школу¹⁵. Однако запоминались прежде всего безыскусные заметки самих школьников типа тех, что были опубликованы 12 сентября 1956 г. под рубрикой «На сенокосе, в полях, на огороде».

Ребята рассказывали, как собирали колоски, ухаживали за огородом, для чего издалека носили воду, пололи. Когда сажали картошку, то использовали конные грабли. И даже был описан Витей Ивановым случай, как он стрелял (правда, не убил) в волков, когда он пас жеребят. Особенно выразителен рассказ ученика 6 класса Жени Митрофанова «Уж эти мне дожди...».

Сады разводили не только на пришкольных участках. Школьный интерьер, в известной степени, тоже должен был воплотить эту идею. Например, в школе г. Сортавала «Лара Колесова и Нина

¹⁴ См., например, материалы: «Кукуруза на участке» (1955, № 12); «Гектар кукурузы» (1955, № 14); «Начался посев кукурузы» (1955, № 22), «Пионерская кукуруза» (1955, № 39); «Уголок чудес» (1955, № 43), «Первые зеленые всходы» (1956, № 14); «Жительница юга» (1957, № 48) и др.

¹⁵ Гуттари Т. Комбайны идут по полям // Юные ленинцы. 1954. 19 авг. № 34.

Мошкина рассаживали отростки герани», а их товарищи занимались другими комнатными цветами (1950, № 16). Воспитание природой предполагало наличие в классах (в школе) «живого уголка», населенного различными животными (ежами и др.), птицами.

Но чем дальше, тем больше идея дружбы с «братьями меньшими», заботы о них стала сменяться идеей реальной помощи колхозам. Даже городские ребята пытались разводить цыплят и пчел, чему были посвящены повести Н. Носова «Весёлая семейка» (1949), «Дневник Коли Синицына» (1950) и другие произведения начала 1950-х годов.

В карельской газете тоже был помещен чертеж инкубатора, дана инструкция по его изготовлению (1955, № 10), но «Юные ленинцы» предпочитали писать о реальных вещах. Всерьез заниматься животноводством и птицеводством могли только сельские дети, но и им необходимо было рассчитывать свои силы. Как ни приветствовала газета юных телятниц из деревни Матвеева Сельга, обаявшихся вырастить в помощь колхозу «Труженик» 30 телят (1956, № 7), но их начин был подхвачен немногими¹⁶: учиться и заниматься столь ответственным делом не просто. Тогда газета переключилась на более посильное для ребят занятие: выращивать гусей, уток и кроликов, совпадая в этом как с детскими, так и «взрослыми» периодическими изданиями тех лет¹⁷.

Резюмируя, напомним, что Карелия никогда не входила в число сельскохозяйственных центров, мало того – удельный вес республики в общесоюзном производстве был ничтожным: например, в 1954 г. он составлял всего лишь 0,1 %¹⁸, тем не менее, судя по газете «Юные ленинцы», создается впечатление, что это был цветущий край, где так счастливо жили люди и так хорошо рядом с ними было всем живым существам.

Профессиональные журналисты не только сами выпукло подавали положительные примеры, но и умело включали в газетный формат письма, информации и репортажи школьников. Все факты документированы, точно указаны место и время события, названы имена исполнителей, не преувеличены количественные показатели: если обозначена цифра «4» – значит, гусят было именно четыре, а не пять или шесть. Нет только одного – главного – соотношения этих достижений с общей картиной развития сельского хозяйства в республике и стране.

Резонно прозвучит возражение: детская газета должна заражать пафосом общего дела, обозначать вектор развития, включать юного гражданина в игровой процесс, чтобы подготовить его к будущей деятельности, а не заниматься анализом производства: для этого существуют другие издания. Вопрос, безусловно, спорный, и вряд ли возможно его однозначное решение. К тому же нельзя забывать, что война погубила не только миллионы человеческих жизней, но и бесчисленное множество деревьев, животных и птиц. И они тоже были оплаканы литературой. Будто памятуя о том, что смерть одного – трагедия, а миллионов – статистика, карельский поэт Михаил Сысойков в первой

¹⁶ См., например, публикацию Ю. Любимцева «Маленькие телятницы» о четвероклассниках, помощниках колхоза «На страже» // Юные ленинцы. 1958. 16 марта. № 22.

¹⁷ См., например, типичные материалы: «Выращивать гусей не трудно» (1957, № 64); «Стань птицеводами» (1958, № 17); «У нас будет 200 гусей и уток» (1958, № 24); «В Угмойле утки растут» (1958, № 61) и др.

¹⁸ История Карелии.... С. 720.

части стихотворения «Пионерский сад» (1952, № 44) тоскует о гибели «могучего» тополя, росшего «меж берёз» в школьном дворе. Вторая часть произведения посвящена сегодняшнему дню: стремлению пионеров залечить раны земли: «Где тополь рос – цветущий сад Поднимется весной, И белых яблонек наряд Украсит край лесной»¹⁹.

Да,
Будет коммунизма сад
На северной земле!

«Сад коммунизма» не появился, но республика действительно была озеленена, а ее столица по праву до конца советского периода числилась среди самых красивых и зеленых городов Советского Союза, в сельских дворах действительно плодоносили кусты смородины и цвели цветы.

Разумеется, приведенная характеристика газеты «Юные ленинцы» не является исчерпывающей: ее детальному анализу будет посвящена глава в нашей книге «История русской детской словесности Карелии».

¹⁹ Сысойков М. Пионерский подарок // Юные ленинцы. 1952. 31 окт. № 44.

Национальная идея в музыке композиторов Карелии (по материалам «Летописи печати Республики Карелия» 1980–1993 гг.)

Проблема национального во второй половине XX века является глобальной областью современных исследований в культуре, философии, социологии, этнологии и искусствоведении. Особую трудность представляет определение национального в музыкальном искусстве. Анализ печатных материалов, представленных в «Летописи печати Республики Карелия» позволил проследить, как изменялась национальная идея в музыкальной журналистике 80–90-х годов, а именно в официальных периодических изданиях 1980–1990х годов. Это главная политическая и социальная газета «Ленинская правда»¹, газета «Комсомолец», газета на финском языке «Neuvosto-Karjala», журналы «Punalipri» («Красное знамя») и «Север». Помимо данных, в республике издавались 14–16 районных газет и свыше 10 газет карельских предприятий (в разные годы их количество колебалось).

В периодике 1980–1987 года особо выделяются публикации о символах карельской национальной музыкальной культуры. Это, во-первых, национальный ансамбль «Кантеле», творческая деятельность которого освещается ежегодно – от 3 до 7 публикаций. «Кантеле» – своеобразный ориентир для творчества самодеятельных коллективов, жизнь которых тоже широко освещается в СМИ.

Вторым по популярности стал карело-финский эпос «Калевала» в различных гранях этой необъятной темы. Лидером по количеству публикаций за все 80-е стало 150-летие первого издания «Калевалы»².

Образ национального композитора Карелии – еще одна грань музыкальной журналистики. В 80-е годы это Г. Синисало – авторитетный музыкант, создатель первого национального балета «Сампо», председатель правления Союза композиторов КАССР, народный артист СССР, национальный композитор, ровесник республики.

¹ «Ленинская правда» являлась проводником не только новостей во всех областях жизни республики, но и способом формирования мнения жителей Карелии по многим вопросам, в том числе и по проблемам культурной и музыкальной жизни. В советские времена этой газете доверяли, в эпоху перестройки полагались на неё как на источник самой достоверной и проверенной критикой и цензурой информацией. В 70-е годы тираж газеты составлял 100000 экземпляров, в 1987 году – 130000 экземпляров, в 90-е – 93000 экземпляров. В этом – огромная заслуга главного редактора газеты – Ф. А. Трофимова – Заслуженного работника культуры РСФСР, кавалера Ордена дружбы народов и «Почетного гражданина Республики Карелия», который возглавлял редакцию с 1953 по 1984 гг. Ф. А. Трофимов родился в с. Деревянное, по окончании лесного техникума работал в Ругозерском леспромхозе начальником лесопункта. Во времена Великой Отечественной войны стал участником отряда «Красный партизан». Свои первые публикации Ф. А. Трофимов выпускал под псевдонимом «Федор Лесной», а впоследствии стал автором более 10 книг, в том числе автобиографии «Мой век». В середине 90-х годов редакцией газеты была учреждена ежегодная журналистская премия им. Ф. А. Трофимова. Ф. А. Трофимов – уникальная личность: на его век пришлось революция, Великая Отечественная война, великие открытия науки, мрачная «сталинщина», «застойные» годы и перестройка. «Редакторам моего поколения достался трудный век» – напишет он в своей книге «Мой век», описывая этапы своего жизненного пути и творческого становления.

² Только в 1983 году – 18 публикаций во всех периодических изданиях, в следующие 2 года, подобно кругам на воде, появляются всё новые и новые статьи.

17 января 1980 года в «Ленинской правде» опубликована статья Г. Синисало «Музыка и время», темой которой стали итоги VI съезда композиторов СССР. Это статья, в которой обозначены основные положения «государственного заказа». Как выяснилось в результате анализа периодики следующих 7 лет, музыкальная журналистика работала по данному заказу, и результаты анализа публикаций можно представить в виде отчета по этой «программе деятельности»:

1. Самое большое количество публикаций – это продвижение композиторов и коллективов на звания, государственные награды и премии, как правило связанные с юбилеями, будь то композитор или творческое объединение³.

2. Часто в печати публикуются статьи музыковедов Петрозаводской консерватории⁴. Именно они становятся авторами очерков не только о карельской профессиональной музыке, но и о творчестве выдающихся русских и зарубежных композиторов⁵.

3. Огромное внимание (свыше 10 публикаций в году) уделяется гастролям в Петрозаводске коллективов и артистов союзных республик⁶.

4. Политика печати в сфере музыкальной жизни республики заключалась в постоянной демонстрации успехов, юбилеев, гастролей различных самодеятельных коллективов и народных хоров, а также описанию творческого пути их руководителей⁷.

5. Проблема воспитания профессиональных музыкантов и композиторов поднимается на протяжении всех 80-х⁸. В периодической печати традиционны заметки об отчетных концертах в детских музыкальных школах, представлены новые сочинения композиторов Карелии.

«Все более наполненным, содержательным становится само понятие карельская музыка, – пишет Г. Синисало. – Литература уже накоплена немалая. Запомнились, вошли в наш фонд такие известные сочинения, как оратория «Обретенное счастье» Р. Пергамента, ода «Мой край» и хоровая поэма «Две подруги» А. Голланда, кантата-плакат «Слово о рабочем классе» В. Кончакова... надо

³ Так, например, ярко освещена деятельность Симфонического оркестра карельского телевидения и радио, награжденного в 1984 году Почетной грамотой Президиума Верховного совета РСФСР, творческая деятельность композиторов, например Э. Патлаенко, выдвигавшегося в 1986 году на соискание государственной премии КАСССР). К юбилеям карельских композиторов всегда выходила статья об их творчестве (например, 60-летие Г. Синисало в 1980 году, 50-летие Г. Вавилова – в 1982 году и другие). Синисало пишет: «...критериями ценности нашего искусства были и остаются партийная идейность, мастерство, правда в отображении жизни народа, устремленность в будущее...».

⁴ Синисало: «о замечательной дружбе между композиторами и музыковедами» в процессе воспитания культурного слушателя».

⁵ Этот круг очень узок и отличается тщательной избирательностью: Г. Ф. Гендель, И. С. Бах, П. И. Чайковский, М. П. Мусоргский, А. Бородин, А. Рубинштейн, Д. Шостакович, Т. Хренников, А. Шнитке, А. Петров, Г. Гладков.

⁶ Это гастроли государственного хора Латвийской ССР, Концерт эстонского духового квинтета в Петрозаводске, гастроли болгар Бисера Кирова – в 1981 году; Государственного музыкального театра Чувашской АССР, Государственного академического русского хора СССР, Мужского хора ДК ОТЗ в Молдавии – в 1982 году, гастроли кубинской пианистки Терезы Хунко, Северного русского народного хора, Ташкентского театра оперетты, мужского хора им. Людига (Пярну) – в 1983 году; Академического хора Эстонской АССР – в 1984 году. Синисало: «Процесс активного взаимодействия и взаимообогащения национальных культур является конкретным результатом ленинской национальной политики, братской дружбы народов».

⁷ Лидерами в этом списке являются Шелтозерский вепсский народный хор, творческие коллективы Онежского тракторного завода и других предприятий, вокальный ансамбль «Молодость», ансамбль народной музыки Петрозаводского университета. Синисало: «Правлению Союза композиторов Карелии и Министерству Культуры необходимо приложить все силы к тому, чтобы помочь музыкальному самодеятельному творчеству».

⁸ Синисало: «Постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» обязывает нас найти решение проблемы создания и воспитания молодых национальных композиторских кадров Карелии».

стремиться, чтобы деятельность Союза композиторов была теснее связана с жизнью народа». Помимо произведений, перечисленных Г. Синисало, в печати упоминаются и другие «карельские» произведения: «Сампо» и «Богатыри леса» Г. Синисало, «Песни Пудожья» и «Исполать» В. Кончакова. В качестве значимых произведений карельской академической музыки на днях культуры Карелии в республике Коми были представлены следующие сочинения: кантата А. Голланда «Хождение за надеждой»⁹, опера В. Гроховского «Красные гроздья рябины», а также песни Кончакова, Вавилова и Голланда. Образ национальной музыкальной культуры Карелии собирался из таких сочинений композиторов Карелии, в которых была заключена идея национальности как народности, т. е. близости к народу, который живет в данное время на данной территории.

Статусом «нашей, карельской, народной» музыки наделяются в первую очередь песни «о Ленине, Родине, комсомоле, о труде» и вокально-хоровые сочинения композиторов Карелии¹⁰. Внимание к вокально-хоровому жанру не случайно – он удобен в идеологической работе. Поэтому в периодической печати широко пропагандируется деятельность хоровых коллективов, как профессиональных, так и академических. Анализ сведений о получении карельскими композиторами государственных наград свидетельствует о том, что ведущими музыкальными жанрами считаются песни, произведения кантатно-ораториального жанра и симфонии. Именно за создание подобных сочинений композиторы получают высокие государственные награды¹¹.

Итак, формирование национальной идеи в музыкальной журналистике данного периода строго регламентировано. «Строительство карельской музыкальной культуры»¹² и формовка слушателя и читателя ведется в соответствии с партийной идеологией.

1985-87 годы становятся своеобразным рубежом и временем подведения итогов первой пятилетки 80-х: широко отмечается 150-летие первого издания «Калевалы» в 1985 году и 50-летие деятельности Союза композиторов в 1987 году. Эти темы становятся ведущими в музыкальной журналистике. В дальнейшем, в годы перестройки, «картина мира», отраженная в музыкальной журналистике, меняется. Изменения происходят не сразу, однако очевидно, что концепт «национальная идея» наполняется новым смыслом.

В одном из июньских выпусков газеты «Комсомолец» в 1989 году опубликована статья о выступлении в Петрозаводске Церковного хора Московской епархии¹³. Спустя некоторое время в «Ленинской правде» – статья В. Шульмана «Звучит Валаамский распев»¹⁴ повествует о найденной в 1987 году тетра-

⁹ Это сочинение также исполнялось на днях Республики Карелия в Москве в исполнении сводного хора и оркестра под управлением Э. Чивжеля

¹⁰ Музыковед О. А. Бочкарева в статье «В мире музыки («Ленинская правда», 1981, 02 февраля) называет песню – «передним краем нашего музыкального искусства». В числе самых известных сочинений упоминаются песни А. И. Голланда: «Партии славу поем» (сл. А. Титова и Г. Кикинова), «Заветам Ленина верны» и «Ленинской партии» (сл. А. Титова); 5-частная кантата «Север» на слова В. Потиевского; лирическая сюита «Песни Пудожья» В. А. Кончакова, «Пионерская сюита» Р. Пергамента на ст. Ю. Никоновой.

¹¹ Так, например, за сочинение вокально-симфонической поэмы «Исполать» для хора, чтеца и симфонического оркестра В. Кончаков был выдвинут на соискание Государственной премии КАССР.

¹² Копылов Э. Музыка Карелии сегодня и завтра // Ленинская правда, 1984, 06 апреля.

¹³ Вяхирева О. Возрождение духовности // Комсомолец, 13 июня, 1989.

¹⁴ «Ленинская правда» от 16 марта 1990 года.

ди с валаамскими распевами и об исполнении этой музыки ансамблем «Кантеле». В этом же году музыковед Н. Ю. Гродницкая в статье «С надеждой на продолжение», посвященной Неделе современного искусства Карелии, комментирует: «Публика воспринимает эту (духовную – прим. автора) музыку с жадностью, как бы желая восполнить искусственно образовавшийся провал»¹⁵. В той же газете – заметка об исполнении «Всенощной» С. В. Рахманинова Е. Светлановым и капеллой В. Чернушенко. В 1992 году в своей статье о Неделе искусства Карелии А. Жуков обращает внимание читателя на факт исполнения духовной хоровой музыки хором Ю. Клаза. Возрождение духовности – одна из ярких примет постперестроечного времени – станет одной из главных тем, обсуждаемых на страницах газет и журналов российского масштаба¹⁶. В карельской периодике эта тема становится одной из постоянно обсуждаемых и, естественно, начинает претендовать на роль одной из составляющих новой национальной идеи.

Второй важной тенденцией является появление множества статей о джазовой музыке, начиная с 1988 года. Первые статьи о джазе публикуются и в «Ленинской правде», и в «Комсомольце», и переводятся на финский язык для других изданий. Джазовая тема стремительно набирает обороты¹⁷. Думается, что этот факт объясняется желанием газет идти в ногу со временем, быть «на волне» популярности. Параллельно с расцветом джазовой темы музыковедами ставится проблема о «равнодушии к серьезной музыке»¹⁸.

1991 год несет много изменений, связанных с новым статусом Республики Карелия. Газета «Ленинская правда» получает новое название – «Северный курьер»¹⁹. С июня 1990 года издается газета «Ома тиа» («Наша земля») на карельском языке. В феврале 1991 года появляется городская газета «Петрозаводск». Все меньше встречаются статьи музыковедов. В каждой газете теперь есть постоянные И. Кайпиайнен («Karjalan sanomat»), А. Жуков («Северный курьер»), Ю. Иванов и Е. Добрынина («Молодежная газета Карелии»).

В отличие от предыдущих лет в периодических изданиях 90-х остро ощущается проблемный подход. Газетная полоса заполнена критикой современного потребителя искусства, дебатами о будущем государственного ансамбля «Кантеле», о сохранении Симфонического оркестра Карельской филармонии. К обсуждению будущности оркестра даже привлекается народный артист России, профессор Московской консерватории А. Леман. Именно в его статье актуализируется «национальная направленность исполнительского творчества коллектива»²⁰.

В 90-е годы идея «национального» активно продвигается не только в средствах массовой информации. Статус «национальный» получают Финский театр и Публичная библиотека, открывается

¹⁵ «Ленинская правда» от 9 мая 1991 года.

¹⁶ Приведем в пример высказывание Э. Денисова в статье В. Ценовой: «Наше сложное время связано с возрождением религиозного сознания в различных областях искусства, в том числе и музыкального» (Ценова В. Тихий свет в сумерках конца века // Музыкальная академия, №3, 1994. С. 83–86.

¹⁷ В 1989 году публикуется 3 статьи (о Международном джазовом фестивале), в 1992 году – 5 статей, в 1993 году – 8 статей.

¹⁸ Валентик А. Праздник не для всех // Ленинская правда, 20 апреля, 1990; Гродницкая Н. Ю. С надеждой на продолжение // Ленинская правда, 18 апреля, 1990 и другие.

¹⁹ и нового редактора – В. Осипова. С августа 1993 года во главе газеты – Юрий Петрович Власов.

²⁰ Леман А. Фетиш бумажного тигра // Ленинская правда, 25 декабря, 1991.

центр национальных культур, остро ставится проблема сосуществования карельского, финского, вепсского, русского языков на правах государственных. Особенно заметны статьи музыковедов петрозаводской консерватории о творчестве карельских композиторов: Г. Вавилова, Э. Патлаенко, Л. Теплицкого, А. Белобородова, В. Кончакова и других. Статус «национальных» произведений получают уже другие сочинения: Сюита на темы Калевалы Р. Раутио, «Карельская рапсодия» В. Кончакова и «Калевальская свадебная» Цвибеля, «Кантелетар» Зелинского, «Карельская сюита для брасс-квинтета» и 5-я симфония «Память» Вавилова, «Калевальские песни» и «Строфы Калевалы» В. Угрюмова. На первый план выходит этнокультурный компонент – обращение к фольклору Карелии, который принимает «качественно новые формы» и приводит к «существенному обновлению музыкального языка и всей системы выразительных средств»²¹.

В результате анализа музыкальной периодики 80-90-х годов выделяются три крупных периода:

- в первой половине 80-х советская «музыкальная» печать служила инструментом проведения партийно-государственной политики в области культурной жизни страны.

- во второй половине 80-х годов в печати наблюдается высокая степень обличительной борьбы, отстаивание интересов ведущих творческих коллективов Карелии, критика равнодушного к классической музыке слушателя, стремление к осознанию значимости музыкального искусства.

- третий этап, с одной стороны, характеризуется зависимым положением от потребностей публики в музыке легких жанров, с другой – выражением новых идей о музыке карельских композиторов и о постижении глубинных смыслов национального фольклора.

Российский этнолог, доктор исторических наук В. А. Тишков выделяет две формы национализма: гражданский (государственный) и культурный (этнический). Первый основывается на понятии нации как политической общности. По Э. Геллнеру, такой национализм порождает нацию, и его сущность заключается в тесной связи между культурой и государством. Думается, что с таким типом национализма мы имеем дело в советской Карелии 80-х годов.

Другой формой является культурный национализм, который рассматривает нацию как общность, имеющую глубокие исторические корни. Именно такому национализму присущи, по мнению И. Ильина, «духовность» и «религиозность», которые так ярко проявились в общественном сознании 90-х годов. Очевидно, что в первые годы после перестройки начинают высвечиваться грани именно такого – культурного (этнического) национализма. И если национализм 80-х затрагивал в человеке больше его «коллективную» суть, то национализм этнический будет воздействовать на «индивидуальную» составляющую его личности.

²¹ У-Ген-Ир Некоторые черты хорового творчества композиторов Карелии // Актуальные вопросы искусствознания. Современное композиторское творчество. Фольклор Карелии. Художественное наследие – Материалы докладов конференции. Петрозаводск, 1986. С.10–11.

Формирование краеведческих информационных ресурсов в вузовской библиотеке: инновационный и традиционный подход

Настоящее время характеризуется особым вниманием к краеведческой деятельности во многих регионах страны. Усиливается интерес людей к истории своего края, отдельных предприятий, учреждений, где они учатся или работают.

В Петрозаводском государственном университете 14 факультетов, 5 образовательных институтов, 8 научных институтов, 94 кафедры. Кафедры университета занимаются разными исследованиями, в т. ч. связанными и с нашим краем. В нашем университете читаются такие дисциплины, как: «История Карелии в дореволюционный период», «Историческое краеведение Карелии», «Археологические памятники Карелии», «История Петрозаводска» и др.

Научная библиотека Петрозаводского государственного университета, обладая доступом к мировым информационным ресурсам, а также являясь хранителем университетского интеллектуального наследия, уделяет немало внимания краеведческой работе в области воссоздания, изучения и пропаганды региональной памяти.

Одно из важных направлений деятельности НБ ПетрГУ – формирование системы пособий ретроспективной научно-вспомогательной библиографии по разным научным темам, разрабатываемым в университете, в т. ч. и связанным с краеведением. Библиографические пособия стали создавать справочно-библиографическим отделом НБ ПетрГУ с 60-х годов 20 в. Издано около 50 библиографических работ. С полным списком изданий справочно-библиографического отдела можно ознакомиться на Web-сайте НБ ПетрГУ в разделе «Издательская деятельность» <http://library.petrstu.ru/activity/publishing.shtml>.

Тематические указатели:

Компрессионный шок : библиогр. указ. / НБ ПетрГУ; Нац. б-ка РК ; сост.: Н. Ф. Модина, А. Г. Островский. – Петрозаводск, 1971. – 83 с. ;

Охрана водной среды от загрязнения : библиогр. указ. / НБ ПетрГУ; КНЦРАН ; сост.: В. В. Богданова и [др.]. – Петрозаводск, 1975. – 54 с.;

Бронхиальная астма : указ. лит. : 1945–1987гг. / НБ ПетрГУ; Нац. б-ка РК; сост.: Е. С. Карашуров, А. Г. Островский [и др.]; ред.: Н. Г. Евсеева, Н. В. Егорова [и др.]. – Петрозаводск, 1990. – 192 с.;

Биология и патология пушных зверей: указ. лит. : в 2-х ч. / НБ ПетрГУ; КНЦРАН ; под ред.: В. А. Берестова, Н. Ф. Модина, В. С. Клодт [и др.]. – Петрозаводск, 1977. – Ч. 1: 1960–1974. – 303 с. ; Ч. 2 : 1960–1975. – 440 с.;

Русская дореволюционная периодика в фондах библиотек города Петрозаводска. 1703 - окт. 1917: алфавитный список в 2-х ч. / сост.: Н. Г. Евсеева, Р. М. Беляева, Н. В. Егорова, Г. Н. Новикова. – Петрозаводск, 1989. – Ч. 1 – 60 с. ; Ч. 2 – 60 с.

и др.

В вузовских библиотеках большое внимание уделяют созданию персональной библиографии, которая строится на интеллектуальном фундаменте, созданном видными учеными, педагогами, оставившими свой след в истории образования края и страны.

Персональную библиографию в ПетрГУ стали создавать с 1978 г. Сначала это были разрозненные выпуски, которые выходили бессистемно.

Персоналии:

Шумилов Михаил Ильич : библиогр. список /сост.: Л. И. Мартынова, Г. Н. Новикова, Л. М. Ротц ; ред. Н. Ф. Модина. – Петрозаводск, 1978. – 24 с.

Куусинен Отто Вильгельмович : библиогр. список литературы (к 100-летию со дня рождения) / сост. Ю.-Э. И. Кантола. – Петрозаводск, 1980. – 55 с.

Игорь Николаевич Григович : указ. науч. тр. : 1963–2001 гг. / сост.: Р. М. Беляева, Н. Г. Евсеева, А. А. Николаева. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2002. – 26 с. – (Есть электрон. верс. – URL: <http://library.petrSU.ru/activity/grigovich.shtml>).

Список научных трудов Афанасьевой А. И. / сост.: Р. М. Беляева, Н. Г. Евсеева, А. А. Николаева // Вопросы истории европейского Севера : проблемы развития культуры : вторая половина XIX–XX вв. : сб. науч. ст. / ПетрГУ. – Петрозаводск, 2002. – С. 213–222. – (Есть электрон. верс. – URL: [http:// library.petrSU.ru/activity/afanasjeva.shtml](http://library.petrSU.ru/activity/afanasjeva.shtml)).

Юрий Васильевич Лупандин : указ. науч. тр. : 1962–2003гг. / ред.-сост.: Н. В. Егорова, Н. А. Мощенская, Л. Е. Мезенцева. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2002. – 27 с. – (Есть электрон. верс. – URL: <http://library.petrSU.ru/activity/lupandin.shtml>).

и др.

С 2011 г. Научная библиотека ПетрГУ начала выпускать серию библиографических указателей «Библиография трудов ученых ПетрГУ». Выпуски содержат: хронологический указатель трудов, алфавитный указатель трудов, именной указатель. Выпуски «Библиография трудов ученых ПетрГУ» выходят ежегодно.

1. *Валерий Алексеевич Гуртов : библиографический указатель / Федер. агентство по образованию, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования Петрозав. гос. ун-т ; [ред.-библиографы: А. А. Николаева (отв. ред.) [и др.]. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2011. – 99 с. –*

(Библиография трудов ученых ПетрГУ). – Библиогр.: с. 9–62. – Указ.: с. 63–99. – (Есть электрон. верс. – URL: http://library.petrus.ru/activity/gurtov_libukaz.shtml).

2. Владимир Николаевич Захаров : библиографический указатель / ред.-библиогр. Р. М. Беляева [и др.] ; вступ. ст. д-ра филол. наук Б. Н. Тихомирова ; авт. фот. М. П. Мохначева. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2012. – 60 с. – (Библиография трудов ученых ПетрГУ). (Есть электрон. верс. – URL: http://library.petrus.ru/activity/zacharov_libukaz.shtml).

3. Виктор Николаевич Васильев : библиографический указатель / ред.-библиогр.: А. А. Николаева (отв. ред.), Т. П. Немцева [и др.] ; авт. вступ. ст. А. В. Воронин ; авт.-фот. В. А. Григорьев. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2012. – 76 с. – (Библиография трудов ученых ПетрГУ). – (Есть электрон. верс. – URL: http://library.petrus.ru/activity/vasilev_libukaz.shtml).

4. Анатолий Ефремович Болгов / ред.-библиогр.: А. А. Николаева (отв. ред.), Т. П. Немцева [и др.] ; авт. вступ. ст. В. Н. Васильев ; авт.-фот. В. А. Григорьев. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. – 76 с. – (Библиография трудов ученых ПетрГУ).

За основу библиографических изданий взята серия классических выпусков персональной библиографии «Материалы к биобиблиографии ученых СССР», издаваемая Академией наук СССР.

При работе над изданием научно-вспомогательной библиографии сотрудники библиотеки ПетрГУ также приобрели опыт работы по реконструкции краеведческих библиографических указателей.

В 2010 г. Научная библиотека Петрозаводского государственного университета завершила издание библиографического указателя Ивана Михайловича Никольского «Природа, население, экономика, история и культура Карелии», который начал издаваться с 2008 г.

Библиографический указатель «Природа, население, экономика, история и культура Карелии» представляет собой опыт создания ретроспективной краеведческой библиографии, где собрана литература второй половины XIX века – первой трети XX века о Карелии.

Долгое время библиографический указатель существовал только в виде рукописи. Сохранилось 2 экземпляра рукописи. (Один находится в фонде сектора редкой книги НБ ПетрГУ, другой – в фонде Национальной библиотеки РК).

Отбор и систематизация материалов Иваном Михайловичем Никольским продолжались долгое время и были закончены только в 1934 году. Рукопись первоначально отредактирована Макарьевым Степаном Андреевичем, видным ученым-краеведом, этнографом-вепсологом. К сожалению, в тот период указатель так и не был издан. Что этому помешало, мы точно сказать не можем, возможно, смерть И. М. Никольского (данных о дате его смерти нигде не найдено) или тот факт, что редактор рукописи Степан Андреевич Макарьев был арестован и расстрелян по ложному обвинению в 1937 г.

Работа по редактированию библиографического указателя сотрудниками Научной библиотеки ПетрГУ началась с начала 90-х годов. Перед коллективом редакторов-библиографов возникла дилемма: восстановить указатель в том виде, в каком он сохранился, или создать обновленную версию библиографического труда, который будет востребован читателем. Было принято решение: не нару-

шая целостности научного труда, сохранив структуру указателя, принятую И. М. Никольским, сделать библиографическое описание источников, указанных в его работе, по современным правилам.

Библиографический указатель издан в 3 выпусках (основная часть) и содержит 4,5 тыс. библиографических записей, в 4-м выпуске вниманию читателей предложены вспомогательные указатели, которые отсутствовали в рукописи И. М. Никольского (географический и именной).

Многие библиографические записи в рукописном варианте указателя требовали уточнения. Библиографы-редакторы для работы над указателем обращались в крупнейшие библиотеки г. Москвы и Санкт-Петербурга. Большая часть (около 90 %) названий литературы, включенных в указатель, были просмотрены сотрудниками библиотеки *de visu*, и были исправлены ошибки, неточности в библиографическом описании монографий, научных статей, отчетов, периодических изданий о Карелии.

Источники, подтверждения публикаций которых не найдены в указанных И. М. Никольским работах, или которые не обнаружены в библиотеках Карелии, Москвы и Санкт-Петербурга, отмечены условным знаком «*». Не найденные публикации было решено сохранить, так как рукопись является еще и архивным источником.

В издании 10 больших разделов: общий раздел, природа Карелии, население Карелии, промышленность, советское строительство, партийное строительство, профессиональное строительство, культурное строительство и история Карелии. Кроме перечисленного, библиографический указатель включает подробное содержание, которое отсутствовало в рукописи, список сокращений источников и предисловие, написанное кандидатом исторических наук Ларисой Николаевной Амоновой. Для удобства пользователей на Web-сайте НБ ПетрГУ размещена электронная версия указателя. С 2010 г. к ней обратились 10741 пользователей.

В современных условиях, в связи с использованием новых информационных технологий, библиотеки стали создавать собственные электронные ресурсы, среди которых преобладают тематические краеведческие БД.

С 2000 г. справочно-библиографический отдел НБ ПетрГУ приступил к формированию своих библиографических баз данных, в т. ч. краеведческой тематики, используя программное обеспечение АИБС «Фолиант». Например, базы данных «Экология Карелии» (1842 библиографических записи), «История НБ Петр ГУ» (607 библиографических записей), «Труды сотрудников ПетрГУ» (15964 библиографических записи).

Большое внимание в справочно-библиографическом отделе Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета уделяется формированию информационных ресурсов по экологии Республики Карелия. В 2009 г. создан тематический сайт «Экологическое просвещение» в структуре Web-сайта Научной библиотеки ПетрГУ (<http://library.petrso.ru/activity/sbo/glav.html>), где информация о ресурсах по экологии нашего края выделена в специальный раздел «Экология Карелии», содержащий:

1. Библиографическую базу данных (1842 библиографические записи. Для создания использовано программное обеспечение АИБС «Фолиант»).
2. Полнотекстовую базу данных статей из периодических изданий (572 статьи в формате PDF. Выделено 7 тематических разделов).
3. Коллекцию ссылок на ресурсы ИНТЕРНЕТ по экологии Карелии (90 ссылок. Выделено 6 тематических разделов).
4. Биобиблиографический справочник «Ученые – экологи Карелии» (Online-справочник. 18 персональных страниц ученых. Каждая персональная страница содержит: биографические, контактные данные и список основных научных работ ученого).
5. Online-справочник «Марш парков Карелии» (Содержит информацию о заповеднике «Кивач», национальном парке «Водлозерский» и др.).

Создание экологической страницы на Web-сайте НБ ПетрГУ предоставило пользователям библиотеки полную и разностороннюю информацию по экологии Республики Карелия.

Сотрудники НБ ПетрГУ продолжают работу по формированию Web-сайта «Экологическое просвещение», библиографических краеведческих баз данных и по изданию библиографических указателей.

В 2014 году Преображенская церковь Кижского погоста отметит свое 300-летие. К этому событию планируется издать библиографический указатель «Кижский погост: история, архитектура» (рабочее название) совместными усилиями Научной библиотеки ПетрГУ и Научной библиотеки музея-заповедника «Кижи», что продолжит традицию работы библиотеки ПетрГУ с краеведческими информационными ресурсами.

Формирование краеведческих информационных ресурсов не входит в основные направления работы вузовской библиотеки. Однако тщательно выверенная и грамотно организованная краеведческая информация решает не только учебные задачи, но и научные. Спрос на нее усиливается в условиях стремительно возрастающего значения высшего образования и науки в современном мире.

**Деятельность музея-заповедника «Кижь» по сохранению
и пропаганде традиционной календарно-обрядовой
культуры народов Карелии (2006–2011 гг.)**

Целью моей работы является изучение и анализ деятельности музея-заповедника «Кижь» в области сохранения и пропаганды традиционной календарной обрядности народов Карелии. Как видно из темы моего сообщения, я анализирую деятельность музея в период с 2006 по 2011 гг.

Нижняя хронологическая граница – 2006 год – связана с 40-летним юбилеем музея как важного, большого пройденного этапа в становлении и развитии музея, совершенствовании форм музейной работы, организационной структуры. Верхняя граница связана с 45-летием музея и желанием проследить, какие существенные изменения произошли в работе музея-заповедника, на какие новые векторы стал ориентироваться музей и стал ли.

В XX веке вся система календарной обрядности, праздников, сопутствующих им обрядовых действий претерпела коренные изменения. Как отмечает Евгений Иванович Клементьев, антирелигиозная пропаганда, повсеместное разрушение церквей, часовен, открытое и негласное преследование верующих, разрушение традиционных форм быта не просто ограничивали соблюдение различных форм обрядности, но и искореняли их¹.

Праздничные традиции, складывающиеся не один век, отражающие менталитет народа, выполняющие важнейшие социальные, воспитательные функции подверглись разрушению с установлением советской власти. По мнению Виктора Петровича Ершова, такое разрушение грозило утратой культурных ориентиров в жизни народов². Тогда же началось строительство новой социалистической, советской календарной системы.

Вступив в XXI век, общество стало остро ощущать потребность в формировании нового праздничного календаря, при этом естественно возвращаясь к своим традициям, вспоминая о них. В связи с этим формирование института сохранения, изучения и популяризации праздника стало особо актуальным, нужным. И специалисты музея-заповедника «Кижь» осознали значимость данной потребности и начали активную работу в этом направлении.

Формы работы музея по сохранению и пропаганде традиционной календарно-обрядовой культуры народов Карелии разнообразны. Это и ежегодное проведение праздничных программ в г. Петрозаводске и на о. Кижь, публикации исследований по народному праздничному календарю народов Карелии, выставки, раскрывающие духовный и материальный мир местных этносов, лектории.

¹ Клементьев Е. И. Календарная обрядность и праздники // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 284.

² Ершов В. П. Праздничные традиции в доме П. Т. Ананьина (по материалам дневника 1932–1936 гг.) // Кижский вестник. Петрозаводск. № 14. 2013. С. 160.

Свои исследовательские работы музейные сотрудники публикуют в газете «Кижи», сборнике «Кижский вестник». С выпусками этих периодических изданий можно ознакомиться на сайте музея-заповедника, что также способствует популяризации, сохранению и изучению календарно-обрядовой культуры народов Карелии. За 2006–2011 гг. из публикаций о праздничных традициях Карелии можно отметить статьи Ирины Набоковой «Праздник есть дань Богу. Из истории кижского народного праздничного календаря»³, «Святочные традиции в Заонежье»⁴, «Воспоминания о заонежских праздниках»⁵, Надежды Назаровой «Тайны заповедного острова»⁶ о праздновании Петрова дня, а также Дарьи Абросимовой «Вечера святые, страшные, веселые»⁷.

В структуре музея-заповедника «Кижи» есть сектор организации музейных праздников и массовых мероприятий, который готовит праздничные программы с учетом «местного колорита», являющиеся одной из форм работы музея. Данному сектору не обойтись без помощи других отделов музея – истории и этнографии, ФЭТ, выставочного комплекса и др. Так музей пытается сохранить традиционную культуру народов Карелии и познакомить с ней как можно более широкий круг людей. Реконструируя праздники, музей тем самым старается заинтересовать современное общество традициями, культурными ценностями наших предков. Создание праздничных программ является одним из наиболее сложных в реализации процессов. На подготовку программы, ее апробацию уходит большое количество времени и сил сотрудников музея.

Перед тем как разработать программу праздника, сотрудниками музея проводится большая, кропотливая работа по сбору и обработке информации из источников, литературы. Необходимо отметить, что готовят программу с учетом большого количества местных особенностей. Средства музейной коммуникации позволяют реконструировать и моделировать на музейном языке любой фрагмент пространства и момента времени, разрушая границы пространственно-временной локализации человеческого опыта⁸. Научная работа по воссозданию исторически точной картины крестьянской жизни ведётся в музее на протяжении многих лет. Сотрудники изучают все стороны жизни наших предков, обладавших высокой трудовой, бытовой и художественной культурой⁹.

При рассмотрении деятельности музея-заповедника «Кижи» по сохранению и пропаганде календарно-обрядовой культуры народов Карелии мною будет использована следующая классификация праздников, предложенная Ириной Юрьевной Винокуровой:

³ Набокова И. Праздник есть дань Богу. Из истории кижского народного праздничного календаря / [Электронный ресурс] / Выходные данные: <http://kizhi.karelia.ru/info/about/newspaper/20/526.html>.

⁴ Набокова И. Святочные традиции в Заонежье / [Электронный ресурс] / Выходные данные: <http://kizhi.karelia.ru/info/about/newspaper/16/460.html>.

⁵ Набоков И. Воспоминания о заонежских праздниках / [Электронный ресурс] / Выходные данные: <http://kizhi.karelia.ru/info/about/newspaper/9/361.html>.

⁶ Назарова Н. Тайны заповедного острова / [Электронный ресурс] / Выходные данные: <http://kizhi.karelia.ru/info/about/newspaper/10/374.html>.

⁷ Абросимова Д. Вечера святые, страшные, веселые / [Электронный ресурс] / Выходные данные: <http://kizhi.karelia.ru/info/about/newspaper/1/277.html>.

⁸ Дубровская Е. Ю. К вопросу о репрезентации семьи и локального сообщества в музейной работе // Музеи в северном измерении. Сборник докладов по итогам Второй Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2012. С. 6.

⁹ Пришел Спас - всему час / [Электронный ресурс] Выходные данные: <http://kizhi.karelia.ru/whatson/festivals/91>.

1. Общие праздники, которые праздновались по всей России, в том числе и в Олонецкой губернии. До революции в России насчитывалось до 30 государственных праздников – гражданского, церковного и народного происхождения.

2. Местные праздники, которые в свою очередь можно подразделить на праздники поселений, праздники деревень, заветные праздники, заветные и престольные праздники с жертвоприношением животных¹⁰.

Общими праздниками, отмечавшимися повсеместно, считались – «праздник всех праздников» Пасха, 12 двенадесятых праздников, прославляющих Иисуса Христа и Богоматерь, 5 не двенадесятых праздников. В данной работе нас будут интересовать не все, а лишь некоторые из них, а именно Рождество Христово (25.12/07.01), Пасха (подвижная дата), день Преображения Господня (06.08/19.08), часовенные праздники – день памяти свв. апостолов Петра и Павла (29.06/12.07), день святых мучеников Кирика и Иулитты, день Ильи Пророка (02.08/20.07). Данный список праздников был установлен Русской Православной Церковью, но существовали и не установленные, но не менее любимые народом торжества – Масленица, Кёгри карел, Святки, Радкольское воскресение в Заонежье¹¹.

Программа музея «Северные Святки» ежегодно реализуется с конца декабря (25/27 декабря) и до 18/19 января, до Крещенского сочельника и Крещения (Богоявления).

Сценарий программы состоит из действующей экскурсии в музей, представления Фольклорно-этнографическим театром рождественского вертепа, музейной программы «Ожившая экспозиция», мастер-класса по изготовлению традиционного новогоднего сувенира (рождественского ангела).

Выбор начала реализации программы «Северные Святки» музеем не случаен. С 12 декабря по старому стилю (24 декабря по нов. ст.) в Олонецкой губернии в конце XIX – нач. XX в. повсеместно начинались Кривые святки или «полусвятки». Традиционно святки – и по старому, и по новому стилю – это две недели. Но, например, в Заонежье святки начинались не с Николы зимнего и не с Рождества Христова (6.01 н. ст./25 декабря ст. ст.), как это было присуще многим русским, а со дня зимнего солнцестояния – Спиридона Поворота (25.12 н. ст./12.12 ст. ст.). Завершались они, как и везде у русских, в Крещение (19.01 н. ст./6.01 ст. ст.). Молодежь с этого времени ходила ряжеными (рядились обычно в представителей нечистой силы или животных), гадала. 1 января по старому стилю (13 января по нов. ст.) в календаре считалось днем святителя Василия Великого, на который и приходился раньше Новый год. Рождественский сочельник приходился на 6 января по нов. ст. (24 декабря по ст.ст.), когда завершались «кривые святки» и начинались «прямые» до 19 января по нов. ст. (25 декабря – 6 января по ст.ст.). Прямые святки в календаре заонежан, у карел и вепсов именовались «святыми вечерами» (07.01–13.01) и «страстными вечерами» (14.01–18.01)¹². Период от Рождества

¹⁰ Винокурова И. Ю. Праздничная система крестьянского населения Олонецкой губернии (конец XIX – нач. XX в.) // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий. Петрозаводск. 2010. С. 9–34.

¹¹ Логинов К. К. Народный календарь и праздники народов Карелии // Слово и праздник. Петрозаводск. 2008. С. 17.

¹² Логинов К. К. Народный календарь и праздники народов Карелии // Слово и праздник. Петрозаводск. 2008. С. 38.

Христова до Крещения всегда считался особым у многих народов. Это было сакральное, наполненное магическими обрядами время, когда вся нечистая сила получала свободу и могла беспрепятственно находиться на земле¹³.

С Рождества повсеместно устраивались «бесёды» (Заонежье), «вечёрки» (Пудожье), «вещерины» (Поморье), «besedad»/бесёдные места (вепсы). Фольклорно-этнографический ансамбль музея-заповедника «Кижи» – неотъемлемый участник реконструкции традиционных праздников. Им за годы своего существования были реализованы программы «Поморская вечерина», «Прядимая беседа конца XIX – начала XX в.», «Русская свадьба Заонежья», «Заонежская молодежная беседа».

Рождество Христово, празднующееся 7 января по н.ст (25 декабря по ст.ст), всегда было особенным торжеством. Существовали свои приметы, традиции. Так, первый испеченный блин в этот день молодежь похищала для гаданий или его отдавали девочке. В блине («блин Сюдю» у карел и вепсов) выкусывали отверстия для глаз, рта, носа, прикладывали его к лицу и смотрели в предрассветную тьму, считали, что услышанное и увиденное сбудется. С Рождества до Крещения ходили «славить Христа». «Славильщики» пели рождественский тропарь, величали хозяев. В окрестных деревнях Кижей «славильщики» носили с собой самодельную звезду из цветной бумаги и, заходя в дом, зажигали ее изнутри, становились перед иконой и пели. Хозяева благодарили их угощением.

Главной трудностью проводимых музеем-заповедником «Кижи» программ является то, что праздничное время, которое могло продолжаться и до двух недель (если учесть кривые святки – более трех недель), сотрудникам музея приходится «сжимать» до 2-х часов, и весь огромный объем информации о традициях празднования того или иного праздника представлять в сжатом, но при этом доступном, интересном и увлекательном формате. В таком случае процесс отсеивания и «урезания» определенных моментов традиционной календарно-обрядовой культуры становится естественным. Невозможно в 2-х часовую программу уместить период в 20 с лишним дней. Вместе с тем, специалисты музея стараются сделать процесс знакомства с культурными традициями празднований наших прародителей максимально интересным, познавательным для посетителей.

Следующим крупным праздником, который вошел в праздничную программу музея-заповедника «Кижи», является Масленица. Программа носит название «Русская Масленица». Как уже было отмечено, этот не принятый церковью праздник был особо любим народом. Масленица – один из немногих старинных языческих праздников проводов зимы, сохранившихся в России и после принятия христианства. Масленица («Сыропустная») торжествуется за 8 недель до Пасхи. Каждый из масленичных дней нес свою смысловую нагрузку. Неотъемлемым атрибутом конца масленичной недели было сжигание соломенного чучела. Масленица у наших предков ассоциировалась с веселым, лег-

¹³ Иванова Л. И. Южнокарельская ритуальная выпечка в свете святочной обрядности // Рябининские чтения. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 47.

ким прощанием с зимой и радостной встречей весны. Круглый, румяный блин был для них олицетворением солнца, и они верили, что вместе с ним они съедают частичку его тепла и могущества¹⁴.

Традиционно в конце февраля – начале марта в квартале исторической застройки в г. Петрозаводске для посетителей проходят масленичные гуляния. Посредством данной программы музей-заповедник сохраняет и популяризирует культуру празднования Масленицы в позапрошлом веке. В ходе знакомства с обычаями и традициями данного праздника на суд посетителей предстает этнографическая выставка (например, в 2008 г. это была выставка «От хозяина чтоб пахло ветром, от хозяйки – дымом», рассказывающая о мире крестьянской заонежской семьи), интерактивные игры и мастер-классы (по изготовлению символов Масленицы – солнца или чучелка), выступление кукольного народного театра Петрушки, бывшего элементом городской культуры в конце XIX – нач. XX в. Участники Фольклорно-этнографического ансамбля развлекают гостей традиционными заонежскими играми («В червячка», «В часовенку», «Дударь-Дударщице»), хороводами, забавами-состязаниями (в силу и ловкости). Главный атрибут Масленичной недели – блины и угощение ими гостей – в программе всегда присутствует. Под конец праздничной программы чучело Масленицы по традиции сжигается.

Еще одним из праздников, входящих в календарную систему России и Карелии, является Пасха. «Праздник праздников», Великий праздник также стал основой для программы музея «Кижь» по сохранению и пропаганде местной традиционной культуры. Пасха является подвижным праздником. Этот праздник символизирует обновление и спасение мира, человека, победу добра над злом.

С 1994 г. в музее проводятся Пасхальные встречи. Музейная программа праздника «Пасхальная неделя» была создана сотрудниками «Кижь» позже, она включает знакомство с пасхальными традициями и играми, экскурсии по действующей выставке (в 2011 году это была выставка «Ткачество Олонецкой губернии. Конец XIX – начало XX вв.», т. к. ткали раньше как раз во время Великого поста, перед Пасхой), мастер-класс по изготовлению пасхального сувенира (птицы, украшение яйца). Традиционно в ночь на Пасху люди стояли на Всенощной службе в часовне или церкви, с наступлением темноты красили яйца, готовили пищу для праздника. Всех встречных в этот день приветствовали «Христос Воскресе!» и троекратно с ними целовались, получив ответное «Воистину воскрес!». В полдень в Пасху происходило разговенье с пасхальным яйцом, мясом и куличом за трапезой. неотъемлемой частью Пасхи были игрища, особенно популярными были катание крашеных яиц с «красных горок» и «коканье» этими яйцами с родственниками, друзьями¹⁵.

День Преображения Господня (Второй или Яблочный спас) традиционно отмечается 19 августа по нов. ст (6 августа по ст. ст). На острове Кижь этот праздник был поминальным, после службы в церкви люди отправлялись на кладбище. В этот день устраивалась ярмарка в Кижях, торговали яблоками-дичками. Молодежных гуляний не устраивали. Музей-заповедник в этот день ежегодно про-

¹⁴ Программа «Русская Масленица»-2009/ [Электронный ресурс] / Выходные данные: <http://kizhi.karelia.ru/whatson/festivals/58>.

¹⁵ Логинов К. К. Народный календарь и праздники народов Карелии // Слово и праздник. Петрозаводск. 2008. С. 46.

водит на острове совместно два праздника – День Кижской волости и Преображения Господня. Возрожденная традиция празднования существует с 1994 года. Цель возрождения важного праздника сотрудники музея видели в восстановлении традиций общинных крестьянских сходов. Ими же было решено приглашать на этот праздник жителей Заонежья и о. Кизи, ведь Кижский погост исстари был центром административной волости, и по традиции в этот день к нему съезжались жители всех окрестных деревень. С годами праздник стал для местных жителей возможностью вернуться, прикоснуться к истокам православной народной жизни¹⁶.

Специалисты музея-заповедника тщательно изучают и готовят родословные карты жителей Заонежья, которые затем вручаются потомкам родов. Программа праздника предполагает обращение к обычаям и занятиям наших предков, которые также тщательно изучаются и популяризируются сотрудниками музея. Неотъемлемой частью праздника тогда и сейчас является Божественная Литургия в Преображенской церкви (с закрытием ее на реставрацию Литургия стала проводиться в храме Покрова Богородицы) и последующий крестный ход с иконами, хоругвями и песнопениями вокруг Спасо-Кижского погоста, освящение плодов (яблок, винограда и др.), так как этот день является и Яблочным Спасом, и раздача их прихожанам. В сценарий торжества обычно включают демонстрацию традиционного обмолота зерна, снопов, подлинных орудий земледельческого труда из музейных хранилищ, исполнение фольклорными коллективами особых старинных песен.

Способствуя пробуждению у населения интереса к традициям празднования, музейные работники внедряют современные формы культурного взаимодействия – мастер-классы по изготовлению композиций из цветов и традиционной куклы из лыка, конкурсы различной тематики («Лучший садовый букет», «Сохраняя красоту Кижских деревень» и др.), фотовыставки. По аналогии с традиционной Кижской ярмаркой в этот храмовый праздник музеем устраивается торговля на острове и сейчас.

С 1997 года в музее-заповеднике «Кизи» возобновлена традиция часовенных праздников. Одним из них является день святых Петра и Павла празднуется 12 июля по н. ст. (29 июня по ст. ст.). В 2007, 2009 г. этот праздник отмечался в дер. Волкостров. В 2008 г. празднование состоялось в дер. Космозеро, что в 12 км от Великой Губы. Народные гуляния проходили на поляне поблизости с деревянной церковью Александра Свирского, построенной еще в 1769 г. На уже возрожденный праздник съезжаются творческие коллективы из близлежащих деревень и ФЭТ музея «Кизи». Ансамбли стараются вовлечь в действие зрителей – устраивают эстафеты, наперегонки бегают с ведрами, наполненными водой, проводят шуточный аукцион «Кот в мешке».

Петров день был одним из любимейших летних праздников у населения. Тогда же заканчивался Петровский пост и можно было есть скоромную, т. е. не позволенную в пост пищу. В этот день у крестьян было принято с утра нести в церкви и часовни Петра и Павла «петровщину» – хлеб.

¹⁶ Назарова Н. Свет Преображения на острове Кизи / [Электронный ресурс] Выходные данные: <http://kizhi.karelia.ru/whatson/festivals/57/1204.html>.

Часовенный праздник в честь святых мучеников Кирика и его матери Иулитты в дер. Воробы празднуется 28 июля по н. ст (15 июля по ст. ст). Из воспоминаний жительницы дер. Воробы М. Широковой (записаны Р. Б. Калашниковой): «Деревенька небольшая была. Деревня-то – дома, дома по берегу, нигде не было ни игрища, ни гулянки, а гуляли в праздники у мельницы».¹⁷ В этот день в главной часовне деревни служат праздничный молебен. К часовенному празднику приходит население из близлежащих деревень. Этот деревенский праздник, следуя идее сотрудников музея-заповедника «Кижь», с недавних пор сопровождается футбольным турниром, что объединяет людей и устанавливает более тесные связи между деревнями¹⁸.

Ежегодно в дер. Телятниково 2 августа по нов. ст (20 июля по ст. ст) проходит часовенный праздник памяти Ильи Пророка, служится праздничный молебен, выступает ФЭТ и устраивается чаепитие. Пророк Илия считается покровителем земледелия, заботится о полях и пожнях, сенокосе и зерновых. На следующий день происходило освящение скота. Ильин день считался пограничной датой между концом лета и началом осени. Говорили и поныне говорят в Заонежских деревнях: «Илья Пророк – лето уволок». К этому времени заканчивался сенокос и начинался посев озимых, жатва¹⁹.

Подводя итоги, можно отметить, что музеем-заповедником «Кижь» ведется большая работа по сохранению и возрождению традиционной календарно-обрядовой культуры народов Карелии. Ввиду естественных изменений, произошедших с нач. XX века, возродить праздничную систему в перво-зданном виде сегодня было бы невозможно. Учитывая это, сотрудники музея-заповедника эффективно «вплетают» элементы традиционного праздничного календаря народов Карелии в современные формы музейной работы с посетителями. Комплекс проводимой музеем деятельности, несомненно, играет большую роль в пропаганде традиционного праздничного календаря.

¹⁷ Набокова И. Праздник есть дань богу. Из истории кижского народного праздничного календаря // Кижь. 2007. № 7. С. 6.

¹⁸ Николюкина Т. После молитвы – на футбол // Кижь. 2006. № 7. С. 7.

¹⁹ Набокова И. Праздник есть дань богу. Кижь. 2007. № 7 С. 6.

Изучение традиционной инструментальной культуры Карелии на кафедре музыки финно-угорских народов ПГК им. А. К. Глазунова

Органология в России наука достаточно молодая, и ее становление во многом связано с деятельностью И. В. Мациевского. Известно, что свою концепцию, связанную с предметом и методами его изучения, И. В. Мациевский поместил в публикации 1980 г. «Народный музыкальный инструмент и методология его исследования»¹.

Тем не менее на кафедре музыки финно-угорских народов Петрозаводской государственной консерватории им. А. К. Глазунова органология как предмет преподается с момента ее образования (с 1993 года). Поэтому, на первый взгляд, не вызывает сомнений тот факт, что именно так должны изучаться народные музыкальные инструменты и народное инструментальное искусство в целом. Но в ряде регионов России исследования в этой области остановились и пребывают в реальности тридцатилетней давности, по-прежнему осуществляя ссылки на идеолога инструментоведческой позиции К. Верткова.

Концепция сторонников органонологического подхода обнаруживает необыкновенную логику и стройность, понимание невозможности изучения музыкальных инструментов вне культурно-исторического контекста. Изучение среды или пространства, в котором живет и функционирует музыкальный инструмент, позволяет изучать не фрагменты явления, а видеть его целостным динамичным организмом.

Значимым событием для появления и становления органонологии в Карелии стал ряд публикаций и диссертационное исследование А. Р. Абловой, посвященные литофонам². Литофоны – древнейший функционирующий пласт современной музыкальной культуры. К ним относятся созданные природой каменные звуковые феномены и изготовленные человеком музыкальные инструменты. Уникальность литофонов связана с их происхождением: «они принадлежат миру природы и вместе с тем с доисторических времен включены в культуру, освоены человеком функционально и эстетически»³. Заметим, что литофоны Карелии и исследование звуковых камней Заонежья (Звонкого и Бунчика)⁴, явились для ученого лишь импульсом и стали основой для освещения ряда вопросов, связанных с

¹ Мациевский И. В. Народный музыкальный инструмент и методология его исследования // Актуальные проблемы современной фольклористики. М. 1980. С. 143–167.

² Аблова А. Р. Литофоны в музыкальной культуре (1996). Диссертационное исследование на соискание ученой степени кандидата искусствоведения выполнено на секторе инструментоведения РИИИ МК РФ и РАН, научный руководитель – доктор искусствоведения И. В. Мациевский.

³ Там же, с. 11.

⁴ Экспедиционная работа, в том числе в Заонежье, осуществлялась А. Р. Абловой особенно интенсивно с 1988 по 1996 гг.

морфологией, акустикой и реконструкцией, одной из глав (II главы) диссертации. В итоге А. Р. Абловой исследуются и новые, не изучавшиеся ранее памятники Карелии, их функционирование, а также круг аналогов не ограниченный территорией республики или отдельного этноса, т. к. литофоны распространены во всем мире.

Необходимо заметить, что изучением культовых камней до указанного момента времени в нашей стране занимались в большей степени краеведы, археологи и этнографы. Так, в конце 1980-х гг. в статье «К изучению культовых камней»⁵ Н. А. Макаров и А. В. Чернецов сообщают лишь о введении в научный оборот групп памятников, распространенных в Восточной Европе не только у славян, но также в пределах ареала балтских и финно-угорских народов. Можно утверждать, что именно в этномузыкознании литофоны впервые стали объектом специального обобщающего исследования, которое включает как древнейшие, так и современные каменные орудия. Стоит отметить также, что именно органоологический подход обеспечил максимально разностороннее и глубокое понимание исследуемого предмета.

Важно отметить, что сторонники органоологического подхода включают в сферу своих исследований достаточно широкий круг музыкальных орудий, находящих традиционное применение в быту и практике народа: «инструменты, имеющие собственно эстетическую функцию, и звуковые орудия сугубо прикладного назначения (охотничьи манки, коровьи колокольчики, сигнальные рожки, детские звуковые игрушки); инструменты, приспособленные к исполнению музыки, строго регулируемой в ритмическом и интонационном отношении, и инструменты, такими возможностями не обладающие».⁶

На кафедре музыки финно-угорских народов «новый» подход в изучении традиционной инструментальной культуры впервые воплотился в дипломной работе Е. Михайлова «Музыкально-инструментальная культура онежско-белозерского межозерья» (2000 г.)⁷. В течение трех лет полевой экспедиционной работы (1997–1999) в селах Онежско-Белозерского межозерья Е. Михайлову удалось собрать значительный музыкальный, органоологический и этнографический материал, включающий сведения о распространении, изготовлении и функционировании музыкальных инструментов.

Все музыкальные инструменты, зафиксированные в указанном регионе, при описании разделены Е. Михайловым на несколько групп по функциональному признаку, учитывающему сферу деятельности человека. В результате получено пять основных групп: пастушьи, охотничьи инструменты, инструменты быта, детские инструменты, а также инструменты сферы отдыха и досуга⁸. Музыкаль-

⁵ Макаров Н. А., Чернецов А. В. К изучению культовых камней // Советская археология. 1988. № 3.

⁶ Мациевский И. В. Народный музыкальный инструмент и методология его исследования // Актуальные вопросы современной фольклористики. Л. 1980. С. 143.

⁷ Научный руководитель – доктор искусствоведения, профессор кафедры музыки финно-угорских народов Р. Ф. Зелинский.

⁸ Принятое деление в некоторой степени условно, так как ряд инструментов может употребляться в нескольких сферах.

ный инструментарий населения Онежско–Белозерского межозерья представлен тремя основными классами: идиофонами (11 инструментов), хордофонами (6) и аэрофонами (24)⁹.

Следующим этапом в формировании научной платформы кафедры в области изучения традиционной инструментальной культуры является ряд дипломных работ, которые возможно объединить по направлениям и совокупности решенных в них актуальных вопросов.

Известно, что к указанному периоду времени исследования по традиционному музыкальному фольклору в Карелии были объективно скудными. В данном случае необходимым стало осуществить ряд переводов наиболее существенных публикаций известных финских исследователей – А. О. Вайсонена, Т. Лейсио, Р. Ниеминена, Х. Саха и скоординировать информацию, с полученной в процессе работы в архивах: Национальный Архив РК, Научный архив КГКМ, Научный архив Института языка, литературы и истории КНЦ РАН и экспедиционной работе. По поводу экспедиционной работы заметим, что с открытием на кафедре музыки финно-угорских народов заочного отделения (в 2003 г.) стало возможным более глубокое и детальное обследование необходимых территорий в связи с тем, что «экспедиция» теперь осуществлялась людьми, постоянно в этом районе проживающими и имеющими с местным населением родственные связи. Именно такой тип исследования стал наиболее результативным по сравнению с тем, что имелся ранее.

Так, материалы трех дипломных работ: Н. Дробышевская «Традиция и новаторство в культуре кантеле Финляндии» (2008), А. Картынен «Роль традиции в становлении инструментального состава профессиональных ансамблей Карелии в 1920–1930-е гг.» (2009 г.), Ю. Гладышев «Роль традиции в сфере ансамблевого исполнительства на кантеле (на примере калевальского ансамбля кантелистов)» (2010 г.)¹⁰ – позволили сформировать научную картину, связанную с функционированием и традиционным исполнительством на древнейшем хордофоне карел и финнов кантеле. Особенно важным стало открытие в Северной Карелии альтернативной (официальной школе В. Гудкова) школы исполнительства на кантеле и наличия репертуара, ранее на этой территории не фиксировавшегося.

Так, Ю. А. Гладышев, являясь учеником и последователем идей В. Ф. Пяллина, сохранил в памяти танцевальные наигрыши кантеле данной местности – Шоттиси, Раатико, Римпа, Хумахуш. Диатонический звукоряд танцевальных наигрышей позволяет предположить, что они исполнялись на кантеле еще до момента его усовершенствования и в традиции. Подобное состояние традиционного исполнительства, где в жанровом отношении танцевальные наигрыши составляли основу репертуара, фиксировали в начале XX столетия А. О. Вайсянен и В. П. Гудков в районах Южной Карелии.

Школа игры на кантеле В. Ф. Пяллина отличается от официальной школы В. П. Гудкова. Несмотря на принятие хроматического кантеле В. П. Гудкова, В. Ф. Пяллин опирался на традиционные приемы исполнительства – кантеле держат на коленях, а не вертикально, короткими струнами к

⁹ Михайлов Е. настаивает, что классификация собранного музыкального инструментария осуществлена в соответствии с общепринятой в современном инструментоведении систематикой Хорнбостеля – Закса.

¹⁰ Научный руководитель доцент кафедры музыки финно-угорских народов А. В. Калаберда.

себе, при таком положении инструмента звукоизвлечение напоминает, скорее, удар по струне. Правая рука исполняет мелодию, а левая – аккомпанемент, аппликатура, предложенная В. Ф. Пяллине-ном, активно использует первые пальцы обеих рук, что совсем не характерно для аппликатуры В. П. Гудкова.

Поиски исполнительства на кантеле в Северной Карелии оставались безрезультатными по двум причинам: экспедиционная работа на указанной территории стала регулярной лишь к моменту полного угасания традиции кантеле, а главное – данный регион ассоциировался в сознании ученых, в первую очередь, с «заповедником» рунической певческой культуры, и традиционное инструментальное искусство, сохранившее архаические пласты, так и не стало до недавнего времени предметом фиксации и исследования.

В связи с этим особенно важной является дипломная работа А. Э. Маликиной «Манковые наигрыши в традиционной музыкальной культуре Карелии» (2012)¹¹. Известно, что звуковое подражание родилось в процессе охотничьих промыслов. После отделения от своего первоначального охотничьего прообраза оно стало самостоятельной сферой деятельности человека.

Главным источником информации о формах и способах традиционной охоты в Карелии, а главное об особенностях звуковой культуры, манковых инструментах и манковых наигрышах как части этой культуры стал опыт и знания потомственного охотника Э. Х. Маликина. Невозможно было представить, что в Карелии (а не только в Сибири) обнаружатся люди, «по-прежнему являющие единое целое с природой, по-прежнему связанные со своим кормящим ландшафтом». Это особенно важно в условиях, при которых памятники культуры выступают единственным источником сведений о народе, что неизбежно приводит к деформации данных. Мы полагаем, что звукотворчество карельских охотников традиционно функционировало в рамках полихудожественных, или «политембровых синкретических комплексов»¹², где ясно ощущается тесная связь с вербальными, вокальными, хореографическими (пластическими) и драматическими элементами.

Помимо обнаруженных архаических пластов инструментальной культуры Северной Карелии, нас не может не волновать современное состояние традиции. В связи с этим важными становятся работы «Традиционное исполнительство на гармонии в Калевальском районе Карелии»¹³ (2010) и «Современное состояние музыкальной традиции северных карел».

Конечно, изучение традиционной инструментальной культуры этносов Карелии является приоритетным для кафедры музыки финно-угорских народов. Тем не менее, серьезным вкладом в финно-угроведение являются дипломные работы ряда авторов, исследующие традиционную инструментальную культуру коми, эстонцев, ижор, марийцев, удмуртов, обских угров, мордвы.

Необходимо отметить, что в своей исследовательской работе кафедра музыки финно-угорских народов не ограничивается пространством финно-угорского мира и не руководствуется наличием в

¹¹ Научный руководитель – доцент кафедры музыки финно-угорских народов А. В. Калаберда.

¹² Бояркин Н. И. Мордовская народная музыка. Многоголосные инструментальные традиции. Саранск. 2004. С. 9.

¹³ Олышаков Н. Традиционное исполнительство на гармонии в Калевальском районе Карелии (2010 г.).

инструментальной традиции мощного финно-угорского субстрата. Так, к примеру, изучение традиционной инструментальной культуры Заонежья в современное время, возможно, и не могло бы обнаружить последнего.

Обычно не вызывает сомнений, что традиционная музыкальная культура Заонежья хорошо изучена, но это касается певческой традиции, фиксация инструментальной культуры указанного региона оставалась до недавнего времени весьма эпизодической.

Автор дипломной работы «Традиционные музыкальные инструменты Заонежья» (2009)¹⁴ А. Дмитриченко осуществил ряд экспедиций в период с 2006 по 2009 гг. в д. Ламбасручей и Толвуя. Выяснилось, что музыкальный инструментарий Заонежья представлен достаточно широко – здесь представлены идиофоны, мембранофоны, хордофоны и аэрофоны. Инструментов, относящихся к группе идиофонов, зафиксировано большее количество – это било, ботало, поддужные колокольчики, деревянные ложки, коробочка из бересты и др. Сохранилось ранее фиксируемое исполнительство на хордофонах – балалайке, мандолине, гитаре. Традиционные пастушьи аэрофоны, разумеется, не сохранились, тем не менее А. Дмитриченко обнаружил фрагменты деревянных труб и шалмеев («жилейка» у Е. Гиппиуса) Заонежья в фондах музеев Карелии.¹⁵ Автором дипломной работы зафиксирован также богатый материал, связанный с традиционным исполнительством на гармонии.

Одной из важных на кафедре музыки финно-угорских народов является проблема не только фиксации традиционной инструментальной культуры конкретного региона, но и проблема межэтнических контактов и взаимодействий. Эта тема, сформировавшаяся в Карелии в недрах изучения певческого фольклора (начиная с работ Л. М. Кершнер), стала актуальной еще в конце 1950-х гг. Тем не менее исследователей певческой культуры карел до сих пор волновали контакты финно-угров и славян (карел и русских), т. к. результаты этих взаимодействий более рельефны и значительны. Тем не менее для финно-угорских этносов «стран Балтийского пояса»¹⁶ не менее явными являются скандинавские, а точнее – шведские влияния. Возможно, в певческом фольклоре они себя не проявили, но в области традиционного инструментального искусства они обнаруживаются на географическом пространстве от Эстонии до Швеции весьма ощутимо.

Прояснению данного вопроса посвящены дипломные работы – Д. А. Козлов «Волянка в традиционной культуре Швеции, Финляндии и Эстонии» (2008)¹⁷ и О. Е. Терехова «Смычковая лира в Карелии, Финляндии и Эстонии: вопросы истории и исполнительства» (2010)¹⁸. Заметим, что исследование, посвященное волянке, как заимствованному музыкальному инструменту, оказавшему огромное влияние на эстонскую народную музыку, помогло понять, что традиционное исполнительство на смычковой лире финно-угров и скандинавов не узко локальное явление (как это представлялось ра-

¹⁴ Научный руководитель – профессор В. Л. Калаберда.

¹⁵ Медвежьегорском, Пудожском и Карельском государственном краеведческих музеях.

¹⁶ Единого термина для стран так называемого Балтийского региона до сих пор нет. В. Корнеев рекомендует использовать «страны Балтийского пояса» в случае необходимости акцента на шведской доминанте.

¹⁷ Научный руководитель – профессор В. Л. Калаберда.

¹⁸ Научный руководитель – А. В. Калаберда.

нее), ограниченное шведоговорящими островами и западным побережьем Эстонии, а также Северным Приладожьем, а «скандинавский след» в традиционной инструментальной культуре финно-угров.

Таким образом, даже в упомянутых дипломных работах можно обнаружить стройную логику их появления и помещения в них тематики и ряда проблем, решение которых необходимо в определенный момент времени. Центральной задачей остается накопление и обогащение материалов, связанных с изучением традиционной инструментальной культуры Карелии.

Юрьев день сойкинских ижор и его музыкальное наполнение: к вопросу о реконструкции

Формой итоговой аттестации по дисциплине «Фольклорный ансамбль» на кафедре «Музыки финно-угорских народов» ПГК им. А. К. Глазунова является творческая программа, включающая элементы фольклорного театра и использующая современные мультимедийные технологии. Задачей автора стала реконструкция одного из ярких, определяющих самобытность традиционной культуры ижор явлений – Юрьего дня.

Богатые народно-поэтические традиции Ингерманландии были обнаружены Д. Э. Д. Эуропеусом в 1847 г., т. е. за два года до полного свода «Калевалы». Вслед за Д. Эуропеусом, совершившим несколько результативных поездок, в Ингерманландии побывали такие известные собиратели, как Х. А. Рейнхольм, А. Алквист, Я. Лянкеля, В. Алава, В. Салминен, А. Лаунис. В центре их исследовательского интереса оказывались, прежде всего, древние эпические руны, а также лирические и обрядовые песни калевальской метрики.

В отличие от современников задачей А. О. Вайсянена стала фиксация пастушеской звуковой культуры Ингерманландии, в частности ижорской. И это не случайно, т. к. звукотворчество пастухов и охотников – наиболее архаичный и консервативный пласт инструментального фольклора.

Во время путешествия по Ингерманландии в 1914 году конце июня – начало июля, а значит, значительно позднее Юрьева дня, А. О. Вайсянен обошел 10 деревень, в том числе 8 ижорских: Kirjamo (Кириямо), Ropsu (Ропша), Laukaansuu (Остров), Koskinen (Косколово) и три ижорские деревни, находящиеся на сойкинском полуострове Säätiina (Слободка), Ruutsia (Ручьи), Tarinaisi (Андреевщина).

Результатом путешествия А. О. Вайсянена стали 160 мелодий, собранных на 40 фонографических валиках, содержащих наигрыши на тоухиторви, сойтту, паюпилли и балалайке, 10 песен, образцы водской речи, а также 34 фотографии. Отметим, что наигрыши были распределены финским исследователем от архаичных к более поздним следующим образом – импровизации, песенные и танцевальные наигрыши.

О хозяйственных занятиях ижоры в далеком прошлом известно мало. Очевидно лишь то, что эти, когда-то охотничко-рыболовецкие, племена освоили со временем и земледелие. В структуре обрядов, связанных с пастушеством, особо выделяются начало и конец пастбы, совпадающие с границами летнего периода земледельческого календаря – от Егорьева дня до Покрова.

Наиболее важное значение придаётся началу цикла, о чём свидетельствует развитая система обрядов Егорьева дня: в ряде случаев выгону предшествовал ритуальный обход скота, совершавшийся

хозяйкой в хлеву. У хозяйки в руках сито с иконой Святого Георгия, верба и нож. Она произносит заклинание три раза, просит Святого Георгия охранять корову все лето. Юрьев день отмечался как особый календарный праздник, именно в этот день скотина впервые после зимнего стойлового периода выгонялась на несколько часов. Важную роль в обрядах первого выгона скота играли пастухи. Им вручали стадо, и они старались использовать все средства, в том числе и иррациональные, магические, чтобы сохранить его. Почти повсеместно, выгнав стадо за околицу, пастухи трижды обходили вокруг него. При этом у них были предметы, которым приписывались магические свойства. В первую очередь это был хлеб (в разных видах), нередко замок, нож, топор (также оберег), верба и яйца, позднее в этот набор входила и икона Георгия Победоносца. Набор магических предметов и действия, совершавшиеся пастухами при обходе, в разных местностях несколько варьировались, но сущность и цель их были везде одни – сохранить скот.

Ижорские пастухи, прежде всего из Сойкколанниеми, были известны в профессиональном и музыкальном отношении. Присмотр за скотом у многих здешних мужчин, начиная от мальчиков до стариков, являлся традиционным родом занятий.

Обычно утром (около 3 часов) пастух с помощью «*tuohitorvi*» будил хозяев, а чуть позже собирал коров и выгонял на пастбище в ближний лес. К полудню стадо возвращалось в деревню. Известно, что у каждого пастуха имелась, по крайней мере, одна его собственная мелодия-сигнал, с помощью которой он утром собирал скот, а вечером трубил, возвращаясь в деревню.

Музыкальные инструменты являлись одной из важных и необходимых составляющих в общей системе традиций пастушества. На данной территории наиболее распространёнными были наигрыши-сигналы на сбор стада утром, днём и вечером, наигрыши-кличи, являющиеся средством коммуникации пастухов на большом расстоянии и песенно-танцевальные наигрыши, имеющие вторичную функцию. Вторичность исполнения на традиционных пастушьих аэрофонах связана с конструктивными особенностями инструментов, не позволяющими долго исполнять такого рода наигрыши, требующие большого расхода воздуха.

На Сойкинском полуострове в д. Андреевщина (Tarinaisi) А. О. Вайсянен нашел много музыкального материала, т.к. пастухи коров, лошадей и пастух овец – все оказались «мастерами». От пастуха коров Прокко Виллона было записано 18 наигрышей, исполненных на *tuohitorvi*, это импровизации, песенные и танцевальные мелодии. Отметим, что А. О. Вайсянен в публикации «Музыка ингерманландских пастухов» разместил зафиксированный материал сообразно собственным представлениям об эволюции инструментальных жанров – от более архаичных импровизаций к песенным и танцевальным наигрышам позднего слоя. Соответственно пастушьи мелодии-сигналы возможно обнаружить в разделе «импровизации». В Ruutsia (Ручьи) исследователь записал от пастуха Алекси Онтреи наигрыш на выгон (№ 93)¹. Так, о характерных чертах музыкального строя данных наигрышей, которым присущи устойчивые краткие наигрыши-формулы из звуков оберто-

¹ Väsaänen A.O. Karjasoitto keräämiä paimensävelmiä inkeristä / Toimittanu Likka Kolehmainen Kansanmusiikki instituuti julkaisuja 15. Kansanmusiikki instituuti. Kaustinen. 1985. S.14 (перевод О. Коршуновой).

нового ряда и волнообразной мелодической линией можно судить преимущественно по наигрышам Прокой Виллона и Алекси Онтреи.

Г. Г. Шаповалова, рассмотрев егорьевскую обрядность, отметила ее сложный состав: «Специфика этого цикла заключается в том, что он объединяет обряды земледельческие, скотоводческие и брачные»². Но соединение разных элементов характерно для большинства календарных обрядов земледельческих народов, брачная же тематика, занимающая в весенней обрядности очень важное место, у восточных славян в егорьевском цикле представлена слабо.

Тем не менее во многих районах Ингерманландии вплоть до 1920–30-х гг. Юрьев день завершал так называемый «Бабий праздник», начинавшийся после возвращения скота домой. Так, в Юрьев день, когда первый раз выгоняли скотину в поле, водские женщины устраивали праздник, на который, кроме пастуха, других мужчин не допускали.³

В указанное время осуществилось несколько экспедиций отечественных этнографов в разные районы Ингерманландии – в том числе к ижорам на Сойкинский полуостров. О результатах этой работы можно судить по публикациям «Западно-финского сборника».⁴

Сойкинский полуостров еще в первые десятилетия XX века, а точнее до 1930-х гг., представлял собой регион компактного проживания сойкинских ижор, составлявших большинство прибрежных деревень. Полевые исследования экспедиции Д. А. Золотарева показали, что в организации хозяйства, в материальной культуре местного русского населения и ижор практически не наблюдалось этнической специфики. Тем не менее этническое своеобразие обнаруживало себя (до начала XX в.) в семейной и календарной обрядности. Этнографы отмечали, что наибольшая частота встречаемости «бабьего праздника» была зафиксирована на Сойкинском полуострове. В районах со смешанным ижорско-водско-финским или финско-русским населением существование этого праздника отмечалось значительно реже.⁵

В связи с этим ценным этнографическим источником оказывается статья Н. И. Гаген-Торн «О «Бабьем празднике» у ижор ленинградского района».⁶ Обращает внимание то, что Н. И. Гаген-Торн не ограничивается этнографическим описанием праздника, она отмечает, в какой момент исполнялись песни, жанры песен, и помещает их в контекст общего сценария. Н. И. Гаген-Торн считает, что «Бабий праздник» непосредственно с обрядами выгона скота не связан и, по-видимому, к «Егорьеву дню» приурочен позднее.

В этот день собираются вместе замужние женщины деревни и устраивают складчину. На «Егорьев день», после обеда, все женщины собираются вместе в заранее выбранной избе у какой-нибудь

² Шаповалова Г. Г. Егорьевский цикл весенних календарных обрядов у славянских народов и связанный с ним фольклор // Фольклор и этнография. Л., 1974. с. 127.

³ Ariste P. Vadjah rahvakalender. Tallinn. 1969. S. 49–51.

⁴ Западно-финский сборник. Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Л. 1930. с. 27.

⁵ Киселев С. Б. Обрядность Егорьева дня у ижор (Кингисеппский район) // Этнографическое изучение Северо-Запада России (итоги полевых исследований 2000 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях). IV межведомственная научная конференция аспирантов и студентов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 55–56.

⁶ Торн Н. И. О «Бабьем празднике» у ижор ленинградского района // Этнография. 1930, № 3. С. 69–79.

вдовы или малосемейной женщины. Ни мужчины, ни девушки, ни дети не имеют права присутствовать при этом. Бабий праздник – день разрушения брачных уз, по-видимому, один из пережитков матриархата. Открыть волосы – значит нарушить брак. Во время бабьего праздника у ижор женщины обязательно снимают головные уборы и сидят «простоволосые».

«Пастуха что-то нет, он бы нам водку поставил, тогда-то уж поплясали бы»,⁷ обычай допускает единственного мужчину на этот вечер – пастуха. Он ставит женщинам четверть водки и дудит в «рожок» во время пляса. Его угощают, просят блюсти скотину. Собравшиеся женщины выкрикивают молодухек, только что вышедших замуж и, значит, присутствующих первый раз. Один стол ест, а другой в это время поёт песни. Потом угощение переходит туда, а первый стол начинает петь. Н. И. Гаген-Торн пишет: «тут и хороводные и старинные ижорские, финские и современные песни». Женщины пели как на русском, так и на ижорском языках, но особых обрядовых песен этнографу зафиксировать не удалось.

Для музыкального наполнения «Бабьего праздника» автор обратился к записям, имеющимся в ИЯЛИ, и к публикации «Народные песни Ингерманландии» эстонского лингвиста А. Лаанесту и карельского фольклориста Э. Киуру, которые с 1965 г. активно собирали фольклор ингерманландии.

Известно, что в традиционной певческой культуре прибалтийско-финских народов различают два больших исторических слоя – песни рунической и песни рифмованно-куплетной формы. Первые относятся к древнейшей прибалтийско-финской, вторые – к позднейшей европейской народно-песенной культуре. Процесс перехода к новому песенному стилю у разных этносов осуществлялся по-разному. У одних новый стиль вытеснил руническую песню, у других сохранился до середины XX века. Так, руническая песня до конца своей истории сконцентрировалась в древней форме у води и ижор. Основным жанром осталась свадебная песня, отличающаяся заметной архаичностью и в музыкальном отношении.

Хороводные («круговые») песни или песни нерунической, переходной формы представляют собой своеобразное соединение русских хороводных и плясовых песен с ижорскими лирическими или лиро-эпическими рунами.

В указанное время архаичные рунические мелодии сосуществовали с новой народной песней, имея различные функции и совершенно разную форму, они фактически не взаимодействовали и не смешивались.⁸ Тем не менее на «Бабьем празднике» в связи с отсутствием специально приуроченных к нему песен возникал эклектический эффект разностилевого и разножанрового музыкального наполнения, где одновременно исполнялись свадебные, «круговые», а также современные финские и русские песни. Помимо указанных жанров певческого фольклора на «Бабьем празднике» у ижор присутствовал пастух, как правило исполнявший танцевальные наигрыши, связанные с поздней ев-

⁷ Там же.

⁸ Рүйтел И. Развитие прибалтийско-финской народной песни (проблемы истории и типологии) // Народная музыка: история и типология. Л. 1989. С. 60–61.

ропейской (и русской) традицией. Это наигрыши – «вальс», «краковяк», «кадриль», «камаринская», «русского».

В общей архитектонике Юрьева дня у сойкинских ижор можно наблюдать совмещение различных исторических слоев на уровне «содержания» и музыкального наполнения. Начинаясь как календарный праздник, содержащий серию ритуальных действий, Юрьев день у сойкинских ижор имел продолжение в имеющем архаические корни «Бабьем празднике», демонстрирующем свободу не только от брачных уз, но и регламентированных традицией жанров музыкального фольклора. «Бабий праздник», являющийся яркой кульминацией Юрьева дня, включал разнообразные образцы певческого фольклора, танцевальные наигрыши на пастушьих аэрофонах и «нерегламентированный» неистовый пляс.

О современном состоянии традиционной культуры северных карел (на примере п. Калевала)

Интерес к Северной Карелии как региону, обладающему богатыми традициями, возник еще в XIX веке. Так, в 1822–1831 гг. С.Топелиус опубликовал песни, услышанные от коробейников. В 1830–1840-х гг. Э. Леннрот записал здесь большое число эпических песен и других образцов народной поэзии. В XIX столетии в указанном регионе побывали Й. Ювелиус и А. Борениус, М. А. Кастрен, Х. М. Рейнхольм и Е. Д. Европеус.

В XX веке деятельность по собиранию и изучению традиционной и, в частности, музыкальной культуры северных карел продолжили исследователи ИЯЛИ КарНЦ РАН. Так, экспедиции У. С. Конкка в Ухту (п. Калевала) осуществлены в 1948, 1954, 1957, 1959 годах. В 1948 году были зафиксированы эпические, лирические песни, рассказ о свадебном обряде, свадебные песни, фрагмент свадебного причитания, а также песни на финском языке. В 1957 и 1959 гг. во время совместной экспедиции с Л. В. Суни записаны свадебные песни и свадебные причитания, эпические, колыбельные, кумулятивные и лирические песни, баллады, революционные, патриотические и авторские и самодеятельные песни и романсы, пирилейки.

В эти же годы работу по сбору материала вел В. Я. Евсеев. В 1948, 1949, 1952, 1954, 1957, 1966 гг. в п. Калевала им были записаны эпические песни, йойги, пирилейки, игровые, рекрутские, свадебные, революционные, лирические песни на карельском и финском языках, а также записи песен в исполнении фольклорной группы п. Калевала.

Отметим, что наиболее активной и продолжительной в указанный регион и в том числе в п. Калевала является экспедиционная деятельность А. С. Степановой. В период с 1963 по 2006 гг. А. С. Степанова зафиксировала рассказы о традиционных обрядах жизненного цикла северных карел, свадебные и похоронные причитания, эпические песни, календарный обряд с отрывками песен, свадебные, лирические песни, йойги и баллады, колыбельные, детские кумулятивные песни, пирилейки, финские песни, авторские и самодеятельные песни.

Образцы песенного фольклора северных карел находятся в ряде сборников: эпические песни в публикации Л. М. Кершнер¹; йойги, причитания, эпические, свадебные, лирические песни, финские и современные песни в сборнике С. Кондратьевой²; руны и баллады, заклинания, свадебные песни, причитания, неприуроченные лирические, плясовые песни, пирилейки в публикации Т. В. Крас-

¹ Кершнер Л. М. Карельские народные песни, М., 1962.

² Кондратьева С. Карельская народная песня, М., 1977.

нопольской³; заговоры, заклинания, песни эпической традиции, детские и колыбельные песни, свадебные песни, причитания, баллады, йойги, лирические песни и пирилейки в сборнике Р. Ф. Зелинского⁴.

Целью нашей работы стала фиксация инструментального и песенного исполнительства данной этно-лингвистической группы карел в современное время. В течение четырех лет в п. Калевала автор собирал материал по указанной теме. Так нами осуществлены записи наигрышей от трех исполнителей на гармони и балалайке, а также песенный репертуар от пяти исполнительниц. Данная работа освещает песенную традицию.

Богданова Ильми Кирилловна (1934 г.р.).

Ильми, дочь Кирилла Богданова, в девичестве Карху, настоящая хранительница традиций, создательница стихов, рассказов и песен, открывающих окно в ту жизнь карел, какой она была в прошлом столетии. Еще в детстве проявилась яркое воображение и великолепная память Ильми. Будучи маленькой девочкой, она начала сочинять стихи и песни, сохраняя их в памяти. Воспоминания из детства – одна из главных тем, которые составляют ее творчество. И. К. Богданова удивительным образом являет собой то, что с детства ее окружало. В ее памяти существуют в единстве быт, традиции и духовность ее родного края.

В настоящее время Ильми Кирилловна исполняет песни собственного сочинения, но автору удалось записать и те, которые И. Богдановой хорошо известны, но она считает их частью репертуара других исполнительниц региона. Так, песня «Annityttö, ainoneiti»,⁵ обладающая чертами баллады, исполняющаяся на калевальскую руническую мелодию.

Родным языком Ильми Кирилловны является карельский. Песни, составляющие репертуар И. Богдановой: традиционные карельские песни – песни, которые исполняли родители, песни на рунический мотив, короткие песни, пирилейки и песни собственного сочинения.

Степанова Айно Петровна (1928 г. р.).

Уже в 1 классе Айно взяли в кружок пения. У нее была очень хорошая память – она легко запоминала и пела, и даже песни на русском (не известном тогда) языке. С 1946 г. Айно Петровна начала ходить в самодеятельные певческие коллективы Ухты.

Айно Петровна – мать семерых детей, в их воспитании ей помогала ее свекровь Е. И. Степанова – известная повитуха в округе. Она принимала роды, водила рожениц в баню, мыла детей, многие называли ее «боабо». Е. И. Степанова хорошо знала традиционный песенный репертуар. Так, колыбельную на рунический мотив «Unipaulkuoitatulove» Айно Петровна хранит в памяти до сих пор.

В 1960-е гг. А. П. Степанова начала посещать фольклорную группу В. Ф. Пяллинена, где она пела около 20 лет. В ее репертуаре лирические песни на карельском языке, песни на рунический мотив,

³ Краснопольская Т. В. Песни Карельского края, Петрозаводск, 1977.

⁴ Зелинский Р. Ф. Карельские песни Калевальского края, Петрозаводск, 2008.

⁵ Зелинский Р. Ф. Карельские песни Калевальского края, Петрозаводск, 2008 С.91 (№ 23).

колыбельная, свадебные песни, пирилейки, русские песни с карельским текстом, песни В. Ф. Пяллина.

Коровкина Эльза Ивановна (в девичестве Тимонен) родилась в 1934 г. Уже в 1947 году, учась в 6 классе, начала ходить в школьный хор по приглашению В. Ф. Пяллина. На вопрос, когда она начала петь, отвечает: «петь начала раньше, чем говорить»,⁶ ведь ей известны многие традиционные песни региона. В семье Тимоненых и у мамы, и у папы были очень красивые голоса, в доме часто собирались друзья и вечерами пели. Среди любимых песен были «Neizyt itko y ulahuttau», «Kiinussa kerrou», «Syysilta», «Tytot ne lahti niitylle», «Haapapu», «Yksi ruusu» и другие. Исполненные и многие из названных Эльзой Ивановной песен присутствуют в сборнике Р. Ф. Зелинского «Карельские песни Калевальского края». Людей, от которых исследователи записывали песни в этом регионе, она знала на протяжении многих лет, с некоторыми она общается до сих пор.

Эльза Ивановна Коровкина является хранительницей местного песенного репертуара. Среди них карельские песни, которые пели ее родители, песни на рунический мотив, свадебные, финские песни, пирилейки, песни В.Ф.Пяллина, детские хороводные и шуточные песни.

Рекина Хельми Ефимовна (1928 г. р.).

С раннего детства она пела мамины песни. Больше 30-ти лет ходила в хор. Х. У. Рекина знает песни рунической традиции – «Itköyneisyyt», «Vuotitviikon, vuotavielä». В репертуаре Хельми Ефимовны и лирические, и свадебные песни, короткие песни на русском и карельском языках. Хельми Ефимовна является уникальной исполнительницей карельской йойги, которую слышала от мамы. Йойгу от мамы она слышала всего два раза – в лесу и на воде. Мама еще была плакальщицей на похоронах. Хельми Ефимовна только раз слышала похоронный плач и запомнила его. Однажды и сама «плакала». Когда фольклорная группа решила реконструировать свадебный обряд, Х. Е. Рекина пела в нем две свадебные песни – «Kokkolentikoilisesta» и «Olivalmis». В ее репертуаре руны, песни эпической традиции, йойга, свадебные и лирические песни, пирилейки, песни В. Ф. Пяллина.

Ремшу Герта Николаевна (1938 г. р.).

В семье почти все были музыкально одарены: папа играл на гармошке и мандолине, брат ходил в духовой оркестр на заводе, а сестра пела в хоре на слюдяной фабрике. И Герта Николаевна после окончания музыкального училища в 1965 году по распределению попала в Калевалу. Герта Николаевна активно включилась в работу, она стала руководителем сразу нескольких коллективов: детская фольклорная группа «Väinölanlapset», хор мальчиков и большой хоровой коллектив взрослых вместе с танцевальной группой. Позже руководила хором В. Ф. Пяллина. В ее репертуаре детский фольклор, традиционные лирические, свадебные песни, пирилейки, авторские песни (В. Ф. Пяллина). Герта Николаевна внесла свой вклад в репертуар хора – это песни южной Карелии («Pitkäpuhuisenladvas», «Darja»).

⁶ Из разговора автора с Э. И. Коровкиной (2010 г.).

Таким образом, необходимо констатировать, что в настоящее время песенная традиция сохранилась только в среде людей очень пожилого возраста и преимущественно тех, кто в разные годы посещал фольклорные коллективы региона. Из традиционных жанров песенного фольклора певицы знают руническую традицию – эпические, свадебные, колыбельные, пирилейки, финские песни, авторские песни и песни В. Ф. Пяллинена.

Многие исполнительницы в настоящий момент не могут воспроизвести большую часть своего репертуара, что еще раз доказывает своевременность проделанной работы.

Традиционные инструменты детского звукотворчества финно-угорских народов: история и современность

Начало собирания детских игр в Олонецкой губернии относится ко второй половине XIX века и связано с именем учителя Петрозаводской гимназии К. М. Петрова. Важной информацией по «этнографии детства» обладают публикации С. В. Беляева и П. Певина¹. Так, С. В. Беляев справедливо замечает, что игрушки и игры есть первые средства в деле воспитания: «В раннем возрасте детей развлекают своими необходимыми вещами – ложками, поварешками, чашками, крестиками, сделанными из лучины. Когда ребенок начинает ходить – дают ему берестяной мячик, тележку и куклу, сшитую из лоскутков ситца, иногда и раскрашенных лошадок и глиняных птичек-свистулек, купленных в городе, а когда мальчики научатся владеть ножом, они сами мастерят себе разного рода игрушки: пыльщики, вертушки, самострелы, свистульки и т. д., а девочки шьют кукол, постельки, платья и т. п.»².

В 1880-е годы детские игры Олонецкой губернии заинтересовали этнографа и лингвиста И. Г. Куликовского, опубликовавшего свои записи и статьи «О роли детской игры для истории человеческой культуры» и «Описание игрушек, игр и детских забав в деревнях Пудожгорских, Повенецкого уезда». Указанные публикации содержат описание детских игр (например, «Шильцом», «Бабой», «Городки», «Горелки», «В перегонку» и др.), а также детских игрушек, которые в ряде случаев являлись одновременно и инструментами детского звукотворчества.

Заметим, что инструменты детского звукотворчества, как традиционные детские игрушки обладают в традиционной культуре рядом функций, которые наиболее полно освещены в публикации В. Я. Соловьева «Тихий голос русской игрушки»³. Так, В. Я. Соловьев отмечает, что:

1. традиционная игрушка необходима для введения ребенка с первых дней жизни в осязательное соприкосновение с природой при помощи натуральных материалов – глины, дерева, ткани;
2. традиционная игрушка способствует введению в ежегодно повторяющийся календарный цикл и в важнейшие фазы человеческой жизни;
3. через игрушку происходит познание бытия конкретного этноса, прямое введение в его культуру с ее устойчивыми предпочтениями;
4. формирование в мальчике необходимых черт хозяина, кормильца, а в девочке – матери, воспитательницы, хранительницы домашнего очага и родовой традиции;

¹ Певин П. Очерк Горского прихода, Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1894. № 52.

² Беляев С. В. Ялгубский приход. Географическое, этнографическое и экономическое положения // Олонецкие губернские ведомости. 1890. № 40. С. 405.

³ Соловьев В. Я. Тихий голос русской игрушки // Народное творчество, № 1. 1999. С. 34–46.

5. активное вовлечение в непрерывную традицию народного творчества путем непосредственного участия в создании игрушек с самого малого возраста (с 2–3 лет)⁴.

Первыми музыкальными инструментами в жизни ребенка были звуковые игрушки – трещотки, погремушки, жужжалки, бубенцы и т. д. Они развивали у детей координацию движений, чувство ритма, а в дальнейшем — интерес к музыкальной деятельности. Игрушки – музыкальные инструменты являлись своего рода посредниками в процессе адаптации ребенка к окружающему миру в условиях традиционной культуры.

И. Г. Куликовский пишет, что из игрушек, употребляющихся на Пудожской Горе, можно отметить следующие:

Погремушка – (112. – по классификации Э. Хорнбостеля и К. Закса) повсеместно распространенный во многих традиционных культурах шумовой инструмент в виде небольшой коробочки из бересты, наполненной маленькими камушками, звук извлекается путём встряхивания. Этот идиофон встречается в ряде культур. Так для мордовской культуры характерны погремушки 4 видов:

1. яйцевидные (размером приблизительно 90*40 мм)
2. бочонковидные (50*30 мм, 60*50 мм)
3. цилиндрической формы с плоскими торцами (50-60*30 мм)
4. сигарообразные (95*166 мм)

Некоторые из погремушек подвешивались перед ребёнком. Другие погремушки держали в руках, и, по всей видимости, они имели иное применение. Н. И. Бояркин предполагает, что с этими погремушками были связаны два типа ритмов: структурно неупорядоченный ритм подвешиваемых погремушек (детские игрушки) и структурно упорядоченный ритм погремушек без приспособлений для подвешивания (ритуальных встряхиваемых идиофонов), обнаруженных у жертвенников. Упорядоченные ритмы могли быть тембро-ритмическими формулами ритуальных действий.⁵

В саамской культуре имеются погремушки, изготовленные из гусяного горла либо зоба тетерева. В полость насыпали камушки, песок, другие мелкие предметы. Такие инструменты использовались в ритуале лечения.

Свистулька (421.221.4 – по классификации Э. Хорнбостеля и К. Закса относят к сосудным флейтам со щелью) – это игрушка, пустая внутри, имеет вид птички и делается из глины. Для извлечения звука в игрушке есть два отверстия, из которых одно (щелевидное) находится в хвосте и другое – недалеко от него, снизу.

Известно, что подобные игрушки-свистульки имеются у удмуртов, коми, мордвы и других финно-угорских народов. Так, традиционный удмуртский аэрофон *шулан* – глиняная свистулька, имевшая форму утки, голубя, собаки, курочки, петуха или гусяного яйца (размером примерно 100–120 мм).

Среди традиционных мордовских музыкальных инструментов имеется и описанная выше свистулька. *Кевень тутушка* (эрзя) – глиняная пустотелая свистулька из обожженной глины с двумя

⁴ Там же, с. 38.

⁵ Бояркин Н. И. Мордовская народная музыка. Саранск. 2004. С. 8–9.

отверстиями или без них в форме птиц, домашних и диких животных. Применялась во время календарных и семейных праздников.

Н. И. Бояркин пишет, что при раскопках в фатьяновском комплексе Ош Пандо было обнаружено большое число пустотелых глиняных свистулек в форме различных птиц и животных – с боковыми отверстиями и без них. На этих инструментах устойчиво извлекаются трихорды терцового и квартового амбитусов, хотя за счёт сильной подачи воздуха можно получить у верхнего края звукорядов и более высокие звуки.⁶

Фурчалки или **Трепещалки**, изготавливаемые из растения дудник. С. В. Беляев пишет: «В летнее время число игрушек увеличивается свистками, сделанными из «дудок» (растение дудник). Мать, возвращаясь с сенокоса, обязательно несет ребенку «дудку», сделает из нее «свистушку» ребенку». Для этой цели берут молоденький полый стебель, сдирают с него кожицу, затем во всю длину его прорежают чем-либо острым щелочку, которая по возможности должна быть правильной геометрической (прямоугольной) формы.

К сфере детского музицирования возможно отнести коми *чипсан гум* – свисток из гума – дудника. Закрытая губно-щелевая флейта 80–150 мм в длину и 6–10 мм по диаметру со свистковым вырезом без грифных и с грифными отверстиями. Короткоствольные инструменты легко и свободно издают основной звук – довольно мягкий, воздушный. А инструменты с более длинным стволом – наоборот – с трудом издают основной звук, а при передувании возникает резкие свистящие высокие обертоновые звуки, дети часто применяют такой эффект, стараясь «передуть» друг друга.⁷

Меленки (412.21 – по классификации Э. Хорнбостеля и К. Закса можно отнести к роду вращающиеся аэрофоны) – это небольшие (в 4–5 вер. длины и 1–1.5 шир.) дощечки, затесанные с обеих сторон. В середине дощечки прокалывается круглая дырочка, посредством которой «меленка» насаживается на гвоздь, вколоченный в палку. Играющий поднимает палку вверх и бежит против ветра, причем ветер, ударяясь в крылья «меленки», вертит их, издавая соответствующий вихревой звук.

Отметим, что описанные И. Г. Куликовским детские звуковые игрушки имеются и в ряде финно-угорских культур. Так? у удмуртов имеется описание игрушки похожей на «меленки». Инструмент состоит из небольшой пластины (шириной 30 мм, длиной 150 мм, толщиной 3–4 мм). Она привязывалась при помощи жгута или верёвки (длинной примерно 1 метр) к рукоятке. Ребёнок вращал пластину вокруг её оси, удерживая за рукоятку, при этом пластинка, вращаясь, производила звук вихревого шума или свиста.

Подобный музыкальный инструмент имеется у саамов, где называется «завывалка» – на языке саамов «навьта». На плетёную кожаную нить укрепляется выструганная деревянная пластинка, которой придаётся вращательное движение вокруг своей оси. Издаётся звук, похожий на завывание ветра.⁸

⁶ Бояркин Н. И. Мордовская народная музыка. Саранск. 2004. С. 8–9.

⁷ Там же, с. 67.

⁸ Соловьёв И.В. О музыкальном инструментарии саамов // Культурные коды двух тысячелетий. Вып. 1. Петрозаводск. 2000. С. 93.

У эстонцев имеется целая группа сезонных музыкальных инструментов, название их зависит или от материала, из которого сделан инструмент, как, например, *лэтспилль* – стручок акации, *лехепилль* – древесный лист, или от особенностей его тембра: *куккепилль* – «петушок», *хэрьяпилль* – «бык» и т. д. Так *лехепилль* – свежий лист сирени, липы и т. д., который при игре плотно прижимается к губам. В щель, образуемую между листком и губой, направляют струю воздуха и таким образом получают свистящие звуки.⁹

Автором была проделана работа по поиску и фиксации представленных И. Г. Куликовским инструментов детского звукотворчества на территории Сямозерья. В связи с изменением традиционного быта многие музыкальные инструменты ушли в прошлое, попав прежде в сферу детского музицирования.

Многие из этих инструментов несложные в изготовлении и не требуют никакой специальной подготовки. Самые простые – сезонные аэрофоны, которые дети могут изготовить сами. Наиболее часто встречаются инструменты подкласса свободные аэрофоны: листья деревьев (берёза, осина), листок травы или береста.

Так Людмила Ивановна Кузнецова (1961 года рождения), проживающая в п. Эссоила, вспоминает, что в пору детства на листке травинки ее научила играть подруга. Сначала это была просто забава, а позже девочки начали подражать пению птиц. При игре они натягивали травинку между больших пальцев и подносили перпендикулярно губам, дуя в травинку. Получался свистящий звук. Травинку лучше¹⁰ выбирать «потоньше».

Музыкальный инструмент, относящийся к классу аэрофонов, – ивовый свисток. В своей дипломной работе А. Дмитриченко отмечает, что в Заонежье до сих пор изготавливают детские «свирельки» – свистковые флейты (421.221.31) из ивы и осоки, растущей на берегах озер. Подобный тип инструментов был широко распространен в Карелии¹¹. Так, Владимир Иванович Леонтьев, (1952 г. р.), проживающий в д. Падройла, рассказывал, что ивовый свисток изготавливается весной, когда начинается «сокодвижение» и кору легко отделить от сердцевины. Он брал кусок ветки, простукивал её рукояткой ножа, чтобы хорошо отошла кора. С одной стороны делал боковой срез, с другой прямой. Делал надрез по кругу, отделял кору. Внизу у прямого среза делают углубление под палец. Потом делают прорезь от одного конца до другого, для того чтобы свободно «ходил воздух в свистке»¹². Потом кожура надевается обратно.

В детстве с ивовым свистком дети д. Падройла играли в жмурки. Два игрока стояли в центре круга с завязанными глазами, у одного в руках свисток, в который он свистит. А второй должен по звуку свистка определить, где находится первый игрок.

Николай Николаевич Киброев (1959 года рождения), проживающий в д. Метчелица, помнит процесс изготовления рожка из бересты. Из куска бересты вырезается два продолговатых листочка, они

⁹ Вертков К., Благодатов Г., Язовицкая Э., Атлас музыкальных инструментов народов СССР. Л., 1964. С. 65.

¹⁰ Из разговора автора с Л. И. Кузнецовой (апрель 2013 г.).

¹¹ Дмитриченко А. Традиционные музыкальные инструменты Заонежья / дипломная работа / науч. рук. профессор В. Л. Калаберда. Петрозаводск. 2009.

¹² Из разговора автора с В. И. Леонтьевым (декабрь 2012 г.).

накладываются друг на друга, а между ними ножиком посередине делается надрез. Эти два листка будут служить свистком, в который надо дуть. Потом вырезается длинный кусок бересты шириной 5–6 см и обматывается вокруг этих двух листочков. На конце дудочка закрепляется верёвочкой¹³.

Нина Фёдоровна Никитина (1961 г. р.), проживающая в п. Эссойла, в детстве играла с дудочкой из дудника. Делалась она во время сенокоса, когда дудник ещё был зелёный. Стебель дудника срезался после перемычки, чтобы один конец был закрытый, а другой открытый. Открытый срез делался под косым углом. Ниже среза делалась ножом прорезь. Также некоторые делали грифные отверстия (2–3 дырочки)¹⁴.

Отметим, что детские звуковые игрушки, рассматриваемые как архаичные инструменты, обладают рядом свойств: 1) *обладают одним «голосом»* (или одним сонорным амплуа). Например, жужжалка или погремушка, одинаково звучат как у носителя культуры, так и у любого другого исполнителя; 2) *простотой изготовления*, по окончании использования такие инструменты часто выбрасывают; 3) *нестабильными размерами*, размеры и величина инструмента предопределяются материалом изготовления (стебель, лист, травина).

Очевидно, что описанное множество инструментов детского звукотворчества в ряде этнических культур возникло для воспроизведения устойчивых (традиционных) в культуре сонорных эффектов. «Голос» (здесь автор соглашается с мнением Ю. Шейкина)¹⁵ архаичного инструмента, как правило, невозможно повторить другими средствами. Поэтому, несмотря на свою кажущуюся примитивность, он устойчиво сохраняется в интонационной культуре.

Таким образом, необходимо констатировать, что традиционные музыкальные инструменты детского звукотворчества, описанные И. Г. Куликовским на страницах «Олонецких губернских ведомостей», имеют аналоги в ряде культур в связи с их архаичностью. Функционирующие первоначально как ритуальные, охотничьи, пастушеские, с течением времени они перешли в сферу детского звукотворчества. В настоящее время приходится констатировать факт частичного сохранения указанной традиции и в ряде случаев в памяти взрослых, а не в сфере детского досуга. Тем не менее задачей автора становится не только изучение, но и адаптация известных инструментов детского звукотворчества к детской среде.

¹³ Из разговора автора с Н. Н. Киброевым (март 2013 г.).

¹⁴ Из разговора автора с Н. Ф. Никитиной (июнь 2013 г.).

¹⁵ Шейкин Ю. История музыкальной культуры народов Сибири. М. 2002. С. 268.

**О традиционной инструментальной культуре Сямозерья
(к открытию отделения «Музыкальный фольклор»
в эссойльском филиале Пряжинской школы искусств)**

В настоящее время необходимо констатировать факт угасания традиции, сохранившейся преимущественно среди людей пожилого возраста. Освоить, передать традицию возможно только через практику, но для этого необходимо найти формы её адаптации в условиях современности. Тем не менее традиционное воспитание и обучение возможно осуществлять в сфере дополнительного образования. Так открытие отделения «Музыкальный фольклор» в Эссойльском структурном отделении «Школы Искусств Пряжинского района» имеет целью возрождение исполнительства на традиционных музыкальных инструментах. В настоящее время в п. Эссойла на отделении «Музыкальный фольклор» работают 2 преподавателя – студенты 4 курса кафедры музыки финно-угорских народов ПГК им. А. К. Глазунова, имеющие экспедиционную и исполнительскую практику, опыт научно-исследовательской работы. На отделении в соответствии с учебным планом введены следующие профилирующие дисциплины: «Фольклорный ансамбль», «Традиционная хореография», «Народное творчество», «Музыкальный инструмент по выбору». Общая система организации материала следует традиционной схеме: ознакомление, постепенное углубление знаний за счет накопления фактов и, наконец, осознание явления (традиционной культуры) в целом. Деятельность отделения «Музыкальный фольклор» призвана решать такие задачи методического характера, как:

1. Формирование практических принципов и условий для специального музыкального образования обучающихся на материале фольклорных традиций конкретного региона;
2. Разработка методических рекомендаций по внедрению результатов исследования в практику специального и дополнительного образования.

При поступлении детей в школу искусств преподаватели отделения «Музыкальный фольклор» обращают внимание на музыкальные способности, а также мотивы выбора данного направления для прогнозирования перспектив в сфере музыкального образования поступающих.

Первый этап предназначен ученикам от 6 до 8–9 лет. В целом его можно назвать этапом «вхождения» в народное искусство, первого практического знакомства с ним. За это время необходимо осуществить знакомство детей с возможно большим количеством народных песен и инструментальных наигрышей разных стилей и жанров. Наиболее подходящим методом обучения на этом этапе является игра – как основа всех форм деятельности.

Второй этап сконцентрирован на изучении традиции региона, а в данном случае традиции отдельной этнолингвистической группы карел – сямозерских карел-ливвиков.

Занятия проводятся в «устной форме». Погружение детей в сферу бесписьменной традиции формирует у них особые навыки мышления и памяти, отличные от механизмов линейной фиксации текста с помощью письменных знаков. Такая стадия «проживания» в традиционной устной культуре необходима любому ребенку, желающему постигать культуру своего этноса.

Отметим, что занятия на традиционных инструментах, ориентированные на постижение местной традиции, осуществляются при активном участии местных традиционных музыкантов. Для успешной реализации проекта фольклорного отделения в музыкальной школе автор в период с 2010 по 2013 гг. вела целенаправленную работу по сбору материала по традиционной инструментальной культуре карелов ливвиков, проживающих на указанной территории. Основу материалов составляют записи от традиционных исполнителей, осуществленных автором.

Исследователи традиционной инструментальной культуры отмечают, что к началу XX века балалайка стала настолько же популярной в Карелии, как и гармоника. Тем не менее фиксация традиционного исполнительства на балалайке и мандолине оказывается значительно скудной. Среди экспедиционных отчетов Петрозаводского филиала Ленинградской государственной консерватории находятся упоминания лишь о трех исполнителях на балалайке и мандолине (и только в период с 1984 по 1988 гг.). Возможно, это было вызвано тем, что «социальное начало народности было у гармони более рельефным».¹ Гармоника превосходила мандолину и балалайку во многих отношениях – она облегчала задачи аккомпанемента, динамические возможности ее значительно шире, устойчиво держала строй, что давало возможность широко использовать ее вне помещений и объединять большую массу людей. «Мандолина, балалайка в отдельности не достаточно голосисты, они не могут быть тем центром на посиделках, в хороводе, на каком либо собрании, каким может быть даже одна гармошка»².

Так, исполнитель на балалайке и мандолине Петр Тимофеевич Шомбин относит себя к сельским, деревенским музыкантам, он говорит: «Я не знаю ни одной нотины». Его обучение на музыкальных инструментах происходило в бесписьменной музыкальной традиции. П. Т. Шомбин родился в 1937 году, в небольшой (всего восемь домов) южно-карельской деревне Шомба (Пряжинского района). Здесь он жил до войны, а когда началась война, жители сами сожгли родную деревню. Начальное школьное образование Петр Тимофеевич получил в д. Корза, а с 4 по 10 класс учился в п. Пряжа, где жил в интернате. Именно в Пряжинском интернате он научился играть на балалайке, т. к. мальчишки, жившие там, владели этим инструментом. Петр Тимофеевич говорит: «Присутствовало сильное желание научиться играть так же хорошо, в той же манере, с тем же характером». Школа располагала самодеятельным оркестром русских народных инструментов, который организовали преподаватели – канадские финны-эмигранты. Первоначальный опыт игры на балалайке помог Петру Тимофеевичу в обучении игре на мандолине. В репертуаре школьного оркестра начала 1950-х гг.

¹ Имханицкий М. И. История исполнительства на русских народных инструментах. М., 2002. С. 172.

² Луначарский А. В мире музыки. 2-е изд. М., 1971. С. 393.

были преимущественно популярные русские песни – «Ой, вы кони стальные», «Светит месяц» и другие.

П. Т. Шомбин живет в Эссойле более пятидесяти лет. В своем доме, который построил сам, он хранит три мандолины (раньше их было пять и каждой соответствует свой медиатор), одну балалайку, гармонь и баян – все инструменты фабричного производства. Несмотря на то, что Петр Тимофеевич некогда играл на всех вышеперечисленных инструментах, сейчас предпочитает мандолину и балалайку. На вопрос о том, какой инструмент предпочтительнее, отвечает: «Трудно сказать, на мандолине проще играть, т. к. здесь больше струн, на которых можно играть любимые мелодии. Но мандолина быстро расстраивается, а балалайка дольше стоит». Настраивает свои инструменты так: «По мелодии песни, вспомнишь нужную и настроишь». Напомним, что академическая андреевская балалайка имеет только один строй – унисонно-квартовый, но при обращении к народной балалайке возникает необходимость в точном терминологическом обозначении ее строев. В данном случае «этому способствует точная характеристика интервалов или аккордов открытых струн»³. Балалайку Петр Тимофеевич настраивает по звукам мажорного трезвучия (f – a – c – первой октавы), а мандолину, имеющую четыре струны и заимствованную русскими без изменения конструкции и строя, по чистым квинтам (нижняя струна «des»). Обычно средняя высота настройки народной балалайки – c – e – g – первой октавы, но отдельные исполнители предпочитают более высокую настройку, заменяя при этом фабричные струны на тонкие, сделанные из телефонного провода. Петр Тимофеевич объясняет: «Верхние струны должны звенеть, а эти (остальные) чтоб не лопнули». Он пробовал настраивать свою балалайку «как положено», но струны становятся слишком натянутыми и первому пальцу играть больно. В его балалаечном репертуаре преобладают частушечные наигрыши – «страдания», танцевальные – «Яблочко», «Цыганочка», «Барыня». В последних Петр Тимофеевич импровизирует: «Когда люди танцуют, нужно уметь играть долго и по-разному, тогда играю то одним пальцем, то всей пятерней». Основным приемом звукоизвлечения – бряцание.

На мандолине П. Т. Шомбин исполняет танцевальные мелодии на песенной основе и песни позднего слоя, звучащие по радио – «Сиреневый туман», «Besame mucho», «Краковяк», «Раскинулось море», «Коробейники», «Плач Тальянки» – всего более тридцати наигрышей. Исполнитель не применяет тремоло, заменяя его ритмическим дроблением протяжного звука мелодии.

Петр Тимофеевич владеет ярким стилем игры на балалайке, названным им «Детская забава», который возник в связи с отсутствием необходимого количества инструментов. «Трехручный стиль» игры заключается в том, что исполнителей на одной балалайке оказывается два. Первый играет мелодию и аккомпанемент, а второй прижимает лады, при этом «утолщается» фактура. П. Т. Шомбин считает, что «трехручный стиль» игры на балалайке наиболее существенен при обучении игре детей. При этом ребенок не только видит и слышит исполнение, а непосредственно вовлечен в процесс му-

³ Бойко Ю. Терминология русских инструментов бытового музицирования на примере гармоника / (<http://russian-garmon.ru>).

зицирования. Благодаря общению с «живыми» носителями дети постигают традицию в естественных условиях.

П. Т. Шомбин рассказал о процессе изготовления пастушьего аэрофона – ивовой pilli. Материалом для её изготовления могла служить ивовая ветка диаметром примерно 1–1,5 см и длиной 10 см.⁴ Делали pilli весной, когда ветки ивы наливались весенним соком и становились гибкими.

В настоящее время в п. Эссойла и его округе живут несколько исполнителей на гармонии. Так, один из старейших исполнителей на гармонии Василий Ефимович Иванов (1926 г.р.) относит себя к сельским, деревенским музыкантам, т. к. его обучение на гармонии происходило в бесписьменной музыкальной системе через местные музыкально-песенные традиции. Гармонист Сахатаров Владимир Иванович родился в 1948 году в д. Корза. В 12 лет переехал из д. Корза в п. Эссойла. Для того чтобы было легче овладеть навыками игры, Владимир Иванович вырезал из бумаги кружечки («пяточки») и наклеивал их на клавиши гармошки. Первую песню, которую самостоятельно подобрал – «Подмосковные вечера».

Необходимо уточнить, что последние годы Владимир Иванович не играет на гармошке, т. к. не имеет своего инструмента. В целях фиксации его наигрышей автор использовал инструмент Эссойльского гармониста Ивана Матвеевича Тихонова, которого уже нет в живых. При жизни И. М. Тихонов был ярким исполнителем, известным не только в своей деревне, но и в республике. Он принимал участие в смотрах, популярных в 1980-х гг. – «Играй, гармонь», проходивших не только в Карелии, но и в г. Тула, с ее идеологами и ведущими братьями Заволокиными. Знакомство автора с талантливым музыкантом-гармонистом Иваном Петровичем Гавришкиевым состоялось в апреле 2013 года. Как исполнитель он известен не только в селе, но и за его пределами. И. П. Гавришкиев родился на Украине (Львовской области, Бродненском р-не), с. Салашка в 1953 году. Его отец Петр Васильевич играл на скрипке и трубе, знал музыкальную грамоту. И. П. Гавришкиев гармонь освоил самостоятельно: «Отец играл на скрипке за стенкой свои мелодии, а я в другой комнате успевал подобрать ту же самую мелодию на гармонии».⁵ В 1971 году Ивана Петровича призвали на службу в армию, так он попал в Карелию в г. Суоярви.

Известно, что функцию инструментов детского музицирования могут выполнять традиционные идиофоны карел – katal pualiku (рубель) и деревянные ложки.

Традицию мастерства изготовления рубелей карелы передавали из поколения в поколение. Дети, видя этот процесс, сами учились мастерить. Мастера в выборе древесины отдавали предпочтение молодой высушенной березе. У рубелей из деревень Рубчойла, Корза, Павшойла, Нижняя Салма – форма чаще прямая, заужена книзу. Длина рубелей варьируется – от 43 до 66 см. В деревне рубель называют – katal pualiku. На рубеле из д. Эссойлы (мастер Петр Лаврентьевич Иванов) с помощью ножа выполнил карельский орнамент. Мастер из д. Рубчойла Михаил Фомич Ермолаев изготовил рубель, ручка которого имеет очертания головы рыбы с открытым ртом.

⁴ Из разговора автора с П. Т. Шомбиным (февраль 2011 г.).

⁵ Из разговора автора с И. П. Гавришкиевым (апрель 2013 г.).

Известно, что в качестве музыкального инструмента использовались обычные бытовые деревянные ложки, фактов специального изготовления ложек для музицирования не зафиксировано. Обычный способ игры – удары двумя ложками, зажатыми в одной руке между пальцами (выпуклыми сторонами друг к другу), по различным частям тела. Использовались ложки обычно в ансамблях с гармоникой, балалайкой. Жительница п. Эссойла С. Н. Козлова рассказывала, что при отсутствии других музыкальных инструментов «могли плясать или петь только под ложки».⁶

Таким образом, актуальными задачами становится фиксация и изучение традиционной инструментальной культуры как части традиционной культуры этноса. Важным в процессе постижения традиционной культуры является установление связей с носителями и знатоками локальной музыкальной традиции, а также вовлечение их в процесс воспитания и в конечном счете возрождения не только музыкальных, но и духовных основ, столь важных для современности.

⁶ Из разговора автора с С. Н. Козловой (март 2012 г.).

Роль побратимских связей городов в культурной жизни Карелии (1965–1985 гг.)

Города в современном мире являются центрами промышленности, образования, развития новых технологий. Кроме того, города играют не последнюю роль в международных отношениях. Порой городам разных стран проще договориться друг с другом, чем властям этих стран. Идея побратимского движения городов была связана, прежде всего, с установлением взаимопонимания и предотвращения новых вооруженных конфликтов, поэтому движение имело большое значение в международной жизни периода холодной войны и разрядки.

Побратимскими принято называть города различных стран, установившие непосредственные дружеские связи для укрепления взаимопонимания между народами, для культурного сотрудничества, обмена опытом в разрешении соответствующих проблем, стоящих перед городскими властями и организациями.¹

В советской и российской науке накоплен небольшой опыт изучения вопроса движения породнённых городов. В 1980-е гг. были опубликованы общие работы советских исследователей, дающие обзор началу движения побратимских городов и особой роли СССР в этом движении. Работы советских авторов М. В. Вальяно², В. И. Атопова³, несмотря на идеологический уклон, интересны с позиции первого опыта исследования данной научной проблемы.

В последние годы исследователями разных российских городов были опубликованы статьи, посвященные новым проблемам изучения побратимского движения.⁴

Обзоры результатов многолетних побратимских связей, отражённые в серии изданий с городами-побратимами Петрозаводска – Ла-Рошелем⁵, Варкаусом⁶, Умео⁷, Тюбингеном,⁸ интересны и информативны для историков в качестве источников.

¹ Афанасьева И. Д. Побратимские отношения как институт межрегиональной интеграции / И. Д. Афанасьева [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ст.: http://www.sociosphere.com/publication/conference/2013/164/pobratimskie_otnosheniya_kak_institut_mezhregionalnoj_integracii.

² Вальяно М. В. Города-побратимы: история и современность. – М., 1984.

³ Атопов В. И. По законам братства. – Волгоград, 1987.

⁴ Пятяка В. В. Из истории связей городов СССР и ФРГ // Вестн. СПбУ. Сер. 6. Филос., политол., социол., психол., право. – 1993. – Вып. 2. – С. 106–110; Горбунов А. Г. Побратимские связи как эффективный инструмент развития российско-американских отношений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pribaikal.ru/obl-events/article/4252.html>, свободный. Яз. рус.; Максимов В. Б. Образование Всемирной федерации породнённых городов и начало ее деятельности [Электронный ресурс]. URL: http://new.volsu.ru/upload/medialibrary/c16/5_wlbvukpupaprhbol.pdf, свободный. Яз. рус.; Афанасьева И. Д. Указ. соч.

⁵ Егоров Н. Петрозаводск – Ла-Рошель – города-побратимы. Петрозаводск, 2003.

⁶ Петрозаводск–Варкаус города-побратимы / сост. Х. Итконен, Ю. Койвула, Н. В. Лаврушина, В. А. Мешко, Е. А. Шлапеко. – Петрозаводск, 2005.

⁷ Петрозаводск–Умео. 30 лет сотрудничества / сост. А. Исакссон, Н. В. Лаврушина, В. А. Мешко, С. Севандер. – Петрозаводск, 2006.

В данной статье мы рассмотрим характер влияния, оказанного побратимскими связями на культурное развитие Республики Карелия в обозначенный период.

Для этого мы уделим внимание противоречивому характеру парадипломатической деятельности в 1960–1980-е гг. на примере связей Республики Карелия с её побратимами и попытаемся узнать, каково было значение распространения знаний о загранице и знакомства советских граждан с иностранной культурой.

Несмотря на одну из главных целей движения породнённых городов – поиск точек соприкосновения и возможностей сотрудничества – советским городам и их зарубежным побратимам было не просто преодолевать накопившиеся противоречия. С одной стороны, страны стремились к преодолению стереотипов холодной войны, что выражалось в массовом участии стран мира в движении породнения. В 1957 г. представители городов-побратимов создали Всемирную федерацию породнённых городов (ВФПГ). На 1970 г. уже более 120 городов СССР было породнено с 250 городами капиталистических и развивающихся стран.⁹

Что касается Карелии, то согласно воспоминаниям бывшего председателя Петрозаводского горисполкома П. В. Сепсякова, процесс породнения городов проходил достаточно организованно: в Москве был создан специальный комитет, который составлял списки возможных побратимов зарубежных городов. Петрозаводск был в списке первых пятидесяти городов.¹⁰

В Петрозаводске были открыты городские отделения обществ дружбы с Финляндией, Францией, ГДР и Швецией. Разнообразная деятельность обществ дружбы способствовала знакомству жителей Карелии с культурной жизнью побратимов. Проведение Дней дружбы, обмен делегациями представителей власти, науки, культуры, народного хозяйства, образования, спорта, туристическими группами, организация выставок картин, детского рисунка, книг, взаимный обмен информацией и справочным материалом о развитии городов, обмен приветственными телеграммами по случаю каких-либо праздников и памятных дат, завязывание личных контактов и переписки – эти и многие другие мероприятия, должны были содействовать преодолению культурных барьеров и широкому распространению информации о побратимах.

На семинаре представителей советских городов в Ленинграде (21.08.1976 г.) рекомендовалось составлять двухлетние планы сотрудничества городов¹¹, поэтому мероприятия с участием иностранных делегаций планировались заранее, что было удобно для планирования маршрутов, программ музеев и т. д. Обычно они включали в себя списки делегаций, которые нужно принять и направить в город-побратим, и разнообразные организационные мероприятия.

⁸ Петрозаводск–Тюбинген: города-побратимы / сост.: Н. В. Лаврушина и др., пер.: В. Двинская и др. – Петрозаводск, 2012.

⁹ Митропольский Д. К. Породненные города (БСЭ) / Д.К. Митропольский [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ст.: <http://slovar.coolreferat.com/> словарь / словарь=Большая_советская_энциклопедия_слово=Породнённые_города.

¹⁰ Сепсяков П. В. Записки мэра. Петрозаводск, 2005. С. 144.

¹¹ НА РКФ. 1230. Оп. 107. Д. № 52. Л. 30.

Сотрудничество городов-побратимов во многом оставило свой след, начиная со скромных публикаций фирменных рецептов из побратимов в поваренных книгах¹² до крупных международных проектов. Карелия в конце 1970-х гг. приняла предложение вступить в международную ассоциацию «Голубая дорога». В обращении к Петрозаводску Ассоциация отмечала своё стремление сотрудничать в различных областях. Подчёркивалось, что продолжение маршрута Голубой дороги имеет целью ускорение открытия контрольно-пропускного пункта в Вяртсиля, чтобы у простых граждан была возможность передвигаться между странами.¹³

Обмен бригадами опытных рабочих и специалистов из Нойбранденбурга и Карелии нашел широкое признание с обеих сторон. Рабочие не просто знакомились с производством, а в течение нескольких дней обучались непосредственно на рабочих местах, на практике осваивая опыт технологий предприятий.¹⁴

Важными стали и связи в сфере образования. Так, представители делегаций нередко обменивались книгами на национальных языках, взаимно пополняя библиотеки побратимов иностранной литературой. В Петрозаводском государственном университете им. О. В. Куусинена, Карельском пединституте и некоторых школах Петрозаводска были организованы интерклубы. Университетский интерклуб «Глобус» (создан в 1966 г.) ежегодно во время месячников советско-финской дружбы организовывал встречи с молодёжью Финляндии. Особое место в связях с Финляндией занимала работа переводчиков отделения финского языка и литературы ПГУ. Студенты руководили кружком советско-финской дружбы в Петрозаводском Дворце пионеров.¹⁵ В 1970-е гг. стал налаживаться обмен преподавателями университетов. В ПГУ преподавали финский язык, читали лекции по проблемам финской литературы, финно-угорских языков специалисты из Финляндии. В свою очередь, в Финляндии курсы русского и финского языков и другие лекции вели преподаватели ПГУ.¹⁶

Высшие учебные заведения и ряд школ г. Петрозаводска (№№ 9, 17, 20, 29, 30, 38, 39) и г. Кондопога (№ 8) становились коллективными членами Карельских отделений обществ дружбы, наряду с предприятиями Карелии, медицинскими учреждениями, учреждениями культуры и искусства.

Переписку с жителями из-за рубежа старались вести не только на официальном уровне, но и на уровне рабочих промышленных предприятий, деятелей общественных организаций, учеников школ, вовлекая больше людей в участие движения побратимских городов.

С начала 1980-х гг. появляются новые области, представляющие интерес для сотрудничества городов-побратимов. Со стороны Петрозаводска и Умео всё больше возрастал интерес к вопросам

¹² Мельникова Н. Н. 300 рецептов французской кухни. М, 1990. С. 180, 181.

¹³ Петрозаводск–Умео... С. 16, 17.

¹⁴ Карелия–Нойбранденбург / ред. И. М. Моносов. – Петрозаводск, 1977. – С. 11.

¹⁵ Страницы истории Петрозаводского государственного университета, 1940–2000 / сост.-ред. М. И. Шумилов, И. П. Покровская. – Петрозаводск, 2005. – С. 176.

¹⁶ Там же. С. 224.

энергетики, водоснабжения, коммунального хозяйства, транспорта, школьного образования, уборки и содержания в чистоте городских улиц, социальной работы на муниципальном уровне.¹⁷

С другой стороны, важно отметить, что сохранялись границы и дистанция в отношениях с представителями зарубежных городов, связанные, прежде всего, с неприязнью иной идеологической системы и сложившимся образом врага.

Настороженность в отношениях выражалось во многом, в частности в подготовке членов делегации, критериях выбора делегатов, программах посещения побратимских городов и т. д.

На деле это проявлялось в том, что чаще всего делегатами становились официальные лица, особенно это касалось контактов с Финляндией, Францией и Швецией. По этому поводу образно высказалось руководство делегации финнов в 1969 г., которое говоря о важности контактов на уровне рядовых рабочих и крестьян подчеркнуло: «Слишком много ездят занимающие руководящие посты лица и почти лишены этой возможности рядовые люди, которым приходится «выпивать коньяк» только через своих представителей».¹⁸

От делегатов не столько требовалось знание языка, так как можно было воспользоваться помощью переводчика, сколько быть политически грамотными. Это условие было особенно важно, поскольку советскому гражданину, согласно директивным указаниям ЦК КПСС по вопросам международной политики партии, рекомендовалось уделять особое внимание пропаганде советской действительности, советского образа жизни, разъяснению материалов XXV съезда КПСС, ознакомлению с планами экономического и культурного развития республик, областей и городов страны, политического и социального преимущества социализма.¹⁹

Опыт поездок за границу отражался в многочисленных отчётах, в которых можно обнаружить фиксацию жалоб рабочих на заработную плату, повышение цен, большие налоги, безработицу и т. д. Такой было выгодно представлять капиталистическую Европу. Наоборот, лучшие впечатления производят отчёты о поездках в ГДР (округ Нойбранденбург). Здесь нет замечаний и отрицательных моментов, нет жалоб рабочих, акцент делается на ощущении всеобщей устроенности и благополучия.²⁰ Очевидно, что здесь мы видим разную трактовку действительности в зависимости от идеологического ракурса.

В основе программы посещения города-побратима так же присутствовала идеологическая составляющая. Например, в Финляндии советские делегаты посещали памятные места и достопримечательности, связанные с деятельностью В.И. Ленина (музей Ленина в Тампере).²¹ Основной формой информационно-пропагандистской работы была экскурсия по городу, в ходе которой среди иностранных туристов велась большая работа по разъяснению идей ленинизма.²²

¹⁷ Петрозаводск–Умео... С. 16.

¹⁸ НА РК. Ф. 3. Оп. 20. Д. № 91. Л. 5.

¹⁹ НА РК. Ф. 1230. Оп. 107. Д. № 52. Л. 30.

²⁰ НА РК. Ф. 1230. Оп. 106. Д. № 60. Л. 9.

²¹ НА РК. Ф. 3. Оп. 21. Д. № 111. Л. 22.

²² НА РК. Ф. 3. Оп. 21. Д. № 71. Л. 21.

Побратимские связи, несомненно, были важны, кроме всего прочего они служили в качестве зеркала, чтобы иметь возможность видеть не только свои достоинства, но и недостатки. Также опыт побратима был ценен в поиске путей решения схожих проблем у породнённого города.

Многие моменты показали, что инфраструктура Карелии, сервисное обслуживание, объекты для показа и другое были не готовы к принятию иностранных делегаций. Со стороны финской делегации постоянно всплывал один и тот же вопрос по поводу открытия прямого автомобильного движения через Вяртсиля.²³ Существовало множество трудностей с автотранспортом, работой ресторанов и кафе, с обменом валюты, с тем, что мало персонала владеет иностранными языками. Особенно много замечаний было со стороны агентства ВАО «Интурист», касающихся объектов для показа за пределами города (санаторий Марциальные воды, о. Кижы, водопад Кивач), отмечающих грязь на загородных маршрутах²⁴, отсутствие нормальной телефонной связи с островом (Кижы), неисправность теплоходов и другое.

Несмотря на негативные моменты, связанные с вопросами внешней политики, побратимские связи оказывали решающее значение на восприятие иностранцев и иностранной культуры жителями Карелии. Умение завязывать контакты на международном уровне необходимо для республики, учитывая её приграничное положение. Благодаря наличию связей с зарубежными городами Карелия стала более привлекательна не только в плане туризма, но и экономически.

Сегодня в Карелии более 30 городов и посёлков имеют побратимские связи как минимум с одним зарубежным городом. Некоторые из них имеют несколько зарубежных побратимов: Петрозаводск, Беломорск, Костомукша, Калевала, Крошнозеро, Медвежьегорск, Олонец, Питкяранта, Пряжа, Пудож, Сортавала, Чална, Эссойла.

Движение побратимских городов существует и развивается и в наши дни. В свете событий последнего времени связи городов вновь стали использовать как средство манипулирования в международных отношениях. Но надеемся, что побратимские связи останутся и в дальнейшем будут надёжным средством для сохранения мира на Земле.

Список источников

1. Документы по интернациональным связям СССР-ГДР (информация о пребывании делегации)// НА РК. Ф. 1230. Оп. 106. Д. № 60. Л. 9.
2. Документы по интернациональным связям СССР-Финляндия (планы мероприятий, письма, информации о пребывании делегаций) // НА РК. Ф. 1230. Оп. 107. Д. № 52. Л. 30, 35.
3. Письма, справки обкома в ЦК КПСС, переписка с Союз. Совет. обществами дружбы и культурные связи с зарубежными странами и др. по вопросам развития сотрудничества и побратимских

²³ НА РК. Ф. 1230. Оп. 107. Д. № 52. Л. 35.

²⁴ НА РК. Ф. 3.Оп. 21. Д. № 71. Л. 29, 30.

связей с Финляндией и ГДР. Справки о работе агентства ВАО «Интурист» в Петрозаводске и МВД КАССР о выдаче разрешений на выезд и въезд в СССР // НА РК. Ф. 3. Оп. 21. Д. № 71. Л. 21, 29, 30.

4. Справки, отчёты отдела, Министерства культуры КАССР, Петрозаводского горсовета и др. о культурных и научных связях республики с Финляндией и ГДР, приёме и обслуживании иностранных туристов, работе экскурсионного бюро г. Петрозаводска // НА РК. Ф. 3. Оп. 21. Д. № 111. Л. 22.

5. Справки работников отдела, Петрозаводского исполкома, редакций газет о пребывании зарубежных делегатов и гостей в республике, о дружеских связях г. Петрозаводска с г. Варкаусом // НА РК. Ф. 3. Оп. 20. Д. № 91. Л. 5.

Список литературы

1. Атопов В. И. По законам братства / В. И. Атопов. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1987. – 253 с.

2. Афанасьева И. Д. Побратимские отношения как институт межрегиональной интеграции: [Электронный ресурс] / И. Д. Афанасьева. – Электрон. ст. – Режим доступа к ст.: http://www.sociosphera.com/publication/conference/2013/164/pobratimskie_otnosheniya_kak_institut_mezhregionalnoj_integracii.

3. Вальяно М. В. Города-побратимы: история и современность / М. В. Вальяно. – М.: Знание, 1984. – 64 с.

4. Горбунов А. Г. Побратимские связи как эффективный инструмент развития российско-американских отношений: [Электронный ресурс] / А. Г. Горбунов. – Электрон. ст. – Режим доступа к ст.: <http://www.pribaikal.ru/obl-events/article/4252.html>.

5. Егоров Н. С. Петрозаводск – Ла-Рошель – города-побратимы. Петрозаводск / Н. С. Егоров, Ж.-Л. Лабур. – Петрозаводск: Скандинавия, 2003. – 64 с., ил.

6. Карелия – Нойбранденбург/ ред. И. М. Моносов. – Петрозаводск: Карелия, 1977. – 259 с.

7. Максимов В. Б. Образование Всемирной Федерации Породненных Городов и начало ее деятельности: [Электронный ресурс] / В. Б. Максимов. – Электрон. ст. – Режим доступа к ст.: http://www.new.volsu.ru/upload/medialibrary/c16/5_wlbvukpupaprhbol.pdf.

8. Мельникова Н. Н. 300 рецептов французской кухни / Н. Н. Мельникова. М.: Прометей, 1990. – 269 с., ил.

9. Пятака В. В. Из истории связей городов СССР и ФРГ // Вестн. СПбУ. Сер. 6. Филос., политол., социол., психол., право. – 1993. – Вып. 2. – С. 106–110.

10. Петрозаводск–Варкаус города-побратимы / сост. Х. Итконен, Ю. Койвула, Н. В. Лаврушина, В. А. Мешко, Е. А. Шлапеко. – Петрозаводск: Скандинавия, 2005. 88 с., ил.

11. Петрозаводск–Тюбинген: города-побратимы / сост.: Н. В. Лаврушина и др., пер.: В. Двинская и др. – Петрозаводск: Verso, 2012. – 132 с.

12. Петрозаводск–Умео. 30 лет сотрудничества / сост. А. Исакссон, Н. В. Лаврушина, В. А. Мешко, С. Севандер. – Петрозаводск: Скандинавия, 2006. – 104 с., ил.
13. Сепсяков П. В. Записки мэра / П. В. Сепсяков. – Петрозаводск: Скандинавия, 2005. – 208 с.: ил.
14. Страницы истории Петрозаводского государственного университета, 1940–2000 / сост.-ред. М. И. Шумилов, И. П. Покровская; ПетрГУ. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. – 540 с., ил.

Праздники современного города (на примере Петрозаводска и Олонца)

Праздничная культура давно прочно вошла в нашу жизнь. С каждым годом появляются новые поводы отметить то или иное событие. Какие-то праздники имеют вековую историю, какие-то по тем или иным причинам стали однодневками¹. В газете «Десятый регион», выходящей в Республике Карелия, есть рубрика «Праздник каждый день». Обратившись к ней, мы увидим, например, какие мероприятия можно отметить в период проведения конференции «Краеведческие чтения».

10 февраля – День дипломатического работника.

11 февраля – Всемирный день больного.

12 февраля – Международный день брачных агентств.

13 февраля – Всемирный день радио.

14 февраля – День Святого Валентина / День компьютерщика.

15 февраля – Международный день детей, больных раком / День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества.

16 февраля – День архива Минэнерго России².

В данной статье мы остановимся на городских праздниках первого десятилетия XXI века, т. е. на мероприятиях, прошедших в городах Карелии в 2001–2010 гг. Традиционно праздники делятся на:

1. Праздники народного и церковного происхождения (например, Рождество Христово, Масленица, Троица, Ильин день).
2. Гражданские праздники (например, Новый год, День Победы, дни республик, День воздушно-десантных войск и т. п.).
3. Городские и сельские праздники, гулянья и игры (например, дни городов и деревень, Игры Дедов Морозов, фестивали).

Мы рассмотрим праздники второй и третьей группы. Безусловно, все праздники в одной статье охватить невозможно, поэтому мы обратимся лишь к тем, которые пользуются наибольшей популярностью у населения. Ряд праздников имеют международный масштаб, часть всероссийский, некоторые ограничиваются республиканским и городским уровнем. Например, к международным праздникам относится «Новый год», который всегда отмечен массовыми гуляниями; к всероссийским – «День независимости России»; центральным республиканским праздником является «День Республики Карелия». «День города» является главным действием года для горожан.

1 См.: Праздничная культура на страницах национальных газет Республики Карелия. 1993–2011: библиогр. указ. / Сост. Н. Ю. Кирикова, Н. В. Чикина, ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск, 2011. 34 с.

2 Десятый регион. 2014. 7 февр. С. 7–11.

Отметим также такую особенность, как популярность праздника. Некоторые из них планируются и проводятся при государственной поддержке. На их проведение изначально закладывается финансирование. Например, «Новый год», «День Республики Карелия», «День города» и другие. Часть праздников уже потеряла свою традицию, и организаторы реконструируют их. Чаще всего это относится к сельским праздникам и гуляниям. Например, большую работу по сохранению и пропаганде традиционной праздничной культуры ведет музей-заповедник «Кижский». Но есть и праздники, на которые люди организуются сами, и, наверное, можно сказать, что именно они и являются поистине народными. Самым ярким примером такого праздника в современной жизни является День воздушно-десантных войск, который отмечается 2 августа и совпадает с Ильиным днем. Как известно, именно Илья-пророк является покровителем этого рода войск. В этот день десантники возлагают венки у памятника «Черный тюльпан» в Петрозаводске, встречаются с однополчанами, а затем начинаются массовые гуляния, которые в крупных городах сопровождаются купанием в фонтанах. Для обеспечения безопасности в этот день по традиции на городских рынках объявляется выходной, а представителям кавказских республик рекомендуется воздержаться от прогулок.

Как уже следует из названия статьи, в качестве исследуемых городов выступили Петрозаводск и Олонец. Выбор был сделан в их пользу по той причине, что Петрозаводск в настоящее время является столицей Республики Карелия, он ровесник Санкт-Петербурга, которому в 2013 году исполнилось 310 лет. Олонец – один из древних городов Русского Севера, основанный 29 сентября 1649 года, некогда центр Олонецкой губернии. В начале XXI века этот город стал центром различных ежегодных фестивалей международного уровня. Среди них следует отметить гусиный фестиваль «Олония – гусиная страна», фестиваль карельской поэзии «Здесь родины моей начало...» и «Олонецкие игры Дедов Морозов».

Международный зимний фестиваль «Гиперборея» проводится в феврале в Петрозаводске с 2000 года. Мероприятие включает в себя конкурсы снежных и ледовых скульптур, снеговиков, ветряков, соревнования любителей зимнего плавания и рыбалки, лыжный марафон и другие спортивные состязания, а также тематические выставки, концерты и конференции. Местом проведения является набережная Онежского озера, где возводятся ледовые и снежные скульптуры. В конкурсе принимают участие как профессиональные, так и любительские команды численностью не более 3 человек. Обычно участвует по 10 команд в номинациях «Ледовая скульптура», «Снежная скульптура» и «Детская снежная скульптура».

Темы для творчества в каждый год разные, но чаще всего свободные. Например, в 2003 году все снежные и ледовые скульптуры были посвящены 300-летию г. Петрозаводска. В 2012 году фестиваль «Гиперборея» стал победителем Всероссийского конкурса лучших городских практик в номинации «Историческое и культурное наследие». Любимый жителями Карелии зимний

ледовый праздник также получил второе призовое место на конкурсе «Russian Event Awards – 2012» в номинации «Лучший проект по популяризации событийного туризма».³

Фестиваль «Гиперборея» проходит не каждый год, хотя и считается традиционным зимним праздником. Например, в 2009 и 2010 годах одной из причин его отмены городская администрация назвала последствия мирового финансового кризиса, а также аномально теплую зиму с отсутствием снега и льда⁴.

Череду летних праздников начинает «День Республики Карелия». В 1999 году депутаты Законодательного Собрания Республики Карелия приняли Закон «Об установлении Дня Республики Карелия», согласно которому 8 июня 1920 года было подписано постановление ВЦИК «Об образовании Карельской Трудовой Коммуны». Именно в этот день ежегодно стал отмечаться «День Республики Карелия». В Петрозаводске праздник начинается с торжественной церемонии возложения венков у мемориала «Вечный огонь». С 2002 года «изюминкой» праздника стал рыбный фестиваль «Калакунда» в пойме р. Лососинка, где для любителей рыбной ловли организуют рыбалку. На пл. Кирова традиционно располагаются ярмарка и игровой городок. Вечером в Музыкальном театре Республики Карелия проходит торжественное присвоение звания «Почетный гражданин Республики Карелия» и вручение премии «Сампо»⁵.

На 90-летие республики во вновь открывшемся Доме кантеле состоялся концерт государственного ансамбля «Кантеле». В дни юбилея Карелию посетил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, возглавивший службу в Кафедральном соборе имени Александра Невского, открытие и освящение памятника которому было приурочено к приезду Его Святейшества. По инициативе совета ветеранов пограничных войск на бульваре Победы установили памятный знак карельским пограничникам.

Традиционно праздники проводятся в выходные дни или объявляются выходными. Единственным исключением является празднование «Дня Республики Карелия», который всегда отмечается «день в день». Это отчасти мешает населению воспринимать его как праздничный, ведь в этот день все равно необходимо работать. За республиканским праздником сразу же следует всероссийский – «День независимости России», отмечаемый 12 июня и являющийся выходным днем. Это тоже является фактором, снижающим внимание к республиканскому празднику. К тому же наиболее широко «День Республики Карелия» все же отмечался в Петрозаводске, в то время как другие города и села были несколько обделены вниманием. Частично этот недочет был компенсирован при подготовке к 90-летию юбилею республики, когда в течение 4 лет осуществлялся проект «Дни районов Республики Карелия в городе Петрозаводске», итогом которого стало выступление лучших коллективов и солистов из всех районов на концерте под названием «Петрозаводск+17» в июне 2010.

3 Сличенко А. Победа дня // Мой Петрозаводск. 2012. 15 дек. С. 17.

4 Миммиева О. Гиперборею отменили, а День города будет! // Петрозаводск. 2010. 18 февр. С. 4.

5 Начало летних праздников: Карелия отметила 85-летие // Петрозаводск. 2005. 9 июня. С. 3.

В 2013 году впервые за всю историю празднования торжественные мероприятия были перенесены в один из районов республики и проводились в п. Пряжа.

«День города Петрозаводска» традиционно отмечается в последнее воскресенье июня. Если посмотреть историю юбилеев города, то поводов для празднования у Петрозаводска, по мнению М. Гольденберга, было два. Судя по походным бумагам А. Д. Меньшикова, Петровский завод, давший название городу, был заложен не раньше 29 августа 1703 года. А статус города был присвоен Петрозаводску по указу Екатерины II 21 марта 1777 года⁶. До XXI века «День города» отмечался по указанным выше поводам шесть раз: к 100 и 200-летию учреждения города (1877 и 1977 гг.), к 200-летию Петрозаводска (1903 г.). В 1973 году, когда город отмечал свое 270-летие, празднование было перенесено на конец июня и приурочено к дате освобождения Петрозаводска от оккупации в период Великой Отечественной войны. Именно с этого момента традиция празднования «Дня города» перенесена на июнь. В конце XX века «День города» отмечали «по-новому» раз в десять лет, т. о. Петрозаводск отметил свое 280 и 290-летие (1983 и 1993 гг. соответственно).

Традиция ежегодного празднования «Дня города» началась в 1994 году. Эпицентром народного гуляния стала и остается набережная Онежского озера. Именно в то время тогдашним мэром Петрозаводска С. Катанандовым были заложены добрые традиции делать горожанам подарок к «Дню города». Например, на набережной устанавливались памятники-подарки от городов-побратимов Петрозаводска – «Рыбаки» (г. Дулут, США) в 1991 г.⁷, «Дерево желаний» (г. Умео, Швеция) в 1996 г., «Волна дружбы» (г. Варкаус, Финляндия) в 1997 г. и другие. Каждый из памятников кроме официального получил еще и народное название. Например, памятник «Спящая красавица» (г. Ла-Рошель, Франция, 1999 г.) называется «Мечта сантехника», композиция «Единство» (г. Йозенсуу, Финляндия, 2003) – «Искра», «Тюбингенское панно» (г. Тюбинген, Германия, 1994) – «Отмычки» и т. д.⁸ Каждый год открывали или восстанавливали в городе фонтаны: «Калевала» в сквере Элиаса Лённрота (1995), на Студенческом бульваре (1996), у «Экспроцента» (1997) и другие.

В XXI веке праздник разросся до такой степени, что стихийно вылился на близлежащие улицы, проспекты и площади. Так, в пойме реки Лососинки стал проводиться конкурс песчаных фигур и композиций «Петрозаводские дюны», который полюбился петрозаводчанам не меньше, чем фестиваль ледяных и снежных собратьев. В 2010 году там состоялась выставка гребных судов, открытый шахматно-шашечный турнир, развлекательно-игровые программы «Охота на медведя» и «Прыгни выше головы».

В 2001 году рядом с причалом на набережной была открыта «Петровская гавань», где стояли старинные деревянные суда, в которых расположился уникальный музей клуба «Полярный Одиссей» и

6 Гольденберг М. История юбилеев Петрозаводска // Петрозаводск. 2003. 26 июня. С. 20.

7 Ловцы душ человеческих», или Загадки Онежской набережной // Петрозаводск. 2010. 4 февр. С. 19; Вандалы изувечили «Рыбаков»: часть волос на головах металлических изваяний попросту пропала // Петрозаводск. 2013. 31 окт. С. 7.

8 Где встречаемся: под «Деревом Хиросимы» или у «Мечты сантехника»? с каждым годом горожане все больше забывают истинные названия скульптур, которые установлены в музее под открытым небом на петрозаводской набережной / Подгот. Н. Кутьков, М. Холодная // Петрозаводск. 2013. 27 июня. С. 10, 19.

ресторан. В следующем году он сгорел вместе с бесценными экспонатами, а вместе с ним и вся «гавань»⁹. С 2002 года проводится конкурс фигур и композиций из воздушных шаров «Веселая шарляндия».

В год 300-летнего юбилея в Петрозаводске на стадионе «Спартак» состоялось театрализованное представление «Рожденный волею Петра», открылась парусная регата, прошел второй международный фестиваль рок-музыки «Rock bridge», очередной конкурс красоты «Мисс Петрозаводск». В 2008 году было организовано карнавальное шествие на морскую тематику, главным событием которого стал морской фестиваль для молодежи «Люди ветра».

В 2010 году в акватории Онежского озера состоялась реконструкция абордажного боя «Морская баталия» с участием военно-исторических клубов Москвы, Санкт-Петербурга, Кондопоги, Петрозаводска и кораблей Морского центра «Полярный Одиссей». На Неглинской набережной гостям праздника предлагают окунуться в атмосферу Петрозаводска начала XX века с программой «Иллюзии старого города». Действия проходят у дома купца I гильдии господина Лебедева (ул. Малая Слободская, 12)¹⁰.

Олонец в отличие от Петрозаводска имеет два бренда. Весной это гусиный фестиваль – на полях возле городка отдыхают тысячи перелетных гусей, а зимой это фестиваль Дедов Морозов¹¹. Гусиный фестиваль «Олония – гусиная страна» проводится в мае с 2001 года. Фестиваль организован в рамках международного экологического проекта «Олония», направленного на сохранение крупнейших в Северной Европе олонецких гусиных стоянок. С этой целью в районе развивают экологически безопасные формы сельского хозяйства, и проводится экологическое просвещение жителей района. Также в рамках проекта возрождаются традиционные ремесла, развивается природный и сельский туризм.

Проект «Олония» был инициирован в конце 1990-х годов несколькими неправительственными организациями, в том числе Балтийским фондом природы Санкт-Петербургского Общества естествоиспытателей и Всемирным фондом дикой природы при участии Карельского научного центра РАН и администрации г. Олонца¹².

В рамках мероприятия проходят экскурсии по гусиным полям, где можно увидеть тысячи диких гусей и множество других птиц. Ведь «гусиный фестиваль» приурочен к их прилету. В празднике принимают участие представители природоохранных организаций, ученые и артисты, организовываются игры для детей и взрослых, спортивные соревнования по гребле и ярмарка местной сельскохозяйственной продукции. «Гвоздем» программы праздника являются гусиные бега. Птица-победитель обычно получает мешок зерна, а ее хозяин – телевизор.

9 Румянцева И. Будет день, будет праздник // Петрозаводск. 2003. 26 июня. С. 21.

10 Где погулять в День города // Петрозаводск. 2010. 24 июня. С. 19–20.

11 Хмелик Т. Карельских Дедов Морозов победил смоленский // Невское время. 2012. 5 дек. С. 7.

12 Гуси для экскурсий... // Курьер Карелии. 2006. 5 мая. С. 2.

А зимой в маленький древний городок Олонец съезжаются сказочные персонажи из разных городов нашей страны, чтобы посоревноваться друг с другом. Символом праздника у карелов является молодец по имени Паккайне. По легенде он родился 1 декабря 2000 года на олонецкой ярмарке. С тех пор в Олонце проводятся «Олонецкие игры Дедов Морозов».

Программа праздника длится три дня и включает в себя парад Дедов Морозов, конкурсы, встречи с детьми. За всю историю «Олонецких игр» на нем побывали главный российский Дед Мороз из Великого Устюга, финский Дед Мороз Йоулупукки, Деда Морозы из Санкт-Петербурга, Ленинградской области и других регионов Северо-Запада и России. Участники игр посещают олонецкие деревни, жители которых славятся рыболовством и охотой. В каждый год для Морозов разные конкурсы: кто самый сильный и смелый, у кого Снегурочка красивее, у кого нос краснее, а у кого – песни звонче. Очень любит население игру в футбол и метание валенка. В рамках мероприятия проводится и «Школа молодых Дедов Морозов»¹³. «Олонецкие игры Дедов Морозов» настраивают население на подготовку к новогодним праздникам.

Как показало исследование, праздничный календарь современного города разнообразен и зависит от разных причин, одними из главных являются величина местного поселения и финансирование, поскольку организация и проведение любого мероприятия требует средств. Практика показывает, что независимо от указанных выше условий население готово активно участвовать в праздничных мероприятиях, сохраняя тем самым традиции, заложенные предшественниками, и создавая новые.

¹³ Pakkaset ollah valmehet Uvven Vuvven vastaumizeh // Oma Mua. 2005. 8. talvik.; Игры начались // Курьер Карелии. 2006. 2 дек. С. 3.

Раздел 4. Секция «Лингвистическое краеведение»

И. И. Муллонен
ИЯЛИ КарНЦ РАН

«Лопарские» топонимы в южной Карелии¹

Внимание топонимики всегда привлекают т. н. этэтнонимные топонимы, содержащие в основе этноним – название этноса. В Карелии анализ названий, в основе которых лежит этноним *lappi-* / лопь-, проведен Д. В. Кузьминым. Им, в частности, составлена карта (Рис. 1), включающая многие десятки топонимов Карелии с основой *Lappi-*: *Lapin/ranta* ‘Лопарский берег’, *Lapin/lampi* ‘Лопарская ламба’, *Lapin/laksi* ‘Лопарский залив’, *Lapin/hauta* ‘Лопарская яма’, *Lapin/raunivo* ‘Лопарские развалины’, *Lapin/kiukua* ‘Лопарская печь’, *Lapin/suari* ‘Лопарский остров’ [Кузьмин 2005].

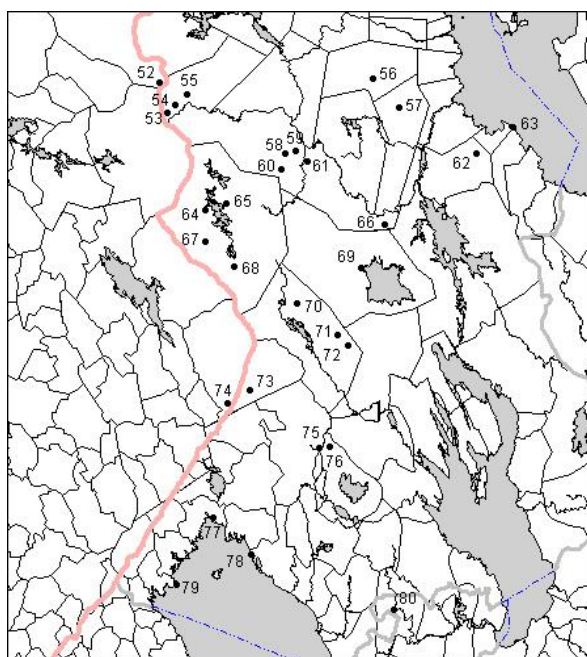

Рис. 1. Топонимы с основой *Lappi-* в центральной Карелии

Часть из них – свидетельство действительного саамского присутствия среди таковых, например, топонимы *Lapin/hauta*, *Lapin/raunivo*, *Lapin/kiukua*, с которыми в Беломорской Карелии связаны предания о лопарях, часть возникла в результате той этнонимической ситуации, которая сложилась в результате поэтапного освоения Карелии карельским населением, когда этноним *lappi* стал использоваться и применительно к карелам – проживающим севернее или в стороне от относительно боль-

¹ Публикация подготовлена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

ших карельских поселенческих центров (см., например, Муллонен 2001: 24–25). Карта показывает, что топооснова *Lappi* – практически неизвестна в южной Карелии – на Олонецком перешейке и в Обонежье, традиционных ареалах старого прибалтийско-финского (с вепсской основой) освоения. Ареал данной модели тянется из Приладожья в Беломорскую Карелию по пути карельской экспансии на северо-восток, в обход Олонецкого перешейка и Обонежья. Отсутствие основы на этих территориях можно объяснить тем, что продвинувшиеся из Приладожья карелы соприкоснулись тут не с саамами – *lappi*, а с населением вепсского типа, родственным карелам и по языку, и по сельскохозяйственному образу хозяйственной деятельности. Вепсский язык не знал карело-финского этнонима *lappi*, поэтому в местах исторического вепсского расселения отсутствует эта этнонимическая топооснова.

С другой стороны, в ареале современного и исторического вепсского расселения неоднократно фиксируется озерное название *Lapjärv*, *Laptärv*, *Лапозеро*. Оно свойственно небольшим лесным озерам, характерной особенностью которых является расположение на берегу, сбоку от более крупного озера. Модель особенно популярна в бассейне Ояти. Исходя из этой характерной особенности местоположения, в топооснове следует видеть вепсскую лексему **lapt* ‘край, бок, сторона’, которая в современных говорах представлена наречиями: *laptaha* ‘в сторону’, *laptali*, *laptaiči* ‘стороной’, *laptas* ‘в стороне’, *laptati* ‘рядом’ [СВЯ]. Производящая основа *lapt* этимологически входит в один ряд с карельским *lappie* и финским *larrea* [SSA], которые позволяют реконструировать исходный для прибалтийско-финских языков вид **larpeä* и тем самым проясняют происхождение вепс. *lapt* как результата характерной для вепсского языка редукции гласного второго слога в случае, если первый слог долгий или закрытый [Tunkelo 1946]: **larpeä* >> *lapt*. При этом процесс выпадения гласного сопровождался оглушением конечного согласного под влиянием соседнего глухого *p*. В ряде топонимных примеров редукция гласного отсутствует: *Лапатозеро* в верховьях р. Колоды, маленькое *Лапатозеро* на берегу Кудомозера в южном Обонежье, оз. *Лапоть* (с вариантом *Лапозеро*) у оз. Палежда в южном Присвирье, а также, возможно, руч. *Лапоть* в бассейне верхней Шексны. Впрочем, нельзя исключать и вторичного наращивания гласного, имеющего в ряде случаев народно-этимологические истоки. В большинстве примеров на стыке элементов сложного топонима произошло упрощение фонетического облика топоосновы: **Laptjärv* > *Lapjärv* > *Лапозеро*.

Ареал модели охватывает южное Присвирье, южное и юго-восточное Обонежье (Рис. 2) и может, таким образом, квалифицироваться как вепсский, хотя он и не покрывает всю вепсскую территорию. С точки зрения этнической истории и географии расселения наиболее интересны фиксации в юго-восточном Обонежье, в том числе *Лапатозеро* и *Лапозеро* в бассейне реки Колоды, озеро *Лапоть* в Салмозере, доказывающие вепсское прошлое этой русской территории. Не менее значимы несколько фиксаций на карельском в этноязыковом отношении Олонецком перешейке, также свидетельствующие об историческом вепсском проживании здесь.

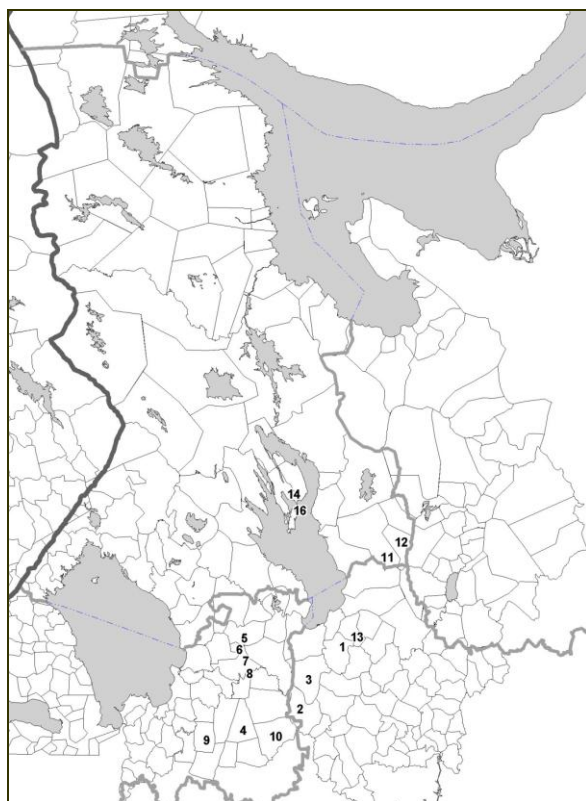

Рис. 2. Топонимы с основой Lap(t)- 'боковой, крайний' в ареале современного и исторического вепсского расселения.

На окраинах ареала зафиксировано несколько топонимов – названий островов: в юго-западном Присвирье остров на краю болота Имоловское *Лаписарь* (saŋ 'остров'), на нижней Кеме в северном Белозерье бол. *Лапцарское* (<*Lapsaŋ), остров *Лапостров* в окрестностях д. Усть-Яндомы на юге Заонежского полуострова, являющийся крайним в череде островов, расположенных в окрестностях поселения. Появление *Лапострова* в южном Заонежье может быть отражением устойчивых связей данной территории с вепским Прионежьем в относительно позднее время. Видимо, в этом же ряду следует рассматривать название небольшого островка *Lappisuari* у восточного берега оз. Сямозера, на Онежско-Ладожском перешейке, на восточной границе карельского ливвиковского ареала.

На фоне устойчивого присутствия топонимической модели на современной и смежной исторической вепсской территории обращает на себя внимание практически полное ее отсутствие в карельском языковом ареале и довольно слабое представительство на финской территории. Следует ли ее признать в этом контексте дифференцирующей вепсской моделью для называния небольших по размеру озер и островов, характеризующихся боковым расположением по отношению к объекту, выступающему точкой отсчета – более крупному озеру, острову, а также побережью озера или болота?

В контексте той ареальной ситуации, которая описана выше, есть смысл вновь обратиться к карельской топонимии и пересмотреть этимологию некоторых наименований с основой Лап-, традиционно связываемых с этнонимом *lappi* 'лопарь, лопарский'. Если приглядеться к объектам, в названиях которых присутствует данная основа, внимательнее, то окажется, что это, как правило, объекты очень небольших размеров, при этом располагающиеся сбоку от более крупного, значимого объекта.

Показательны в этом плане многочисленные наименования островов *Lapin/soari*, *-suari*, которые располагаются у берега водоема или рядом с более крупным островом, например, в Сегозерье или в северном Приладжье. Подобная ситуация характерна и для финской топонимии. На размещенном в Интернете электронном картографическом ресурсе, содержащем топографические карты по территории Финляндии (расположен по адресу <http://kansalaisen.karttapaikka.fi/kartanhaku/raikannimihaku.html>) и позволяющем осуществлять привязанный к карте поиск по заданному названию, отмечено около 50 островов с названием *Lapinsaari* 'Лопарский остров'. Знакомство с топографическими особенностями островов, расположенных на озерах Восточной Финляндии, позволяет однозначно характеризовать их как боковые, крайние. Некоторые из них, находясь в непосредственной близости берега, при низкой воде превращаются в мысы. Другие привязаны к мысам или более крупным островам (Рис. 3).

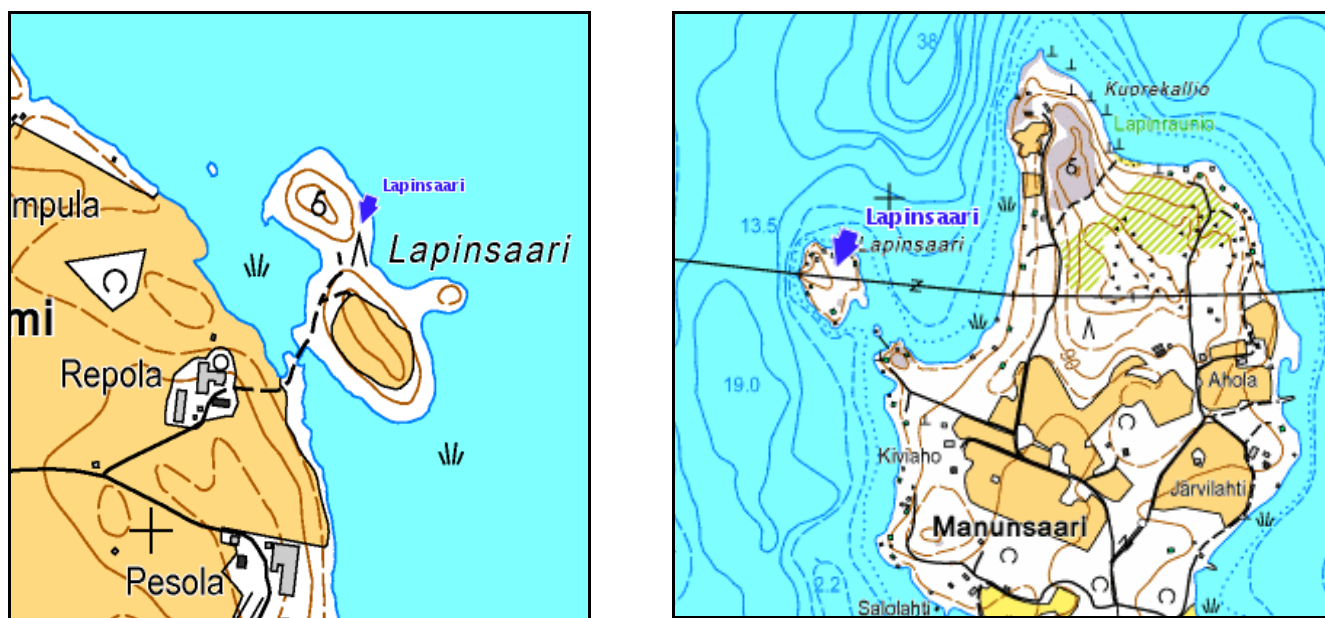

Рис. 3. Острова *Lapinsaari* в Восточной Финляндии

Приходится признать, что Лопарскими острова стали в результате народно-этимологической интерпретации, которая была спровоцирована маргинальностью и постепенной утратой прилагательного *larrea* из финских и карельских говоров. В вепсской топонимии вследствие отсутствия в вепсских говорах этнонима *larri* такое переосмысление оказалось невозможным. Ареал топонимов с основой *Larri*- 'лопарь, лопарский' покрывает всю карельскую в языковом отношении территорию, однако не распространяется на вепсскую. При этом в основе многих (конечно, не всех) карельских и финских топонимов в действительности восстанавливается прилагательное *larrea*, *larppe* 'боковой'. «Лопарскими» их сделала народная этимология.

Муллонен И. И. История Сегозерья в географических названиях // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001. С. 12–38.

Кузьмин Д. В. ТОПООСНОВА LAPPI- В ТОПОНИМИИ БЕЛОМОРСКИХ КАРЕЛ Прибалтийско-финское языкознание: лингвогеографические исследования. Сб. статей. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005. С. 126–141).

СВЯ – М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Словарь вепсского языка. Л., 1972.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Suomen kielen etymologinen sanakirja. 1–3. SKST 556. Helsinki 1992 – 2000.

Tunkelo 1946 – Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946.

Образ Куганаволока глазами местных жителей: аксиология местности и местная топонимика (по материалам Пудожских фольклорных экспедиций КГПА)

История Водлозерья, на территории которого расположена д. Куганаволок, достаточно типична: раньше оно было густонаселенным краем, и многочисленные деревни, расположенные по берегам озера и на островах, связывали социально-экономические и культурные связи. Но к концу 70-х гг. XX в. в связи с процессами укрупнения деревень все водлозерские деревни запустели, а большинство жителей переехали в д. Куганаволок. На сегодняшний день эта деревня, расположенная на озерном мысу, представляет собой небольшое изолированное поселение, где проживает около 500 человек. Остальные деревни – Кевасалма, Бостилово, Коскосалма, Канзанаволок – это практически уже вымершие населенные пункты, где проживает по 1–2 семьи. Промышленных и сельскохозяйственных предприятий на территории Куганаволока давно нет. Единственная организация, которая пытается что-то сделать для возрождения уникальной культуры – это Водлозерский национальный парк. Кроме работы в бюджетной сфере, жители Куганаволока занимаются либо туристическим бизнесом, либо рыбной ловлей, либо выживают за счет ведения натурального хозяйства. Население деревни составляют преимущественно люди среднего и пожилого возраста, и лишь летом здесь можно увидеть достаточно большое количество детей и молодежи, приехавших погостить.

«Первое, что остро ощущаешь, – это оторванность от цивилизации: привычный мир остается где-то далеко, теряет свою полновесность, превращается в призрачное воспоминание. Мобильные телефоны прекращают работать еще в пути, нет интернета, отсутствует транспортное сообщение, единственная связь с внешним миром – телефонный аппарат в центре поселка. Бескрайние зеленые луга, расцвеченные желтым лютиком, синева безмятежного озера и бездонного неба – вот палитра умиротворения и спокойствия, в которую окунаешься после сутолоки города. По пыльным улицам ходят задумчивые коровы, бегают резвые козы, собаки какой-то удивительно одинаковой окраски, бродит неприкаянный конь с бубенцом на шее. Много брошенных сиротливых домов с провалившимися крышами, пустыми глазницами окон. Заросшие бурьяном сады. Знаки запустения и смерти. И не верится, что так можно жить: с единственным фельдшером на поселок, с обшарпанным клубом, в больницу и жениться – в Пудож, за семьдесят километров, с тремя «хлебными» днями в неделю. Дни, по которым в поселок привозят свежий хлеб: на эти дни не назначают встреч, не планируют важных дел. Летом в поселке не очень-то оживленно, несмотря на то, что приезжают дачники, родственники, туристы. Невольно возникает вопрос: что здесь зимой?.. За окном разгулялась непогода: ветер, дождь, но в печке уютно потрескивают дрова, наполняя дом живым теплом. Белая ночь на ис-

ходе, смешивается с рассветным туманом, звучит птичьими голосами и комариным звоном. На пороге утро, которое гонит прочь грустные размышления. Смеются дети, мужчины разбирают сети, готовясь к рыбалке, женщины идут в магазин – просыпается поселок, живет своей, тихой и размеренной, жизнью»¹. Таков образ деревни глазами внешнего наблюдателя. Как мы увидим, в определенном смысле он совпадает и с внутренней точкой зрения, рассмотрение которой предполагается в рамках данной статьи.

Целью статьи является анализ материалов, тематически связанных с образом деревни глазами местных жителей и составляющих, таким образом, локальный компонент культурной традиции этого поселения. Эти материалы были записаны студентами и преподавателями Карельской государственной педагогической академии в ходе интервью с жителями д. Куганаволок. Обычно беседа начиналась именно с просьбы рассказать о деревне, однако даже если ситуация складывалась иначе, информанты, как правило, в ходе беседы сами затрагивали эту, по-видимому, злободневную для них тему. В результате был выявлен определенный набор стереотипных суждений и клишированных текстов, посредством которых жители Куганаволока характеризуют свою деревню по временным, пространственным и аксиологическим параметрам.

Деревня Куганаволок, несмотря на малочисленность жителей, занимает достаточно большую площадь и делится на части. Каждая из этих частей имеет свое название, два из них, как и название самой деревни, финского происхождения – это Реболахта и Качнаволок. Происхождение этих названий неизвестно большинству жителей Куганаволока², но попытки их интерпретации, в частности, на основании фонетического созвучия, фиксировались в ходе интервью: *[У вас деревня делится на части?] Делится. [Расскажите, пожалуйста.] Как называются – могу сказать, а переводов не могу сказать. Сама буквально недавно спрашивала: почему Качнаволок называется Качнаволок и Реболахта называется Реболахтой <...>. Тут, например, Качнаволок. Ну, Качнаволок тоже как бы – «наволок» такой, он же вытянутый, да? А «кач», думаю, может быть, туда просто было мост, мосты вот эти переходили, может по мостам, там разливается же между Качнаволоком и Куганаволоком, особенно весной сильно разливается. Поэтому, может быть, я думаю, может быть, на этих, когда ходили по мостикам – может, они качались. Кач-наволок – качает»³; «Может, там вот тоже в Качнаволоке был кто-то, там его качало или я не знаю что, может, он пьяный всю дорогу ходил – назвали «Кач», а потом и «наволок». Ну, видать, кто первый там попал, вот, кто первый там, может быть, построился»⁴.*

Что касается русских названий, таких как Нарпесок, Гадюжник и Птичий поселок (или Птичник), то их этимология более прозрачна. В Нарпеске, по словам жителей, раньше был карьер: «Ну, я, на-

¹ Лариева Э. В. Из путевых заметок фольклориста // <http://www.lafolk.narod.ru/emilia.html>.

² Исключение составляет название самой деревни: «Ну, Куганаволок – это понятно там, Судачий мыс, как бы сам Куганаволок-то» (Инф.: Кривяковская Тамара Анатольевна, 1959 г. р., уроженка д. Пильмасозеро. Соб.: Голубева И., Иванченко Н., зап. 10.07.2008 г.).

³ Инф.: Данилина Валентина Федоровна, 1932 г. р., уроженка д. Пога. Соб.: Белида С., Швайко В., зап. 1.07.2008 г.

⁴ Инф.: Кривяковская Тамара Анатольевна, 1959 г. р., уроженка д. Пильмасозеро. Соб.: Голубева И., Иванченко Н., зап. 10.07.2008 г.

пример, где живу, там Нарпесок <...>. Там было раньше как, было, карьер был»⁵, а в Птичнике и Гадюжнике живут жители с соответствующими фамилиями: «У нас, например, вот построили улицу новую, на улицу попали жители: Соловьёва, Воробьёва, ещё какая-то фамилия была тоже птичья – и назвали «Птичник». Так теперь там «Птичник» и остался. Попалась вторая улица у нас тут: <нрзб> Жуковы – так и назвали: «Гадюжник» <...>. Теперь спросишь: где? В «Птичнике». Где? В «Гадюжнике». Всё понятно, где. Жителям понятно, где это»⁶.

С одной стороны, по историко-географическим и социально-демографическим показателям Куганаволок представляет собой воплощение типичной захолустной современной российской деревни: расположение в живописной местности, на озерном мысу, отдаленность от центра, изолированность и труднодоступность, около 500 жителей преимущественно среднего и пожилого возраста, жилищная застройка, занимающая, несмотря на малочисленность жителей, достаточно большую площадь, резкое падение уровня жизни в 1990-е гг., отсутствие промышленных и сельскохозяйственных предприятий, безработица, ведение натурального хозяйства и промыслы как единственная возможность выживания для большинства жителей и т. п. С другой стороны, такие факторы, как социальный эксперимент 70-х гг., связанный с процессом укрупнения деревень и искусственно придавший Куганаволоку статус центра, а также создание в 1991 г. Водлозерского национального парка, призванного сохранять уникальное природное и историко-культурное наследие Водлозерья, обуславливают особую судьбу Куганаволока и определенную специфику локального самосознания.

Аксиология местности в целом негативная, и этот негативный образ Куганаволока прорисовывается ярче, как правило, на фоне противопоставления данного поселения вымершим в настоящее время водлозерским деревням: *Раньше тоже ничего не было. Эта деревня хуже всех была. Лучшие, хуже всех была. А раньше у нас колхозы были, дак у нас там за озером там деревни лучшие были. Колхозы хорошие да все было <...>. А здесь плохая земля, глинистая-то одно только*⁷.

В связи с таким негативным представлением о деревне весьма интересной представляется попытка присвоения Куганаволоку статуса центра посредством искусственной трансформации фольклорного текста. Речь идет о «Водлозерской кадрили»⁸. Варианты этого текста опубликованы также в монографии Н. В. Дранниковой и статье Н. В. Червяковой⁹. Все три текста вряд ли можно назвать полноценными, несмотря на их безусловную значимость. Опубликованные в исследованиях

⁵ Инф.: Парамонова Мария Евгеньевна, 1961 г. р., уроженка д. Куганаволок. Соб.: Голубева И., Иванченко Н., зап. 10.07.2008 г.

⁶ Инф.: Кривяковская Тамара Анатольевна, 1959 г. р., уроженка д. Пильмасозеро. Соб.: Голубева И., Иванченко Н., зап. 10.07.2008 г.

⁷ Инф.: Болтушкина Галина Егоровна, 1937 г. р., уроженка д. Пильмасозеро. Соб.: Белида С., Швайко В., зап. 1.07.2008 г.

⁸ Текст опубликован в статье Лис Т. В., Червяковой Н. В. Фольклорная практика студентов КГПУ в Водлозерском национальном парке. Итоги и перспективы сотрудничества (материалы научно-практического семинара) // Методика полевых работ и архивное хранение фольклорных, этнографических и лингвистических материалов. Петрозаводск, 2009. С. 88–89.

⁹ Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Архангельск, 2004; Червякова Н. В. «Бажонное озерушко» к северу от Пудожя // Историко-культурные традиции малых городов Русского Севера. Петрозаводск, 2006. С. 238–239.

Н. В. Дранниковой и Н. В. Червяковой варианты ритмически не упорядочены, их трудно напеть, из чего можно сделать вывод, что данные тексты, по сути, представляют собой пересказ тех фрагментов песни, которые удалось вспомнить информанту. Вероятнее всего, Н. В. Дранникова пользовалась при публикации рукописью текста кадрили. Это подтверждается, в частности, ошибочным написанием прозвища жителей д. Половина «шамачи». Как выяснилось в ходе опроса информантов, в водлозерском говоре нет слова «шамачи». Нами зафиксировано другое прозвище жителей д. Половина: *Половина – шелгачи [Шелгачи – что это?] Да, а шелгач, ну, вот это, вот это шелгач <показывает экспонат в музее – котомку-мешок, которую носили через плечо, привязывая на палку>. Ну, вот получается, что это делали, да, и на палочке, вот шелгачи [Таскали что-то?] Да, таскали что-то они, таскали, видимо, тоже, может быть. Половина – шелгачи. Половина, потому что Половина, получалось, что им тоже какой-то путь надо было делать. И они, видно, вот продукты таскали, ну, и у всех были какие-то шелгачи*¹⁰. Скорее всего, при публикации рукописного варианта сочетание букв *л* и *г* было принято за букву *м*.

Вариант, записанный нами, зафиксирован в живом исполнении, однако при этом он имеет одно существенное композиционное отличие: все три текста имеют традиционный зачин, и только вариант, записанный нами, имеет концовку, придающую песне рамочную композицию: *Я бежала по поженке, / Да прибежала ко часовенке, / Да на часовенке два голубя сидит, / Да один голубь часы говорит, / Да другой голубь приговаривает: <далее следует перечень деревень, сопровождающийся прозвищными номинациями> Я бежала по поженке, / Да прибежала ко часовенке, / Да на часовенке два голубя сидит, / Да один голубь часы говорит, / Да другой голубь приговаривает: / Узывались, узывались, / Да в Куганаволок собрались, / Да в Куганаволок собрались, / Да водлозёрами назвались*¹¹.

В опубликованных текстах последовательность обрывается, создавая впечатление незаконченности. Записанный нами вариант кажется более логичным композиционно, однако, судя по комментариям информанта, концовка была «сочинена» участниками фольклорного коллектива, т. е. пространственному передвижению при перечислении деревень искусственно придали центростремительный характер. И это осмысление особого, центрального места Куганаволока в культурном ландшафте Водлозерья вступает в противоречие с оценкой местности, содержащейся в стереотипных суждениях информантов.

Одним из наиболее устойчивых мотивов, содержащихся в характеристиках, посредством которых жители Куганаволока описывают свое поселение, является мотив постепенного вымирания деревни: *Деревня вся устарела. Все уж старые стали. И дома старые, и все старое. И народ весь старый, молодежи мало*¹²; *Да у нас у нас тут тоже часто умирают. [нрзб] бабулек-то да и моло-*

¹⁰ Инф.: Белкина Наталья Алексеевна, 1966 г. р., уроженка д. Путилово. Соб.: Добродей И. И., Лис Т. В., зап. 3.07.2008 г.

¹¹ Инф.: Белкина Наталья Алексеевна, 1966 г. р., уроженка д. Путилово. Соб.: Добродей И. И., Лис Т. В., зап. 3.07.2008 г.

¹² Инф.: Леонтьева Галина Степановна, 1928 г. р., уроженка п. Шала. Соб.: Добродей И. И., Лис Т. В., зап. 1.07.2008 г.

дых¹³. Не случайны в этом отношении тексты, повествующие о том, что первым покойником на одном из кладбищ Куганаволока был мальчик-самоубийца. Данные тесты различны по объему и содержанию. В одних информанты просто указывают на этот факт: *Первым, это кладбище у нас, мальчик застрелился, школьник, школьник застрелился там, из-за чего, но факт в том, что, в общем, какая-то причина была. И вот его первого похоронили*¹⁴. В других текстах утверждается, что тем самым было положено начало «нехорошим» смертям в деревне: *[Новое кладбище началось с самоубийцы?] Это, по-моему, с Колгострова или откуда-то было. <...>. Что < нрзб> даже и говорили, что как это кладбище занял, занял первый человек, что он сам себя, то, значит, как будет всё так как. <...>. [То есть, если кладбище началось с самоубийцы, то так всё и будет дальше?] Как будет всё такое, как нехорошими смертями. Очень много там людей. И там кладбище плохое*¹⁵. Есть также тексты, которые содержат дополнительный сюжет о вещем сне, в котором умерший мальчик перечисляет сновидице имена будущих покойников, причем в этом списке содержатся в основном имена молодых людей: *[А вот еще про кладбище нам рассказывали, что оно началось с мальчика, который сам на себя руки наложил?] Да, это кладбище началось именно... Вот поэтому испугались, что в основном на этом кладбище будут, ну, не своей смертью люди умирать. Либо кто утонет, либо кто застрелится, кто повесится [И там действительно много таких, да?] Много очень, ну, это больше, наверно, всего на кладбище, чем вот сам, сами. <...>бабушка говорила, что, не помню только, кому он приснился и сказал, что, не помню, сколько там человек он назвал, что, и какой смертью. Это было тоже сказано. [То есть, как будто он забирал?] Да. [А там в основном в списке молодые были люди?] Да, вот в основном молодые, <...>, мало очень было пожилых, <...>. Ну, больше и молодых на этом кладбище, наверно, больше будет даже, чем пожилых <...> [А почему не считалось, что это кладбище нехорошее, что лучше там и не хоронить?] Считалось, считалось это, что нехорошее*¹⁶. В глазах информантов эти сюжеты служат еще одним подтверждением грозящего Куганаволоку вымирания.

Кроме противопоставления Куганаволока остальным водлозерским деревням в текстах достаточно часто встречается универсальная оппозиция «прошлое/настоящее». Постперестроечный период в суждениях информантов ассоциируется с уничтожением материальных ценностей и падением нравственности: закрываются рыбозавод, маслозавод, колхоз, аэропорт, растет безработица, широкое распространение приобретает пьянство, в том числе и среди женщин и т.п.: *Тут были, знаете, рыбозавод один богатый был, был консервный цех, копильная, <...>, был колхоз, был маслозавод, молокозавод <...>. Парк появился – все, коров продали, что убили на мясо для себя, для своих нужд, ло-*

¹³ Инф.: Данилина Валентина Федоровна, 1932 г. р., уроженка д. Большая Пога. Соб.: Добродей И. И., Дудникова А., Лис Т.В., Урванцева Н.Г., Шаханова Д., зап. 2.07.2009 г.

¹⁴ Инф.: Шишова Людмила Ивановна, 1935 г. р., уроженка д. Сумпосад. Соб.: Голубева И., Иванченко Н., зап. 10.07.2008 г.

¹⁵ Инф.: Семерикова Мария Семёновна, 1927 г. р., уроженка д. Куганаволок. Соб.: Голубева И., Иванченко Н., зап. 3.07.2008 г.

¹⁶ Инф.: Моисеева Нина Юрьевна, 1962 г. р., уроженка д. Куганаволок. Соб.: Добродей И. И., Лис Т.В., зап. 6.07.2009 г.

шадей всех продали, все, в общем. Все-все знаете, все уничтожили, потом народ – ни работы, ничего нет, народ начал пить, <...>: и женщины и мужчины. Раньше женщина не пила здесь вообще, это позор был <...>. все было по-людски, если надо в Петрозаводск, самолет летал каждый день, пожалуйста, два рейса. <...> Тут аэропорт был такой богатый, было крылечко и огорожено все, чтоб пассажиры ждали все было, все уничтожено¹⁷.

Экономически и социально стабильный период до развала СССР, напротив, идеализируется. Само по себе подобное противопоставление не является примечательным, интересно то, что ухудшение ситуации связывается не с изменением государственной политики, а с возникновением Водлозерского национального парка. Подобный факт является наглядным примером аберрации памяти, когда истинная причина подменяется ложной и выстраивается своего рода мифологема, в рамках которой национальный парк выступает в роли «разрушителя» сложившегося в деревне жизненного уклада.

Определенное влияние на восприятие образа Куганаволока в целом оказывает и представление о деревенском храме. Церковь традиционно считается символическим сакральным центром любого поселения, однако, по словам информантов, при выборе места для храма в Куганаволоке не учитывалось мнение старожилов. Данное представление подкрепляется и сюжетами о «неудачном» посещении храма. Информанты отмечают, что в церкви совершенно неожиданно кружилась голова, поднималось давление и т.п., после чего они отказывались посещать храм: ДВФ: *я и вам говорю, я раз была в храме, меня адва оттуда живу увезли, дак... [Почему?] Так со мной сделалось, девочки, что <нрзб> БГЕ: Потому что храм не на место поставлён <...> Нужно было у пожилых людей спросить, как да что. <...>. [А почему там да плохое место?] ДВФ: Нельзя там ставить. Надо было вот с той стороны, там, где вот эти огороды-то сейчас есть. <...>. На другой стороне.¹⁸ Кроме того, в интервью упоминается, что храм был выстроен при помощи финнов и с целью присвоения части средств, выделенных на строительство: [А говорят, церковь у вас построена не на том месте?] *Ай, тут строят. Церковь, девушки, построена. Конечно, это не наше дело, это, как говорится, если есть Бог – он разбирается. Но это, тут не батюшка. Люди, они с корыстной целью. Это всё делали деньги. Нужны деньги были, и поэтому вот строили эту церковь. Финны помогали. Ну, значит. [Материально?] Да, финны и по существу и построили. И всё. Вот. Дак вот они эти денежки и прибагрили¹⁹.* Подобные суждения являются свидетельством того, что статус храма в глазах жителей деревни несколько снижен в силу неправильного расположения, «нерусского» происхождения и вмешательства корыстного побудительного мотива при строительстве объекта, призванного стать духовным центром поселения.*

¹⁷ Инф.: Пименова Анастасия Ивановна, 1932 г. р., уроженка д. Охтомостров. Соб.: Гаель Е. В., Кудельникова А. Л., зап. 3.07.2008 г.

¹⁸ Инф.: Данилина Валентина Федоровна, 1932 г. р., уроженка д. Большая Пога, Болтушкина Галина Егоровна, 1937 г. р., уроженка д. Келкозеро. Соб.: Добродей И. И., Дудникова А., Лис Т. В., Урванцева Н. Г., Шаханова Д., зап. 2.07.2009 г.

¹⁹ Инф.: Пименова Анастасия Ивановна, 1932 г. р., уроженка д. Охтомостров. Соб.: Дудникова А., Урванцева Н. Г., Шаханова Д., зап. 3.07.2009 г.

Таким образом, Куганаволок, судя по стереотипным суждениям жителей данного поселения, в целом соответствует типичному образу современной деревни, однако он имеет и ряд специфических черт, связанных с его неповторимой историей.

Топонимия с. Вешкелица в начале XX века (по архивным материалам)¹

На «Краеведческих чтениях» прошлого 2013 года опубликована статья о становлении Вешкельского куста поселений на материале топонимии, с одной стороны, собранной во время полевой экспедиции, с другой, зафиксированной в письменных источниках – материалах писцового дела XVI–XVII вв., ревизской сказке конца XVIII в., а также Списках населенных мест Олонецкой губернии и Карельской республики XIX–XX веков. В названных источниках отразились в первую очередь названия поселений (Афанасьева, 2013).

В данном материале рассказано о двух источниках XX века, в которых представлена микротопонимия и названия водных объектов в окрестностях Вешкелицы.

Первый – это список сенокосных угодий поселений Вешкельского сельского общества начала 20 века, составленный в ответ на запрос Олонецкого статистического комитета (*ф. 27, оп. 2, 50/839 на 44 л. Б/д*). В 17-ом фонде Национального архива РК содержится целый ряд подобных дел по разным сельским обществам Олонецкой губернии. В них каждый сенокосный участок имеет свой номер, отраженный на схеме-карте сельхозземель, названа площадь участка, а также состав почв. В целом ряде дел имеются карты-схемы. К сожалению, в Вешкельском деле ее не оказалось, хотя есть надежда, что удастся найти или использовать соответствующие карты из других архивных дел, связанных с землепользованием Вешкелицы, поскольку нумерация участков была закреплена, видимо, еще на этапе пореформенного межевания и повторялась из документа в документ.

При *Погосте* 76 участков с 60 названиями (несколько участков могут идти за одним названием), при *Лагеламбе* 36 участков с 30 названиями, при *Инжунаволоке* 26 участков с 17 названиями, при *Нинисельге* 29 участков с 23 названиями, при *Савиладчу* 15 участков, при *Арькойле* 19 участков с 18 названиями, при *Подкусельге* 7 участников, при *Вехкусельге* 15 участков с 10 названиями, при *Сяргилахте* 8 участников с 7 названиями, при *Павшойле* 23 участка с 21 названием, при *Лухтансельге* 2 участка, при *Угмойгоре* 53 участка с 46 названиями, при *Харитгоре* 36 участков с 33 названиями. При этом нередко сенокосные урочища делились между жителями разных деревень, входивших в состав Вешкельского общества.

Исключительная ценность этого документа заключается в том, что подавляющее большинство отраженных в нем микротопонимов уже не удалось зафиксировать в ходе полевых сборов – и потому, что микротопонимы подвижны и изменчивы во времени (и на смену бытовавшим в начале 20 века названиям могли прийти со временем другие), но главным образом потому, что исчезли (за-

¹ Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

росли, оказались объединенными в ходе совхозного землеустройства, попали под мелиорацию и т. д.) сами названные участки. В архивном списке около 400 топонимов, из них более 300 отсутствуют в наших полевых материалах.

Названия несут самую разнообразную информацию. Например, основной компонент сложных по структуре карельских топонимов говорит о том, где располагались сенокосы:

Термин	Значение	Топонимические примеры
Luhtu	лужа	<i>Сави лухту</i>
Selgy	хребет	<i>Калливо сельга</i>
Korbi	глухой еловый лес	<i>Коко корби</i>
Oja	ручей	<i>Кингас оя</i>
Kangas	бор	<i>Ладчу Кангас</i>
Suo	болото	<i>Корби суо</i>
Järvi	озеро	<i>Корб ярви нитту</i>
Niemi	мыс	<i>Онтин ниemi</i>

И с точки зрения языка, и с позиций отражения традиционной культуры сенокосения показательны названия, в которых закрепились соответствующая терминология:

Термин	Значение	Топонимические примеры
Huuhtu	подсечное поле	<i>Горну Гухту</i>
Niitty	сенокос	<i>Корби ярви нитту, Корун нитту</i>
Puustu	залежь, пустошь	<i>Мельничча пусту</i>
Nurmi	лужайка, межа между пашнями	<i>Питку нурми</i>
Rajakko	заброшенная лесная пашня, подсека	<i>Патай райакка, Лакан райако</i>
Peldo	поле	<i>Ниemyн Пелдо</i>
Pergivö	вырубка; место, очищенное от леса, кустов, обычно занятое под покосами	<i>Пергиве</i>
Aho	лесная поляна	<i>Исай нага (Isain/aho)</i>
Palo	пожог, сожженная подсека	<i>Захарин пало</i>

Эти названия реконструируют систему традиционного подсечного земледелия, когда пашня запускалась под сенокос.

Отдельно хочется прокомментировать несколько названий из списка, которые можно отнести к числу топонимических «эксклюзивов». В соответствии с топонимической типологией названия мест

образуются по некой заданной модели, присущей топонимической системе данного языка в данное время и на данной местности. Поэтому в каждой местности существует множество повторяющихся топонимов. Вешкельские названия *Хуабу ламби* 'Осиновая ламба', *Варбу суо* 'Болото, заросшее кустарником', *Мельниччу оя* 'Мельничный ручей', *Ярви рандо* 'Берег озера', *Хебо ниemi* 'Лошадиный мыс', *Питку нитту* 'Длинный луг', *Равду суо* 'Железное болото' и т.д. входят в число т.н. типовых карельских (и даже шире – прибалтийско-финских) топонимных моделей, для которых обнаруживаются многочисленные параллели и в ближних, и в более отдаленных местностях с карельским, финским, вепским населением (Kiviniemi 1990). Но среди этой массы встречаются названия исключительно редкие, практически не имеющие аналогов (или эти аналоги не удалось зафиксировать), типа *Куган сюеду чунпу* < **Kuhansyö(n)dy/čuppu*, буквально 'угол, в котором ест (клюет) судак'. Видимо, имеется в виду некое место на озере (залив, конец залива), где хорошо клюет судак. Такие названия – по сути дела эндемики, уникальные топонимы. Однако чаще всего даже такие редкие топонимы удается встроить в свой ряд. Например, *Исту Гаго* или *Истун Гаго* < *Istun/hago* 'трухлявое дерево или коряга, на которой сидят' – это, по сути дела, один из вариантов названия придорожных мест отдыха, типа *Lebukivi* 'Камень для отдыха', *Istumakivi* 'Сидячий камень'.

Некоторые из подобных названий включают важную этнокультурную информацию. Будучи картографированными, они образуют показательные с этноязыковой точки зрения ареалы. К примеру, покос на болоте *Гетте суо*, *Гейне суо*, *Геште суо* включает собственно карельский термин *hete* с сильной основой *hette*- 'топкое болото с окнами', не известный ливвиковским говорам, в том числе и вешкельскому. Можно полагать, что за этим топонимом скрывается собственно карельский след, влияние соседних собственно карельских говоров Северного Приладожья.

Обращу внимание еще на один любопытный топоним, вышедший уже из употребления, – покос *Пегрема* при Погосте, полная тезка известной заонежской Пегремы. На сайтах название заонежской деревни принято объяснять как Оленья земля, т. е. реконструировать прибалтийско-финский оригинал как **Pedra/maa*. Однако такая реконструкция противоречит фонетическим закономерностям. Заманчиво ввести топоним Пегрема в ряд названий, образованных от ландшафтных терминов, оформленных суффиксом –*ма*, типа финских *kaljama* 'скользкое место', *lahtema* 'залив', *rantama* 'побережье', *roukama* 'бухта' (Nakulinen 1968) и многие др. Для реконструкции исторической словообразовательной основы, которая имела вид **rekrü* или *rökry*, можно привлечь данные восточных финских говоров, которые образовались исторически на основе древнекарельского языка. В них сохранилось слово *röyry* 'песчаная или земляная гора' (данные Топонимического архива Финляндии). Фонетически финское *röyry* и реконструированное карельское **rökry* соотносятся как *paula* – *nakla*, *puaglu* 'гвоздь', *mäyrä* – *mäkrä*, *mägyr* 'барсук' и др. То есть вешкельская Пегрема могла по-карельски выглядеть, как *Pögrymä*, *Pögrymy* и называть относительно высокое место, возможно песчаное. Это гипотеза требует подтверждения в виде ландшафтной характеристики названного места, в чем могли бы помочь архивные карты землепользования, которые пока не удалось обнаружить.

Если наше предположение верно, то и заонежская Пегрема могла исторически характеризовать ландшафтно-идентичную местность, а сам топоним иметь карельские истоки.

Другой архивный документ – финский, оригинал хранится в Топонимическом архиве Финляндии в Хельсинки. Он создан в 1943 году, во время финской оккупации Карелии. Известно, что в военные годы существовала специальная программа финского военного командования по сбору на оккупированной территории топонимического материала. Такая работа велась с целью перевода на финский язык российских военных карт. Поэтому упор в сборе по понятным причинам был сделан на ойконимы (наименования населенных мест) и гидронимы (названия озер и рек), которые в первую очередь отражены на военных топографических картах. Из объектов орографии в сферу внимания попадали также названия болот и возвышенностей. Сбор проводился с использованием российских военных карт, опрашивались местные жители, оказавшиеся в оккупации. В Топонимическом архиве Финляндии хранится несколько дневников, сравнивая которые можно видеть, что собиратели выполняли задание по-разному. Например, известный финский топонимист, собственно, основатель топонимики Финляндии Вильё Ниссиля, который защитил докторскую диссертацию по топонимии Вуоксы в Хельсинкском университете как раз в канун Зимней войны, добился специального разрешения командования собирать всю топонимию, а не только ту, которая попадает на военные карты. Другой известнейший в будущем финский лингвист Аулис Йоки, совершивший летом 1943 года две поездки на оккупированные территории Олонецкого перешейка, вначале следовал строго указаниям, но постепенно, видимо осознав лингвистическую и историко-культурную ценность материала, вышел в собирательской работе далеко за пределы ойконимии и гидронимии, его дневники второй поездки содержат многочисленные названия сельскохозяйственных угодий и другую микротопонию. В Сямозерье, включавшем и Вешкельскую округу, в сентябре 1943 г. работал собиратель по фамилии Кайло. Его информантами были мужчины, года рождения с 1878 по 1917, т. е. где-то 60-ти – 25-ти лет. К сожалению для нас, этот собиратель ограничил круг собираемого материала тем, который фиксируется на картах, т. е. населенные места и гидронимия. Но материал получается все равно обширный, поскольку в Вешкелице бесчисленное множество озер, а важным компонентом довоенной системы расселения были небольшие, подчас однодворные, деревни-хутора. Материал собран исключительно тщательно, в разнообразии вариантов, как фонетических, так и структурных. При этом все привязано к карте. Всего примерно 160 поселений (*Prokkoil, Meloila, Hoškoila, Paušoil, Bul'a*) и 140 озер (*Maimulambi, Mul'uganjärvi, Ahvenjärvi, Mustujärvi, Tagalambi, Padaniekkoinjärvi*).

Подводя итог сказанному, отмечу, что привлечение архивного материала чрезвычайно полезно для ономастического исследования. Он дает возможность значительно пополнить полевые данные, уточнить звучание топонима, расположение названных объектов, что в конечном итоге исключительно важно для этимологии.

Литература

Афанасьева 2013 – Афанасьева А. А. История села Вешкелица в географических названиях // Краеведческие чтения. Материалы VII научной конференции (13–15 февраля 2013 г.). <http://library.karelia.ru/cgi-bin/library/file.cgi?id=873>.

Hakulinen 1968 – Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968.

Kiviniemi 1990 – Kiviniemi E. Perustietoa paikannimestä. SKST 516. Helsinki, 1990.

Заонежская лексика в творчестве Росликовой В. И.

Росликова Валентина Ивановна – жительница посёлка Ламбасручей Медвежьегорского района, 1955-го года рождения. Детство провела в деревне Пегрема. Имеет средне-специальное образование. Работала клубным работником, поваром-кондитером в школьной столовой, сейчас находится на пенсии. Пишет стихи и прозу на заонежском диалекте. Большое влияние на формирование личности Валентины Ивановны оказала её семья, в особенности – бабушка Марья Фёдоровна Моисеева и Алёна Трофимовна. Всю жизнь они жили в Заонежье, говорили на местном диалекте, знали множество слов, характерных для данной территории. В частности, бабушка Алёна Трофимовна знала много причетов, и её часто звали на свадьбы, на отпевания покойников и т. д. Валентина Ивановна с самого рождения слышала заонежскую речь, впитывала в себя особенности данного диалекта.

На будущую народную поэтессу повлияло творчество Вячеслава Алексеевича Агапитова, который тоже родом из Заонежья и пишет на своём родном диалекте.

Нами было проанализировано 16 стихотворений Валентины Ивановны: «Причет», «Детство», «Ироническое», «Кауни», «Монолог соседки», «Письмо в город», «Бывальщинка», «Пулеваста старуха», «Сон», «Заонежский шансон», «Сёстре», «Ироническое 2», «Монолог старой рыбачки», «От троицы до духа», «Приторомко», «Монолог одинокой девушки». Стихотворения в основном состоят в форме монолога, и каждое из них создаёт определённый образ. Есть произведения в форме причетов.

В стихах отражены различные фонетические и морфологические особенности заонежского говора. В лингвистической науке существуют работы, посвященные разным аспектам изучения говоров. Первостепенное значение в изучении фонетики имеет работа В. В. Колесова «Фонетические условия заонежского якания». В морфологии – работы Н. И. Скуратовой о некоторых особенностях в склонении местоимений и имён прилагательных в говорах Заонежья. Фонетические черты можно выделить такие, как: перетяжка ударения на первый слог под влиянием прибалтийско-финских языков, например:

То\ ли я ня\ могу, то\ ли мни ле\нь-
С ве\чера ля\гу, а про\снусь — уж де\нь.
Но\чью не спи\тся , а днём — не могу\,
Не пожала\ешь тако\е врагу\.
(«Ироническое»).

Среди морфологических черт можно выделить такие, как употребление сокращённых форм: тя, мня, те:

«А, каза\лось, бо\леть чёго?

У\мня всё ведь на поря\дке:

Пу\сть бога\тства не\ту мно\го,

Де\нег нет — стихи\ в тетра\дке..» («Кауни»)

Формы в родительном и винительном падеже на ого:

«Лю\ди до\бры, помоги\тя,

Мне\ка ёго не нево\литель,-

Ко\го слу\хать? ку\да и\дти?-

Мо\жа в ле\си? Мо\жа в по\ли?» («Причет»)

И некоторые другие черты.

Заонежская лексика в исследуемых нами произведениях Валентины Ивановны, представлена достаточно ярко: в 16-ти стихотворениях мы насчитали 60 слов. Можно выделить тематические группы слов:

1. Слова, относящиеся к человеку: полоро\тый, шлепёра, растапёра, пу\леваста, солоще\й, лявзу\нья, замо\йка...

2. Слова о природе и погодных условиях: ли\стижить, се\верик...

3. Слова о временных рамках: досу\льня, о\намедь, ну\ньку, ло\ни, па\бедье...

4. Слова, связанные с сенокосом: за\колье, нави\льник, стожа\рь...

5. Глаголы: ли\вкать, фурни\чить, у\дновать, обрё\псаться, наве\сить...

6. Слова, обозначающие чувства человека: нет тя\му, то\сня, при\торомко.

Подробнее остановимся на лексике, относящейся к человеку. Например, слово шлепёра ‘бестолковая, растяпа’:

«Ой, я глу\па, полоро\та,

Сра\зу ви\дать, что шлепёра,

На\доть ли винить кого-то,

Ко\ли са\ма растапёра...» («Монолог одинокой девушки»). Ни в одном словаре этого слова не зафиксировано. Вероятно, возникло из слов таких, как шлёпайда и шлёпа ‘неловкий, неуклюжий неаккуратный человек, растяпа’ ладого-тихвинской группы говоров, Лод., Чуд. (СРГК 6; 887).

Синонимом является слово растапёрый ‘рассеянный человек’, которое также не зафиксировано в говорах: «На\доть ли вини\ть кого-то, коли са\ма растапёра!» («Монолог одинокой девушки»). В Нижегородских говорах в этом же значении есть однокоренное слово растопа\ха. (СРНГ 34; 262). В свердловских говорах зафиксирован глагол растопе\рить в значении ‘неуклюже расставить в разные стороны (руки, пальцы и т. д.)’ [СРНГ 34; 263]. Можно говорить о том, что слова шлепёра и растапёра являются диалектными авторскими поэтическими неологизмами.

Слово лявзу\н ‘болтун’:

«Собирай свои рибанья,

Ливкай, покуль рёбра целы!

Хватит нюни, до свиданья!

(Быдто нету боле дела –

Слухать пьяну вераницу,

Нетверёзую ляззунью!» («Монолог соседки»).

В этом же значении слово ляззу\н зафиксировано в пудожских и новгородских говорах, однокоренное слово ля\взять в прионежских и медвежьегорских говорах. (СРНГ 17; 252).

Простоды\ра ‘наивный человек’:

«Вот ведь, шку\ра бараба\нна,

До\лю ль ма\нить простоды\ру...?

Знать бы, что любовь обманна,

Не пошла бы на квартиру» («Монолог одинокой девушки»).

Слово зафиксировано в южно-русских говорах в значении ‘чересчур добрый человек, простофиля’ Краснодар., Перм. (СРНГ 32; 245).

Из группы слов, характеризующих погоду, рассмотрим глагол ли\стижить ‘покрываться тонкой коркой льда’:

«Здра\вствуй, сёстра!

За\береги вста\ли,

На Оне\ге ли\стижит давно

И земля\ замёрзла, вся в крокальях

Дует ветер се\верик в окно». («Сёстре»).

Слово ли\стижить не зафиксировано в словарях. Вероятно, оно образовалось от однокоренного ему слова ли\стеж ‘недавно появившийся лёд’, зафиксированного в медвежьегорских и пудожских говорах. В этом же значении в прионежских говорах известны слова ли\стега и ли\стежки (СРГК 3; 128, СРНГ 17; 65).

Валентина Ивановна также образует и новые слова. Например, слово пармачи\нный ‘вой оводов’:

«Ста\ра по\женка. Остра\мок

С прошлого\днею траво\й.

На поко\се спозара\нок

Пармачи\нный слы\шен вой». («Детство»).

Слово пармачи\нный не обнаружено ни в одном словаре. Видимо, оно образовано по аналогии с соловей – соловьиный.

Слово всамоде\льщина также можно считать новым словом.

Стихотворения Валентины Ивановны печатались в интернет-газете «Лицей» в 2013-м году, в сборнике «Федосовские чтения – 2009», в сборнике поэтических произведений, посвящённых 200-

летию победы России в Отечественной войне 1812 года, «И будет помнить вся Россия» в 2013-м году, в газете «Медвежьегорские вести», в «Кижской» газете, в газете великогубского поселения «Наши вести» и др. Выступала на радио Карелия. Победительница республиканских и районных литературных конкурсов, участница конференций, участница проекта «Народные мемуары» музея Кижского озера. Её произведения вызывают положительные отзывы у профессиональных писателей, литературоведов, учёных.

Список использованной литературы

1. Колесов, 1975 – *Колесов В. В.* Фонетические условия заонежского «яканья» // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. – М., 1975. С. 53–58.
2. Скуратова, 1962 – *Скуратова Н. И.* Некоторые особенности в склонении местоимений заонежского говора // Лингвистический сборник. Вып. 1. – Петрозаводск, 1962. С. 46–53.
3. Скуратова, 1979 – *Скуратова Н. И.* Склонение имен прилагательных в говорах Заонежья // Севернорусские говоры. Вып. 3. – Л., 1979. С. 16–20.

Список использованных словарей

6. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. – СПб., 1994–2005. Т. 1–6.
7. СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Л.-М., СПб., 1965–2005. Т. 1–41.

Родословная как ономастический и лингво-исторический источник

Исследование семейной родословной, к которой в последнее время обращаются на разных уровнях, является уникальным многофункциональным источником. Так, выявление родственных корней, связей позволяет составить летопись семьи в исторической ретроспективе. А анализ имен, модификаторов имен, фамилий родственников и даже домашних имён и прозвищ – это ономастическая и лингвистическая составляющая данного исследования.

Родословную своей семьи я и мой муж – Алексей Печёрин, выпускник-историк – начали составлять в 2011 году. В нашей совместной работе Алексей отвечал за исторический аспект, я – за лингвистический.

В 2011 г. он слушал курс по выбору «Имя в мировой культуре», где одним из зачетных заданий было составление генеалогического древа семьи. В этом году я, после близкого по теме спецкурса по региональной антропонимике, подвела некоторые итоги нашей работы и еще раз взглянула на нашу генеалогию под ономастическим и лингвистическим углом.

Возможно, наша родословная не такая глубокая во временном плане и не такая широкая в плане родственных связей, но каждый член генеалогии нам дорог, и почти всех мы постарались узнать в лицо.

Летопись моей семьи мы начали с самого маленького члена нашей семьи - сына - Печёрина Марка Алексеевича, он продолжатель рода Печёриных, для него, для наших будущих потомков, для всех родственников и была сделана эта работа.

Прежде всего, мы обратились к семейным архивам обеих семей – это различные официальные документы (свидетельства о рождении, смерти, церковные документы о крещении), фотографии, письма, книги, журналы, газетные статьи, где содержалась информация о наших родственниках, воспоминания самих родных, которые передавались из поколения в поколение.

Как видите, материалов оказалось много, но они не были систематизированы. Поэтому основную задачу мы видели именно в этом – систематизировать семейный архив, скрупулёзно собрать данные обо всех членах семьи, выяснить корни наших предков.

Большую часть информации предоставили родители моего мужа – Печёрины Игорь Юрьевич и Ольга Львовна, с моей стороны – родная тетя, Метелькова Светлана Владимировна, сестра моей мамы, Титковой Ирины Владимировны.

Вместе с ними по крупицам восстанавливали историю нашей семьи, которая оказалась, как и большинство семей нашей родины, многонациональной.

Ветвь моей семьи по преимуществу славянская. В ней переплелись русские и украинские корни. А вот в родословной Алексея – тесное переплетение русских и финских корней. Безусловно, это отражение процессов миграции, которые были свойственны некогда Советскому Союзу, когда в Карелию на работу приезжали люди из разных концов России и из бывших республик. Так создавался своеобразный этнический колорит ономастического Карелии, региона, где финны, карелы, вепсы и русские еще до образования СССР мирно общались между собой.

Мне, выросшей в русской среде, было очень интересно познакомиться с мемуарами Кивеяса Аарне Францевича – одного из организаторов физкультурного движения в Карелии. Он родился 27 марта 1902 г. в Хельсинки в семье рабочего¹. В 1918 г. (в 16 лет) красногвардейцем участвовал в финской революции, работал в подполье, был заключенным концлагеря в Финляндии. Бежал в СССР, так как на его Родине – Финляндии – мог подвергнуться репрессиям.

Интересен тот факт, что большинство наших родственников из Финляндии мигрировали в Карелию. Судьба этих миграций разнообразна. Пожалуй, самым неожиданным для меня стало родство с Отто Вильгельмовичем Куусиненом, который, как известно, был финским и советским политическим деятелем, писателем, теоретиком марксизма, членом Академии наук СССР. В 1918 г. Отто Куусинен был одним из высших лиц (уполномоченный по делам просвещения) в Народном Совете Финляндии Советского Союза. Когда стало очевидно, что война будет проиграна, бежал в Россию.

Безусловно, такие факты семейной истории заставляют взглянуть на историю России, на процессы, происходившие в ней, под другим углом зрения: не отстраненно. Появляется некая сопричастность, которая помогает и заставляет разбираться в фактах истории, причинах происходивших событий.

Теперь об ономастической части нашей родословной, исследование которой позволило увидеть, что каждое имя также хранит в себе историю страны, историю народа.

Фамилии. Как известно, фамилия – наследственное имя семьи. Ее изучение позволяет полнее представить исторические события последних столетий, равно как и историю науки, литературы и искусства. История фамилии — своего рода живая история. Ошибочно думать, будто это относится только к фамилиям выдающихся людей — история трудовых семей ничуть не менее интересна. Фамилии рядовых людей позволяют, например, проследить маршруты больших и малых миграций. Хочу представить некоторые, наиболее интересные, на мой взгляд, фамилии нашего рода.

Печёрин. Фамилия **Печёрин** образована от прозвища **Печёра**, к которому присоединился патронимный формант –ин. По поводу происхождения этой фамилии имеется несколько версий: 1) прозвище **Печёра**, которое стало основой фамилии, вероятнее всего, было дано человеку, прибывшему с Печеры; 2) есть еще одна версия: прозвище было связано с диалектным нарицательным **печорье**, ко-

¹ Недавно в Карелии торжественно отметили 110 лет со дня его рождения.

торое в калужских говорах имеет значение ‘дерн, луговина, мурава’, а в псковских – ‘запеченный, затвердевший пласт’². Однако мотив именования не понятен.

Наиболее предпочтительной представляется первая версия, связывающая фамилию и гидроним Печора, — река в республике Коми и Ненецком автономном округе. И мы решили заодно поинтересоваться происхождением названия реки. В Словаре Е. М. Поспелова отмечено, что, по одной из гипотез, река получила название по упоминаемому в летописи племени **печера, печора**, некогда жившему на ее берегах. Этноним **печора**, возможно, образован от ненецких основ **пэа- (пэ-)** – ‘лес, лесной’ и **чер- (чера-)** – ‘житель, обитатель’ и, таким образом, переводится как ‘лесной житель’³. По другой версии, название реки первично и имеет очень древнее происхождение и не может быть объяснено ни из одного известного сейчас языка. А в известном этимологическом словаре М. Фасмера отмечается, что название связано с обилием пещер вдоль ее берегов⁴. Но Е. М. Поспелов считает такую точку зрения ошибочной⁵.

Ширшнёв. Фамилия Ширшнёв можно утверждать, является довольно уникальной на территориях России и соседних стран. В летописных записках жители с этой фамилией относились к высшему обществу из славянского новгородского купечества в 15–16 в., имевшего существенную царскую привилегию. Первые свидетельства фамилии можно увидеть в реестре переписи Древней Руси во времена Иоанна Грозного. У царя хранился специальный реестр привилегированных и приятно звучащих фамилий, которые вручались придворным только в случае похвалы или награды. Вследствие чего указанная фамилия сохранила свое начальное значение и является уникальной⁶.

А восходит эта фамилия к слову **шершень** – ‘крупное насекомое из семьи ос’. Загадкой остается истинный мотив появления прозвища **Шершень**. Отмечу лишь, что стоит это прозвище в ряду таких, как **Муха, Пчела, Комар** и некоторых других, которые оказались впоследствии в ряду фамилий, восходящих к названиям насекомых.

Мустонен. Не секрет, что фамилия – это не просто официальное именование отдельного лица или отдельной семьи, но и исторический источник, хранящий память о предках человека. В старину представители образованной знати очень трепетно относились к истории своего рода и гордились длинными родословными. Временами даже случалось, что некоторые семьи выстраивали фантастические генеалогии, желая доказать древность и иностранные корни своего рода. Тем не менее этимология некоторых фамилий финского происхождения установлена с достоверностью.

Фамилия **Мустонен** (в финском написании **Mustonen**) образована от прозвища **Мусто (Musto)**, которое восходит к финскому прилагательному **musta** – ‘чёрный’. Скорее всего, такое прозвище ука-

² Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. Вып. 26. Л., 1991. С. 349: http://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng_26.pdf. Выпуск 26.

³ Поспелов Е. М. Школьный топонимический словарь. – М., 1988. С. 153.

⁴ М. ФАСМЕРА, Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т 3 // Пер. с нем. И доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. С. 256

⁵ Поспелов Е. М. Указ. соч. Там же.

⁶ <http://www.onomastikon.ru/proishogdenie-familii-shirshnev.htm>.

зывает на внешние особенности предка: прозвище **Мусто** мог получить человек со смуглой кожей, чёрными волосами или тот, кто носил тёмную одежду.

Лица с прозвищем Муста и фамильным прозвищем **Мустонен (Mustonen)** отмечены в документах Карелии. Мы благодарим И. А. Кюршунову, которая предоставила нам данные о фиксации этих антропонимических единиц в документах Кексгольмского лена: 1618 - **Musta** Mauno, Terfwa iärfwi, Kiriansk Bohåråditzk pogost; Matti **Mustonen**, Suistamo Pogost; Simana **Mustonen**, Suistamo Pogost; Mons Olsson Musta, Kiriansk Bohåråditzk pogost; 1631 – Anders Mustoin, Iougio Pogost; Brusi Mustapä, Sordowala pogost; Jons Mustoin, Pyhäjerffnoj Pogost; Matz Mustoinen, Sauolain bobull, Kiteis Pogost; Simana Mustoin, Pelisjerfwi Pogost⁷.

Отметим, что фамилия **Мустонен**, как и большинство финских фамилий, оканчивается суффиксом притяжательных прилагательных **–нен**. Ей в русской ономастической системе соответствует фамилия **Чернов**.

Фамилия **Кивьякяс**. Она расшифрована частично. Фамилия состоит из двух частей. Первая часть могла быть связана с финскими словами или **kiva**, или **kivi**, или **kivä**. При этом в финском языке **kiva** – 'сильный, крепкий и здоровый', **kivi** – 'камень', а часть **kivä** – находим в составе слов, обозначающих ружье, винтовку. Вторая часть этой фамилии восходит к компоненту **käs-**, и наиболее близким нам показалось слово **käsi** 'рука'. Буквальный перевод **Кивьякяс** – это сильная рука или каменная рука, что в общем-то соответствует фамилии человека, успешно занимавшегося спортом.

Теперь также кратко о личных именах нашей семьи.

Список женских и мужских имён многообразен.

Женские имена	Мужские имена
Айно	Аарне
Алевтина	Александр
Алёна	Алексей
Анастасия	Андрей
Анна	Аркадий
Арина	Арсик
Валентина	Борис
Виктория	Вадим
Виталина	Виктор
Галина	Владимир
Диана	Гавриил
Екатерина	Денис
Елена	Дмитрий

⁷ Кюршунова И. А. Ономастикон Карелии донационального периода. Электронная база данных.

Елизавета	Евгений
Ираида	Ефим
Ирина	Иван
Клавдия	Иорма
Людмила	Константин
Марина	Лев
Мария	Леонид
Надежда	Максим
Наталья	Марк
Неля	Мартти
Нина	Михаил
Ольга	Никита
Полина	Николай
Раиса	Олег
Светлана	Отто
Тайна	Павел
Татьяна	Пётр
Терту	Сергей
Херта	Степан
Эмма	Фёдор
Юлия	Филипп
Яна	Франц
	Юрий

Интересно было выяснить этимологию имен, опираясь на данные словаря Н. А. Петровского: имена греческие – **Алексей** (‘защитник’), **Екатерина** (‘чистая, непорочная’), **Марк** (‘молот’), **Лев** (‘лев’), имя **Юрий** восходит к имени греч. происхождения **Георгий** (‘земледелец, землетружник, земле-работчик’); латинские – **Юлия** (‘волнистая, пушистая, кудрявая’), **Валентина** (‘здоровая, сильная, быть здоровой’), древнееврейские – **Михаил** (‘подобный Богу’), **Гавриил** (‘божественный воин’); скандинавские – **Игорь, Ольга**⁸.

Загадочным для исследователей имен собственных является имя **Борис**⁹. По одной гипотезе – имя **Борис**, скорее всего, славянского происхождения, это сокращенный вариант имени **Борислав**. В нём можно выделить корни **бор-** (‘борьба, бороться’) и **слав-** (‘слава’), то есть буквально: **Борис** – это борющийся за славу. По другой гипотезе, высказанной еще И. Г. Добродомовым, имя **Борис**

⁸ Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 2000.

⁹ Гипотезы представлены в работе Валеев Г. Антропоним Борис как свидетельство древних тюрко-славянских контактов // Вестн. Челябин. Ун-та. Сер. 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. Челябинск, 2003. № 1. С. 224–238.

происходит от имени **Богорис** — так звали болгарского царя, который крестился в 864 г. и ввел христианство в Болгарии¹⁰.

Имена наших финских родственников – **Отто, Вильгельм, Франц, Аарне** – приняты в католическом и лютеранском ономастиконах. При этом имя **Аарне** – это измененное немецкое имя **Арнольд**, где **arn, aro** ‘орел’ + **waltan** ‘царить, господствовать’, немецкими по происхождению являются и имена **Вильгельм** (где **will** ‘воля, желание’ + **helm** ‘шлем’), **Отто** (из др.-герм. **auda, odo** ‘богатство, собственность’), а имя **Франц** от **Франциск** из латинского, что значит ‘относящийся к франкам’ (германскому племени, отразившемуся в слове Франция)¹¹.

Интересными были и поиски производных от имен. Приведу только примеры, связанные с именем сына **Марка**. В соответствии с данными, представленными в «Словаре народных форм русских имён» А. В. Суперанской¹², их достаточно много: **Марák, Маракáс, Маракáт, Маракúй, Маракúля, Маракúуша, Марákша, Марáха, Марахóта, Марáхта, Марахюта, Марáч, Марáчко, Марáш(а), Марáшка(ко), Маргáс, Маргáч, Мáргий, Маргó, Маргóй, Маргúлец и Маргулéc, Маргúль, Марей и Марей, Марк, Марёк, Марик, Маркан, Маркас, Маркач, Мáркава, Маркей, Маркец и Маркец, Маркий, Маркис, Марко, Маркова, Марковóй, Маркóс, Маркуль и Маркуль, Маркуня, Маркусёнок, Маркусъ, Маркусъка(ко), **Маркуся, Маркуха, Маркуша**, Маркушка(ко), Мароха, Марочка, Марош, Мароша, Марошка, Маруг(а), Марук(а), Мархас, Мархат, Мархаш, Мархий, Марчик, Марчук, Марш, Маршо, Маршук, Марыга, Марыган, Марыка, Марыш, Маря¹³. Добавим неучтенные А. В. Суперанской образования: **Мася, Мартуся, Туся, Мара, Мака**.**

В небольшой статье удалось осветить лишь часть проделанного исследования. Но сколь большой ни была бы работа с генеалогией, именами родственников, со временем она будет, безусловно, пополняться. Нам важно знать о судьбах своих родных, которые строили будущее, верили, любили и жили ради нас! Это наша большая семья.

¹⁰ Добродомов И. Г. Из болгарского вклада в славянскую антропонию (к этимологии имени Борис) // Антропонимика. М., 1970. С. 229–236.

¹¹ Справочник личных имён народов РСФСР / Под ред. А. В. Суперанской (отв. Ред.). – 3-е изд., испр. – М.: Рус. Яз., 1987. С. 294–295, 308–311; а также электронный ресурс: <http://kurufin.ru/html/finnish.html#2>.

¹² Суперанская А. В. Словарь народных форм русских имён. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 190–195.

¹³ Выделены модификаты, которые мы слышали в реальной жизни.

Образы растительного мира в русских народных сравнениях

Сравнения помогали древнему человеку ориентироваться в окружающей действительности. Незнакомое, новое, малопонятное он сопоставлял, сравнивал с тем, что было для него хорошо знакомым и объяснимым. Неслучайно сравнение является одним из способов наименования предметов и явлений окружающего мира. Например, повозку, которую изобрели для передвижения по снегу, называли *сани*. Это слово восходит к общеславянскому *сань* – *змея*. Повозка оставляла два извилистых следа, словно проползли *сани* (*змеи*). Загнутые спереди гладкие брусья, на которых скользят сани, именуются *полозьями*, так как они будто ползут по поверхности. Волоски на краю глазного века называются *ресницами*, потому что они напоминают *бахрому* (общеславянское *рясна* – *бахрома*). Подобных примеров можно привести очень много.

Лингвистический интерес к русским народным сравнениям как логико-грамматическим структурам активизируется в 70–80 годах XX века. Появляются работы В. М. Огольцева¹, Л. А. Лебедевой², В. М. Мокиенко,³ в которых устойчивые воспроизводимые компаративные конструкции рассматриваются в системе фразеологии.

По мнению В. М. Огольцева, устойчивое сравнение способно фразеологизироваться, поскольку сравнение и метафора – близкие категории.⁴ Нередко термин «метафора» словари раскрывают через сопоставление со сравнением. Например, в «Словаре литературных терминов» под ред. Л. И. Тимофеева дается такое определение: «Метафора – это нерасчлененное сравнение, в котором усматриваются оба члена».⁵ Н. Д. Арутюнова отмечает, что при создании метафоры опускается компаративная связка (знак сравнения – союз) и вместе с ней основание для сравнения (***Вы неуклюжи, как медведь*** – ***Вы медведь***).⁶

В. М. Огольцев полагает, что «живой процесс взаимоперехода устойчивых сравнений и фразеологизмов проявляет историческую тенденцию к постепенному закреплению устойчивого сравнения в собственно фразеологическом употреблении»: ***как с цепи сорвался – с цепи сорвался, как с луны свалился – с луны свалился, как блудный сын – блудный сын, словно кот заплакал – кот заплакал***.

¹ Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 159 с.

² Лебедева Л. А. Постоянные сравнения русского языка (справочное пособие). – Краснодар: Краснодарский ун-т, 1975.

³ Мокиенко В. М. Славянская фразеология – М.: Высшая школа, 1980. – 207 с.

⁴ Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. – Л.: ЛГУ, 1978. – 160 с. – С. 59–60.

⁵ Словарь литературных терминов / Под. ред. Л. И. Тимофеева. – М., 1974. – С. 208.

⁶ Арутюнова Н. Д. Теория метафоры. – М., 1990. – С. 18.

Устойчивые словосочетания с переносно-образным, или суперсегментным компаративным значением, которые утратили связь со значениями слов, их составляющих, по В. М. Огольцеву, образуют класс так называемых идиоматических словосочетаний с разной степенью идиоматизации: *как в воду канул, как сидорову козу, собаку съел, как угорелая кошка, как банный лист, как на маланьину свадьбу, как на духу, как сирота казанская, гол как сокол, бледный как тень* и мн. др.

В. М. Огольцев считает, что устойчивые сравнения представляют собой «ту первую стадию, в которой формируются метафорические фразеологизмы, составляющие ядро собственно фразеологии».⁷

В научной литературе такие конструкции называются еще компаративными фразеосочетаниями.⁸

Основная часть русских народных сравнений представлена во фразеологических словарях, сборниках пословиц и поговорок, диалектных словарях. Эти языковые единицы не были описаны как самостоятельные устойчивые фигуры речи, так как не было полного словаря сравнений.⁹ В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина проделали колоссальную работу по извлечению сравнительных фразеосочетаний из массы словарей и картотек. В результате вышел в свет «Большой словарь русских народных сравнений» (2008)¹⁰, содержащий более сорока пяти тысяч компаративов, и появилась возможность рассмотреть значение и логико-грамматическую структуру этих устойчивых языковых единиц.

Выразительные возможности сравнения вытекают из ее компонентного состава – объекта сравнения, субъекта, общего признака сравнения, показателя сравнительного отношения: *Он лохматый как леший*. Первый компарат (объект сравнения) – слово *он*, второй компарат (субъект сравнения) – *леший*, признак сравнения – *лохматый*, показателем сравнительного отношения является союз *как*. Объектный компарат является переменной составляющей и не входит в состав устойчивой структуры (*он, ты, прохожий, сосед, знакомый, брат* и др.), в то время как субъектный компарат является обязательным: *как стрела, как полотно, как русалка, как ужасленный*. Словесное выражение базового признака сравнения квалифицируется как сопроводительное слово: *быстрый как стрела, бледный как полотно, красный как рак*.

Субъектный компарат может быть выражен именем существительным в именительном падеже (словно *бука*, как *репей*, будто *черт*, как *камень*), субстантивированным прилагательным (как *глухой*, как *слепой*, как *нищий*, как *сонный*), предложно-падежными формами (как *по команде*, как *в раю*, как *в лесу*, как *на пожар*).

Помимо союзов *будто, словно, как, как будто* в функции реализаторов компаративных отношений выступают также формы творительного падежа имен существительных и винительного падежа с

⁷ Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. – Л.: ЛГУ, 1978. – 160 с. – С. 77.

⁸ Шемякова Т. В. Компаративные фразеосочетания в языковой картине мира XVIII века // Мир языка. Материалы международной научно-практической конференции. – Алматы, 2002. – С. 284–288.

⁹ Мокиенко В. М. Предисловие // Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». – 2008. – 800 с. – С. 6–7.

¹⁰ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». – 2008. – 800 с.

предлогом **в** (значение качественного признака), выражающих второй компарат: **петь соловьем, выть волком, лежать пластом, разнести в пух.**

Слова-сопроводители отличаются относительной устойчивостью, поскольку они могут или заменяться другими словами компаративно-синонимического ряда, или опускаться: **вертеться (крутиться, метаться) точно бес; смотреть (глядеть, таращиться) как водяной, точно бука, как черт.** При одном и том же сопроводительном слове могут быть семантически близкие устойчивые компоненты сравнения: **жить одиноко, отчужденно как медведь, барсук, бирюк, волк, крот; бледный как бумага, как мрамор, как смерть, как полотно, как снег.**

В компаративной структуре встречаются факультативные компоненты (термин В. М. Огольцева), которые поясняют, уточняют, конкретизируют значение устойчивого сравнения: **работать как заведенная машина, выросли словно грибы после дождя, красный как рак в горячей воде; как раб на галерах.**

В заголовках словарных статей словаря В. М. Огольцева¹¹ устойчивое сравнение репрезентируется лишь в виде сравнительной части его логико-грамматической структуры, которая отличается постоянством и неизменностью состава. В словаре сравнений В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной компаративы представлены не только субъектным (ядерным) компонентом с реализатором сравнительных отношений, но и конструкциями с сопроводительным словом, выражающим общий, базовый признак сравнения.

Таким образом, устойчивые компаративные фразеосочетания – это особый разряд образных сравнений, являющихся единицами языковой системы. По В. М. Огольцеву, свободное сравнение выражает единственный в своем роде признак предмета, который дан в непосредственном ощущении, и выступает как средство выражения восприятия, а устойчивое сравнение содержит индивидуально-обобщенный признак предмета и характеризуется как фразеологическая единица с целостным компаративным значением.

Тематика устойчивых компаративов отличается разноаспектностью, поскольку в них отражается жизнь человека во всем ее многообразии. Наблюдения показывают, что ядро многих народных сравнений – это образы домашних и диких животных (**как бык, как волк, как лиса, как кошка, как собака, как черепаха**), насекомых (**как муха, как паук, как мотылек, как клещ**), растений (**как дуб, как тополь, как трава, как капуста, как цветок**); в качестве субъектных компаратов широко представлены фольклорные и мифологические персонажи (**как черт, как Баба-яга, как Кащей, как бес, как волосан, как кикимора, как русалка, как леший**).

Жизнь древнего человека была тесно связана с природой, поэтому образы растительного мира часто встречаются в народных сравнениях. Это деревья, цветы и травы, овощные культуры, которые выращивались на крестьянских полях.

¹¹ Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). – М.: ООО Русские словари: Астрель: АСТ. – 2001. – 800 с.

Следует отметить, что семантика и структура компаративных фразеосочетаний с лексикотематическим субъектным компаратом *овощи* не привлекали внимания лингвистов. Думается, что эта тема вызывает определенный интерес, так как указанные сравнения дают представление о традиционных сферах жизни и деятельности русского крестьянина.

В фокусе нашего внимания будут сравнительные конструкции с субъектными компаратами *репа, свекла, капуста, картофель*.

1. Репа.

Репа считается одной из самых ранних овощных культур, возделываемых на Руси. Она издавна была известна не только славянам, но и другим народам.

Древние греки хорошо знали репу, но ставили этот овощ несколько ниже, чем свеклу. Когда в храмах приносили жертвы Аполлону, то свеклу несли на серебряном блюде, а репу – на оловянном¹².

Персы считали репу пищей рабов, а египтяне кормили ею строителей пирамид. Римляне выращивали огромные корнеплоды, которые нередко достигали пудового веса.

До появления картофеля репа употреблялась в пищу и другими народами. Неприхотливость этой культуры позволила ей продвинуться далеко на север Европы – к шведам и норвежцам.

Однако ни один народ так не ценил репу, как русские, поэтому она называется истинно русским овощем. До XIX века репа была так же востребована, как в настоящее время картофель. Благодаря способности к длительному хранению, она круглый год употреблялась в пищу. Сеяли репу повсеместно, даже на Валааме и Соловецких островах. Участки, на которых производили посевы, называли *репищами*. О них упоминается в исторических хрониках и летописях, купчих грамотах.

Репу ценили за высокую урожайность и приспособляемость к разным климатическим условиям. В народе говорили: «В землю крошки, а из земли лепешки». Наряду с хлебом и крупами этот овощ был основным продуктом питания и стоил дешево. Отсюда такие фразеологизмы, как *проще пареной репы, дешевле пареной репы*.

Репа служила основным профилактическим средством: спасала крестьянских детей от рахита, заболеваний костей и крови. Редкий овощ может сравниться с листьями репы по содержанию кальция. В народной медицине отвары из репы применялись как отхаркивающее и мочегонное средство.

Следует отметить, что в Англии и в настоящее время смесь соков листьев репы, моркови и одуванчиков считается эффективной для укрепления зубов и костных тканей организма.¹³

Образ репы – круглой, крепкой, белой, сочной – выступает в качестве субъектного компарата целого ряда русских народных фразеосочетаний.

С репой традиционно сравнивается красивая, белокожая, крепкая и здоровая девушка или молодая женщина, полная жизненной силы и энергии: *как ядреная репа*.¹⁴ Признаком сравнения является

¹² Ковалев В. М., Могильный Н. П. Русская кухня: традиции и обычаи. – М.: Сов. Россия, 1990. – 256 с. – С. 137.

¹³ Ковалев В. М., Могильный Н. П. Русская кухня: традиции и обычаи. – М.: Сов. Россия, 1990. – 256 с. – С. 138.

¹⁴ Здесь и далее сравнения даются по указанному выше «Большому словарю русских народных сравнений» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной.

слово **ядренный**, которое в современном русском языке имеет несколько значений: *твердый, плотный, хорошего качества (об овоще или фрукте); крепкого телосложения, здоровый (о человеке); свежий, бодрящий (о воздухе)*.¹⁵

Если девушка была небольшого роста или ее внешность вызывала восхищение, то ядерное слово употреблялось с диминутивным суффиксом **-к-** – **репка**:

бела и кругла как мытая репка;

девка что репка;

кругла девка как репка;

кругла как мытая репка;

хороша девка как мытая репка.

Сопроводительные слова, содержащие базовые признаки сравнения, помогают выделить те качества субъекта, которые характеризуют объект: **бела и кругла**. Факультативный компонент **мытая** уточняет свойство ядерного компарата **репка**, вызывая представление о чистоте и свежести.

Каждое из этих сравнений в словаре В. М. Мокиенко снабжено стилистическими пометами: *шутливое, одобрительное, ироническое*.

Образ репы помогает дать портретную характеристику человеку.

Лицо репа репой – так иронически говорят о девушке с очень круглым, полным лицом или одобрительно о физически здоровом человеке.

Как из репки (репочки) вырезанный – это фразеосочетание характеризует человека с чистым, белым, приятным лицом.

Голова как репа – круглая, с короткими светлыми волосами или безволосая.

Голова чиста как репа – круглая, с чистыми пушистыми волосами

Зубы как репа(ы) – крупные, крепкие, белые; **зубы как репки** – небольшие, но белые и крепкие.

Глаза репой – большие, навывкате, круглые глаза.

С помощью компаративов оценивали поведение человека, его отношение к труду, умение выполнять ту или иную работу, быть полезным.

О ленивой девушке, которая в поле или на огороде работала медленно и неохотно, а также о малоподвижной женщине говорили: **Сидит как репа в грядке**.

Важно и самодовольно сидящий человек напоминал репу: **Сидит как мытая репа**.

Если в поведении или речи кого-либо замечали отклонение от нормы, то над ним смеялись, **как над синенькой репкой** (синий цвет репы считался аномальным явлением).

Болтливый человек **говорил как репица в казане** (котле) – долго и надоедливо.

Из него ровно как из репы гужи – так отзывались о человеке, не умеющем выполнять обычную крестьянскую работу. Гужи – часть конской упряжи, они представляли собой петли из толстого сы-

¹⁵ Словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – Т. 4. – М.: Русский язык, 1988. – 796 с. – С. 779.

ромятного ремня, которые крепились к хомуту и предназначались для вдевания оглобелей.¹⁶ В основе сравнения лежит признак непригодности, бесполезности.

Образные сравнения с субъектным компаратом *репа* (*репка*) подчеркивали элементарность выполнения какого-либо действия, простоту восприятия чего-либо:

делать как репку грызть;

ясно (понятно) как репа.

Когда речь шла о чем-то незамысловатом, легко объяснимом, исполнимом, несложно решаемом, то говорили, что дело (решение, проблема, задача) *как пареная репа или проще пареной репы*. Очень дешевый и часто некачественный товар определялся компаративным фразеосочетанием *дешевле пареной репы*.

Чью-либо хорошую, здоровую и благополучную жизнь шутливо-одобрительно оценивали: *живет как репка*.

Количественно-именное словосочетание *много народу* часто заменялось синонимичным компаративом *как репы насеяно*. О множестве красивых, крепких, здоровых девушек шутливо говорили: *девок что репок*.

С репой сравнивали очень белую и крепкую округлую поверхность, например гриб-боровик с белой плотной мякотью и толстой короткой ножкой: *белый как репа*.

Большая белая ножка гриба напоминала большую репу – репину: *белая как репина*.

Для художественной резьбы и изготовления домашней посуды искали пригодную древесину, *как репа мягкую*.

Следует отметить, что логико-грамматическая структура устойчивых сравнительных оборотов с субъектным компаратом *репа* разнообразна:

- 1) сравнение репрезентируется в виде субъектного компарата с союзом (*как репа (репка)*);
- 2) представлено со словом-сопроводителем – признаком сравнения (*как репа мягкая*);
- 3) имеет факультативный компонент (*как репа в грядке*);
- 4) воспроизводимый компарат может быть не только одноэлементным, но и состоять из двух и более слов, представляющих собой семантически неразложимое словосочетание (*репа репой, проще пареной репы*);
- 5) встречаются сравнительные союзы *как, что, ровно как*;
- 6) переменный объектный компарат указывается только в случае ограниченного употребления: *девок что репок*.

2. Свекла.

Как свидетельствует список растений садов вавилонского царя Меродах-Баладана, где есть упоминание о листовой свекле, культурное возделывание этого овоща началось примерно за тысячу лет до нашей эры.¹⁷

¹⁶ Российский историко-бытовой словарь / Сост. Л. В. Беловинский. – М.: Российский архив, 1999. – 328 с. – С. 105.

Через полтысячелетия в Азии эта культура уже активно выращивалась, и в пищу употреблялись не только листья, но и корешки. Позднее и европейцы увидели в ней корнеплод.

Один из первых ботаников древности, философ и естествоиспытатель Теофраст (371–286 гг. до н. э.) в своих «Исследованиях о растениях» описал более пятисот видов растений, в число которых вошла и свекла.¹⁸ Ученый отмечает, что у свеклы корень толстый и мясистый, на вкус сладок и приятен, поэтому некоторые едят его сырым.

На Руси свекла стала известна с X века. Сведения о ней встречаются в «Изборнике» Святослава. Свеклу начали выращивать сначала в Киевском княжестве, а затем на новгородской и московской землях, далее в Польше и Литве.

Повсеместное распространение в России свеклы, как репа и капуста, получила в XIV веке, о чем свидетельствуют записи в приходно-расходных книгах монастырей, лавочных книгах и других документальных источниках того времени.

Центром выращивания свеклы была и до настоящего времени является Украина.

В русских книгах, посвященных растениям, можно найти немало сведений о целебных свойствах свеклы.¹⁹

В середине XVIII века немецкий химик А.Маргграф обнаружил в свекле сахарозу и предложил использовать этот овощ для производства сахара. Учеными был выведен специальный сорт с повышенным содержанием сахара.

В России сахарное производство освоили в начале XIX века, однако сахар по стоимости превосходил мед, и признания в народе не получил.

Красную (столовую) свеклу возделывали во всех регионах России, и она являлась обязательным овощем на крестьянском столе.

В русских народных сравнениях с субъектным компаратом **свекла** базовым признаком является цвет этой культуры – *темно-красный, бордовый, багровый, бурый*:

как свекла;

красен как свекла;

красна как свекла;

красный как свекла;

красная как свекла;

как красная свекла.

С помощью данных сравнений, как правило, характеризуется лицо человека, красный цвет которого является природным или ситуативно обусловленным: от жаркого или холодного воздуха, возбуждения, неожиданности, стыда, радости и т. д. Следует отметить, что эти фразеосочетания дают представление не только о лице человека, но и о других объектах предметного мира.

¹⁷ Ковалев В. М., Могильный Н. П. Русская кухня: традиции и обычаи. – М.: Сов. Россия, 1990. – 256 с. – С. 149.

¹⁸ Теофраст. Исследования о растениях. – Рязань: Изд. Александрия, 2005. – 560 с.

¹⁹ Ковалев В. М., Могильный Н. П. Русская кухня: традиции и обычаи. – М.: Сов. Россия, 1990. – 256 с. – С. 149–150.

Устойчивый компарат *свекла* в русских народных сравнениях с базовым признаком *красный* имеет целый ряд синонимов: *бурак, мак, пион, рак, маков цвет*.

Сравнение *бурый как свекла* в значении *бордовый, темно-красный, пурпурный*, как правило, не употреблялось при характеристике краснолицего человека, оно было применимо при образном определении цвета ткани, листвы, пятен, почвы и т. д.

Субъектный компарат может относиться не только к прилагательному, обозначающему признак, но и к глаголу, который является дериватом производящего слова *красный*: *краснеть как свекла* (становится красным, покрываться румянцем).

По данным словаря В. М. Мокиенко, в южно-русских говорах наряду со словом *свекла* употребляется синоним *бурак (буряк)*: *как бурак, красный как бурак, краснеть как бурак*.

С помощью сравнения с ядерным компонентом *бурак* оценивается человек, не блещущий умом: *глупый как бурак*.

О больших глазах с красноватыми прожилками говорят: *глаза как бураки*. По данным словаря, в этом случае синонимическая замена субъектного компарата на слово *свекла* не наблюдается.

Логико-грамматическая структура образных сравнений с ядерным словом *свекла / бурак* проявляет меньшее разнообразие, чем конструкции с компонентом *репа*. Здесь преобладают одноэлементные конструкции с сопроводительным словом, обозначающим признак сравнения. Переменный объектный компарат отмечается только в одном фразеосочетании: *глаза как бураки*.

3. Капуста.

Римляне почтительно относились к капусте, так как считали, что капуста выросла из капель пота Юпитера.²⁰

Такое же уважительное отношение к этой культуре было у древних греков. Известный ботаник и естествоиспытатель Теофраст в знаменитом труде «Исследования о растениях»²¹ подробно описал три сорта капусты, которые возделывали афиняне.

Особое внимание к капусте отмечается в средние века, когда ученый, философ, врач Ибн Сина (Авиценна) вслед за древнегреческими исследователями рассмотрел ее целебные свойства.

Полагают, что на славянские земли капуста пришла вместе с греко-римскими колонистами, проживавшими в Крыму и других районах Причерноморья. Одним из первых русских источников, в котором упоминается капуста, является «Изборник Святослава», датируемый 1073 годом.

Огороды с капустой буквально окружали русские поселения. Изобилие этой культуры в Московии удивляло иноземцев. Славяне употребляли капусту круглый год в сыром и квашеном виде, справедливо полагая, что она дает жизненные силы и энергию, излечивает от многих болезней.

В настоящее время насчитывается около 150 разновидностей капусты, но наибольшее распространение имеют белокочанная, краснокочанная и цветная. Если мы обратимся к современным ку-

²⁰ Ковалев В. М., Могильный Н. П. Русская кухня: традиции и обычаи. – М.: Сов. Россия, 1990. – 256 с. – С. 140.

²¹ Теофраст. Исследования о растениях. – Рязань: Изд. Александрия, 2005. – 560 с.

линарным книгам, то увидим, что этот овощ занимает почетное место на столах современных россиян.

В русских народных сравнениях с субъектным компаратом *капуста* базовыми признаками являются такие: круглый, шарообразный, с большим количеством сочных белых листьев, завитых в клубок.

Компаративные фразеосочетания с ядерным словом *капуста* нередко содержат оценку личностных качеств человека и его внешности, характеризуют действия.

О несообразительном, наивном или глуповатом человеке иронически говорили: *голова как капуста, наивный как капуста, простой как капуста*.

Белокожая красивая девушка вызвала представление о белокочанной капусте: *девка бела как капуста*.

Если на женщине, ребенке, реже – мужчине было надето много одежды, то их внешность ассоциировалась с капустой, состоящей из большого количества листьев: *одета / одет как капуста, укутанный как капуста*.

Важничающий, высокомерный человек, принимающий внушительный вид, напоминал капусту в траве: *пышаться (задаваться) как капуста в будяках (сорной траве, например, в чертополохе)*.

Человек, который бесполезно проводит время, никому не приносит пользы, *торчит как капуста на грядке*.

Люди, сидящие очень близко друг к другу, похожи на капусту: *расселись как капуста на грядке*.

Человек, который, сидя, занимает слишком много места на лавке, скамейке, топчане, *сидит как капуста на грядке*.

С капустой сравнивали сочную, питательную для животных траву (подорожник, клевер и др.): *как капуста*.

В устойчивых сравнениях с субъектным компаратом *капуста* наблюдаются конструкции, имеющие сопроводительный компонент со значением признака (*простой, наивный, бела, одет, укутанный*), действия / процесса (*сидеть, рассестись, торчать, пышаться*), переменные сопроводительные элементы (*девка, сидеть*), а также факультативные составляющие (*в будяках, на грядке*).

4. Картофель.

Существуют различные версии появления картофеля в Европе. Полагают, что в конце XVI века его завезли испанские мореходы из Южной Америки. Картофель был одним из основных продуктов питания аборигенов, обитавших в Андах (Боливия, Перу, Чили).²²

Население Европы с недоверием отнеслось к «земляным орехам», несмотря на усилия по его популяризации со стороны ученых Франции. С течением времени эта культура стала востребованной, и ее стали активно выращивать. В XVIII веке, когда западноевропейские народы уже культивировали картофель, россияне не хотели ее признавать, хотя Петр I прислал в Россию первую партию карто-

²² Ковалев В. М., Могильный Н. П. Русская кухня: традиции и обычаи. – М.: Сов. Россия, 1990. – 256 с. – С. 154.

феля и наказал разослать этот овощ по губерниям для выращивания. Екатерина II также не смогла заставить крестьян сажать картофель (земляные груши) даже в голодные годы.

В 1840–1842 годах правительство пыталось насильственно внедрить картофель, и в результате в Приуралье, Поволжье, на Севере неоднократно вспыхивали «картофельные бунты».

Признали эту культуру в России только во второй половине XIX века. Он стал продуктом, который стали употреблять все слои общества – и бедные, и богатые. В народе появилась пословица: *Картофель – хлебу подмога*. Сажали его в больших количествах во всех регионах России.

Кулинарная универсальность картофеля, сочетаемость со многими продуктами животного и растительного происхождения, целебные свойства снискали ему заслуженную славу.

В русских народных сравнениях отражены такие свойства картофеля: круглый, твердый, с темной кожурой, очищенный белый, плодовитый.

Субъектный компарат *картофель* выявлен только в трех фразеосочетаниях.

Сыпаться / насыпаться как картофель из мешка – так говорится о большом количестве неожиданно нахлынувших куда-либо людей или предметов.

Темный как картофель – определение предмета темного, бурого, серого цвета. Речь может идти о сильно загоревшем лице человека, коже на его руках и ногах, а также о деревянных изделиях, древесной коре и др.

Белый как картофель / картофельный – этот компаратив используется для описания различных предметов белого цвета: волос на голове человека, его лица, льняной одежды, полотенца, чистого пола и др.

В целом ряде сравнительных конструкций слово *картофель* заменяется его более употребительным разговорным вариантом *картошка*.

Большой, округлой формы курносый нос человека вызывает представление о клубне картофеля: *нос как картошка, нос картошкой, нос как картофелина*.

О ком-то или о чем-то грязном, испачкавшемся говорят: *грязный как картошка*.

Если глиняная посуда разбивалась на крупные части, то осколки ассоциировались с картофелинами: *осколки как картошки*.

Редкую, вкусную и дорогую пищу не *ели как картошку* (т. е. не поглощали быстро и в больших количествах), а вкушали медленно, бережливо, с достоинством.

Как подмечено в народных сравнениях, храп спящего человека может напоминать звук кипящей картошки: *храпит как картошка кипит*

Наблюдения показывают, что русские народные сравнения с ядерным компонентом *картофель / картошка* представляют собой конструкции, в которых в качестве сопроводительного слова выступают прилагательные, обозначающие базовый признак (*темный, белый*), а также фразеосочетания с переменными компонентами, в качестве которых выступают существительные (*нос, осколки*) и глаголы (*сыпаться, есть* (поглощать пищу), *хранить*). Встретилась бессоюзная двухэлементная струк-

тура, репрезентированная в виде словосочетания существительного в именительном падеже (объектный компарат) и существительного в творительном падеже (субъектный компарат): *нос картошкой*. Следует отметить и наличие факультативного компонента в одном из сравнений: *сыпаться как картофель из мешка*.

Думается, что проведенное исследование подтверждает мысль В. М. Мокиенко о том, что источником образов народных сравнений является повседневная жизнь человека, его занятия, культура, верования, поэтому «ядро многих сравнений составляют образы животного и растительного мира, традиционного крестьянского быта, производственной деятельности человека или духовной сферы жизни».²³

Через образы растительного мира в устойчивых сравнениях с ядерным тематическим компаратом **овощи** дается портретная характеристика человека, оцениваются его поступки, действия, особенности поведения, личностные качества, представлен мир, в котором жили люди разных эпох.

²³ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. – М.: ЗАО «ОЛМА МЕДИА Групп», 2008. – 800 с. – С. 4.

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы VIII научной конференции (13–14 февраля 2014 г.)

Составитель

*Н. П. Новикова, заведующая отделом краеведения
Национальной библиотеки Республики Карелия*

© Национальная библиотека
Республики Карелия, 2014